

**Л. М. Майданова
Э. В. Чепкина**

**Медиа́тeкст
в идеологическом контексте**

Монография

**Екатеринбург
2011**

УДК 070
ББК 76.01
М 14

Рецензент

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой
риторики и межкультурной коммуникации, проректор
по научной и инновационной деятельности УГПУ **А. П. Чудинов**

М 14 Майданова Л. М., Чепкина Э. В.

Медиатекст в идеологическом контексте : моно-
графия. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2011.
– 304 с.

ISBN 978-5-7741-0171-9

В монографии на материале советской и российской прессы нескольких последних десятилетий рассматриваются жанрово-стилистические изменения медиатекста, обусловленные сменой идеологического контекста. Авторы исследуют как соотношение советская/российская пресса, так и соотношение текстов разной идеологической направленности в российском медиадискурсе.

Книга рассчитана на читателей, интересующихся проблемами журналистики, и на студентов факультетов журналистики.

УДК 070
ББК 76.01

ISBN 978-5-7741-0171-9 © Майданова Л. М., Чепкина Э. В., 2011
© Оригинал-макет.
Гуманитарный ун-т, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

От авторов	5
Идеологический контекст	6
Дифференциация современной российской прессы	11
Судьбы журналистских жанров	26
Передовая статья	28
Очерк	37
Советская пресса	37
Пресса рубежа веков	47
Исторический портрет	51
Политический портрет	55
Портрет предпринимателя	60
Портрет «звезды»	64
Образ человека в церковной прессе	91
Пресса начала ХХI века	100
Поиски нового	119
Афоризм как самостоятельная «радиопередача»	119
Козьма Прутков на «Радио Россия».....	121
Полное собрание откровений «Радио Россия»	128
Диалог на радио и телевидении	144
Жанр «слово»	147
Средства массовой информации и аудитория	154
Встретимся в суде: новый тип чтения медиатекста	154
Метаморфозы аналитичности	168
Советская пресса	168
Российская журналистика	175
Разделение своего и чужого слова	175
Модальность неуверенности	
в журналистском тексте	178
«Точка» в аргументации	191
Надо ли думать?	194

Метаморфозы достоверности	197
Сфера политики	200
Корпоративная пресса	205
Местная пресса	211
Квалоиды и таблоиды	213
Недостоверная информация	222
Изображение общения	226
Реализация контактоустанавливающей функции	229
Реализация информативной функции	231
Реализация регулятивной функции	234
Заметки о ключевых концептах медиадискурса	241
Идеологическое поле текста	241
Фрагменты медийной картины мира	267
У образа долгая память	268
У образа неясное будущее	276
Литература	293

От авторов

Энтузиасты, подхватившие в свое время решительные строки «Интернационала» о разрушении старого мира и о том, что «кто был ничем, тот станет всем», вряд ли подозревали, что они воспевают «циклический тип социального времени» с его «перераспределительным принципом»: «этот принцип означает, что историческое время здесь представляет собой перетасовку карт из одной и той же колоды. Общественный процесс выступает как игра с нулевой суммой: изъятие у одних для возвышения других. И поскольку совокупный общественный потенциал в этой системе “стабильного способа производства” практически не растет или растет крайне медленно, то энергия социального возвышения (одних) примерно равна энергии социального падения (опустошения) в отношении других» (Панарин 1996: 75).

Сполна пережив это «перераспределение» в начале XX века, Россия не менее интенсивно осуществила его в конце того же столетия: снова все «разрыто до основания»; снова те, кто были всем (на сей раз это оказался пролетариат), стали ничем; снова мы строим неведомый «прекрасный новый мир».

Эти эпохи перемен каждая социальная сфера переживает по-своему. Особым образом видоизменилась на рубеже веков и отечественная журналистика. Второй раз за столетие мы пережили почти полную смену журналистского корпуса. Размышляя о постперестроечных временах, Б. Н. Лозовский отмечает: «Отработавшие на газетной полосе тридцать и более лет оказались мало кому нужны со своим пропагандистским опытом» (Лозовский 2001: 25).

Что же отвергнуто и что пришло на смену старому? Как видоизменилась наша журналистика? Ответить на эти вопросы попытаются авторы данной работы. Поскольку исследование ведется в рамках филологической науки, в центре внимания авторов находится медиатекст, в первую очередь текст журналистский, хотя используются и тексты специалистов разных отраслей знания, выполненные с учетом специфики общения в сфере массовых коммуникаций.

Во всех цитатах выделено только то, что подчеркнуто самим автором цитируемого произведения.

Мы признательны коллегам и студентам Уральского государственного университета и Гуманитарного университета за помощь в подборе и оформлении материала. За помощь в техническом оформлении книги благодарим Н. М. Майданову.

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Идеология в широком смысле определяется как «система взглядов и идей, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности и друг к другу, а также содержатся цели (программы) социальной деятельности» (Совр. филос. словарь 1998: 326). В эту совокупность входят идеи, относящиеся к политике, философии, этике, праву, религии, эстетике, поэтому легко понять, что идеология пронизывает всю социальную жизнь, является необходимым условием функционирования общества на любой ступени его развития.

В Советском Союзе на первом плане в этой совокупности была система политических идей. Государство всей мощью своего идеологического аппарата внедряло в сознание людей политические идеи, например, противостояния социализма и капитализма, классовой борьбы, необходимости построения коммунизма, руководящей роли коммунистической партии во всех этих процессах. Идеология СССР была до предела политизированной, любое понятие из области права, этики или эстетики было окрашено политическими смыслами и оценивалось положительно или отрицательно в зависимости от того, как можно было связать его с интересами власти и господствующего государственного строя. Так, в книге «Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции» Н. А. Купина показывает, что в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова отражаются регулярные отрицательные коннотации у ряда слов из сферы философского (**фрейдизм** – «идеалистическая буржуазная теория в психологии»; **психоанализ** – «метод исследования психики... неправильно используемый сторонниками идеалистической философии...»); сферы религиозного (о Боге, например, сообщается: «Идеей бога пользуются господствующие классы, как орудием угнетения трудящихся масс»); сферы этического (слово **благотворительность**, например, сопровождается пометой *устар.*) (Купина 1995: 25, 28, 31).

В наши дни Конституцией Российской Федерации декларируется, что идеология не может быть государственной, не может насаждаться как обязательная. Таким образом, возможно сосуществование разных идеологий, а также их активное взаимодействие и борьба. Теперь можно говорить об идеологии как об оформленной системе взглядов, которую пропагандируют профессиональные политики, что видоизменило и политическую жизнь общества. Политические столкновения превращаются в некую символичес-

кую игру, «профессионалы от политики стараются всеми имеющимися и принятыми в этом игровом пространстве средствами внушить как можно большему числу людей свою точку зрения или хотя бы стремятся присвоить себе такое видение социального мира, которое, как они считают, разделяет большинство граждан» (Шампань 1997: 23).

В общественном сознании понятие идеологии нередко связывается с чем-то ложным, иллюзорным. Различные словари отмечают это при описании семантики слов **идеологизировать**, **идеологизированный**, **идеологизация**, например: **идеологизировать** – «придать/придавать идеологический характер, идеологическую окраску; подчинить/подчинять влиянию какой-то идеологии» (Толк. словарь рус. яз. XXI в. 2006: 388); **идеологизация** – «подчинение политических и иных общественных институтов идеям и установкам той или иной *идеологии*; усиление влияния *идеологических* факторов на межгосударственные и внутрисоциальные отношения, внедрение идеологических начал в сферы культуры, науки и т. п.» (Бакерина, Шестакова 2002: 100). По этому поводу П. Серио отмечает: «В самом широком смысле “идеология” обозначает любой языковой и – еще шире – любой семиотический факт, который интерпретируется в свете социальных интересов и в котором узакониваются социальные значимости в их исторической обусловленности, – имеется в виду, таким образом, рассмотрение фактов, в которых наблюдается их *неадекватность* эмпирическому миру в силу их искажения или упущения, в которых усматривается ложный, необъективный и/или химерический характер и в которых устанавливается тем самым ложность» (Серио 1999: 20–21). Подобные суждения восходят к работе К. Маркса и Ф. Энгельса «Немецкая идеология», где идеология понимается как «воображаемое отношение людей к условиям их существования» (Маркс, Энгельс. Т. 3: 12). При таком подходе к идеологии на первый план выдвигается ее критика в качестве ложного осознания реальности, а также диктаторского утверждения такого осознания.

В стремлении привлечь к себе и удержать внимание общества идеология утверждает возможность социальной гармонии. У идеологии есть даже способ учесть невозможность реального достижения этой гармонии. Она вписывает эту невозможность в свою систему мировидения особым образом: постулирует существование врага, который мешает достижению декларируемых социальных целей. Именно на этого врага как на нечто чуждое целостному социальному организму возлагается ответственность за недости-

жимость обещанной гармонии. Так, антисемитизм является необходимой составной частью фашистской идеологии, потому что именно евреи объявляются виновниками всех бед. Следовательно, «опровержение антисемитизма не в том, что “евреи совсем не такие” ... антисемитский образ еврея не имеет никакого отношения к самим евреям; идеологическая фигура еврея необходима, чтобы придать видимость последовательности идеологии» (Жижек 1999: 55).

Как свидетельствует судьба коммунистической идеологии в СССР и судьба некоторых идеологических доктрин в современной России, идеологическая система может утратить эффективность, если внутренняя логика формирования ее обещаний, их иллюзорность становятся очевидными, если ее объяснение реальности перестает устраивать большинство (Жижек 1999: 28). Идеология жива, пока в нее верят, пока она воодушевляет, является достаточной мотивацией для деятельности. Так, идеология коммунизма, коллективизма утратила легитимность в России конца 80-х – начала 90-х гг. XX столетия, когда была утрачена вера в то, что марксистско-ленинская теория «работает». В результате политический строй сменился практически без сопротивления со стороны подавляющего большинства общества. Сегодня говорят о поражении «либерального проекта» по тем же причинам бесплодности обещаний и программ.

Но неправильно видеть в идеологии только ложное. Она является необходимой частью миропонимания, концептуального осмысления мира. Неизбежно упрощая, обедняя и деформируя действительность, идеология является обобщением представлений о социальной практике в области политики, религии, морали, права, искусства. Это значит, что «идеологии являются картами для реальности» (Землянова 1995: 226). Эти карты всегда неточны, но они необходимы. В том числе и потому, что признание неустранимости социальных антагонизмов травматично, а идеология всегда эту травму маскирует, утверждая возможность достижения социального мира и целостности тем или иным путем. Мы должны смириться с тем, что «доля иллюзорности является условием нашего исторического опыта... <...> ...она обладает полноправной ролью в историческом процессе» (Жижек 1999: 10).

Следовательно, мысль о возможности преодоления идеологии (провозглашенная в 90-х годах деидеологизация) является идеологической по определению. Идеологический цинизм, господство которого сегодня порождает разговоры о конце идеологии, не означает отсутствия идеологической позиции. К нашей действитель-

ности вполне приложима такая характеристика цинизма: «С самого низа, от деклассированной городской интеллигенции, и с самого верха, с вершины сознания государственных мужей, в серьезное мышление поступают сигналы, свидетельствующие о радикально-ироническом отношении к этике и об общественной конвенции, предполагающей, что общие законы до известной степени существуют только для глупцов, тогда как у человека знающего с губ не сходит усмешка рокового всеведения. Выразимся точнее: так усмеваются власть имущие, тогда как кинические плебеи раздражаются громким сатирическим смехом. На обширном поле цинического знания сходятся крайности... <...> ...беззастенчивые предприниматели – с лишенными всяческих иллюзий бедняками; твердокаменные стратеги – творцы систем – с лишенными всех и всяческих идеалов нигилистами» (Слотердайк 2001: 26).

Смена идеологий осуществилась стремительно и, по крайней мере на первый взгляд, легко. Вероятно, сказалось то обстоятельство, что советская идеология, несмотря на агрессивное внедрение ее в сознание, была мало укоренена во времени, почти не имела неких материальных «привязок». Не было усадеб, заводов, магазинов, юридических контор, не одно столетие передаваемых по наследству из одного поколения в другое вместе с семейными традициями. Не было церквей, которые, особенно в сельской местности, тоже могли похвастаться тем, что к их алтарям приходили члены семейств с вековой историей. Не было крестьян, по наследству владеющих землей. Да, были понятия «потомственный рабочий», «потомственный учитель», «потомственный актер», и эти «династии» становились хранителями традиций. Но все это было случайно и, скажем так, малорезонансно: ближайший круг знакомых, заметка в местной газете, интервью с актером на телевидении. Ничего более.

Вероятно, не случайно успешно развиваются страны, власть и народы которых не швырялись направо и налево духовными ценностями, накопленными предыдущими поколениями. До сих пор конфуцианство является «работающей» идеологией в Китае, а один из советов Конфуция (552–479 до н. э.) звучит так: «Тот, кто бережно относится к старому и узнает новое, может быть наставником [людей]» (Халипов 2005: 700). Точно так же обстоят дела с западной экономикой. М. Вебер в работе 1904–1905 гг. «Протестантская этика и дух капитализма» утверждает, что именно «Западу нового времени известен <...> нигде более не существовавший» тип капитализма – «рациональная капиталистическая организация сво-

бодного (формально) труда» (Вебер 2002: 11). А это обстоятельство он связывает с протестантской этикой. «Религиозная оценка неутомимого, постоянного, систематического мирского профессионального труда как наиболее эффективного аскетического средства и наиболее верного и очевидного способа утверждения возрожденного человека и истинности его веры неминуемо должна была служить могущественным фактором в распространении того мироощущения, которое мы здесь определили как “дух” капитализма, — пишет Вебер и отмечает далее: — Если же ограничение потребления соединяется с высвобождением стремления к наживе, то объективным результатом этого будет накопление капитала посредством принуждения к аскетической бережливости. Препятствия на пути к потреблению нажитого богатства неминуемо должны были служить его производительному использованию в качестве инвестируемого капитала» (Вебер 2002: 167–168).

Отметим, что особую роль западной церкви констатировал С. Н. Булгаков, который писал в 1902 г.: «Православие в настоящее время есть, во-первых, традиционный церковный ритуал, богослужение (впрочем, тоже испорченное раболепством пред самодержавием), во-вторых, религиозное учение, сформулированное XVII–XVIII веков тому назад и совершенно не приспособленное к потребностям теперешнего человечества, но его нет в смысле живой, свободной и современной, или, по крайней мере, желающей быть современной церкви, какою является до известной степени протестантизм и даже католицизм» (Булгаков 2006: 357).

Поэтому по меньшей мере странно выглядела так называемая деидеологизация, демонстративный отказ не только государства, но и общества вмешиваться в проблемы воспитания людей. Государству и обществу дорого обошлась (и еще долго будет дорого обходиться) эта идея (вот и снова идеология!) всё возложить на волю рынка, который, мнилось, должен принести на нашу землю капиталистическое благочестие. Но капитализм, как отмечает М. Вебер, «по своему типу может выступать как авантюристический, торговый, ориентированный на войну, политику, управление и связанные с ними возможности наживы». Почему мы возомнили, что у нас непременно возникнет «буржуазный промышленный капитализм с его рациональной организацией свободного труда» (Вебер 2002: 13)?

Но так или иначе переход от социализма к какому-то (наверное, ориентированному на наживу от управления) капитализму произошел, а вместе с тем произошел и происходит сейчас переход от

советской идеологии к какой-то новой идеологии, для чего обществом должны быть выработаны более или менее сочетающиеся друг с другом политические, правовые, этические, эстетические идеи в соединении с религиозными идеями разных конфессий. Пока наше общество научилось только тому, чтобы не шарахаться от самого слова **идеология**. Без смущения мы уже начали выговаривать слова **патриотизм** и **справедливость**. Но это, наверное, еще даже не начало, а лишь намек на возможное начало того, что будет складываться уважение к родной стране и ее истории, уважение к законам этой страны, уважение к труду, ответственность за воспитание в семье, школе, в сферах массового общения.

Пресса, радио и телевидение были в самой гуще этих идеологических перемен, они были арендой, на которой разыгрывалась борьба идеологий. Журналисты, что бы они ни говорили о своей объективности, о своей миссии информировать общество, оставаясь «над схваткой», являются непосредственными участниками борьбы идей, процессов их формирования, становления, забвения или утверждения.

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ

Прежде всего обратимся к изменениям в наборе изданий, с которыми встречается адресат современных СМИ.

В СССР, разумеется, существовали газеты и журналы разного назначения – от общеполитических и профессиональных до развлекательных. Например, если журнал «Театр» представлял собой специализированное издание с обстоятельными критическими разборами новых постановок, со статьями, затрагивающими серьезные проблемы текущей жизни советской сцены, то журнал «Советский экран» или газета «Советское кино» адресовали свои публикации массовому читателю. Это были информационные заметки о новых фильмах, эмоционально насыщенные рецензии, портретные зарисовки популярных актеров. Однако, несмотря на все эти различия, издания объединяло жесткое подчинение господствующей идеологии: спектакли, фильмы и сама жизнь актеров выступали в свете служения партии, народу, интересам социалистической родины.

Только один пример. Виктор Шкловский публикует в журнале «Советский экран» (1974. № 3) статью «Крылья», посвященную

«Мосфильму», которому в 1974 году исполнилось полвека. Писатель рассказывает о своей встрече с тогда еще кинофабрикой, о том, как он осваивал здесь разные профессии, о том, как начинали работать на «Мосфильме» разные режиссеры: «Абрам Роом – врач. Лев Кулешов – художник. Сергей Юткевич – художник. Позже пришел Михаил Ромм – скульптор. Это были люди из разных отделов искусства. Они пришли к огню нового искусства и начали снимать и клеить, создавать искусство». Заканчивается статья так:

«Помните костры, у которых грелись в старом Петербурге в суровые зимы, на перекрестках? Эти костры горели и во время революции. У этих костров грелась молодежь, которая стояла в очереди на спектакли в театры.

Люди ждали встречи с искусством долгие ночи.

Видел ли это я или привиделось, но в Крымском заповеднике или у Байдарских ворот, где-то у горного обрыва, с которого видно море, у самого края сидели робкие, как студенты перед экзаменом, орлы и орлята. Сидели, подобравши крылья, сидели, как будто их не пригласили к столу. Не знаю, отец-орел или мать-орлица, но помню, что большая птица подходила сзади и сталкивала “абитуриента” с обрыва; “абитуриент” начинал падать, потом испуганно открывал крылья, делал большой круг и возвращался на родную скалу. Родители опять сбрасывали его вниз. Это было, вероятно, похоже на отправление Тарасом Бульбой сыновей на войну.

“Мосфильм” был и должен быть взлетной площадкой с обрывом, по возможности без срывов. Но у нас же есть крылья!» (Цит. по кн.: Шкловский В. Б. За 60 лет: Работы о кино. М.: Искусство, 1985. С. 328, 329).

Публикация полностью отвечает требованиям издания: в ней много интересных фактов, она эмоциональна, в ней есть и прелесть воспоминаний, и яркое сравнение, и шутка. Вместе с тем в статье тонко проводятся идеологические смыслы: связь советского киноискусства с революцией, близость этого искусства народу, его творческая мощь, его «окрыляющее» воздействие на молодежь.

Однако зажатая в тиски идеологии, которая сама становилась все более окостенелой и догматичной, информационная среда того времени создавала феномен, названный в науке «голодом на образы». «Кроме природных, биологических потребностей, для удовлетворения которых существуют вещи, человек нуждается в потреблении образов. Эти потребности не менее фундаментальны. <...> Как же ответил на потребности нового, городского общества

советский проект? Большая часть потребности в образах была объявлена ненужной, а то и порочной. Это четко проявилось уже в 50-е годы, в кампании борьбы со “стилягами”. Они возникли в самом зажиточном слое, что позволило объявить их просто исчадием номенклатурной касты. А речь шла о симптоме грядущего массового социального явления. Никак не ответив на жизненные, хотя и неосознанные, потребности целых поколений молодежи, родившейся и воспитанной в условиях крупного города, советский строй буквально создал своего могильщика – массы *обездоленных*» (Кара-Мурза 2002: 356). Как отмечает автор далее, сыграла роль даже «избыточная надежность социального уклада, его детерминированность. Порождаемая этим скука значительной части населения, особенно молодежи, – оборотная сторона высокой социальной защищенности, важнейшего достижения советского строя. В СССР все хуже удовлетворялась одна из основных потребностей не только человека, но и животных – потребность в неопределенности, в приключении» (Там же: 357).

Вряд ли можно всерьез полагать, что власть так-таки и не подозревала о существовании данных потребностей. Эксплуатировала она их во всяком случае весьма успешно. Романтика великих строек, стройотряды – это ли не приключения. Но, видимо, все хорошо в меру, а бензопила и мастерок в условиях самой потрясающей по красоте сибирской зимы не замена того многообразия информации, которое создается полнокровной городской культурой.

Вероятно, СМИ вольно или невольно участвовали в создании этой атмосферы скуки и предсказуемости. Поэтому на первые же признаки ослабления идеологического давления средства массовой информации ответили вспышкообразным рождением самых разнообразных изданий: дайджестов, самодетельной детской прессы, частных городских газет и газеток, двухполосных листов религиозного содержания и т. д. и т. п. В результате этих бурных проб и ошибок сложился современный набор печатных изданий, к характеристике которых мы и обратимся.

В современной российской прессе активно идет процесс дифференциации. Мы рассмотрим некоторые тенденции этого процесса.

В данной работе предложен вариант описания тенденций дифференциации прессы в русле дискурсивно-стилистического подхода, когда в качестве основания различения взяты дискурсивные практики создания текстов СМИ, связанные с ориентацией на определенные типы аудитории и ее потребности в информации и развлечениях, что сказывается на тематических предпочтениях изданий,

способах рассмотрения социальных проблем, языковом оформлении текстов и отборе выразительных средств. О важности последнего параметра высказано даже такое, несколько прямолинейное, мнение: «Поскольку вся система массовой информации сообщает одни и те же содержания, хотя и в различных комбинациях и модальностях, массовая аудитория дифференцируется по стилистическим предпочтениям» (Волков 2008: 130).

Под дискурсом – в русле теории Мишеля Фуко – понимается совокупность социально-упорядоченных механизмов продуцирования знаков и смыслов. Эта социально заданная система порождения смыслов реализуется через надындивидуальные практики (вос)производства знания, которые субъект не изобретает (Фуко 1996 а; Чепкина 2000). Дискурсивные практики обнаруживаются эмпирически и остаются стабильными, опредмечиваясь в текстах. Этот подход к исследованию СМИ явно отличается от традиционного исследования языковой деятельности (речи) индивидуально рассматриваемого, «автономного» говорящего. При этом в целом дискурсивная парадигма находится в русле функционального подхода к языку и сосредоточивается на тех «белых пятнах» в теории коммуникации и смыслопорождения, которые не поддаются описанию в рамках других методологических подходов.

Центральным понятием в разработке методик исследования дискурса СМИ является дискурсивная практика – набор правил конструирования смыслов, актуальных для массмедиа. Выявление дискурсивных практик, опредмеченных в текстах, требует в основном качественных, а не количественно-формальных методик анализа. Таким образом, определяющими становятся аспекты анализа содержания, хотя содержательные и формальные характеристики текстов СМИ тесно взаимосвязаны.

В рамках дискурсивного подхода основным критерием выделения тех разновидностей журналистского дискурса, которые реализуются в печатных СМИ, является функционально-прагматическая обусловленность, в первую очередь направленность на ту или иную аудиторию. В этом смысле сохраняет актуальность различение качественной и массовой прессы. Е. А. Корнилов объясняет это разделение так: «Журналистика, получившая определение “качественной”, рассчитана на общественную элиту, освещает проблемы политики, экономики, социальной и культурной жизни. Это обуславливает серьезность и глубину анализа, строгое оформление. Основой содержания массовой прессы, адресованной самой широкой аудитории, является весь калейдоскоп массовой культуры:

жизнь “звезд”, аномальные явления, путешествия, поп-музыка, эротика, спорт и др. Сенсационность, большое количество иллюстраций – наиболее типичные черты журналистских технологий массовой прессы. Наблюдается усреднение и девальвация читательских запросов» (Корнилов 1999: 201).

Но это различие качественной и массовой прессы лишь кладет начало дальнейшей дифференциации. Более того, сегодня мы можем говорить о том, что граница между качественным и массовым медиапродуктом очевидным образом размывается, картина становится более сложной, что мы обсудим ниже в связи с появлением так называемых изданий-квалоидов и мягких таблоидов.

Второй важнейший фактор дифференциации – набор функций, которые стремится реализовать СМИ, и иерархические отношения между этими функциями, индивидуально складывающиеся в разных группах современных газет и журналов. Вопрос о функциях СМИ, их количестве и приоритетах в этой области относится к числу дискуссионных. Мы считаем значимым в контексте обсуждаемого вопроса рассматривать следующие три функции: информационную, ценностно-нормативную, развлекательную (рекреативную). Если относительно того, что журналистика призвана информировать аудиторию и ориентировать ее в отношении социокультурных норм и ценностей, среди теоретиков массмедиа наблюдается единство, то важность развлекательной функции СМИ очевидна не для всех исследователей журналистики, хотя и не игнорируется вовсе. В рамках дискурсивно-стилистического подхода степень ориентации изданий на развлечение своей аудитории относится к значимым факторам их дифференциации.

Надо сказать, что разделение названных функций СМИ в значительной мере условно. В конкретном издании все они в той или иной мере присутствуют, в том числе и развлекательность, коль скоро мы говорим о дискурсе СМИ, а не о деловой или, например, научной коммуникации.

Информационная функция конституирует дискурс журналистики как таковой и, соответственно, присутствует в любом медиаиздании. Уточним, что информация ожидается адекватной реальности, что фиксируется с помощью документальной основы журналистского текста. Дискурсивные практики реализации этой функции конкретизируются и варьируются через набор тематических предпочтений прессы, через критерии поиска той информации, которая достойна публикации в том или ином типе издания.

Ценностно-нормативная функция может проявляться как в открытом морализаторстве (публикация проповедей в церковной прессе или бесед с родителями о воспитании детей), так и на уровне имплицитных смыслов: самый далекий от нравоучений развлекательный таблоид все же отбирает информацию о трогательной любви знаменитостей к домашним животным, но не публикует призывов к жестокости и насилию, такой таблоид может быть мало сосредоточенным на пропаганде ценностей традиционной семьи, но никогда не будет одобрять неприкрытую женскую дискриминацию или жестокое отношение к животным.

Развлекательная функция сегодня присутствует в любом tiraжном издании, хотя бы на уровне привлекающих внимание заголовков и выразительных фотографий.

Преобладание серьезной информации или развлечений, вступая во взаимодействие с моделью адресата, дает дополнительные разновидности СМИ, ориентированные на одну и ту же аудиторию. Скажем, приоритет в одном случае информационно-аналитической функции, а в другом – развлекательной обуславливает разные практики построения текстов в деловых и корпоративных изданиях и в преимущественно развлекательных квалоидах (обычно в формате глянцевого журнала) – прессы, в общем адресованной одной и той же аудитории по уровню образования и доходов.

Третий существенный фактор дифференциации – дискурсивные практики отбора событий и персонажей, которым посвящаются публикации. Тематические предпочтения (типичная повестка дня) конкретного издания могут существенно различаться.

С одной стороны, по наследству от советской системы прессы мы имеем множество изданий, ориентированных на широкую общественно-политическую тематику, от серьезных «Известий» и еженедельника «Русский Newsweek» к мягким таблоидам вроде газет «Аргументы и факты», «Комсомольская правда».

С другой стороны, бурное развитие переживает пресса, отказавшаяся от освещения политики и экономики в масштабах государств или крупных социальных групп. Вместо этого она поставила в центр внимания проблемы частной, приватной жизни. Здесь свои экономика, социология, психология – они преломляются применительно к интересам отдельного индивида: вместо освещения проблем рынка труда в России предложат рассказ о том, как правильно вести себя при собеседовании с работодателем, вместо статистических сведений о демографической ситуации – историю одного конкретного развода. По этому признаку объединяются квалоиды

и таблоиды, существенно различаясь по стилистическому оформлению и глубине анализа описываемых ситуаций. Именно фактор аудитории дает нам здесь дополнительные различия между дискурсивными практиками построения текстов: квалоиды – качественные развлекательные издания для образованной и обеспеченной аудитории, таблоиды – яркие недорогие газеты, привлекательные, в том числе, для самых невзыскательных читателей.

Дискурсивные практики интерпретации эмпирического содержания также значительно варьируются по глубине разработки проблем и степени подробности и добросовестности аргументации. Одни и те же события в деловой прессе и в мягких таблоидах могут принципиально различаться по стилю подачи и перечню их причин и следствий.

К дополнительным факторам дифференциации мы относим дискурсивные практики, связанные не столько с содержанием, сколько со стилистическим оформлением текстов: жанровые предпочтения, тенденции отбора языковых средств и средств выразительности.

Перейдем к более подробной характеристике основных групп изданий: деловых и общественно-политических качественных изданий; мягких таблоидов; изданий-квалоидов; таблоидов. Безусловно, такое деление является упрощением реальной картины, однако оно представляется уместным при анализе именно тенденций развития медиакурса.

Качественная пресса – деловые и неспециализированные общественно-политические издания – соблюдает высокие требования к качеству информации: нейтральность, объективность, разделение факта и мнения, представление разных точек зрения, тщательная, добросовестная аргументация. Развлекательный блок заметно меньше, чем информационный. Хотя и здесь действует общая тенденция к интенсификации средств выразительности: броские заголовки с элементами языковой игры, экспрессивная тональность сообщения за счет иронии и других лексических выразительных средств.

Глянцевые издания-квалоиды разрушают границу между качественной и массовой прессой в области тематических предпочтений, отказываясь от рассмотрения проблем общенационального, общественного в широком смысле масштаба – в пользу житейских историй (life story). Этот тип журналистики справедливо относят к неполитическому, тут обычно отсутствует обсуждение интересов больших социальных групп. Размывание границы между

качественным и массовым медиапродуктом подчеркивает то, что эти по преимуществу развлекательные СМИ ориентированы на практики качественного подхода к информации. По определению Я. Засурского, «квалоидами называют издания, которые объединяют в себе... качественную информацию с развлекательными материалами» (Засурский Я.: инф. ресурс). При этом «они дополняют свои развлекательные тексты служением общественным интересам, используя серьезные материалы» (Козлова: инф. ресурс).

Востребованность такой прессы достаточно велика: «По принципу маятника после отмены тематических ограничений массовый читатель качнулся в сторону ранее “урезанной” тематики. Этому способствовала и тенденция к деполитизации, характерная для середины 90-х годов. Отсюда успех изданий о простом, повседневном, личном – в жизни как рядовых, так и известных людей» (Карамашева 2001: инф. ресурс). Количество квалоидов постоянно растет, причем росту сопутствует высокая степень дифференциации внутри этой группы изданий. Например, по гендерному признаку: множатся мужские и женские журналы, а женские, например, делятся в свою очередь по возрасту аудитории, по ориентации на традиционные ценности женщины как жены и матери или на ценности профессиональной карьеры, публичного успеха и т. д. Есть и более сложные конфигурации читательских характеристик: «Мадам Фигаро» – журнал для умных женщин, «Эсквайр» – мужской журнал для чтения.

Бурное развитие и рыночный успех квалоидов обусловлены тем, что «современные общества имеют скрытую эмоциональную историю, все еще не выявленную до конца» (Гидденс 2004: 31). Эта история нуждается в проговаривании и осмыслении, в том числе для индивидуальной самоидентификации: «сегодня для каждого самость – это рефлексивный проект <...> выполняемый среди изолированных рефлексивных ресурсов: терапия и разного рода самоучители, телевизионные программы и журнальные статьи» (Там же: 57).

С точки зрения реализации творческого потенциала журналистского дискурса квалоиды демонстрируют жанровое разнообразие, высокое качество стилистики текстов и иллюстративного оформления. Именно здесь сейчас живет жанр очерка, который практически исчез из остальной прессы.

Массовая пресса адресована самой широкой аудитории – независимо от уровня образования, социального статуса и других характеристик – любому, кому интересно. Здесь сохраняются все основные функции СМИ, однако реализуются они не так, как в

качественной прессе. Нейтральность и объективность как критерии качества информации уступают место изохронным методам пропагандистского воздействия. Специфика выражается также в снижении глубины анализа на уровне практик интерпретации социальной реальности, в упрощении, по сравнению с качественной прессой, языка и стиля материалов.

Дискурсивные практики поиска и отбора информационных поводов для публикаций в этой группе печатных изданий обогащаются, если можно так выразиться, сведениями об отступлениях от обыденного порядка вещей, которые не имеют очевидной социальной значимости: родились сиамские близнецы, разводится певица Жасмин, актриса Мэг Райан удочерила китайскую девочку. Использование скандальной информации в основном приветствуется, что рождает и проблему публикации слухов и недостоверной информации.

Следует отметить, что эта группа изданий также внутренне не однородна. На границе качественной и массовой медиапродукции расположены так называемые мягкие таблоиды, такие как «Комсомольская правда», «Аргументы и факты». Они ориентированы на широкие слои населения, в первую очередь со средним и низким доходом. Сохранение заметных тиражей, по сравнению с качественными изданиями, обеспечивается тем, что блок общественно-политической и экономической информации облегчен, сами проблемы и способы их решения трактуются упрощенно. По сравнению с качественной прессой усилен поворот к частной жизни, где сенсациями чаще всего служат скандалы.

Мягкие таблоиды предпочитают броские социальные обобщения, поддерживающие стереотипы массового сознания. «Эта незамысловатая и мало меняющаяся со временем диета базовых концептов, идей и мнений обеспечивает типичное для массовой прессы понижение читательского порога понимания» (Луман 2005: 130). Вместе с тем большинство таких изданий имеют за плечами историю авторитетных в советское время органов СМИ и сохраняют дискурсивные практики описания реальности с позиций социальных классов, обсуждают крупные общественные проблемы – международные, общенациональные, региональные. Именно в сторону стандартов этой прессы дрейфуют сегодня те региональные издания, которые заботятся о привлечении внимания аудитории и сохранении заметных тиражей неадминистративными средствами.

Таблоиды. В противоположность мягким таблоидам, где обозначение «мягкий» указывает на пограничность типа издания,

с таблоидами в России связываются гораздо более определенные ожидания. Термин «таблоид», встречающийся во всем мире, в России сегодня несет скорее отрицательный набор ассоциаций. В «Толковом словаре иноязычных слов» дается такое определение: «Бульварная газета (обычно сообщающая скандальные новости). | Первонач. т. – малоформатная газета со сжатым, концентрированным изложением информации» (Крысин 2006: 755). В самом определении «бульварная газета», согласно исторической традиции, заложена отрицательная оценка. С ним связывается представление о неразборчивости в отборе фактов, погоне за скандальными сенсациями, посягательстве на вкусы невзыскательной аудитории. Современная таблоидная пресса, конечно, разнообразнее, и ее содержание вышло за рамки этого стереотипного негативного образа.

Ведущие дискурсивные практики для группы таблоидов проявляются в отборе информации: характерно резкое сужение поля выбора, общественно-политическая тематика исключается или глубоко развлекательно интерпретируется. Даже о персонах, значимых в сфере политики и экономики, пишут в аспекте их частной жизни. При выборе информационного повода не учитывается политическая значимость и актуальность, зато ценится все необычайное, удивительное, экзотическое.

Эта особенность влияет и на специфику практик интерпретации социальной реальности: ценностно-ориентационная функция ограничена, прежде всего, сферой личных, семейных проблем: любовь, семья, иногда карьера. Популярны разного рода полезные советы: диета, кулинарные рецепты, советы, как избегать конфликтов, и т. д. Намеренное исключение тематики и подходов, типичных для серьезной прессы, призвано подчеркнуть, что главная функция таблоидов – развлекать свою аудиторию.

Специфика содержания подчеркивается и практиками оформления текстов: преобладают материалы небольшого объема, типичны кричащие заголовки и большое количество ярких иллюстраций. Н. Бондаренко подчеркивает, что таблоиды – это «печатные издания, которые в состоянии конкурировать с аудиовизуальными СМИ – радио и телевидением». (Бондаренко: инф. ресурс). В практиках привлечения и удержания внимания аудитории таблоиды достигли большой эффективности.

А. А. Монастырская отмечает, что таблоидная пресса «разъясняет, адаптирует к уровню восприятия аудитории огромный поток информации, разгружает психику и является в определенной степени отдыхом» (Монастырская 2003: 12).

Вместе с тем заслуженную критику вызывают такие практики журналистов таблоидной прессы, как публикация непроверенной, а то и ложной информации, вмешательство в частную жизнь граждан, неразборчивость в средствах привлечения внимания, в том числе явный подлог за счет эффекта обманутого ожидания, например, на уровне смысловых отношений заголовка и текста (под заголовком «Веру Глаголеву отравили» газета «Жизнь» сообщила, что журналисты «отравили ей жизнь» публикацией слухов об изменах ее мужа). Преимущественная ориентация на бытовую сторону жизни и одновременно поиск чего-то увлекательного приводят к тому, что почти любое событие имеет сексуальную подоплеку, нередко с оттенком скабрёзности, пошлости. Исследователь стилистики и картины мира в таблоидах Л. Рязанова-Кларк делает вывод, что «подобного рода газеты ориентированы на читателя с потребительским менталитетом и с невысоким уровнем образования и интеллектуальных потребностей» (Рязанова-Кларк 1998: 76).

На наш взгляд, важно различать оттенки внутри этой большой и внутренне неоднородной группы изданий. Лидерами здесь являются телегиды, как газеты, так и журналы. Будучи абсолютно развлекательными по назначению, они востребованы самой разнородной аудиторией. Качество материалов, сочетающих в себе информационную и рекреативную функции, зачастую достаточно высокое, несмотря на подчеркнутую броскость и даже некоторую фривольность оформления. Можно согласиться с мнением А. А. Монастырской в том, что «понятие “желтая” пресса имеет узкие рамки применения. Необходимо пересмотреть отношение к развлекательной прессе, выработать иные подходы к ее оценке. Это явление многоуровневое, сложное, достойное глубокого исследования» (Монастырская 2003: 5).

Коротко скажем о реализации двух смысловых потоков, несущих читателю сенсацию или, назовем так, пафос заботы о себе.

Подчеркивание сенсационности событий свойственно как публикациям о действительно неординарных явлениях, так и материалам на вполне банальные темы. Например, 7–9 июля 2010 года российские и международные ленты новостей сообщили читателям о том, что один из крупных аэропортов Китая остановил свою работу из-за появления НЛО. Сайт «Российской газеты» опубликовал информацию под заголовком «НЛО помешало работе китайского аэропорта» (<http://www.rg.ru/2010/07/08/nlo-site-anons.html>). О том же на сайте «Комсомольской правды»: «...в среду 7 июля, примерно в 9 часов вечера по местному времени над междуна-

родным аэропортом Сяошань в городе Ханчжоу (столица восточной провинции Чжэцзян) появился НЛО – фэйди, как здесь называют “летающие тарелки”» (www.kp.ru/daily/24520/4/668274/). Однако такие происшествия случаются относительно редко, и элемент сенсационности журналисты приносят за счет особой стилистической подачи информации о тривиальном.

В еженедельнике «Телесемь» (2007. № 19) был напечатан текст «Стыд и срам» о судебном иске к актеру Хью Гранту: ему предъявили иск за оскорбление снимавшего его фотографа. Описано, как актер повел себя по отношению к фотографу после того, как тот попросил Гранта улыбнуться в объектив фотокамеры. Такие проявления личности актера в данном тексте выступают для аудитории как своего рода сенсационная новость.

Журнал «Тайны звезд» (2010. № 42) рассказал под рубрикой «Скандал» о том, что начинающий певец Алексей Воробьев, будучи партнером звезды фигурного катания Татьяны Навки в телевизионном шоу «Лед и пламень», завязал с ней романтические отношения. «И невдомек обычным телезрителям, что все это... лишь пиар!» В то время как «на самом деле у Алексея есть богатая покровительница»; «Лешу Воробьева и его продюсера – Екатерину Гечмен-Вальдек за глаза все давно считают любовниками», несмотря на 24-летнюю разницу в возрасте.

Обращение к проблематике частной жизни – типичная черта кваллоидных изданий, рассчитанных на досуговое чтение, от так называемых матовых журналов для публики с высокими требованиями к содержанию и стилистике текстов, до ярких таблоидов, интересных в том числе и самой невзыскательной аудитории. Помимо удовлетворения интереса к жизни знаменитостей в прошлом и в настоящем, их содержание организовано в русле учета личных потребностей читателей – они могут почерпнуть в такой прессе как рекомендации относительно глобальных жизненных стратегий, так и вполне конкретные советы, чем, скажем, заняться в автомобильной пробке.

В первую очередь такие тексты обращаются к адресату как к потребителю, у которого есть личная ответственность за качество жизни и здоровье, есть возможность выбора, например, рационального режима питания. Читатель, принимающий на себя такую ответственность, тем самым признает, что некоторые проблемы являются личными, не требующими принятия коллективных решений, участия государства. Считается, что чаще о здоровье

заботятся женщины. Но вот мужской журнал «Men's Health» подробен в этой тематике вплоть до обсуждения конкретных заболеваний вроде ревматоидного артрита, а также категоричен в своих рекомендациях. Так, в тексте «Печень без тоски» утверждается, что «ты просто обязан знать, как поддерживать этот важнейший орган в рабочем состоянии» («Men's Health». 2010. № 8). А издание для мужчин «GQ» посреди разговоров о том, каким образом получать максимум удовольствия от жизни за хорошие деньги, не забывает уточнить, как должна выглядеть качественная говяжья вырезка для шашлыка и каковы «6 счастливых примет» хорошего вина (2006. № 9). В досуговых изданиях популярны и другие советы из круга повседневных забот: консультации по выбору квартиры или материалов для ремонта, кулинарные рецепты и перечень популярных мест отдыха.

Обращение к пафосу заботы о себе в менее явной форме, но зато в более широком смысле присутствует в публикациях о биографиях знаменитых людей – наших современников и известных писателей, ученых, актеров прошлого. Здесь актуализируется задача развлечь аудиторию. «Чтение на досуге приветствует не столько краткость и логическую прозрачность текста, сколько получение удовольствия от истории с интригой, тайнами, загадками. Занимательность журналистского текста, связанная со странностями и тайнами, приближает его построение и эмоциональное воздействие к воздействию произведений художественной литературы» (Краснова 2010: 181–182).

Корпоративная пресса образует особую группу в силу своей направленности на по-особому дифференцированную аудиторию. Корпоративная пресса – это издания, своим существованием обязанные той или иной корпорации, обслуживающие интересы данной корпорации, в том числе и в области отношений ее с собственными сотрудниками и с обществом (см.: Чемякин 2006: 5–6). Область отношений корпорации с сотрудниками и обществом – это область, в которой активно функционирует, как еще в 1940 г. обозначил это явление Т. Парсонс, «мотивация экономической деятельности» (Парсонс 2000: 329). Корпорация – это институциональная структура, которая вырабатывает нормы институционального поведения (в том числе экономического) как внутри института, так и вне его (корпорация – общество). Выработка таких норм имеет большое значение для жизни социума в целом. Как указывает Т. Парсонс, «эгоистический интерес типичного индивида в

целом обуздан необходимостью поддерживать институциональный кодекс, который господствует в его профессиональной среде» (Там же: 347). Таким образом корпорация формирует культуру в широком смысле экономических отношений, которые строятся не на стяжательстве, а на отношениях взаимного уважения и самоуважения ее членов, что возможно лишь тогда, когда все ведут себя «конформно по отношению к институциональной модели» с ее нормами (Там же: 344).

Таким образом, как подчеркивает Б. Н. Лозовский, «динамика общественного развития приводит к тому, что средства массовой информации стали использоваться в качестве инструмента приспособления среды к нуждам соответствующих субъектов, а отнюдь не только как способ интерпретации реальности» (2011: 21).

Церковная пресса также составляет особую группу по своим функциям и оформлению. Религиозно-просветительские публикации, своеобразные портретные зарисовки, житийные изложения – все это призвано продвигать в массы идеи церкви, привлекать к ней новых сторонников. «В российском обществе конца XX в., на наш взгляд, формируется особый, конфессиональный язык. Проповеди звучат не только в храме, но и в школах, в больницах, в армии, в местах заключения, по радио и телевидению. Это говорит о том, что *церковная* жизнь становится такой же частью жизни русских людей, как наука, политика, право» (Григорьева 2008: 356).

Религиозный дискурс и, соответственно, религиозный функциональный стиль в российских СМИ активно изучается в последние десятилетия, и тому можно видеть несколько причин. Во-первых, функциональная стилистика советского времени не вела соответствующих исследований вследствие сугубо идеологических ограничений, после исчезновения которых началось активное заполнение существовавшей лакуны. Во-вторых, сам публичный религиозный дискурс в России активно развивается с 90-х годов XX века. Мы видим, что сформулированные еще просветителями XVIII века прогнозы об отмирании религии оказались неточными и сегодня, наоборот, все чаще говорят о «религиозном возрождении» (Эгильский и др. 2011: 9). Однако активно развивавшийся в Новое время процесс разделения религиозной и светской власти, общей секуляризации общества превратил религию из универсальной мировоззренческой парадигмы всего лишь в один из возможных способов объяснения реальности. Этому способствует и многообразие самих религиозных взглядов, ставшее столь очевидным

в том числе благодаря как широким кросс-культурным исследованиям, направленным на изучение традиционных культур, так и феномену новых религиозных движений в Европе и США.

Современный итальянский философ Джанни Ваттимо пишет: «Наша эпоха, по праву называемая эпохой постмодерна, такова, что уже больше нельзя представлять себе реальность как некую структуру, незыблемо покоящуюся на едином основании, которое философии следует постичь, тогда как религии – боготворить. Наш современный, действительно плюралистический мир более не поддается интерпретации, стремящейся во что бы то ни стало свести его к единству во имя окончательной истины. Кроме того, подобное мышление противоречило бы любым демократическим идеалам» (Ваттимо 2007: 9).

Процесс изучения российских религиозных медиатекстов ведется в абсолютном большинстве случаев на примере православно ориентированного дискурса, тем более что он представлен в российских СМИ наиболее широко. Для такого приоритета исследователями могут выдвигаться и специфические обоснования. Так, существует точка зрения, что православные религиозные тексты в СМИ строятся с учетом специфики «сложившейся культурной общности русского народа», «русского менталитета» (Щукина 2010: 86). Мы, однако, обратимся к изданиям и иной конфессиональной направленности. В целом отмечается, что «анализ религиозных текстов различных жанров (в том числе различных конфессий христианства, мусульманских, буддийских, кришнаитских) приводит к выводу, что доминантной функцией означенных текстов является функция дидактическая» (Щукина 2010: 85). Поэтому в этой прессе популярны жанры, призванные толковать церковные тексты, разъяснять церковные догматы и высказывать нравоучения (Суслова 2005: 228).

При всех различиях между описанными выше группами печатных изданий, при анализе выявилось их единство в практиках реализации ценностно-нормативной функции. На уровне мейнстрима (подчеркнем, что мы не рассматривали маргинальные издания с узкой целевой аудиторией и нередко с радикальной общественной позицией) сохраняется ориентация на одни и те же социальные ценности, в первую очередь гуманизм и солидарность.

СУДЬБЫ ЖУРНАЛИСТСКИХ ЖАНРОВ

Изменение идеологического контекста и обогащение типов печатных изданий не могло не отразиться на судьбе жанров журналистики. Ленинская теория печати с ее триединой формулой «коллективного пропагандиста, агитатора и организатора» уступила место менее жестким трактовкам функций СМИ. Как уже говорилось, не только само собой разумеющееся информирование, но даже всячески ранее презиравшая развлекательность получила сейчас признание. Набор жанров отреагировал на эту смену концепций весьма оригинальным образом. Из жанрового спектра ушли (хотя и с разным результатом) те виды, которые были наиболее удалены друг от друга по разным параметрам: по фактографии, по языковому оформлению, по коммуникативной рамке. Это, с одной стороны, передовая и пропагандистская статьи, а с другой – очерк и фельетон. Такая общая судьба – почти мгновенный уход в небытие, пусть на разное время, во-первых, вскрывает нечто общее в самих жанрах, а во-вторых, приводит к важным дискурсивным последствиям.

Что же сближало эти жанры в советской журналистике? Вероятно, как это ни покажется странным на первый взгляд, заданность содержания и коммуникативной рамки.

Действительно, передовые и пропагандистские статьи правдинского типа освещали проблемы, санкционированные властями как актуальные на текущий период. Передовица при этом на первый план выдвигала директивность – руководящие указания по решению поднятой проблемы. Пропагандистская статья подводила под проблему теоретическое основание, т. е. подходящим способом интерпретированные положения господствующей теории.

Коммуникативная рамка того и другого жанров была тоже строго определенной. Передовая статья являлась обращением коллективного автора – выразителя воли властей предержащих – к подданным, обязанным эти указания выполнять. Пропагандистская статья, несмотря на индивидуальное авторство, все-таки выражала то же самое должностное авторство, но аргументированное (хотя бы с помощью обращений к авторитету), в отличие от передовой, где аргументация развернутого типа отсутствовала.

Сухой и клишированный стиль этих текстов, их казенно-книжная торжественность, казалось бы, абсолютно противопоставляли их очерку и фельетону, с их почти художественной яркостью и изо-

бразительностью письма. Однако, если вдуматься, суть содержания очерка и фельетона была столь же строго задана, как это было в первых двух жанрах. В жанровой табели о рангах эти художественно-публицистические тексты обязаны были демонстрировать образцы и антиобразцы поведения, т. е. добродетели и пороки, четко регламентированные все той же господствующей идеологией. В коммуникативной рамке, несмотря на многообразие конкретных воплощений, заданы были роли этих беседующих друзей, т. е. доброжелательного и проницательного журналиста и его друга-читателя.

И вот эти жанры в период перестройки ушли со сцены. А вместе с ними ушли, с одной стороны, наиболее прямолинейные и жесткие средства выражения директивности, книжные по окраске клише, обозначающие типовые социальные ситуации, обсуждаемые в передовых и пропагандистских статьях. С другой стороны, ушли и тщательно разработанные средства картинного письма, средства создания разных типов образа автора и масок фельетонного повествователя.

Что же осталось от доперестроечного стилистического багажа? В годы перестройки это в основном сдержанное по эмоциональной окраске рассуждение с достаточно разработанной аргументацией (проблемная статья, аналитическое интервью, беседа) и столь же скромные по стилистическому оформлению тексты типа информационного исторического портрета, почти без комментариев передающие фактический материал, касающийся неизвестных или малоизвестных читателю событий далекого и недалекого прошлого.

Но впереди было формирование новых типов изданий, и судьбы жанров, как оказалось, нельзя охарактеризовать словами «было — и не стало». Поэтому мы переходим к более полной истории двух жанров, на примере которых и можно увидеть сложность этих дискурсивных процессов.

ПЕРЕДОВАЯ СТАТЬЯ

Важное место в советской журналистике занимала передовая статья. Передовые статьи центральных газет, в первую очередь «Правды», воспринимались как некие руководящие документы, рекомендации которых обязательны для исполнения. Г. Я. Солганик характеризует передовую статью советского периода как текст, поднимающий актуальную общезначимую проблему и освещающий ее в плане того, как *должно* ее решать. При этом оценка фактов и директивы носят характер коллективного мнения, выраженного от имени редакции и организации, которой принадлежит газета (Солганик 1973). В работе 1986 г. мы отмечали также, что авторство передовой статьи является скрытым индивидуальным: структура текста подчинена одному замыслу, единой авторской воле, но сама эта воля воспринимается читателем как коллективная (Майданова 1986: 132). Поскольку передовая статья взывала обычно к общественному долгу, к необходимости защищать государственные интересы, к обязанностям коммуниста и, как это тогда называлось, беспартийного коммуниста, текст выдерживался в повышенной тональности.

Приведем отрывок из публикации «Первейшая забота коммунистов» (Правда. 1986. 7 янв.): «Многое значит личный пример коммуниста. От того, как он относится к своим обязанностям, проявляет инициативу в труде, бережет народное добро, зависит и настроение его товарищей. Парторганизации призваны постоянно заботиться об усилении активной позиции коммунистов. Действенным средством в этом зарекомендовали себя отчеты и сообщения членов партии о соблюдении уставных требований, выполнении поручений. Такую практику нужно совершенствовать и впредь. Деловитость, принципиальность, требовательность друг к другу, нацеленность на выявление новых резервов и возможностей – вот к чему призывает Центральный Комитет КПСС». Здесь каждое предложение по сути своей директива, императивное, безоговорочное требование определенного поведения, изложенное в форме третьего лица.

Но и первое лицо множественного числа степень директивности не снижает. Вот, например, несколько строк из передовой статьи первого номера «Комсомольской правды» (1925. 24 мая): «Мы не можем ни на одну минуту забывать о задаче приобщения к социализму всей массы крестьянства. В разрешении этой последней задачи крупнейшую роль будет играть кооперация».

Почти через шестьдесят лет «Комсомолка» в передовой статье по-прежнему стремится поучать и советовать, причем весьма настоятельно, хотя стилистически и в более мягкой форме: «Побывайте на месте будущей дислокации, познакомьтесь с местными комсомольцами, изучите специфику местных условий... Заранее нужно познакомиться с вашими будущими младшими товарищами – подростками, которых вы возьмете к себе в отряд. Это будут люди с судьбой не такой уж простой для их возраста. В ваших силах сделать их счастливее» (ССО: задание на лето // Комсомольская правда. 1984. 22 марта). Обратим внимание на безапелляционное «которых вы возьмете с собой в отряд» – газета не предполагает, не надеется, а утверждает ситуацию как нечто должное, обязательное.

Однако уже в 80-х годах XX в. жанровый стандарт начал понемногу разрушаться. В статье П. А. Коновалова «Композиционно-речевое взаимодействие газетных жанров (передовая статья и очерк)» показывается, как некоторые газеты стараются обновить жанр директивного выступления на злободневную тему. Призыв к необходимым действиям озвучивает сейчас не анонимный, а конкретный автор, обладающий индивидуальным стилем, лишенным казенной безапелляционности. П. А. Коновалов цитирует публикацию газеты «Советская Россия» «Энергией и сердцем каждого» (1985. 24 сент.). Она посвящена встрече Генсека ЦК КПСС М. С. Горбачева с ветеранами стахановского движения и написана шахтером Михаилом Чихом, участником этой встречи. Странно было бы видеть у такого автора тяжеловесную торжественность официальных директив. Он выражается по-иному: «Теперь, когда пьяниц поприжали, пора за лодырей браться»; «Дайте, металлурги, сегодня машиностроителям прочную сталь, чтобы техника для шахт стала надежной – завтра будет больше кокса для домен» (Коновалов 1987: 61).

Таким образом, первым исчезает анонимный «коллективный» автор, устами которого в форме жанра передовой статьи провозглашалась воля правящей силы – КПСС, причем, в сущности, независимо от типа издания. Появляется индивидуальное авторство, но выражается все-таки некое властное мнение, властная директива. Компартия еще действует, еще не утратила своей власти и еще ставит перед обществом определенные задачи.

Сказывается также влияние того факта, что перестраивается система жанров СМИ. Во второй половине 80-х гг. на первый план выходит интервью. И мы видим, что на месте передовой статьи

появляется **редакционное** интервью – анонимным оказывается интервьюер, а его реплики должны восприниматься как коллективный запрос информации со стороны редакции. Покажем публикацию «Новый облик дипломатии» (Аргументы и факты. 1989. 12 мая) с подзаголовком: «По многочисленным просьбам читателей член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР Э. Шеварднадзе отвечает на вопросы редакции “АиФ”». Далее текст членится на фрагменты с обозначениями: «Вопрос», «Ответ». Анализируя актуальные проблемы международной жизни, Э. Шеварднадзе отмечает и то, что необходимо делать правительству, например: «Экономическому оздоровлению страны призвана способствовать реализация одного из главных принципов политики нового мышления: интеграция советской экономики в мировую систему хозяйства». Жанр чутко откликается на специфику исторического момента: перестраивает модальную сторону в рамках основного стандарта, уступает место другим типам текстов, способных передать актуальность, директивность, а в ряде случаев и коллективный характер авторства.

В ноябре 1991 г. в Российской Федерации была запрещена деятельность КПСС, а 8 декабря 1991 г. было подписано Беловежское соглашение. В новом государстве не осталось силы, которая могла бы с властных высот спускать обществу некие обязательные для исполнения директивы не в форме законов, а в форме газетных публикаций. Поэтому исчезает главный содержательный признак передовой статьи – директивность.

Означает ли это, что жанр передовой статьи исчез бесследно? Представляется, что нет. Вряд ли можно говорить о генезисе, о наследовании признаков. Скорее, шел поиск текстовых форм, которые могли бы взять на себя исполнение тех задач, которые возлагались когда-то на передовую статью. Действительно, политическая сила, директивы которой излагались анонимным автором, исчезла. Но редакция издания, у которой есть своя позиция и свои задачи, осталась. И это содержание может подаваться читателю как коллективное мнение редакции. Издание имеет редактора, который в глазах адресата обладает особым статусом. Эта фигура воспринимается (даже если на самом деле это не так) как инстанция, определяющая лицо издания: концепцию, содержание, структуру, жанровую политику. Поэтому выступление редактора соотносится не с ним лично, а с деятельностью редакции. И здесь присутствует некий намек на коллективное мнение тех людей, силами которых осуществляется издание. Поэтому в редакционной

или редакторской статье можно увидеть определенные параллели с передовой статьей советских газет. Впрочем, эти жанры, конечно, старше советской передовицы, ведь с обращением к читателю выступали редакции и редакторы задолго до появления советской прессы.

Далее. Передовая статья имела свое постоянное место на первой полосе. Вопрос, который обсуждался в этой публикации, воспринимался как актуальный и общественно значимый. Создание определенной рубрики на одной из первых полос и размещение здесь аналитического текста передает смысл актуальности и большой значимости проблемы, которой посвящена публикация. Таким образом, газеты и журналы могли идти разными путями, реализуя смыслы, ранее комплексно выражаемые передовой статьей. Эти пути мы несколько подробнее и рассмотрим.

Редакционная статья, казалось бы, способная унаследовать многие черты передовой статьи, сегодня выглядит очень далекой от нее. Она словно восстанавливает себя в правах далекого прошлого. Редакционные выступления не обладают периодичностью и свойственным передовой статье постоянством формы, что можно видеть в прошлом хотя бы по публикации «От редакции» в пушкинском «Современнике». Подобно тому как в «Евгении Онегине» Пушкин приводит вступление в конце седьмой главы, так и редакционное выступление он дает в третьем томе и поясняет: «Издатель “Современника” не печатал никакой программы своего журнала, полагая, что слова: **литературный журнал** – уже заключают в себе достаточное объяснение» (Современник 1988: 246).

Редакционные выступления нашего времени разнообразны по содержанию и форме, их объединяет только характер авторства (анонимное коллективное) и актуальность поднятого вопроса. Публикация может касаться либо проблем издания (как у Пушкина), либо того или иного события общественной жизни.

В первой группе – это выступления редакции по поводу юбилея издания, его планов, акций, иногда редакция высказывается даже по поводу одного номера. Так, газета «Водоканал Новости» (Санкт-Петербург) вдруг объявляет читателю, что у предприятия «Водоканал Санкт-Петербурга» дела идут прекрасно, поэтому «номер этот вполне можно было бы озаглавить “Водоканал – Хорошие новости” (2004. № 11). Обычно в этих текстах нет никакой директивности, идет вполне дружеское общение с читателем в форме «мы – вы»: «А в марте этого года “Известиям” исполняется 80 лет.

Во-первых, это немного. Во-вторых, у нас будет повод повстречаться с нашими читателями и лично, а не через газету сказать им какие-нибудь хорошие слова... Следите за нашими публикациями» (1997. 4 янв.).

Редакционные выступления, освещающие актуальные события и проблемы, столь же разнообразны. Это могут быть заметки, зарисовки и корреспонденции к «датам». Редакция омской газеты «Вести. Центральный округ» рассказывает читателям о выборах: «11 марта – единый день голосования». Директивность проявляется только в рубрике «Все на выборы!» (2007. № 3–4). «Омский Водоканал» знакомит с особенностями грядущего паводка (Паводок: вчера, сегодня, завтра // Омский Водоканал. 2007. № 4). Информационная корреспонденция написана сухо, отдельные директивные нотки звучат в конце: «А там, где ответственность за состояние дворовой территории несут жилищные организации и управляющие компании, претензии будут предъявляться им. И такие работы будут вестись специалистами предприятия в течение всего паводкового периода».

Но такая связь с датой вовсе не обязательна. «Литературная газета» часто помещает на первой полосе крупный снимок и в редакционной подписи формулирует актуальную проблему, вставшую перед страной. Например, публикация «Время ЧС» состоит из крупного снимка, изображающего спасателей на развалинах здания, и большого текста, который вполне можно счесть за прямого родственника передовой статьи. Есть даже директивный вывод: «И еще необходимо сказать, что спасение должно начинаться не после взрыва или крушения, а задолго до них – забытыми ныне в России многими стандартами и нормами профессиональной и технической безопасности» (1998. 21 сент.).

Могут подаваться как анонимные (и, следовательно, воспринимаемые как редакционные) обычные аналитические материалы первой полосы, как, например, публикация «Догоним Америку к 2050 году» (Магнитогорский металл. 2006. 16 марта). Здесь анализируются перспективы экономического развития России, положительные и отрицательные факторы, определяющие экономический рост. Директив нет, зато есть элемент, превращающий публикацию в креолизированный текст. Это таблица «Прогноз роста доходов на душу населения с 2005 по 2050 год». Из таблицы видно, что в 2050 году мы действительно догоним... Америку 2005 года. Так что табличка эта выполняет роль «шпильки» в художественном тексте и заставляет переосмыслить заголовок, прочитать его в ироническом ключе.

Редакторское выступление, как и выступление редакции, также имеет давнюю традицию. Рассказать о задачах издания, об очередном номере, выделить актуальную тему издавна привычно для редакторов газет и журналов. Например, Н. А. Добролюбов в первом номере «Свистка» (1859) так излагает читателю задачи издания: «Итак — наша задача состоит в том, чтобы отвечать коротким и умилительным свистом на все прекрасное, являющееся в жизни и в литературе. Преимущественно литература занимает и будет занимать нас, так как ее современные деятели представляют в своих произведениях неисчерпаемое море прекрасного и благородного. Они водворяют, так сказать, вечную весну в нашей читающей публике, и мы можем безопасно, сидя на ветке общественных вопросов, наслаждаться красотою их творений...» (Свисток 1981: 6). Редакторское выступление пронизано иронией и насмешкой, обыгрывает название этой сатирической газеты (сатирического листка, как тогда называли «Свисток»). «Голос» газеты характеризуется как «свист соловья», «соловьиная трель радости, любви и тихого восторга» (Там же: 5, 6), отсюда, как развитие образа, «мы, сидящие на ветке». Тональность редакторского выступления вполне точно предсказывает тональность всего издания. Современная пресса отвечает этой традиции.

Редакторские выступления, подобно передовой статье, часто бывают периодически повторяющимися и занимают в издании определенное место. Они, как и редакционные статьи, делятся на две группы в зависимости от предмета речи. Редактор может представлять читателю свое издание или очередной его номер, но может откликаться на события общественной жизни, самым фактом своего выступления подчеркивая их актуальность.

Выделяются колонки редактора, специальные рубрики. Например, в рубрике «От редактора» главный редактор журнала «Директор» Михаил Бакин сообщает и чуть-чуть раскрывает темы, не приводя названия публикаций: «А руководителям, желающим добра на будущее своим сотрудникам, — есть над чем подумать. Несмотря на нужды более насущные. Например, о том, как выстроить холдинг. Даже без приличной нормативно-правовой базы процесс холдингостроения идет на вполне законных основаниях. И в мотивах уже не чья-то злая воля и алчность. Здесь мотив — не разбойничий захват, а экономическая эффективность». Далее в номере публикация «Форварды интеграции. Процесс формирования холдинговых компаний перешагнул рамки крупного бизнеса» (Директор. 2004. № 5).

Леонид Парфенов в рубрике «Дорогой читатель!», также давая представление о содержании, называет основные публикации. Его редакторское выступление делает акцент на главной теме номера. Так, «Русский Newsweek» (2006. № 4) в качестве центральной темы выдвигает шпионский скандал с «камнем-шпионом», главный редактор подчеркивает это, в частности, и за счет стиля: «Контр-разведывательно-информационная спецоперация “Пресечь в камне” в огород английских шпионов кинула только мелкую щебенку. Настоящий булыжник был явно предназначен их наймитам – неправительственным организациям, и от этого брошенного камня круги разойдутся широко».

Нередко тема не просто акцентируется, но и анализируется. Например, Виталий Лейбин, главный редактор «Русского репортера» в редакторской статье «Что в голове у министров» пусть и несколько неожиданным образом, но объясняет причины неудач с реформой школьного образования в России. («Они не владеют научным или инженерным подходом с его логикой и системностью, а просто хватают где-то идею или новое словцо – и давай с ним играть»; «В результате бюрократической торговли и ведомственных согласований редко побеждает что-то здоровое, а реализуется то, что лучше всего совпадает с интересами отдельных участников этого процесса».) Устанавливается связь с публикацией на ведущую тему «Школа в истерике», причем не только указывается страница («см. стр. 56»), но и выстраивается смысловое дублирование. Редактор пишет: «Народ в духе “теории заговора” решил, что реформы выстраиваются в единую линию: им (кому-то) нужно послушное необразованное население». А в сопровождающей статью «Школа в истерике» подборке «Главные школьные страхи» первый «страх» формулируется так: «Власть хочет разрушить систему образования, вырастить безграмотное поколение, которым легче будет управлять».

Редакторское выступление может быть совсем коротким и вводит тему, на которой делается, таким образом, акцент. В рубрике «От редактора» на полосах «Город возможностей» в «Нашей газете» (Екатеринбург) главный редактор помещает краткое обращение к читателям, например: «Что полезней аспирин». Так вводится тема моржевания, а на Урале в это время стояли жестокие морозы (2005. 28 янв.). Читателю, посчитавшему, что такое обращение сулит ему беседу на медицинские темы, что-то вроде «как уберечься от простуды», предлагается разговор об экстремальных увлечениях.

Редактор общается с читателем чаще всего в форме «я – вы» или «мы (редакция) – вы»: «В номере мы постарались отразить самые разные точки зрения – выбирайте, какая ближе именно вам» (Даешь рекламу. 2003. № 3); «Что всегда объединяло нас, таких разных, с вами, дорогие читатели, еще более разными? Конечно, всех пунктов не перечислишь – их очень много, но есть один – юмор, добрый смех. Над собой в первую очередь. Поэтому я и решил составить юбилейный номер только из того, что выходило все эти годы под рубрикой “Творчество наших читателей”. Итак, начали...» (Я – молодой. 2002. № 18–20). По модальной семантике это тексты – приглашения к чтению, что может специально формулироваться, как в последней иллюстрации, но может и просто подразумеваться в силу однозначности ситуации.

Обращение редактора к читателям может сообщать об изменениях в политике редакции, разъяснять некоторые решения, принятые редакционным коллективом. Так, редактор газеты «Новый выпел» (Колосовский район Омской области) М. Литвинова пишет: «Здравствуйте, друзья районки! В конце 2007 года читатели довольно активно удивлялись. Вместо привычной серенькой газетной бумаги “Новый выпел” был отпечатан на плотной белой бумаге. Да еще и полноцвет на первом развороте! Что это? И почему? Отвечаем всем сразу. Это был наш новогодний подарок колосовцам, наряду с возможностью дать бесплатное объявление... В нынешнем году у районки юбилей, и к разным призам и подаркам стоит отнестись серьезнее – их будет много» (Новый выпел. 2008. 11 янв.).

Редакторская проблемная статья – это аналитический материал, актуальность которого подчеркнута статусом автора. При этом редактор может иметь свою колонку, занимающую в газете постоянное место, необязательно на первой полосе. По ходу анализа ситуации могут появляться высказывания со значением необходимости, но это далеко не та директивность, которая была свойственна советской передовой статье. В газете «Megapolis-Continent» (1993. 20 янв.) главный редактор Юлиан Лукасик выступает со статьей «Праздник бесчестья». Резко критикуется засилье бюрократии и коррупция. Но в 1993 г. какие тут могли быть директивы? И лишь в конце появляется нечто похожее на робкий призыв к оптимизму: «Когда-нибудь да будет престижно жить честно. Мы будем не просто жить. Мы будем делать все, чтобы это время наступило возможно скорее».

В своей колонке главный редактор «Версии» Рустам Арифджанов в статье «Хмурое шоу» (2001. 14 марта) говорит о необходимости сообщать читателю правду о самых тяжких событиях наших дней: «Мы не можем допустить, чтобы, спекулируя памятью погибших, нам запрещали писать о том, в каком состоянии сегодня флот, армия, страна. Кто бы это ни был – шоумен Гордон или адмирал Куроедов».

А вот главный редактор газеты «Завтра» Александр Проханов активно вводит в свой текст некий «модальный коктейль» – «необходимость + возможность + уверенность»: «России предстоит задействовать весь находящийся в ее распоряжении ресурс населения и пространства. Контролируя седьмую часть суши, Россия в состоянии установить быстродействующие коммуникации между Америкой, Европой и Азией. Способна “торговать” пространствами. Создать “экономику пространства”... так называемые “струнные дороги” повлекут за собой грандиозное строительство. Будут способствовать дешевому и скоростному транспорту международных грузов, а также перевозке самого дорогого ресурса XXI века – пресной, пригодной для питья воды. Этот ресурс уже сегодня дороже нефти» (Завтра. 2006. № 7).

Может главный редактор выступать и интервьюером, текст интервью помещается при этом на первой полосе, собеседником выступает лицо высокого ранга, как в «беседе главного редактора “Советской России” Валентина Чикина с митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским Иоанном» «Остановим смуту» (1994. 26 марта). Интервью связано с тем, что незадолго до этой встречи митрополит благословил создание общественного движения «Согласие во имя России», журналист и иерарх церкви обсуждают проблему раскола в обществе. Степень директивности текста весьма высока. Митрополит Иоанн говорит: «Страшной ценой амбициозных устремлений кучки властолюбцев не должна стать гибель страны»; «Основой такого объединения должна стать всесторонняя и целостная патриотическая идеология, призванная возродить в обществе поправное чувство национального достоинства».

Авторские аналитические статьи с акцентированной актуальностью – это как бы уже самый отдаленный отзвук передовой статьи. Мы отмечали, что в практике еще советских газет появились такие первополосные публикации, подчеркнутые рубрикой, местом на странице. Сохранились они и в дальнейшем. Например, «Литературная газета» в разное время выделяла рубрики «В начале номера», «Первая колонка»; «Уральский рабочий»

использует рубрику «Горячая тема». «Версия», сняв колонку главного редактора на второй полосе, ввела параллельную колонку на третьей, где размещает статьи известных журналистов и специалистов, в которых высказывания с модальностью необходимости появляются по мере развертывания рассуждения.

Таким образом, передовая статья, как наиболее идеологизированный жанр советской журналистики, постепенно ушла из практики СМИ. Однако содержательные особенности, свойственные этим текстам, – актуальность темы, аналитичность, директивность, характер авторства – так или иначе воспроизводятся новыми типами публикаций, в первую очередь редакционными и редакторскими выступлениями.

ОЧЕРК

Очерк – это основной журналистский жанр, который способен преподнести читателю целую галерею портретов его современников. Поэтому обратимся к портретному очерку, который покажем на фоне портретных публикаций в советской прессе. Затем обратимся к периоду, когда очерк почти исчез со страниц газет и журналов. И наконец, опишем судьбу этого жанра в наши дни.

Советская пресса

Портретный очерк в советской журналистике обязан был воспроизводить представление о личности, которое было выработано идеологией того времени.

В тоталитарном государстве безусловный приоритет отдавался оценке человека с точки зрения его социального статуса и социальной роли, от него требовалось полное подчинение единой моральной норме общественного служения в ущерб всем другим интересам. Узко понимаемая социальная природа индивида предполагала игнорирование, а то и осуждение таких сторон личности, как биологическое или духовное «Я». В человеке упрощенно противопоставляли социальное индивидуальному.

Безусловно, сейчас эти суждения – общее место, и может возникнуть искушение сказать, что в текстах СМИ, подвергавшихся чудовищной цензуре, тотальному партийному контролю, платные пропагандисты и агитаторы просто воспроизводили освященный правящей верхушкой канон. В результате на читающую публику обрушивались схематичные поделки, отупляющие массовое сознание.

Был ли канон? Был. Еще в середине 80-х годов мнение, что самое главное в человеке – коммунистическая убежденность, ответственность, преданность общественному делу, идейная стойкость, коллективистское сознание, провозглашали сами журналисты, это входило в научные обобщения теории журналистики, об этом говорили герои многочисленных публикаций. Например, в книге «Портрет современника. Очерк в газете» Т. А. Беневоленская пишет: «Анализ творческого характера труда, отображение его как процесса непрерывного поиска и дерзания – актуальная задача газетного очерка. Особенно отчетливо звучит эта тема в многочисленных портретах передовиков – людей, опережающих свое время. У истоков их трудового героизма наряду с долгом, сознательностью и патриотизмом обязательны такие качества, как новаторство, инициатива, творческая энергия, способность к риску в смелом поиске новых решений – словом, то, что определяет творчество. Именно эти качества штрих за штрихом исследуют и отображают очеркисты, создавая яркие образы мастеров, творцов» (Беневоленская 1983: 48).

Сборник «Всего одна жизнь: Журналисты “Комсомольской правды” о молодом современнике, а также о ценностях истинных и мнимых» (М., 1984) включает произведения, опубликованные в газете за период с середины 70-х по начало 80-х годов. Это типичные газетные публикации тех лет, причем такие, которые не прошли незамеченными читателем. Отбор материалов позволяет сказать, что книга реализует ту концепцию личности, которой придерживалось общество того периода.

Сборник открывается очерком К. Симонова «Верен Родине и себе». Он посвящен рязанскому комсомольцу Анатолию Мерзлову, который во время жатвы пытался спасти от огня трактор и погиб. Не делается никакой попытки разобраться в причинах трагедии, просто сказано, что трактор был «старенький» и от случайной искры вспыхнула солома (время, когда журналисты скажут, что героизм одних становится у нас необходимым из-за безответственности других, еще не пришло). Как сообщает автор, некоторые читатели высказали мнение, что, быть может, из-за старой железки не стоило рисковать жизнью. Пафос очеркиста сводится к опровержению этого мнения. Оживляя метафорический штамп «битва за хлеб», Симонов выстраивает развернутое сравнение: битва за хлеб – военное сражение, сражение Великой Отечественной войны; трактор – танк, действия героя – действия бойца, спасающего танк. В этом контексте трактор становится «частицей народного достоя-

ния, то есть в конечном счете частицей Родины» (с. 19). В характеристике героя ключевыми являются слова **ответственность и долг**.

Все последующие тексты на примере героев и антигероев прямо или косвенно продолжают ту же линию. Список ключевых слов пополняется такими, как **народная инициатива, коллективизм, добросовестность, трудолюбие, подвижничество, принципиальность, энтузиазм, идейность**. В антигероях, соответственно, осуждают вещизм, эгоизм, беспринципность.

Таким образом, канон налицо, и в десятках городских и районных газет под этот набор ключевых слов подводились сотни людей, ставших героями портретных зарисовок. Но всю журналистику этого периода нельзя сводить лишь к набору концептуальных, жанровых, композиционных и языковых штампов. Очерки ведущих журналистов тех лет демонстрируют отточенное писательское мастерство, искреннее уважение к герою и читателю. Эта струя подлинности мысли и чувства среди моря штампов, на наш взгляд, объясняется весьма серьезными объективными причинами.

Эрнст Неизвестный в статье «Катакомбная культура и власть» коротко сформулировал закономерность, так сказать, трудового напряжения в советском обществе: «Все курят, один работает, потому что он генетически не может не работать. На нем все держится» (Неизвестный 1991: 24). Такие генетически неспособные не работать люди были в каждой сфере деятельности. И правящая верхушка не могла не понимать, что эти единицы требуют если не материальной, то хотя бы моральной поддержки в виде одобрения их усилий, нравственных качеств, взглядов, не противоречащих пропагандируемой концепции личности. В очерке происходила встреча мастера-журналиста, мастера-героя и мастера-читателя, т. е. встреча трех лиц, генетически неспособных не работать. Поэтому, несмотря на то что ключевые слова сохранялись, их реальное наполнение было таким живым, искренним и богатым, что текст приобретал свойства подлинной художественной выразительности.

В стандартной портретной зарисовке читатель находил только прямые констатации: герой трудолюбив – он перевыполняет планы и награжден грамотами; герой инициативен – у него несколько рационализаторских предложений. Смыкаясь с текстами партийных документов, эти слова уходили в область идеологических абстракций, утрачивая всякое конкретное содержание: сохранялось языковое значение, дополняемое идеологизированной коннотацией. Так,

слово **трудолюбивый**, конечно, означало «любящий трудиться», но в условиях газетного, радио- и телетекста непременно имелось в виду: «на благо государства». Поэтому человек, в поте лица выращивающий на своем участке помидоры для продажи, никак не мог бы получить такую характеристику без массы оговорок. Чтобы заслужить эпитет «трудолюбивый», этот овощевод должен был бы бесплатно везти свои помидоры в детский сад, посылать их на БАМ, раздавать соседям и прочее в том же духе.

Но вот эти идеологизированные абстракции попадали в текст журналиста-мастера. И здесь, при полной сохранности идеологических коннотаций, они превращались в словесные образы (по Б. А. Ларину), так как обогащались конкретным текстовым содержанием.

В наших архивах сохранились две публикации, которые, в силу сходства авторского замысла, показывают разницу в подходе к изображению человека в рамках одного и того же идеологического канона. Приведем полностью зарисовку «След на земле», опубликованную в «Вечернем Свердловске» (1985. 21 сент.) под рубрикой «Рассказы о коммунистах» (она еще понадобится, когда речь пойдет о современной прессе):

«След на земле»

Вот ведь какая психология у нас: больше всего мы ценим как раз те вещи, сооружения, явления, с которыми часто сталкиваемся, которые служат нам верой и правдой ежедневно, ежемесячно... В этот ряд мы должны поставить и дороги – железные и автомобильные, длинные и короткие. Именно такие мысли приходят, когда видишь, с каким тщанием и заботой под дождем или в знойном мареве летнего дня дорожники метр за метром укладывают скальный грунт, глину, щебенку в полотно трассы Свердловск–Серов.

Первый этап на строительстве должен завершиться в октябре нынешнего года. Это общий, итоговый срок. И чтобы выдержать его, не сорвать, нужна ударная работа многих трудовых коллективов областного центра и других городов Среднего Урала. В том числе и объединенного строительного отряда Орджоникидзевского района Свердловска. Около ста посланцев Уралмашзавода, заводов имени М. И. Калинина, турбомоторного, “Уралэлектротяжмаша” и других предприятий должны были к сроку уложить полотно дороги на участке 111–118 километров. И сделали это.

Высота этого полотна от 1,5 до 8 метров. Хотя и невысоки Уральские горы, но дорожников заставляют относиться к себе с

почтением. И чтобы автомобильный путь меньше нырлял по распадам, приходится частенько спрямлять его по вертикали. Это многие тысячи кубометров грунта. Вот почему таким уважением здесь пользуются взрывники, бульдозеристы, экскаваторщики.

Комиссар отряда, секретарь партийной организации механического цеха Уралмашзавода Виктор Александрович Кузнецов познакомил нас с двумя карьерами из трех, которые оборудованы стройотрядом Орджоникидзевского района. Впечатляют размеры этих подсобных участков и размах работ на них. Экскаваторы, тяжелые самосвалы. Люди среди этих рокочущих и лязгающих машин кажутся незаметными. Среди ковшей и кузовов стародедовская лопата и пара человеческих рук выглядели бы очень сиротливо. И все-таки человек, восседающий в кабинах экскаваторов и самосвалов, — главная здесь фигура.

— Кого бы вы выделили из работников стройотряда? — спросили мы у его начальника Василия Ивановича Загородных, строителя с большим стажем, посланца УЗТМ.

— Назову прежде всего механизаторов с Уралмашзавода, потому что их здесь большинство. Пожалуйста, машинист экскаватора Н. С. Сацукевич, а вот А. И. Шадрин и М. Н. Валиуллин — машинисты-сменщики, помощником у них Н. П. Шикмаков. Он и машинист А. П. Анников — уже в пенсионном возрасте, оба фронтовики, но, несмотря на годы, работают хорошо. Назову еще три фамилии: машинист автогрейдера А. И. Аксенов, бульдозерист В. В. Булычев, электросварщик А. И. Гусельников. Всего же уралмашевцев в стройотряде около тридцати.

Ну а теперь о самом руководителе. Самом опытном среди остальных. До чего же подходит Василию Павловичу его фамилия — Загородных. 25 лет трудится за городом, хотя вообще-то он — работник “Уралмаша” и дом, и семья его в Свердловске.

Уж так повелось, что именно промышленные предприятия, обладающие квалифицированными специалистами и техникой, помогают строить автомобильные дороги. Без них экономическая жизнь края захлебнулась бы в малоподвижности. И года не проходит, чтобы мы не слышали о сооружении новой автомобильной магистрали. Сейчас такой дорогой стала трасса Свердловск—Серов.

Василия Павловича Загородных хорошо знают и в Орджоникидзевском райкоме партии, и в райисполкоме, он напрямую связан с начальниками соответствующих служб заводов и организаций, которые выделили средства и технику на строительство, послали сюда своих работников.

В свое время Василий Павлович закончил строительный техникум, четыре курса УПИ, но семейные заботы, как это часто бывает, притормозили теоретическую подготовку. Свои университеты он продолжал на прокладке различных дорог области, точнее – там, где участвовал Уралмашзавод. За четверть века его рабочая судьба (если позволительно такое измерение) вытянулась на многие сотни километров. Судите сами: строил новые дороги от Свердловска до аэропорта Кольцово, на Тюмень. А вот теперь движется со своими товарищами, с мощными машинами в сторону города металлургов – Серова.

Загорелый, голубоглазый, с выгоревшей на солнце шевелюрой, он целый день в движении, целый день с людьми. В порывистом и напряженном действии. Вышел из строя бульдозер – одна забота; турбомоторщики пригнали неисправный экскаватор – опять тревога. Тут бы накричать, “пар выпустить”, да не та натура. И многолетнее напряжение нашло иной выход: сердце начинает давать знать о себе.

Не однажды подумывал об уходе. Каждый раз отговаривали. Видимо, умели отговорить, потому что давал себя убедить. Поэтому что втянулся он в это ремесло. А может быть, еще и потому, что физически остро ощущал это высокое свое предназначение – в буквальном смысле слова оставить свой след на земле.

Вот такая судьба у этого человека – коммуниста и строителя с двадцатипятилетним стажем, отца двух взрослых детей, гордого тем, что уже и внуки пришли в дом».

Как видим, бóльшая часть текста посвящена техническим и организационным проблемам дорожного строительства. Конечно, дилетант в этой области, да еще в жанре зарисовки, а не хотя бы аналитической корреспонденции, ничего серьезного по этому поводу сказать не может. Не очень логичный зачин (также это отметим, потому что о логике речь у нас впереди) – в самом деле, почему надо удивляться тому, что мы ценим необходимое? – сменяется разнообразными перечнями: предприятий, участвующих в сооружении дорог; специальностей дорожных рабочих; передовиков производства. И вот мы добираемся до героя. Опять перечень, на сей раз биографических фактов, смешная похвала за «удачную» фамилию, «рассказ» о нервной работе руководителя, «справка о здоровье», обыгрывание образа следа на земле и венец повествования – «справка о семейном положении», почти обязательная в таких текстах. Ранее ее, видимо, нигде пристроить не удалось, а

теперь она подана в свете ключевого словесного образа – вот-де еще какой след человек на земле оставил.

Идеологический канон выдержан строго: член коммунистической партии, руководитель со стажем, делу предан даже во вред здоровью, прекрасный семьянин. И ни одной живой мысли, ни одного живого слова, ни одной живой интонации.

А сейчас обратимся к публикации, построенной на том же мотиве следа на земле. Речь пойдет об очерке Анатолия Аграновского, так и озаглавленном – «Долгий след» (Известия. 1972. 16 мая). Заголовки обеих публикаций свидетельствуют о том, что смысловым центром авторы сделали такую мысль: «дело, которому герои посвятили жизнь, необходимо людям и надолго останется с ними». Но в одной публикации эта мысль в виде высокопарной концовки присоединяется к поверхностно собранным фактам, а во втором случае она действительно объединяет отобранный журналистом материал.

Очерк начинается эпизодом-символом, выражающим ключевую мысль текста:

«Есть прекрасный рассказ о крестьянине, который строил дом из камня. Его спросили, почему не из кирпича: было бы красивее. “Да, – сказал он, – но кирпич держится только восемьсот лет”. Мысль о будущем, умение видеть жизнь дальше своего предела – свойство людей».

Мысль эта повторяется в конце, уже обогащенная всем содержанием очерка:

«Может быть, масштаб личности более всего и определяется тем, как далеко и в какой мере человек способен видеть жизнь дальше своего личного предела».

А в этом кольце – рассказ о жизни, как сказано в подзаголовке, «одного из творцов космической техники А. М. Исаева». Главная мысль последовательно проводится в тексте, во-первых, в виде смыслового повтора: «Исаев как раз и искал себе дела, на которое не хватит жизни»; «В созвездии генеральных и главных, куда входил Исаев, делались большие, вошедшие уже в историю дела».

Во-вторых, данная мысль возникает в процессе чтения как смысловое обогащение деталей. Вот герой рассказывает о начале своего трудового пути:

«...Перед самым окончанием меня из вуза выперли. <...> Махнул на Магнитку. Написал, что без пяти минут инженер, и пришла телеграмма: “Приезжай, примем”. Послали прорабом на гору Атач. Какой там, к черту, инженер, мальчишка, неуч! Мечтал, хоть бы в

армию, что ли, забрали. Потом перевели в КБ, с полгода проектировал рудное хозяйство, начал кое-что понимать и запросился на монтаж, снова на стройку. Вы поймите: самая большая в Союзе, самая ударная, и я – участник, один из ста шестидесяти тысяч участников этой потрясающей скачки с препятствиями. Я тогда точно знал: другого пути для меня нет. Все остальное – болото».

От таких болот герой всегда и убегал. А журналист делает вывод: «Да и смысл в его исканиях, если взглядеться, есть. Магнитка, Запорожсталь, Тагил, потом Арктика, потом авиация – всегда он рвался к трудному, туда, где решались главные задачи времени и страны». И читатель может добавить мысленно: действительно долгий след, ведь все это вехи истории. Так герой добрался до ракетного двигателестроения. «Профессия в те годы еще не устоялась, не выделилась, – говорит об этом журналист, – Исаев сам был в числе тех, кто эту отрасль, эту специальность создавал». И снова устанавливается связь с главной мыслью текста, ведь сейчас без этой профессии невозможно представить себе развитие космонавтики.

Анализирует журналист и работу Исаева-руководителя, причем снова это яркие детали:

«Исаев приносил в КБ мысль еще не устоявшуюся, неожиданную, странную: “Есть идея. Не идея даже, а так... сон в летнюю ночь. Вам на освистание”. И начинался спор, и нередко оказывалось, что это новый шаг вперед». И важное для читателя заключение: «Свои черты он привил большому количеству единомышленников». Так снова устанавливается связь с образом долгого следа этой личности во времени.

В-третьих, журналист дважды сообщает, что в своей работе Исаев не раз оказывался впереди теории, т. е. технически решал задачи, которые теории еще только предстояло разрешить. Эпизоды даются с повтором смысловых и формальных элементов и не могут не обратить на себя внимание читателя:

«Так предложил он “связанную оболочку”, соединение внешней рубашки и огневой стенки ЖРД. Казалось это дико, все знали, что металл от нагревания расширится, от охлаждения сожмется и, значит, неминуем взрыв. “Рискнем, – сказал Исаев, – бога нет!” – еще одна его поговорка. И рискнули, сделали, и вышло, что действительно бога нет, движок не рвался; позже теоретики объяснили, что напряжения не превышают запаса прочности. Но к тому времени уже работали исаевские двигатели серии “У” – упрощенные.

Вместо обточки – штамповка, стяжные болты не нужны, конструкция стала технологичнее, легче, надежнее»;

«Делался двигатель на восемь тонн, впервые понадобилась такая тяга, и всё они рассчитали, проверили, а на стенде – провал. За доли секунды все разлеталось вдребезги, головка летела, сопло, питающие трубы... Много позже это явление, бич ракетной техники, было теоретиками объяснено: высокочастотные пульсации давления. Исаев не мог ждать теорий, у него было задание, сроки; он тогда остроумно вышел из положения: связал в пачку четыре двигателя по две тонны, добился нужной тяги. Но это был, по его выражению, не шедевр. И вскоре вместе с другим конструктором, заслугу которого никогда не забывал отметить, ввел в головку двигателя “крест” из тонкого листа, то есть опять разделил его на четыре части, но это был уже один двигатель. Изящно, просто, надежно решили тяжелейшую проблему. Поставили на ней крест».

Здесь снова читатель наглядно видит, как в делах своих герой обгоняет время, как другие идут по его следам, по дороге, им уже пройденной.

В-четвертых, рассказ ведет повествователь-исследователь, не раз подчеркивающий, что он раздумывает над этой жизнью, что давно хотел о ней рассказать:

«Мы были знакомы с Исаевым, я знал Алексея Михайловича много лет, я должен о нем написать»; «Как-то слишком быстро смекают люди, какое дело *перспективнее*, какая специальность *престижнее*, какая тема *проходимее*: “Эту не стоит брать, на нее жизни не хватит”. Исаев, спеша и падая, как раз и искал себе дела, на которое не хватит жизни. Чего уж лучше, конструктор в авиационном КБ, но и тут взялся он, как увидите вы, за тему, от которой за версту несло утопией. Жюльверновщиной. (Далее действительно рассказывается о работе Исаева и Александра Березняка над жидкореактивным двигателем и об испытании нашего первого реактивного самолета БИ 15 мая 1945 года летчиком Григорием Бахчиванджи. – *Авторы.*) Кто мог поручиться тогда, что она “проходима”?.. Давно мне хотелось написать об этой жизни, да я и пробовал, фамилию придумывал герою, но есть такие судьбы, которые сочинять грех».

Таким образом, повествователь выступает перед читателем как один из тех людей, которые хранят память об Исаеве, – и это тоже долгий его след.

Космическая техника, область засекреченная и, безусловно, включенная в сферу высокой политики, став одной из тематических составляющих очерка Аграновского, вполне уживалась с идеологическим портретным канонem, тоже до предела политизированным, хотя мастерство журналиста, обилие яркого фактического материала избавляет читателя от переживания лобовой атаки на психику.

Но канон выдерживался и в публикациях о самых тонких, почти невесомых материях. Обратимся к очерку Инны Руденко «Сенсация XX века» (Комсомольская правда. 1980. 8 янв.). Это рассказ о замечательной русской балерине Галине Улановой.

Идеологические требования здесь соблюдены строго: говорится о трудолюбии, чувстве ответственности, о принципиальности, патриотизме, присущих Улановой. Но благодаря отбору деталей, метафоричности или символизации их номинаций канонические слова утрачивают свою абстрактность. Так, первая главка очерка последовательно подводит читателя к мысли, что Уланова – великая труженица.

Сидя в крестьянской избе на Селигере и глядя на хлопчущую у печи хозяйку Анну Андреевну, журналистка размышляет: «Только в этом доме, слушая Анну Андреевну, кем только не трудившуюся на своей земле – от почтальона до председателя колхоза, – я вдруг задумалась над тем, что о балерине, как и о рабочем, говорят: стоит у станка. Здесь, в этой деревне на Селигере, где Уланова в свое время провела много летних отпускных месяцев, станком ей служила обыкновенная сосновая палка, найденная в лесу. Потому что отпуска для нее тоже были работой.

Они приезжали сюда шумной, веселой компанией – артисты, музыканты, писатели, ученые – молодые, немножко влюбленные, озеро звало своими закатами и восходами, которых никогда не увидишь в городе, можно было наконец сбросить с себя тяжесть трудовой зимы – и все недоумевали и даже иногда сердились, что Галя по утрам не бежала, как они, к воде. А становилась к станку. Всегда, всю жизнь, и до сих пор – в любую погоду, в любом состоянии духа и тела, несмотря на радость и горе, которых выпадает, наверное, поровну на всякую женскую судьбу, несмотря на соблазны славы, вопреки усталости, которую накапливают годы».

Трудолюбие, как видно из этой цитаты, в очерке нарисовано, изображено. Обыграв слово **станок**, автор включает героиню в те массы трудящихся людей, ради которых (как тоже ярко показывается в очерке) творит свое искусство Уланова.

Пресса рубежа веков

Перейдем к короткому отрезку нашей истории, когда бремя коммунистической идеологии было сброшено, но ничего более или менее определенного общество выработать еще не смогло и люди пребывали в состоянии полной дезориентации. Были провозглашены общечеловеческие ценности, но это провозгласить легко, несравненно сложнее добиться того, чтобы эти ценности были приняты обществом. Во всяком случае это было время, когда навязываемый коммунистической идеологией канон личности с его приоритетом общественного перед индивидуальным рухнул. Получили признание частные интересы человека, а также такие стороны личности, как влечения, наличие внелогических форм постижения мира – религиозные, мистические формы мышления, интерес к ужасному или волшебному. При этом нельзя было говорить о полном устранении концепции человека с резким противопоставлением общественного и личного. Множество фактов свидетельствовало (да и сегодня свидетельствует) о типичной для любого стереотипа смене знака оценки, но не о смерти самого стереотипа. Если раньше превозносили общественное в человеке и пренебрегали частным, то теперь, наоборот, стали весьма несмело говорить о первом и, напротив, с энтузиазмом обсуждать вопросы, связанные с частной жизнью, с интимными сторонами существования индивида. Таким образом, целостная концепция личности выработана не была, не было, да и сейчас нет сколько-нибудь четких предпочтений, которые позволяли бы внятно оценивать человека.

Уже было показано, как все это повлияло на обогащение спектра изданий. Сейчас покажем, как это отразилось на системе журналистских жанров.

Общество в этот период с трудом выбирается из «лихих 90-х», главные герои которых – таинственно разбогатевшие «предприниматели». Прежнее мировоззрение разрушено, в душах россиян разброд и шатание. Самым ярким следствием этого краха стала утрата Героя, т. е. положительного образца, который бы воплощал лучшие человеческие качества и служил неким ориентиром в воспитании и самовоспитании, в решении тех проблем, которые поставила жизнь перед тем или иным членом общества.

Положение середины 90-х годов прошлого столетия (с кратким экскурсом в век девятнадцатый) выразительно рисует А. С. Панарин: «По большому счету реформа 1861 г. не состоялась, ибо не получила настоящей легитимации со стороны великой русской ли-

тературы – властительницы дум. Оказалось, что, вопреки ожиданиям после 1861 г. ни городничих, ни Чичиковых не стало меньше. Ни нация, ни ее литература не получили настоящих положительных героев. Может быть, это сыграло в катастрофе 1917 г. не меньшую роль, чем все остальные факторы.

Сегодня положение повторяется. Поворот от великих коллективных мифов к повседневности снова не дает положительных героев и сопровождается деградацией как элитарного, так и массового сознания. Достаточно сравнить социокультурный статус наших новых предпринимателей со статусом мелкого и среднего бизнеса в протестантских культурах. В США такие бизнесмены – люди, сами “сделавшие себя”, выступают как национальные герои, бросающие вызов государству и транснациональным корпорациям и подтверждающие жизненность гордого национального принципа гражданской самостоятельности и неподопечности. Совсем иные ассоциации вызывает типичный отечественный бизнесмен: никто не видит в нем самоосуществления национального принципа, национальных задач и призвания. Слишком часто в нем видят сочетание худших, всегда осуждаемых человеческих грехов (мздоимства и прохиндейства, жадности и хамства) с компрадорской ролью в рамках большой политики» (Панарин 1996: 117).

Люди, однако, не могут вечно жить в таком «безгеройном» вакууме. Дети, рожденные в середине восьмидесятых, к началу нового столетия стали взрослыми и вступают в самостоятельную жизнь. Разумеется, они не могут без конца возмущаться вышеуказанным мздоимством и прохиндейством и тупо смотреть в идеологическую пустоту. Растущий, становящийся человек тем или иным образом пытается понять смысл того, что его окружает, того, что вокруг происходит, наконец того, что представляет собою он сам. Виктор Франкл пишет: «Феноменологический анализ искаженного непосредственного переживания, которое мы можем наблюдать у простого “человека с улицы”, переведя его затем на язык научной терминологии, помогает увидеть, что человек не только ищет смысл в силу своего стремления к смыслу, но и находит его, а именно тремя путями. Во-первых, он может усмотреть смысл в действии, в создании чего-либо. Помимо этого, он видит смысл в том, чтобы переживать что-то, он видит смысл в том, чтобы кого-то любить. Но даже в безнадежной ситуации, перед которой он беспомощен, он при известных условиях способен видеть смысл. Дело в позиции и установке, с которой он встречает свою судьбу, которой он не в состоянии избежать или изменить.

Лишь позиция и установка дают ему возможность продемонстрировать то, на что способен один лишь человек: превращение, преобразование страдания в достижение на человеческом уровне» (Франкл 1990: 40–41). Один из путей поиска смысла, как видим, – поиск героя, того, кого можно полюбить. И находится этот кто-то не только в непосредственном окружении, но и в литературе, фильмах, на сцене и телеэкране. Средства массовой информации чутко улавливают эту потребность в герое и пытаются найти его (порой за счет создания образов антигероя) в разных областях жизни.

Поведение и общение человека основано на определенным образом организованном знании. Т. А. ван Дейк отмечает: «Это общее “знание” не является аморфным, оно организовано в концептуальные системы. Их можно описать в терминах фреймов. Фреймы не являются произвольно выделяемыми “кусками” знания... они являются единицами, организованными “вокруг” некоторого концепта. Но и в противоположность простому набору ассоциаций эти единицы содержат основную, типическую и потенциально возможную информацию, которая ассоциирована с тем или иным концептом. Кроме того, не исключено, что фреймы имеют более или менее конвенциональную природу и поэтому могут определять и описывать, что в данном обществе является “характерным” или “типичным”. Это особенно касается некоторых форм (episodes) социальной действительности, таких как посещение кино-театра, поездки на поезде, обед в ресторане» (Дейк 1989: 16–17).

Вероятно, в ряду таких единиц стоят образования, возникающие в системе наших знаний в результате восприятия текстов. В исторической поэтике А. Н. Веселовского они получили название мотивов: «Поэтические формулы – это нервные узлы, прикосновение к которым будит в нас ряды определенных образов, в одном более, в другом менее; по мере нашего развития, опыта и способности умножать и сочетать вызванные образом ассоциации» (Веселовский 1989: 295). Эти формулы могут представлять собою и сюжеты, как отмечает А. Н. Веселовский, – «сложные схемы, в образовании которых обобщились известные акты бытовой действительности. С обобщением соединена уже и оценка действия, положительная или отрицательная» (Там же: 302). Эти схемы (фреймы, формулы, сценарии, мотивы – как бы их ни называли) хранятся в памяти всех общающихся, «общей памяти», как сказал Ю. М. Лотман (Лотман 1999 а: 87).

В ту или иную эпоху в силу исторических условий отдельные мотивы приобретают особую активность. Адресату они позволяют

формировать желания и ожидания, а автору они дают возможность отбирать и обрабатывать материал при создании текста. Например, Ю. М. Лотман отмечает, что для восемнадцатого века очень важным «кодирующим механизмом» был театр. Так, «распространенным следствием того, что между жизненным объектом и живописным полотном в качестве промежуточного кода оказался именно театр, явилась манера портрета, при которой модель одевалась в какой-либо театральный костюм. Таковы многочисленные женские портреты XVIII века в костюмах весталок, Диан, Сафо и мужские портреты à la Тит, Александр Македонский, Марс» (Лотман 1999 а: 81). Ю. М. Лотман вскрывает и другую функцию активизации сферы «театр» – влияние ее на реальное поведение людей: «Если в истоках своих театральное действие восходит к ритуалу, то в дальнейшем историческом развитии часто происходит обратное заимствование: ритуал впитывает нормы театра. Так, например, придворный церемониал создаваемого Наполеоном I императорского двора открыто ориентировался не на преемственность традиций с разрушенным революцией королевским придворным этикетом, а на нормы изображения французским театром XVIII века двора римских императоров» (Там же: 83).

Наверняка и в наше время в общественном сознании активизированы определенные культурные мотивы, сюжеты и персонажи, которые во многом определяют содержание текстов, распространяемых по каналам СМИ. Эти ориентации обуславливают литературную форму публикаций, тот запас выразительности и воздействующей силы, которые делают текст интересным для адресата. Тексты СМИ в этом аспекте объединяются с другими продуктами массовой культуры. «К основным свойствам текстов массовой культуры относят занимательность, традиционность и простоту... Занимательность задается жесткими структурными условиями текста и наличием сюжетной загадки. Сюжетная и стилистическая фактура продуктов массовой культуры может быть и примитивной, но обязательно хорошо отработанной, удобной для восприятия и воспроизведения: четкий сюжет, его жесткое, как в фольклоре, построение, и при этом отсутствие семантической глубины. Сюжеты повторяются и заимствуются» (Краснова 2000: 35). Героев и антигероев журналисты ищут и в прошлом, и в настоящем.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

Поскольку речь идет об очерке, нужно отметить, что на какое-то время он с газетных страниц почти исчез. На стыке двух последних десятилетий XX в. на короткий срок стали популярны портреты исторических деятелей прошлого, но затем острая нужда в этом жанре миновала, так как общество получило минимум необходимой информации об исторических личностях, часто таких, имена которых до этого времени были почти неизвестны. Авторами таких материалов нередко выступали специалисты-историки, публиковались отрывки из мемуаров, главы из монографий на исторические темы. Понятно, что никаких особых требований к стилистической стороне этих текстов не предъявлялось. Новизны информации, порой обжигающей, оказывалось вполне достаточно, чтобы интерес аудитории к изданию был обеспечен. Ясность, точность, некий стилистический аскетизм – большего не требовалось (хотя, конечно, если автор способен был создать выразительный текст, это делу не мешало). Рассмотрим несколько портретных публикаций того времени об исторических личностях.

Хороший образчик аскетичного стиля – небольшие тексты, публиковавшиеся в «Аргументах и фактах». Вот, например, рассказ о Рихарде Зорге в рубрике «Они приближали победу» (Боженков В. Почему не поверили доктору Зорге // Аргументы и факты. 1989. 6–12 мая. № 18). Это последовательное изложение биографии героя, например:

«Рихард Зорге родился 4 октября 1895 г. в деревне Сабунчи (Азербайджан) в семье Адольфа Зорге, немецкого мастера, а затем владельца небольшого нефтеносного участка на Апшероне. Вскоре семья Зорге переехала на жительство в Германию. Мать Рихарда, урожденная Н.С.Кобелева, дочь русского железнодорожного рабочего, старалась привить сыну любовь к Родине и делала все, чтобы он ее не забыл.

В Германии Р. Зорге не остался в стороне от революционной борьбы. <...> Уже будучи членом Коммунистической партии Германии, Р. Зорге выехал в Советский Союз. <...> Он становится советским разведчиком... <...> ... В 1930–1933 гг. Зорге вел разведку на территории Китая. <...> С сентября 1933 г. Зорге выполнял трудную и опасную миссию в Японии».

Далее в том же перечислительном духе говорится о работе героя в Японии, вплоть до его гибели. Хотя авторитет компартии уже пошатнулся, характеристика героя дается вполне в рамках

жанрового стандарта: «Зорге считал, что произошла какая-то чудовищная ошибка и, стиснув зубы, продолжал верно исполнять свой долг разведчика, советского патриота и интернационалиста, обеспечивая безопасность Родины».

Но такие характеристики очень скоро уходят из подобных публикаций. Основной акцент остается на понятиях профессионализма, мужества, настойчивости и т. п., без их идеологизации. Например, Ю. Якимович, автор публикации «Язык твой – враг мой» (Комсомольская правда. 1991. 22 июня), рассказывает об Александре Михайловиче Таубе, «единственном у нас специалисте по иностранной военной терминологии», как отозвался о нем ВАК – Высшая аттестационная комиссия, присвоившая герою профессорское звание. Разговоров о патриотизме, преданности Родине и партии не ведется. Напротив, хоть, как и всегда в подобных публикациях, никаких попыток заглянуть герою в душу нет, но по некоторым фактам читатель сам может заключить, что человеку этому было не до высоких материй. Дворянское происхождение, два года тюрьмы за это «преступление», потом жизнь в атмосфере постоянных арестов в самом близком окружении. Мы понимаем, что герой жил с постоянным ожиданием ареста. «Но дело, которым занимался Таубе, – пишет автор, – было настолько уникальным, что печально известный лозунг тех времен – “незаменимых не существует” – оказался неприменим для него». И далее рассказывается о переводческом мастерстве Таубе, который своими словарями обеспечивал успешную работу военных переводчиков, в том числе и на полях сражений. Помещенный под рубрикой «Их не знали в лицо» материал имеет такую концовку: «Он внес свой вклад в победу над фашизмом, и его должны были бы “знать в лицо” военные историки». Это явно полемический выпад в адрес тех, кто не включил ни в одну советскую энциклопедию имя человека, составившего военные немецко-русские словари, трижды издававшиеся общим тиражом 200 тысяч экземпляров, а также военные словари англо-русский и французско-русский, «необходимые для взаимодействия стран антигитлеровской коалиции».

Активно велась полемика с идеологическим каноном, отвергались его составляющие типа «героизм», «преданность идеям коммунизма», «верность коммунистической партии». Это можно проследить на очень ярком примере – очерке Ярослава Голованова «Весна Гагарина», опубликованном в «Комсомольской правде» 12 апреля 1991 г., т. е. в день тридцатилетия со дня первого полета человека в космос. Уже зачин свидетельствует о полемическом

настрое автора: «Гагаринские “летописцы” из редакции газеты “Правда” Николай Денисов и Сергей Борзенко, когда со слов Юрия Алексеевича писали книжку “Дорога в космос”, присочинили немало разных красотостей, которые должны были, по их мнению, еще более влюбить читателей в первого космонавта. Красивости эти вызывали действие обратное».

Все высокие слова отданы в очерке Хрущеву, который, например, говорит Гагарину по телефону вскоре после приземления космонавта: «Мы вместе с вами, вместе со всем нашим народом торжественно отпразднуем этот великий подвиг в освоении космоса. Пусть весь мир смотрит и видит, на что способна наша страна, что может сделать наш великий советский народ, наша советская наука». «Никита Сергеевич почти пел», – добавляет автор. На приеме в Георгиевском зале «Хрущев снова стал поздравлять и обнимать Гагарина и произнес еще одну длинную и трескучую речь»; «напомнил он о поступательном движении страны к коммунизму». Это поведение главы государства толкуется так:

«Молодой белозубый этот майор был для Никиты Сергеевича прообразом людей будущего, тех, кому предстоит жить в светлом здании быстро и дружно отстроенного коммунизма. Гагарин укреплял его великую, чистую веру в реальность близкого завершения этого исторического строительства, и уже за это Никита Сергеевич – единственный из наших вождей, который искренне верил в достижимость своих идеалов за пролет одного поколения, любил его всей душой».

Как видим, в мягкой иронично-шутливой манере дискредитируется один из основных компонентов идеологического канона «герой – строитель коммунизма».

В изображении событий, связанных с полетом Гагарина, а затем с торжествами по этому поводу, автор демонстративно придерживается стилю, лишённого всякого пафоса, например:

«Гагарин крикнул “Поехали!” самопроизвольно, ни о каком “историческом” восклицании он не задумывался – просто вырвалось. Волновался? Да, конечно! И очень! Но страха, в вульгарном, обывательском значении этого слова, не было. Он напрягся, весь подобрался, как кот, готовый к прыжку. <...> Волны какой-то дрожи прошли по телу ракеты, и в следующее мгновение Гагарин почувствовал, что перегрузка с мягкой властью начала вдавливать его в кресло. Она нарастала быстро, но не страшно. Гагарин знал, что до ужасной давилочки, которую ему устраивали на центрифуге, дело не дойдет. Он был готов и к тряске, было впечатление, будто лежишь в телеге, которая катится по булыжнику».

Снижение пафосности осуществляется последовательно: вот «утром в самолете <...> Юрий зубрил рапорт, который он должен был отдать Хрущеву, спустившись с трапа лайнера», вот журналисты видят, что при первом его шаге на ковровую дорожку «с крючков его черного ботинка соскочил шнурок». «Мы, – продолжает автор, – беззвучно молились всем известным богам: “Не споткнись! Не упади!” Было бы чудовищно несправедливо: упасть, когда на тебя смотрит весь мир!»

Текст сопровождается фотографией героя, отнюдь не парадной: вдвоем с Королевым стоит он в спортивном костюме, и голова словно повязана платочком под подбородок – карнавал да и только. Под снимком подпись: «Сочи, май 1961 г. Купался, набрал воду в ухо, забинтовали, Королев смеялся...»

Оказалось, что и без жесткого идеологического нажима, и даже в споре с ним можно создать вполне симпатичный, не лишенный поучительности портрет героической личности.

Исторические портреты часто включали в себя извлеченные из архивов документы. Такие вставки были важной приметой поэтики этих текстов. Например, публикация Александра Нежного «Протоколы кремлевских мудрецов» (Огонек. 1992. № 31–33) рассказывает о председателе Антирелигиозной комиссии (1922–1929) Емельяне Ярославском. В текст (со ссылкой «Все документы публикуются впервые») включены три протокола комиссии – № 26 от 26 июня 1923 г., № 88 от 21 мая 1927 г. и № 101 от 13 июня 1928 г. Их тематика: «1. О Тихоне и тихоновщине»; «2. О сектантстве»; «5. О воинской повинности сектантов»; «6. О ликвидации монастырей» и т. д. Образец постановления: «Признать дальнейшую ликвидацию монастырей необходимой в целях антирелигиозной пропаганды». Все протоколы подписаны Ярославским. Даже без журналистских комментариев факт этот многое говорит о человеке.

Отметим, что очень часто соответствующий материал преподносился аудитории в форме интервью. Например, журналист «Аргументов и фактов» А. Логинов публикует интервью с кандидатом исторических наук майором А. Колесником «Под личиной “идейных борцов”» о генерале Власове (1989. № 9. 4–10 марта). По стилистике это изложение вполне сопоставимо с уже цитированным портретом Рихарда Зорге. Вот рассказ А. Колесника о Власове:

«Родился в 1901 г. в с. Ломакино Нижегородской губернии. Окончил духовное училище, два курса духовной семинарии, 11-ю Нижегородскую единую трудовую школу 2-й ступени. В 1920 г.

призван в Красную Армию, стал курсантом 24-х пехотных командных курсов. Затем – командиром взвода, роты, начальником полковой школы, командиром батальона, на штабной работе, командир полка. <...> Никаких армий гитлеровцам Власов не сдавал. 11 июля 1942 г. он сам лично сдался в плен. <...> Думаю, что он побоялся ответственности за трагический исход Любаньской операции, которую в то время неудачно проводила 2-я ударная армия. <...> До войны Власов активно поддерживал политику Сталина. Когда же летом 1942 г. сложилась трудная ситуация на фронте, Власов, по видимому, посчитал, что война проиграна, что служить надо сильному».

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

В этот период начинают создаваться журналистские портреты действующих политиков – жанр, журналистике 60–80-х годов неизвестный. Не знал адресат тогдашней прессы политических портретов Хрущева, Брежнева, Микояна, Громыко и пр. Поскольку газет и журналов в тот период люди выписывали много, в один день семейство могло получить несколько политических портретов. Скажем о дне 12 апреля 1991 г. В уже упоминавшейся «Комсомолке», кроме очерка о Гагарине, читатель получил политический портрет «Сколько рубиконов на пути Горбачева?» Леонид Никитинский, обозреватель этой газеты, пишет о еще **действующем** Президенте СССР (первом и последнем), и пишет вполне нелицеприятные вещи.

Автор обозначает причину, по которой он взялся за перо: «Сегодня в кулуарах большой политики ходят упорные разговоры о том, что КПСС (партаппарат, по крайней мере) готова “сдать” своего Генерального секретаря. Иногда это прорывается не то в случайных, не то в намеренных оговорках, но к тому же ведет и вся логика политической борьбы».

Итак, ход, а может быть, бег истории привел к некой критической точке. И журналист находит самую уязвимую фигуру в тогдашнем раскладе сил и анализирует ее положение, причины сложившейся ситуации и перспективы. Если позволяет собранная информация, делаются какие-то попытки психологической характеристики героя. Рассматриваемый портрет включает все эти элементы жанрового стандарта.

Причины сложившейся ситуации: «обострившийся раскол в партии»; сталкиваются партаппарат и «те коммунисты, которые более озабочены судьбой Отечества, нежели своей собственной».

Горбачев способен «удерживать оголтелый напор ультраправых, которых сама история подталкивает на авантюристический путь». Непонятно, «возможно ли, чтобы руку Горбачеву протянули антипартийно настроенные демократы во главе с Ельциным», отвернувшиеся от Президента и Генсека из-за «шагов, предпринятых им» на Кавказе и в Прибалтике.

Журналист оценивает историческое значение этого политика: «Он выпустил дух свободы из клетки, дверца которой в условиях совершенной тоталитарной тюремности могла быть открыта в тот момент только движением снаружи».

Объясняются слабые стороны политики главы государства: «вечный поиск компромисса»; «судорожные, часто нелепые шаги, начиная от торпедирования без объявления войны программы “500 дней”»; упорное настаивание на «социалистическом выборе», хотя он «и не может, как, впрочем, и никто другой, объяснить, чем этот выбор так уж хорош».

Взгляд в будущее: журналист говорит о несовместимости двух постов – Президента СССР и Генерального секретаря КПСС – и призывает героя от одного из них отказаться, обсуждаются варианты того, как это могло бы произойти.

Обращается журналист и к психологической характеристике героя, например: «В этой несчастной поработенной стране, наследуя брежневскому Политбюро со всеми его потрохами, главной заповедью которого было “После нас хоть потоп”, Горбачев сразу же проявил себя как человек совести. Уж на его-то секретарский век еще бы хватило и терпения в народе, и нефти в скважине, страна еще долго могла бы гнить, разлагаясь изнутри и незаметно сползая на обочину “третьего мира”, но это мало отразилось бы на уровне безмятежного комфорта номенклатурной опричнины. Что же его подвигло рубить сук, на котором сидел? Ничем иным, кроме побуждения совести, не могу я объяснить шаг Горбачева навстречу свободе»; «Как человек он в конечном итоге все-таки человечен».

Итак, 12 апреля 1991 г. наш воображаемый читатель мог погрузиться в изучение политического портрета Президента СССР. А «Известия» в тот же день преподносят ему портрет еще одной персоны, хоть и из особой сферы, но имеющей немалый политический вес в мире. Речь идет о Кароле Войтыле, архиепископе из Кракова, а с 16 октября 1978 года понтифике Иоанне Павле II. Это публикация Анатолия Друзенко «Папа из народа». И здесь автор обращается к характеристике как политических аспектов деятельности героя, так и особенностей его личности. Например:

«С первых шагов Иоанн Павел II положил в основу своей деятельности стоящий *над* политическими и экономическими системами диалог. <...> Время подтвердило неизменность высочайшего морального авторитета, которым он пользуется во всем мире и прежде всего, конечно, среди своих соотечественников»; «Во время гитлеровской оккупации университет в Кракове, как и во всех польских городах, закрыли, и ему пришлось зарабатывать на хлеб сначала на одном из предприятий химического концерна “Сольвей”, затем — на каменоломне, истопником. “Лучшей школой жизни” назовет он впоследствии эти трудные годы. Именно они, война, оккупация, безмерное людское горе привели его к мысли о поприще, на котором он смог бы лучше всего служить людям и добру».

О популярности жанра говорит то, что появились некоторые экзотические его формы. Так, «Юность» в марте 1991 г. публикует материал «Юрий Болдырев: “Одиноким себя не чувствую”» с подзаголовком «Попытка политического автопортрета» (Юность. 1991. № 3). Подпись у публикации извещает: «Наводящие вопросы задавал Р. Рахматуллин». Действительно, в тексте есть вопросы. Но на них даются весьма пространные ответы, которые выглядят как главы монологического текста с более или менее развернутыми заголовками. По содержанию это типичный политический портрет. Юрий Болдырев в описываемый период — независимый депутат от Ленинграда в новом высшем законодательном органе СССР — Съезде народных депутатов. Выборы в этот орган состоялись в марте 1989 г. Болдырев — член Верховного Совета и входит в оппозиционную Межрегиональную депутатскую группу (МДГ), которая уже противостоит Президенту СССР М. С. Горбачеву (избранному Съездом в марте 1990 г.). От даты публикации (март 1991 г.) остается меньше года до Беловежского соглашения (8 декабря 1991 г.).

Что же говорит о себе и стране наш политик?

Он характеризует текущий момент: «Я думаю, что процесс деградации Съезда и Верховного Совета зашел слишком далеко. Они не только беспомощны, но вредны, опасны как структуры, создающие лишь видимость. Видимость того, что у нас есть контрольно-законодательные органы, тогда как власть абсолютно бесконтрольна». Причину слабости выборных органов политик видит в слабости общества: «Никаких зачатков самоорганизации у людей нет. <...> В течение долгих лет всякая самоорганизация у нас преследовалась как угрожающая государству».

Задачи своей деятельности он видит в том, чтобы «учиться самоорганизации. <...> Так я понимаю и задачи МДГ, да и “Демократической России”. То есть не сплотить ряды под знаменами вождя или революционной тройки, установить жесткую дисциплину и командовать людьми, а выработать механизм координации добровольных усилий».

Затрагивается вопрос о личных качествах политика: «В основе действий депутата, с моей точки зрения, должен быть мотив ответственности перед гражданами, зависимости от избирателей, а не от подконтрольных органов».

Нельзя не привести и любопытный прогноз, сделанный говорящим: «Не исключено, что скоро придет время политиков другого типа – более прагматичных, а возможно, даже и менее разборчивых в средствах. Их приход будет связан и с первоначальной грубостью грядущего капитализма, а наш капитализм будет, вероятнее всего, груб».

Рассмотрим еще один нестандартный политический портрет. Это публикация Владислава Янелиса «Человек, который не любит брать в долг» под рубрикой «Субъективные штрихи к портрету» (Литературная газета. 1991. 23 янв.). Это действительно штрихи и действительно субъективные. Текст посвящен назначенному на пост премьер-министра Валентину Павлову. О деятельности Павлова как премьера автор не говорит ничего, но характер и деловую хватку можно нарисовать, основываясь и на прошлой его деятельности. Поэтому, очень сжато описав карьерный рост героя, автор сосредоточивается на личных качествах персонажа. В студенческие годы герой «неуклонно шел к главной цели – постижению сложнейшего механизма финансовой науки». По окончании Финансового института «распределение принял безропотно и не пытался трудоустроиться получше, да и не было у него никакой руки. Райфинотдел его тогда устраивал». Потом Минфин РСФСР, Минфин СССР, Госплан (все перечислительно). Автора больше интересует манера работать («Работа порой затягивалась до двух часов ночи»), необычные поступки («Иногда вдруг, прервав работу в своем кабинете, пускался в путешествие по министерству. Заходил в комнаты, присаживался на стул для посетителей, слушал, острил, смеялся, говорил женщинам комплименты. В эти минуты он был неподражаем и никто не узнал бы в нем могущественного министра, человека, рассчитывающего свое время до минуты, требовательного, умеющего заметить любую ошибку»).

Понятно, что автор не анализирует ситуацию, не делает никаких прогнозов. Но портрет – часть тематической подборки. И другой автор в ней – Василий Селюнин – прогноз дает. Он говорит о кабинете Валентина Павлова: «Ни единого шанса на успех у него нет. Скорее всего, это будет последнее союзное правительство». И прогноз этот оправдался.

В последующие годы, годы «грубого капитализма», политический портрет занимает большое место в медиаизданиях. Депутаты, министры, партийные деятели, губернаторы, главы федеральных округов – все они прошли перед читателями центральных и местных изданий. С. И. Соломатов в статье «Перекличка стереотипов: положительная оценка в политическом портрете» с помощью анализа ключевых слов в этих текстах показывает, на что обращают внимание журналисты, рисуя портреты действующих политиков на рубеже двух веков. Коротко обобщим его наблюдения, в скобках указывая страницы публикации. Наиболее ценят журналисты профессионализм политиков. О Сергее Иванове, тогда главе Совета Безопасности (2000 г.): «Он является высоким профессионалом в деле политической прогностики» (с. 91). О министре здравоохранения Юрии Шевченко (2000 г.): «За подвижничество и высокий профессионализм Юрий Леонидович удостоен множества отечественных и международных званий и наград» (с. 92). Суперюристом назван Дмитрий Козак, назначенный тогда на пост руководителя аппарата правительства в ранге министра (2000 г., с. 97–98).

Вполне принимают журналисты такое качество, как прагматизм. Например, о губернаторе Краснодарского края Александре Ткачеве было сказано (2001 г.): «В строгом смысле он не крайне левый и не крайне правый, он прагматик» (с. 104). На базе оценки «государственник» строятся характеристики заместителя полпреда в УрФО Сергея Собянина (2000 г., с. 109); первого замруководителя президентской администрации Дмитрия Медведева (2000 г., с. 111); полпреда президента в УрФО Петра Латышева (2000 г., с. 109). Политики могут положительно оцениваться как люди, способные владеть ситуацией (слово **хозяин**), не боящиеся новизны, самостоятельности, ответственности. Так, об Амане Тулееве, губернаторе Кемеровской области, говорится: «А порядок есть только тогда, когда есть настоящий хозяин» (2000 г., с. 122). В работе губернатора Хабаровского края Виктора Ишаева подчеркивается самостоятельность, принадлежность к «неформальной группе крепких губернаторов, предпочитающих самостоятельно решать свои

проблемы, избегая чрезмерного вмешательства московских инстанций» (2000 г., с. 128–129).

С поправкой на условия, в которых приходится действовать этим профессионалам и хозяевам, положительные характеристики, как видим, близки тем, которые выносились героям советской публицистикой. Журналисты не стремятся фиксировать внимание читателя на том, что карьера политика – это удача, успех, везение, подарок судьбы и прочее в том же духе, хотя подобные публикации все же встречаются.

ПОРТРЕТ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ

В период конца 80-х начала 90-х годов появляются также публикации о предпринимателях. Например, в «Вечернем Свердловске» (1991. 5 сент.) рассказывается о главе Уральского центра «Здоровье животных» Светлане Марышевой (публикация называется «"Айболита" зовут Светланой»). Вполне зарисовочный зачин (в духе «Следа на земле») рисует нам усталого хирурга, сделавшего кесарево сечение собачке породы чау-чау. Но постепенно текст переходит в рекламу центра, чего в прежних зарисовках, конечно, не было. В этой «рекламе» все же есть деталь, которая явно навеяна временем – временем, когда чуть-чуть начала поощряться частная инициатива: «За умеренную плату (единственный источник существования Центра) вашему попугайчику, Мурке или Джеку поставят укол, исследуют рентгеном, возьмут анализы. Словом, все, как в "человеческой" больнице». Этот «единственный источник существования» говорит о том, что «больничка» частная, государство ее не финансирует. Для читателя это важно, так как общество уже несколько лет приучалось к разговорам о честных личных доходах. Например, «Литературная газета» в 1986 году (5 марта) опубликовала очерк Алексея Черниченко «Кто уволил Калле Киркманна» о хозрасчете, введенном в сапожной мастерской маленького эстонского городка Пайде. Четыре сапожника – четыре «мастерских», переведенных «на работу по хозрасчетным договорам с фиксированной выручкой. Раньше у каждого из них был индивидуальный план – починить обуви на 280 рублей в месяц. Выполнив, сапожник получал 140 рублей. Старшему из четверки 35 лет, младшему – 25, двое – отцы семейств. Чтобы не быть, согласно поговорке, самим без сапог, кои нынче недешевы, все четверо подрабатывали "слева". Договор с каждым заключили теперь на 350 рублей в месяц. Пропорция осталась прежней. <...>

Договор суров: не хватит половины выручки для фиксированной суммы – докладывай из своей половины... Но договор и справедлив: сумел превысить договорный объем – излишек твой. Работай, вкалывай – и получишь приварок не воровски, с оглядкой, а по договору. Было “слева”, стало по праву». И вот герои и их работа в новых условиях и интересуют автора. Характеристики их сжатые, но очень яркие. Скажем об одном – заглавном:

«К старшему из четверых, Калле Киркманну, в начале мая зашли два приятеля, без заказов, провести. Один что-то зашептал Калле на ухо, другой поосмотрелся, потом спросил: “Сами, что ли, подмечаете?” Ответом было неприветливое молчание, и Калле сказал гостям: “Ладно, идите занимайте пока. Я догоню”. Так Калле Киркманн “расслабился”. Раньше при этом он вообще не выходил на работу. Приемщица оправдывалась перед клиентами за неготовые заказы, перекидывала их другим, помечая соответственно в квитанциях, и грудью прикрывала книгу жалоб. Потом Калле покаянно наверстывал план. Теперь он работу не бросил, приходил каждый день, но срок сорвал раз, другой, третий... У Калле Киркманна просто не стало клиентов. <...> Люди, пайдеские жители, продолжали носить и чинить обувь в трех оставшихся мастерских по имени Эльдур, Толя и Валера. Недовольства, жалоб не было. Ведь мастерская по имени “Калле” закрылась раньше: не двадцатого мая, когда он не пришел на работу, а тогда, когда люди перестали ходить к нему».

Последнее десятилетие XX в. показало нам много «предпринимателя» и иные деньги. К рубежу веков журналистам пришлось писать уже совсем о других фигурах. Появляется много материалов о том, как человек выбивался в крупного предпринимателя, банкира. А потом, естественно, нужно было писать о его судьбе: кто-то на этой высоте удержался, а кто-то оказался... Тоже поразному: в тюрьме, в бегах, на том свете. Вот, например, публикация Павла Сорокина «Сибирский гений или злодей?» (Аргументы и факты. 1999. № 41):

«Алюминиевым королем Быков стал не сразу. В начале 90-х он занялся поставкой продуктов питания на предприятия края, в том числе и на КраЗ. К моменту ваучерной приватизации он уже имел определенный капитал, позволивший ему вместе с партнером по бизнесу Геннадием Дружининым купить 20 % акций Красноярского алюминиевого завода. Судя по всему, Быков сразу понял и принял правила игры, предложенной государством под руководством реформаторов. А потому на этом не остановился и “прива-

тизировал” еще и 20 % акций госпакета. Все было сделано изяшно. Таким же образом в его руки попали 20 % акций госпакета Красноярской ГЭС, Ачинского глиноземного комбината, Красноярского металлургического завода и ряда других предприятий».

«Изящно» проведя все эти операции, Анатолий Быков не сумел найти общий язык с краевой администрацией, и в ход пошли обвинения в связях с криминалом (так ли уж беспочвенные?).

Это «изящное» осуществление первого этапа карьеры в виде той или иной фигуры умолчания упоминается во многих публикациях на данную тему – и в негативном и в позитивном вариантах. Например, о бизнесмене Виталии Кириллове сообщается, что в начале 90-х он «создает сельскохозяйственный кооператив. И вдруг скромный предприниматель оказывается в числе учредителей акционерного общества “Международное экономическое сотрудничество”». Именно «вдруг», потому что для читателя (а может быть, и для журналиста) остается тайной, как это «скромный предприниматель» оказался в одной компании с ГлавУПДК – «организацией, официально занимающейся обслуживанием дипломатического корпуса, а неофициально еще и присматривающей за поведением иностранцев в интересах органов безопасности», а также с хозяйственным управлением Московской патриархии.

И вот это АО, термин, который автор сопровождает тремя знаками вопроса («АО (???) “МЭС”»), настолько оно кажется таинственным, в 1993 году «получает статус спецэкспортера стратегических ресурсов (нефти и нефтепродуктов, цветных и черных металлов). За пару лет у этой фирмы объем операций с нефтью вырос с 200 тысяч тонн почти до десяти миллионов тонн в год. <...> Про те дикие времена середины 90-х годов пресса писала, что в чиновничьей среде существовала почти твердая такса: два доллара с каждой вывезенной за пределы страны тонны нефти должны падать в нужный карман. Вывез десять миллионов тонн – 20 миллионов долларов отдай, не грехи». Надо ли что-то еще объяснять, даже если ты и не знаешь конкретных подробностей?

Материал Александра Лукманова «Суперколлапс Ковпака» (Местное время. Екатеринбург. 1999. 2 дек.) рассказывает о возвышении империи Игоря Ковпака в Екатеринбурге и все этапы «первоначального накопления» сопровождает оценкой, общий смысл которой таков: закон был нарушен, но власти предпочли этого не заметить. Например, в открытом обществе «Супер» не было 50 % инвалидов, «что делало получение льготы неправомерным. Но такой мелочи никто не заметил, и дела пошли». Или: «В нарушение

всех правил ООО было зарегистрировано незаконно. И этого опять же никто не заметил». Вот такое умолчание: власть почему-то ничего не видит, ничего не слышит.

Но и «положительные» олигархи этого умолчания не лишены. Без имени автора опубликованный в «Известиях» (2001. 18 янв.) материал «Олег Дерипаска: “Я буду жить и работать в России”». Современная история успеха одного из лидеров отечественного бизнеса» сообщает нам, как герой окончил школу, поступил на физический факультет МГУ, был со второго курса призван в армию, вернулся в университет. «В бурном 1993 году Олег Дерипаска окончил физфак с красным дипломом, будучи к этому времени уже известной фигурой в российском биржевом мире. А через год, в свои двадцать шесть лет, Дерипаска получил назначение на должность генерального директора одного из крупнейших в стране Саянского алюминиевого завода».

Как физик оказался на бирже, нам не объясняют, а дальше столь же таинственно СаАЗ сменяется «СИБАЛом», где уже полностью всем распоряжается наш герой, расширяющий свою империю. Положение его прочное, с властью он не ссорится. Чтобы очистить завод от бандитов, «прагматичный Дерипаска не просил у милиции защиты – он предложил ей помощь завода. Подкармливать милицию, конечно, некрасиво, зато чрезвычайно эффективно. <...> Вдохновленные премиальным фондом и оснащенные новой техникой милиционеры устроили татаренковской банде настоящую “Варфоломеевскую ночь”. Некогда неуязвимая банда оказалась разгромлена, а большинство боевиков оказались за решеткой».

В том же номере «Известия» повествуют еще об одном успешном бизнесмене. Вот как Светлана Бабаева и Андрей Колесников назвали свое произведение: «Он так хочет. Застенчивый олигарх стал губернатором». Начало карьеры «застенчивого олигарха» Романа Абрамовича рисуется привычно туманно: «В один прекрасный день жизненный путь Абрамовича пересекся с путем Березовского, и дальше они пошли уже вместе, дойдя, как это было широко описано, до Кремля, “семьи” и лучших отраслей экономики России». Этот великий человек с властью не ссорился: он сам пошел во власть. «Говорят, что Роман Аркадьевич считает свою новую должность своеобразным хобби и добавляет: “Хочется потратить на Чукотку время и деньги”. Как и положено: на любое хобби тратятся и время, и деньги».

ПОРТРЕТ «ЗВЕЗДЫ»

Журналисты в этот период продолжают создавать портреты актеров, поэтов, художников. Пока это достаточно сдержанные, сосредоточенные на творчестве героев портреты, без всякой фамильярности, без углубления в интимные подробности жизни человека. В общем, пока это портреты без «желтизны». Только один пример из «Комсомольской правды», газеты, сохранившей свое имя, но кардинально поменявшей «цвет». Автор А. Кучеров в публикации «Каждая его песня как неистовая исповедь» (1991. 17 мая) рассказывает об Александре Малинине. Текст отвечает рубрике «После концерта». Действительно, автор делится с читателем своими впечатлениями от «бала Александра Малинина». Однако содержание публикации шире рассказа об одном представлении. Анализируется творчество певца, его отношение к искусству, зрителю, к жизни. Например:

«Послушайте Малинина, и вы научитесь смотреть себе под ноги, вы вспомните, что есть страсти, а не страстишки, есть колокольный звон, который все равно выше самых высоких слов, самых высоких трибун и титулов»; «Слушатель не должен чувствовать себя чужим на моих вечерах, это очень важно»; «Малинин искренний и даже прямолинейный человек. Он не врет. По жизни. И, размышляя над причинами его успеха, я бы отнес это качество к составляющим этот успех. <...> Он верит в своего зрителя».

Весь «интим» в тексте сводится к одному абзацу: «Он не очень общителен. Любит свою жену Эмму, детей и собаку. Но это так, к слову».

Рассмотрим подробнее особую продукцию телегидов – небольшие портретные зарисовки «звезд» эстрады, кино, шоу-бизнеса. Зигмунд Фрейд сказал: «Никогда не фантазирует счастливый, а только неудовлетворенный» (Фрейд 1995: 130). Кого-кого, а неудовлетворенных в нашем сегодняшнем обществе хватает. В небольшой степени поэтому, наверное, так сильна у нас потребность в сказке, надежда на чудо, неважно, будет ли это МММ, новый президент или просто что-то неопределенное, что обеспечит нам решение проблем. Недовлетворенность жизнью проявляется и в желании забыть действительность, погрузиться в мир вымысла, где сложности есть, но они всегда преодолеваются благодаря счастливому стечению обстоятельств или активным действиям героя, за которого так приятно переживать и успехам которого так приятно радоваться. Отсюда повальное увлечение мыльными операми. Но

у нас речь идет о журналистике. Сказывается ли эта потребность в чудесном на творчестве журналиста? Представляется, что сказывается, и самым непосредственным образом.

Потребность в герое, в том, кого, как писал В. Франкл, можно полюбить, заставляет человека, особенно молодого, искать в окружающем его мире кого-то заслуживающего поклонения, уважения или хотя бы внимания. Конечно, таким лицом в принципе может быть герой литературного произведения. Миром грез может вообще стать художественный мир какого-то писателя. Такого, например, увлечение произведениями Дж. Р. Р. Толкина. Но совсем не обязательно фантазировать по поводу чьей-то фантазии. Объектом поклонения может стать и реальное лицо – спортсмен, актер, эстрадный певец. Тогда появляется стремление узнать что-то о жизни этого человека. А поскольку искать эти сведения где-то самому не всегда хочется, жаждущий знаний пишет в газету. Вот типичные обращения (Теленеделя. 2001. № 1):

«Здравствуй, “Теленеделя”! Вам, наверное, сотни, тысячи таких писем приходят – вот мое 1001-е. Ваша газета знает все. Ну, почти все, что ни спросишь. Вот и я решила попытать счастья. Расскажите, пожалуйста, об Олеге Янковском. Я жду. Анна. Екатеринбург»; «Йоу! “Теленеделька”! А почему вы так мало пишете про наши рэпперские группы? Все попса какая-то, типа Бритни Спирс. Я прошу вас хотя бы коротко написать о супер-группе “Белый шоколад”. Расскажите о них: надо ведь популяризировать. ОК? Катюнчик».

И вот газета должна отвечать на такие просьбы. Сотни текстов о популярных и не очень деятелях культуры должны быть составлены так, чтобы ответить настроениям пишущих. Анализ показывает, что огромный материал обрабатывается журналистами по моделям сказок, и если газета не утрачивает своей популярности, то это означает только одно: модель принимается аудиторией, так как отвечает ее актуальной потребности. Именно сказка является прототипом многих сюжетных построений в текстах СМИ. Именно сказки являются главным источником прототипических схем. Схемы – «это общие и абстрактные фигуры, приложимые к некоторому числу ситуаций... Схемы содержат некоторое число переменных или свободных мест, предназначенных для того, чтобы быть заполненными специфическими элементами ситуации, которая будет репрезентирована этой схемой» (Ришар 1998: 35).

Сказка как жанр обладает весьма характерными чертами. Уже в своих истоках она была противопоставлена мифу. М. Элиаде характеризует миф следующим образом:

«1) [миф] составляет историю подвигов сверхъестественных существ;

2) это сказание представляется как абсолютно истинное (так как оно относится к реальному миру) и как сакральное (ибо является результатом творческой деятельности сверхъестественных существ);

3) миф всегда имеет отношение к “созданию”, он рассказывает, как что-то явилось в мир или каким образом возникли определенные формы поведения, установления и трудовые навыки...” (Элиаде 2000 а: 23–24).

Сказка нерелигиозна. Герой сказки «свободен и независим от Богов, для победы ему хватает друзей и покровителей» (Там же: 184–185). Различаются несколько видов сказок, например сказки о животных, волшебные, героические, бытовые сказки.

Сказка постепенно обособлялась от мифа. Е. С. Котляр характеризует как архаическую такую особенность африканской сказки, когда ее герой «самостоятелен, активен, наделен магическими способностями и т. д., в то время как в классической волшебной сказке функции героя более ограничены и в значительной мере связаны соответствующими функциями второстепенных персонажей – помощников, “дарителей”» (Котляр 1975: 142).

Миф очень часто заканчивается гибелью героя, эта смерть нередко призвана объяснить появление какого-то растения, животного, предмета культуры, явления действительности. Например, смерть мифического героя Новой Зеландии Мауи сделала людей смертными (Тайлор 1989: 161). Герой сказки, напротив, не погибает, сказка оптимистична, ее типичный конец: «стали жить-поживать да добра наживать».

Сказки характеризуются устойчивостью своей структуры. В. Я. Пропп открыл удивительное структурное постоянство фольклорной волшебной сказки. Она представляет собою цепь функций, которые осуществляются в разных сказках разными героями, но имеют единую сущность. Например, герой может получить запрет на что-то и нарушить его, при этом героем оказывается то маленькая девочка, то молодая жена, то младший сын, а запрещается уходить со двора, рвать с дерева яблоки или открывать сундук (Пропп 1969: 30). Герой может получить волшебного помощника, а выступает в этой роли то клубочек, то дудочка, а то и Серый Волк. Нарушивший запрет герой обязательно сталкивается с каким-либо препятствием и преодолевает его с помощью волшебного помощника. Столь же известны в сказках о животных сюжеты о соревновании в беге, о состязании в силе или уме (Пермяков 1970).

Древность корней сказки приводит к тому, что ее модели, схемы сюжетов, типы ее героев прочно откладываются в нашем сознании и создают формы, в которые мы отливаем и наши мечты, и наши речи.

Обратимся к публикациям СМИ. Рассмотрим, как журналисты рассказывают о популярных артистах, певцах, спортсменах, политических и исторических деятелях, о которых адресаты так часто просят написать.

Поскольку у аудитории есть потребность в информации об успешно действующих личностях, все тексты характеризуются оптимистической окрашенностью: герои достигли успеха, они известны, богаты или во всяком случае не бедствуют; если речь идет об уже умершем человеке, тень смерти все-таки не омрачает повествования, акцент делается на успешной деятельности и посмертной славе. Эта черта публикаций хорошо согласуется с замечанием З. Фрейда о том, что в наших фантазиях «довольно важны себялюбивые и честолюбивые желания» (Фрейд 1995: 130).

Рассмотрим подачу мрачной темы в тексте, рассказывающем об американском киноактере Уолтере Маттау. Тема эта вынесена уже в заголовок: «Я не умер, я пошутил». О смерти говорится еще два раза. Первый рассказ таков: «В феврале прошлого года, когда прошел очередной слух о смерти Маттау, Ларри Кинг пригласил его в свое ток-шоу и поинтересовался здоровьем старика. Тот ответил: “Мне на днях прислали вырезку из «*Enquirer*», где сообщалось, что я скончался на руках у Джека Леммона. Теперь-то ясно, что это неправда, но сперва я испугался – вдруг журналистам известно то, чего я еще сам не знаю?”»

Это явно сказочный сюжет о перехитрившем смерть, хотя и на современный лад. В конце концов виртуальную смерть победить тоже не просто. Поэтому читатель испытывает такое же удовлетворение, как и при чтении сказки. Второй рассказ, на сей раз о реальной кончине актера, попадает в комический отсвет первого повествования. Только на фоне первого рассказа можно так написать о смерти человека: «Когда 1 июля прошлого года, не дожив трех месяцев до 80-летия, он все же умер, репортеры за комментариями кинулись в первую очередь не к вдове и не к сыну, режиссеру Чарлзу Маттау, а именно к актеру Джеку Леммону». Таким образом, прототипическая схема сказки, оптимистичной по своей природе, позволяет преодолевать трагическую тему.

Как было показано многими исследователями, сюжет волшебной сказки восходит к обрядам инициаций. Но социальное напол-

нение сюжета с веками менялось. Например, хорошо всем известные герои волшебной сказки вроде Иванушки-дурачка или доброй падчерицы связаны с разложением родового строя и образованием семьи. Как пишет Е. М. Мелетинский в монографии «Герой волшебной сказки», «волшебная сказка рисует “семейную” ситуацию. Типичный герой волшебной сказки – крестьянский юноша, младший сын, падчерица или сирота, которых с теплым юмором называют “золушкой” или “дурачком”» (Мелетинский 1958: 7).

Вряд ли в целях обработки материала или формирования ожиданий мы используем целостные сказочные сюжеты. Вероятнее всего, это отдельные мотивы, именно схемы ситуаций. Например, в схему может не войти информация о сиротстве, о том, что действует именно младший сын. Но мотив преобразования слабого и обиженного в признанного и знаменитого накрепко впечатан в нашу память. Не случайно этот мотив стал рефренным в рассказах о кумирах общества. Очень яркий и предельно краткий пример – рассказ об актрисе Лии Ахеджаковой в рубрике «Именинники недели» (Теленеделя. 2000. № 26):

«8 ИЮЛЯ

ЛИЯ АХЕДЖАКОВА. Творческая судьба ее до поры до времени складывалась ни шатко ни валко. Маленький рост, неправильные черты лица и писклявый голос отпугивали режиссеров. Длительное время все роли актрисы сводились к зайчикам, мальчишкам, пионеркам, чертикам и лягушкам. На одной из новогодних елок ей даже пришлось сыграть Ржавчину! Но Галина Волчек разглядела в тщедушном теле настоящую Актрису и вывела на большую сцену. А Эльдар Рязанов – в кино. 62 года».

Как видим, чуть не весь текст сводится к изображению обиженного судьбой человека. Потом, как и положено в сказке, появляется добрый волшебник, здесь даже два – и все проблемы решены, о популярности актрисы говорить излишне.

Это начальное неблагоприятное состояние усматривается в разных обстоятельствах, вводится в текст по-разному, но примечательна сама привлекательность этого мотива для аудитории. Рассмотрим материал подробнее.

Прежде всего, журналисты не упускают возможности сообщить читателю о том, что их герой родился в небогатой семье. Этот мотив начальной бедности позволяет создать повествовательную интригу, подчеркнуть контраст прошлого и настоящего. Строится этот контраст по-разному. Сообщение о небогатом семействе может быть вынесено в начало текста. Например, уже вос-

произведенная портретная зарисовка «Я не умер, я пошутил» характеризуется именно таким зачином, причем вся сила контраста отнесена на центральные части текста, т. е. используется прямая композиция: как в сказке, герой из бедности и безвестности идет к успеху и славе. Чтобы этот контраст был ярче, врезка, которая обычно предпосылается этим публикациям, вводит героя очень скромно: «В детективном триллере Эдварда Дмитрика “Мираж” (1965) главная звезда – неотразимый Грегори Пек. Но в том, что фильм получил “Золотую раковину” на фестивале в Сан-Себастьяне, немалая заслуга и Уолтера Маттау».

На этом скромном фоне еще более скромно выглядит зачин: «Отец Маттау, киевский уличный торговец, в начале прошлого века бежал из России в США от еврейских погромов. Уолтер родился в Нью-Йорке, детство прошло в бедности. Уже в 11 лет начал работать в еврейском театре, продавая в антрактах прохладительные напитки, вскоре сам стал играть маленькие роли, получая по 50 центов за спектакль». Через три абзаца он уже «высоченный (190 сантиметров) сутулящийся старик», а сообщили нам о нем названия фильмов, несколько анекдотов из жизни и многозначительную деталь: «Заядлый картежник, он как-то подсчитал, что проиграл за свою жизнь не менее пяти миллионов долларов». Понятно, что нельзя не связать 50 центов и пять миллионов долларов. Контраст разительный, а поскольку о творчестве в тексте нет ни звука, то успех выглядит как сказка, в которой все проблемы, как известно, решаются сами собой. Мотив сказочного успеха, превращения без видимых усилий бедняка в богача организует весь текст.

Контраст может создаваться в обратной последовательности, т. е. вначале всеми средствами рисуется знаменитость, а потом следует ретроспекция – путешествие в бедное, трудное детство. Рассмотрим такую компоновку на примере зарисовки «Парижская колдунья» (+ все ТВ. 2001. № 1). В качестве врезки использованы стихотворные строки: «Я платье, говорит, взяла у Нади, Я буду нынче как Марина Влади...» Зачин – некий гимн актрисе, популярной у наших соотечественников: «Миллионы советских женщин, подобно героине песни Владимира Высоцкого, в конце 50-х – начале 60-х выбрали своим идеалом французскую кинодиву. И прически делали под “Колдунью” – длинные светлые распущенные волосы спадали на плечи». На этом фоне вводится мотив бедности: «Дочь выходцев из России, Марина Байдарова-Полякова выросла в нужде. Чтобы помочь семье выбиться из нищеты, она работала уже с

восьми лет. В девять под псевдонимом Влади была ведущей детской радиопередачи, пела, танцевала и мечтала заработать столько, чтобы родители могли купить дом». В конце будет сказано об удобном доме под Парижем, т. е. эту деталь как один из показателей «превращения» журналист не забывает. О творчестве опять не говорится почти ничего, поэтому и здесь судьба предстает как чудо.

Кроме мотива начальной бедности, активно эксплуатируется мотив обычности героя: он как все, а то и хуже всех. И конечно, этот мотив снова организует контраст: как из гадкого утенка вырос прекрасный лебедь, так из нашего ординарного, а то и смешного «малыша» получается кумир публики. Весьма показательный пример – зарисовка «Самая обаятельная и привлекательная» (+ все ТВ. 2001. № 4). Врезка здесь такова: «В школе Ирина Муравьева страдала комплексами. В нее никогда не влюблялись мальчики, никто не провожал домой. Когда она подходила к зеркалу, то думала, что ее и замуж-то никогда не возьмут: такая она серая, неяркая. Ира себя успокаивала: “Ничего, не надо мне замуж, не надо семьи, я буду актрисой”». А далее следует зачин: «Замуж вышла, вопреки своим девичьим прогнозам, в 24 года за Леонида Эйдилина, режиссера Детского театра, где работала. Скоро у них серебряная свадьба. У Муравьевой “счастливая жизнь, счастливая семья и постоянные бурные романы с собственным мужем”. А со школы остался жуткий страх перед учителями. Теперь, правда, не своими, а теми, что учат ее младшего сына». Контраст подчеркнут цитированием слов героини и прямым отрицанием суждений, высказанных во врезке, суждениями зачина.

Интересно, что к концу текста опять возникают минорные ноты: «И все же у Муравьевой есть несколько ролей, за которые ей стыдно до сих пор и которые она никогда бы не сыграла, если бы не тяжелое материальное положение. “В начале 90-х была просто катастрофа: ни денег, ни работы в театре. Снялась в фильмах, потому что была уверена – они никогда не выйдут на экран. Ан нет, вышли...”» Это под занавес как бы вторая волна контраста: нужда, неудачи в работе. Фон для минора – два предшествующих абзаца, в которых рассказывается о фильме «Москва слезам не верит», получившем «Оскара». Так что читатель сам должен сообразить: что за пустяки какие-то там неудачные роли десятилетней давности, главное – звезда, звезда!

Третий мотив, рисующий начальное неблагополучие, – это в том или ином виде криминал, нечто противозаконное, с чем герой

сталкивается косвенно, а то и непосредственно. С этого мотива авторы любят начинать. Портретная зарисовка «Коноплиный диссидент Харрельсон» (+ все ТВ. 2001. № 1) начинается так: «Голливудская звезда Вуди Харрельсон по судебным процессам мыкается с юных лет, зал суда для него – что дом родной. Его отец Чарлз Войд Харрельсон осужден за два заказных убийства, в том числе за убийство судьи из Техаса в 1978 году. Харрельсон-старший сидит уже 19 лет (осужден на два пожизненных срока) и все время подает апелляции, а Вуди и его брат Бретт всячески поддерживают отца и оплачивают немалые расходы на адвокатов. Сам актер впервые загремел в каталажку в 22 года: в Колумбусе (штат Огайо) он в пьяном виде танцевал на проезжей части улицы».

Начало составляет контраст с общим, самым абстрактным смыслом текста: «это звезда, не забудьте, что рассказывается о звезде». Дело в том, что семантика «незаконопослушный» является в этой публикации сквозной (что связано с типом героя, и об этом подробнее будет сказано далее). А вот в зарисовке «Дэнни Трежо: на экраны с чистой совестью» (Теленеделя. 2001. № 5) контраст строится именно на столкновении смыслов «был незаконопослушным – стал законопослушным». Сравним начало и развитие действия:

«Никогда не поздно исправиться и начать свою жизнь сначала. Дэнни Трежо – очень яркий тому пример. Наркоман и преступник с раннего детства, Дэнни провел в тюрьме в общей сложности 11 лет! Украл, выпил – в тюрьму» – «Очень много внимания уделяет своим поклонникам (а это обычно юнцы из латинских кварталов), помогая им завязать с наркотиками и уличными бандами. Он сам смог вырваться из этого и хочет помочь другим».

Ослабленный вариант контраста связан с мотивом «не мечтал о кино или театре». Например, четверть публикации «Мэг Райан: надоела романтика!» (Теленеделя. 2000. № 51) посвящена тому, как далека от мира кино была героиня: «Любимица класса, круглая отличница, секретарь класса... Даже имя у нее было “не как у людей” – Маргарет Мэри Эмили Анна Хира. С имечком постаралась ее мама, всю жизнь мечтавшая об актерской карьере и однажды все-таки бросившая мужа и детей и отправившаяся покорять города и сцены. Притом-таки безуспешно. В соответствии с героинями своих любимых романтических романов, Мэг тянет на себе всю семью, продолжая обучение в университете, на факультете журналистики». Потом, естественно, автор публикации рисует экранный успех героини, т. е. семантика «чудесного преобразования» сохраняется.

Важным элементом поэтики сказки является мотив чуда. В классических сказочных сюжетах действуют волшебные помощники героя: фантастические существа вроде Бабы-яги или Морозка, волшебные животные и предметы (Серый Волк, чудесный конь, волшебный клубочек и т. п.). В поэтике зарисовок о кумирах в этой роли выступает случай, часто специально не оговариваемый, но все-таки встроенный в сюжет. В ряде же публикаций случай персонифицируется, и тогда эта «персона» весьма напоминает волшебников старой сказки. Рассмотрим формы выражения данной семантики.

Крайний случай – это когда о герое как актере не говорится вообще ничего. В уже упоминавшейся зарисовке «Конопляный диссидент Харрельсон» герой называется актером, но о его актерской работе не сказано ровным счетом ничего. Однако на фоне его портрета назван фильм с его участием, который будет показан по одному из телеканалов. И фильм этот – «Плутовство, или Хвост машет собакой». Для ощущения чудесного превращения заключенного и сына заключенного в талантливого актера этого вполне достаточно, таинственная сила сама осуществит это преобразование.

Наиболее четко «прописанный» случай – это особое изображение режиссеров, старших по возрасту и более опытных актеров, помогающих нашему герою. Они оказываются в повествовании на роли чудесных помощников (надо сказать, что и в реальности открытие таланта, помощь ему в его развитии – это чудо, так что авторам не нужно слишком фантазировать в изображении таких персонажей).

В уже упоминавшейся публикации «Дэнни Трежо: на экраны с чистой совестью» так описывается «миг преображения»: «На очередной встрече “Анонимных наркоманов” он встретил молодого человека, который попросил его помочь в одном деле. Как оказалось, “дело” заключалось в дружеской поддержке при наборе актеров для фильма Андрея Кончаловского “Поезд-беглец”. Как только Кончаловский увидел Трежо, то сразу зачислил эту весьма колоритную персону (шрам на лице, рельефная мускулатура, куча татуировок) в тюремную массовку. Кончаловский подошел к Дэнни... “Это самое смешное, что я когда-либо слышал, – вспоминает Трежо. – Я сидел в Соледаде, Сан-Квентине, Фолсоне, Вакавилле, Сюзанвилле, Сьерра – и вот этот парень подходит и спрашивает: «Вы можете вести себя как преступник?»» На этих же съемках Дэнни встретил своего сокамерника по Сан-Квентину, который был одним из сценаристов. И тот, вспомнив про его боксерские навыки,

попросил подучить актеров Йона Войта и Эрика Робертса. Увидев тренировки, Кончаловский тут же “повысил” роль Трежо и предложил ему роль соперника Робертса. После того, как “Поезд-беглец” вышел на экраны, все роли законченных негодяев-рецидивистов доставались только Дэнни».

Как видим, вполне сказочный сюжет превращения преступника «в натуре» в киношного преступника, и виновник торжества – киношный маг и волшебник.

И это не единичный случай. В «Теленеделе» № 1 за 2001 год полторы полосы посвящено фильму «Сибирский цирюльник», рассказывается в основном об Олеге Меньшикове, но движущей силой повествования является Никита Михалков: это он определяет судьбу героя и проявляет чудеса изобретательности и настойчивости, чтобы и судьба героя, и судьба фильма состоялись. Не обходится без мотива начального неблагополучия, хотя и в смягченном варианте (разница в возрасте героя и возрасте актера, требующая от актера большой психологической и физической работы). Преодолеть эту трудность помогает Михалков, отправив актеров на три месяца в Костромское военное училище. Одна из публикаций, посвященных фильму, называется «”Сибирский цирюльник”: погасил кремлевские звезды». Излагается такой эпизод: «Михалкову впервые со времен 1941 года удалось погасить кремлевские звезды. “На все мне дали сутки, – вспоминает Никита Сергеевич. – Снега нет. Солдаты засыпают Красную площадь солью “Экстра”, которая намокает и медленно превращается в серое месиво. А тут еще эти звезды. Днем можно выбрать ракурс, при котором звезды не попадают в кадр. А ночью что делать? Единственный выход – “гасить”».

Знаменательное сопоставление: Михалков и 1941 год. Немецкая армия под Москвой, налеты вражеской авиации, решаются судьбы народа и государства, в целях светомаскировки не светят звезды Кремля. И не светят они потому, что так нужно Михалкову. Это ли не могущество – с поправкой на современность, конечно!

Но чаще всего семантика чуда появляется, как говорится у компьютерщиков, по умолчанию. С одной стороны, в тексте повествуется о многом не относящемся к творчеству, а с другой – называются удачные роли героя, известные фильмы с его участием. Между этим – фигура умолчания, которую можно расшифровать только как «случай, везение, удача», при наличии других сказочных мотивов этого чуда. Рассмотрим лишь один, но очень показательный пример.

Публикации «Кевин Костнер: как я стал предателем» (Теленеделя. 2000. № 31) предпосланы два читательских письма. В одном просьба: «Если это возможно, хотелось бы знать полный список фильмов, где он снимался». А в другом просто вопль души: «Слышала, что Костнер бросил жену и своих детей и стал распутником. Неужели это правда?» Врезка вводит мотив начального неблагополучия: «Тощий, с большим носом и смешно оттопыренными ушами, вечно комплексующий из-за своего роста – “метр шестьдесят с кепкой” – и из-за постоянных “опять двоек”, будущий секс-символ Кевин Костнер в школе был настоящим посмешищем».

Последующий текст вначале рассказывает о семейных делах героя, перечисляет ряд романов. А потом делается такой переход: «Девушки, конечно, работе не помеха. Только за последнее время плейбой снялся в 15 фильмах (только как актер), среди которых...» (перечислены шесть фильмов). И далее идет последний абзац: «По официальной версии киносправочников, дебют Костнера на экране состоялся в 1982 году. Если с этого времени считать все картины, в которых сыграл, спродюсировал, сдиректировал и т. д. актер, то их наберется 57 штук. Но неофициальные источники утверждают, что киноопыт Кевина начался с 1974 года – в малобюджетных “фильмах для взрослых”, где он играл любовников и не только. Доигрался». Все изображено так, что связать школьное посмешище, «распутника» и участника 57 фильмов может только чудо.

Таким образом, можно сделать вывод, что тексты о кумирах, привлекающие большое внимание аудитории, о чем свидетельствуют читательские письма, широко используют мотивы сказок: семантику различного типа начального неблагополучия, мотив преобразования, мотив чудесного помощника, мотив чуда.

Сказка – не единственный источник прототипических схем. Реже, но все-таки довольно активно в этой роли выступают мелодрама, рождественская история, авантюрный роман, анекдот. Рассмотрим первые два жанра, о других расскажем в следующем разделе в связи с типами героев.

«Мелодрама, – отмечает С. Д. Балухатый, – принадлежит к числу устойчивых драматических форм с раз но определившим ся основоположным эстетическим принципом, с “чистыми” драматическими элементами и их откровенной игрой, с отчетливой художественно эффективной координацией композиционных приемов» (Балухатый 1990: 30). Именно эта определенность, четкость жанровой формы позволяет исследователям выявить основные «формулы» мелодраматических эпизодов, устойчивая совокупность ко-

торых и составляет сюжет любой мелодрамы. «Каждая сюжетная фаза рельефно замыкается ограниченным сплетением интриг данных персонажей, получающим также законченность конструктивную» (Там же: 56). Так, мы легко можем представить мелодраматическую сцену проклятия, семейной ссоры из-за измены одного из супругов, сцену узнавания, сцену раскрытия какого-то злодеяния (подлога, убийства) и обличения виновного и др. Поскольку подобные сцены кочуют из одного произведения в другое, их схемы прочно отпечатываются в нашей памяти, и каждая из таких схем может использоваться (с заполнением мест переменных) и для обработки нового материала, со стороны автора, и для восприятия текста, со стороны адресата.

Устойчивость схем не означает их эмоциональной нейтральности. Память жанра (Бахтин 1979: 122) закрепляет за этими схемами эмоциональную окраску, поскольку «основное эстетическое задание,двигающее темы в мелодраме, утверждающее главные технические ее принципы, предопределяющее конструктивные планы и качества ее рельефного стиля – вызывание чистых и ярких эмоций» (Балухатый 1990: 30).

Журналисты используют не сюжеты мелодрамы, а схемы ее сюжетных эпизодов, вовлекая тем самым в текст волну сочувствия к герою или, напротив, осуждения его. Например, в зарисовке «Любовь и Георгии» (Телемир. 2001. № 30) об актрисе Любове Соколовой рассказывается: «Любовь Сергеевна сыграла более 300 ролей в кино, поначалу берясь за все, что предложат. Но с годами стала понимать: то, что сыграешь, может настигнуть тебя в жизни. В фильме “Исчезновение” ее героиня семь дней искала сына и нашла его мертвым. Сына Колю она в 1985-м искала несколько дней и нашла его мертвым в пустой квартире». Чувства героини не описываются: для этого «журналистская сказка» абсолютно не приспособлена, но зловещее совпадение, некое предсказание, определенная доля морали, типичная сюжетная схема мелодрамы «потеря ребенка» (Балухатый 1990: 35) – все это не может оставить читателя равнодушным. В той же публикации использована еще одна мелодраматическая прототипическая схема – «распад семьи»: «В 1982 году, когда она с трудом выходила мужа после его клинической смерти, он вдруг сказал: “Люба, я полюбил другую и женюсь на ней”. Она решила, что это бред, последствия болезни: “Гия, завтра скажешь”. Утром муж повторил, что женится на другой. Соколова поцеловала его в щеку, собрала вещи и ушла». Понятно, что в мелодраме все кончилось бы не так, но это типичный

мелодраматический эпизод, и эмоциональная его окраска навязана нам сотнями мелодраматических сюжетов.

Нередко эксплуатируется журналистами мелодраматический мотив одиночества. Таков, например, мелодраматический эпизод в зарисовке «Русская учительница с польским акцентом» (Телемир. 2001. № 22) о Барбаре Брыльской: «Ей привели огромного пса: “У него было воспаление легких, температуры уже нет, остался хронический кашель, еще у него ревматизм...” Она не могла не взять его. Получилось, что Хлопот оказался больше нужен ей, чем сыну. Дуда пропадает где-нибудь с друзьями – Барбара вечером сидит у телевизора или гуляет с Хлопотом по двору. С ним она не чувствует себя совсем одинокой».

Используется в медиатекстах и прототипическая схема рождественского рассказа, причем в нашей культуре рождественские мотивы переплелись с мотивами Нового года. Мифологический, сакральный смысл празднования наступления Нового года понятен только в связи с тем, как вообще понимается время в мифологическом, религиозном контексте. Во-первых, время для религиозного человека неоднородно. Строго разделяются, прежде всего, мирское время и Время священное. Мирское время – то, в котором разворачиваются действия, лишённые сакрального значения.

Сакральный праздник – это всегда период священного времени. Он представляет собой воспроизведение в настоящем какого-либо священного события, происходившего в мифическом прошлом, «в начале» времен. И это событие можно возратить и повторить бесчисленное множество раз. Праздник оказывается не церемонией «в память» о событии, а восстановлением самого этого события в настоящем.

Священное, символическое Время обратимо. Это первичное мифическое время, преобразованное в настоящее. Оно возникло вместе с космогонией, сотворением мира. Кроме того, это и неподвижное время, «вечность». Благодаря периодическому возврату к истокам священного и реального, собственное существование представляется религиозному человеку защищенным от небытия и смерти.

Мирча Элиаде указывает, что во многих языках аборигенов Северной Америки слово «Мир» (оно же «Космос») используется в значении «Год». Так же и якуты говорят: «Мир прошел», – понимая при этом, что «прошел год». Таким образом, «космос понимается как живое единство, которое рождается, развивается и умирает в последний день года, чтобы вновь возродиться в первый день Но-

вого Года. Мы увидим, что это возрождение есть некое рождение... потому что каждый раз с наступлением Нового Года время начинается *ab initio*» (Элиаде 1994: 51).

В этом контексте год понимается как замкнутый круг, он имеет начало и конец и одновременно может «возрождаться» в форме Нового года. С каждым Новым годом наступает «новое», «чистое», «святое» (еще не изношенное) время. Мир с наступлением каждого нового года вновь обретает исходную «святость», которая была свойственна ему, когда он только что вышел из рук Создателя (Там же: 52).

Для реставрации первичного, «чистого» времени (по случаю Нового года) предпринимались различные «акты очищения», изгнания грехов, демонов. На символическом уровне это не просто циклическое завершение какого-нибудь временного отрезка и начало нового (как это представляет себе современный нерелигиозный человек), но и повреждение старого года, ушедшего времени. В этом, собственно говоря, и заключается смысл ритуальных актов очищения: сожжение, уничтожение грехов и ошибок человека и всего общества. Кстати, светская традиция празднования Нового года сохраняет некоторые из ритуалов очищения, от обычая мыться в бане 31 декабря (блистательно обыгранного в комедии Э. Рязанова «Ирония судьбы», где главные герои, к слову сказать, действительно начали новую, другую жизнь в новогоднюю ночь) и до возжигания свечей в качестве украшения (вода и огонь в равной мере символизируют очищение от грехов, уничтожение старого).

К концу года человек, общество, Космос «истерты» временем. Это разрушающее время – и есть обычное мирское Время, собственно длительность. Символическую иллюстрацию такого представления о времени мы видим в широко используемых образах старика – Старого года и младенца (или мальчика) – Нового года. Их изображения используются в рисунках на новогодних открытках, а также в газетных плакатах и телевизионных заставках. Эту же символику содержит, например, сказка Самуила Маршака «Двенадцать месяцев», где возраст каждого из братьев-месяцев зависит от его близости к началу или к концу календарного года и Декабрь оказывается самым старшим.

Истекшее мирское время ниспровергалось с помощью обрядов, означавших нечто подобное «концу света». Тушение огней, возвращение душ умерших, пренебрежение сословными различиями, эротические вольности, оргии и т. п. символизировали погружение Космоса в Хаос (см.: Бахтин 1990; Элиаде 1994). В повести

Гоголя «Ночь перед Рождеством» ярко изображена именно такая ситуация погружения мира в хаос: появление нечистой силы, кража Луны с неба, разрушение обычного порядка вещей. Значение этого периодического возвращения мира к хаотическому состоянию заключается в следующем: все «грехи» года, все то, что было испорчено и осквернено Временем, уничтожалось в физическом смысле. Для того чтобы возродиться очищенным, надо сначала умереть. Символически участвуя в уничтожении и воссоздании мира, человек и сам воссоздается заново, как бы начинает новую жизнь. С празднованием каждого Нового года религиозный человек чувствует себя более свободным и более чистым, ведь он сбрасывает с себя бремя грехов и ошибок. В это священное время, преображенное присутствием Бога, человек символически становится современником космогонии и приобретает часть священной чистоты и силы самого гигантского из всех творений – сотворения мира.

Следовательно, участвуя в разрушении старого мира и сотворении нового, и сам человек рождается заново, получает нерасстраченный запас жизненных сил, чтобы начать все сначала.

В предпраздничном номере газеты «Версты» (1998. 31 дек. Москва) бытовой, сниженный контекст праздника дополняется публикацией более высокой тональности. Газета обратилась к жанру рождественской истории, и символика смерти-возрождения, главная для Рождества и новогоднего праздника, оказалась актуализированной благодаря «памяти жанра»: «Литературный жанр по самой своей природе отражает наиболее устойчивые, “вековечные” тенденции развития литературы. В жанре всегда сохраняются неумирающие элементы архаики. Правда, эта архаика сохраняется в нем только благодаря постоянному ее обновлению, так сказать, осовремениению... Жанр живет настоящим, но всегда помнит свое прошлое, свое начало» (Бахтин 1979: 121–122). Зарисовка «Любимый доктор Юкари Сайто» посвящена жизни японской балерины. Во время исполнения одной из партий в балете «Щелкунчик» (сюжет которого тоже представляет собой рождественскую историю с символической смертью и возрождением главного героя) Юкари прямо на сцене получила тяжелую травму – разрыв коленной связки. После операции ей сказали, что о сцене надо забыть. Для героини конец артистической карьеры означал символическую смерть:

«...Жизнь складывалась пугающе удачно. Юкари Сайто станцевала практически все ведущие партии в репертуаре труппы “Токио-балет”, с успехом гастролировала во многих странах мира, ей рукоплескали в Ла Скала, Венской опере, Большом. Все это рухнуло в один вечер накануне Рождества».

Затем случилось чудо: «И тут раздался звонок из Москвы. Наставница и добрый друг Юкари – Екатерина Максимова – сказала кратко: “Приезжай, здесь тебе помогут”...» Юкари едет в Москву. Семантика чуда – не просто удачного лечения, а именно чудесного спасения – подчеркнута описанием материального, «земного» убожества обстановки московской клиники:

«Это было удивительно для японки: в старой обветшалой больнице, где пациенты, укрытые серыми сиротскими одеялами, лежат в коридорах, где катастрофически не хватает лекарств и инструментов, где медики получают нищенские зарплаты, работают врачи мирового класса и буквально творят чудеса».

Через полгода после операции в Москве Юкари возобновила репетиции, затем вернулась на сцену. Конец этой истории о втором рождении актрисы, т. е. конец рассматриваемого текста, вновь связан с рождественской символикой: «Сейчас Юкари Сайто снова в России. 29 декабря у нее состоялась премьера на сцене Челябинского театра оперы и балета... В общем, все идет своим чередом, жизнь продолжается. Как и должно быть».

Центральный символ этой истории – Рождество. Хорошо видна амбивалентность его смысла: Рождественский праздник несет главной героине символическую смерть – она получает роковую травму накануне Нового года, танцуя в балете «Щелкунчик», тоже в рождественской сказке. Но смерть оказывается только началом истории, она предвещает новое рождение актрисы, и начало ее второй жизни на сцене тоже связано с Новым годом – премьера в Челябинске 29 декабря (нужно учитывать пока еще слабую разграниченность в нашем современном сознании новогодней и собственно рождественской символики, во всяком случае прототипическую схему рождественской истории, связанную с евангельскими текстами, мы воспринимаем в неразрывном единстве с новогодней семантикой). Двойственность символа неустраима: Рождество означает смерть-возрождение в неразрывном единстве. Прототипическая схема рождественской истории воспроизводится очень точно.

Итак, журналисты часто обрабатывают материал по прототипическим схемам популярных жанров. Поэтому семантика нового текста обогащается смыслами и эмоциями этих литературных форм.

Переходим к рассмотрению вопроса о том, каких героев рисуют нам таблоидные публикации.

Чтобы описать героев, которых представляют читателю рассматриваемые тексты, необходимо обратиться к вопросу о судьбе в первую очередь сказки, которая послужила основным источником различных фольклорных и литературных жанров, закрепивших в нашей памяти определенные стереотипы литературной личности. Важно также учитывать набор и самих сказочных героев.

Как уже говорилось, волшебная сказка отделилась от мифа, но наследовала многие мифологические мотивы. Например, в образах дарителей и помощников отразились черты мифологических первопредков и культурных героев (Мелетинский 1990: 8). Как отмечает Е. М. Мелетинский, «в народной волшебной сказке – два основных типа героя. Один из них эпический, его делают героем “благородное” происхождение, юношеские подвиги и красота (Иван-царевич, например). Другой – “низкий”, “не подающий надежд”. Он занимает низкое социальное положение, плохо одет, презираем окружающими, на вид ленив и простоват, но неожиданно совершает героические подвиги либо получает поддержку волшебных сил и достигает сказочной цели» (Мелетинский 1958: 213).

Эпический герой, рыцарь без страха и упрека встречается в рассматриваемых текстах редко. В газете «Теленеделя» в 2000 году публиковались материалы в рамках программы «Образы XX века» (проект NEO). Конечно, это тексты иного характера, чем рассказы об актерах в ответ на читательские письма. Все публикации цикла несут в себе семантику «этот человек, этот литературный образ, это событие оставили след в истории XX столетия», отсюда особая тональность изложения, передающая значительность предмета речи. Но и здесь работают те сказочные мотивы, о которых говорилось ранее. Именно в этом цикле можно найти образы, построенные по типу эпического героя.

Публикация «Жуков» (Теленеделя. 2000. № 51) рисует героя в период битвы за Москву. В тексте два героя – Жуков и Сталин. Жуков изображен как человек, получивший неимоверно трудное задание. Он выполняет его благодаря своей мудрости: «Именно Жуков – ФЕНОМЕНАЛЬНЫЙ гроссмейстер – сумел, закрыв глаза, увидеть ВСЮ игру. Он предчувствовал, предугадывал, почти

ЗНАЛ следующий ход немцев. <...> Как стратегически, так и тактически московская операция была проведена БЕЗУПРЕЧНО! Филигранно. Почти ювелирно!» Сталин выступает, во-первых, как некое препятствие, которое нужно преодолеть герою: «Сталин как великий ВОЕННЫЙ стратег был НИКАКОЙ. Он, к примеру, приказал рассредоточить войска РАВНОМЕРНО по направлению главного удара немцев. Жуков взял на себя ответственность и настоял (СПОРИЛ СО СТАЛИНЫМ!!!) на том, чтобы плотность обороны Московского направления была разной. Наверное, этот момент был решающим в карьере и, возможно, жизни Жукова. Видимо, Сталин что-то почувствовал и... уступил Жукову...» Во-вторых, Сталин выступает в тексте как некая сила, вершащая судьбу героя. Текст заканчивается так: «Сталин за всю войну принял, как минимум, одно, но воистину ГЕНИАЛЬНОЕ решение – он обратил свое внимание на товарища Жукова во время московской осенне-зимней кампании сорок первого года...» Таким образом, Жуков нарисован как эпический герой, преодолевающий преграды собственным мужеством и умом и противостоящий слепой силе, недоброй, дающей почти невыполнимое задание и угрожающей смертью в случае его невыполнения. Историческая перспектива прослеживается так, что возникает мысль о вечной жизни героя в памяти народа: «Позже он отстоит Сталинград, прорвет Ленинградскую блокаду (это случится только 27 января 1944 года), освободит Киев и Минск, позже возьмет Берлин, примет полную и безоговорочную капитуляцию Германии, возглавит (по личному указанию Сталина) Парад Победы на Красной площади, арестует Берия, позже он станет народным героем!.. Это все случится потом, позже, а сейчас!..» Народная память, психологическое время рисуется как прямое продолжение времени исторического, и в таком времени у героя действительно не может быть смерти.

В текстах о кумирах эксплуатируются типы сказочных героев. Выработался даже некий стандарт: среднестатистический, в меру приличный, не лишенный, однако, человеческих слабостей кумир, добившийся, несмотря на начальные неблагоприятные обстоятельства, успеха и сейчас благоденствующий. Весь интерес рассказа заключается в том, как изображено начальное неблагополучие и последующие несколько эпизодов успеха. Приведем один небольшой текст, который полностью представит описанный тип героя, а также массу других текстов, построенных по данному образцу:

«Тэд Пэнглис: из дипломатов в диверсанты»

Мальчик по имени Таао родился в Австралии, в очень консервативной семье греческих эмигрантов. Долгое время он не понимал, что значит быть греком, и регулярно подкатывался к отцу с вопросом: «Почему у нашей бабушки такой большой нос?» После чего получал по шее и в недоумении удалялся. Потом он понял, что «быть греком» значит свято соблюдать традиции и во всем слушаться папу. Папа сказал, что археология и история искусств – занятие для мужчины неподходящее. Значит, надо все это бросить и идти в вице-консулы посольства Греции, даже если тебе самому это совсем неинтересно. Естественно, испорченный свободными австралийскими нравами парень в скором времени сорвался. Он соврал, что уезжает в Штаты всего на месяц, зажал в кулаке двести долларов и улетел в новую жизнь. Едва сойдя с трапа, Таао, которого теперь для простоты звали Тэдди, нанялся в антикварную лавку и самозабвенно погрузился в недостойное настоящего мужчины обдувание пыли с бесценных образчиков китайского искусства. А оттуда с помощью режиссера-соотечественника перекочевал в вольное актерское братство. Сохранять род его занятий в тайне от семьи при таком раскладе оказалось невозможно. Суровый папа констатировал, что в семье не без уроды, и не проклял сына только потому, что за Тэда вступились все женщины семьи. Но после триумфальных ролей в сериалах «Миссия невыполнима» и «Дни нашей жизни» на вопрос: «Как этот мальчик смог так высоко взлететь?» папа с гордостью отвечает: «Он – настоящий Пэнглис». Как и положено настоящему греку, женился Тэд раз и навсегда и по сей день остается безупречным семьянином» (Теленеделя. 2000. № 34).

Здесь полный набор рассмотренных ранее мотивов: ослабленный вариант начального неблагополучия – незнание о своем таланте, погруженность в другие дела; случайный помощник; головокружительный успех. Можно отметить слабые индивидуализирующие приемы: юный герой явно напоминает любопытного Слопенка, все время спрашивающего, как и почему, и получающего колотушки от старших. Слопенек тоже пережил некое преображение и расправился с обидчиками. Наш герой также оказывается не таким уж беспомощным и доказывает «обидчикам» свою правоту.

Эта схема может использоваться не только в монологических жанрах, но и в интервью. Например, в интервью «Дарья МИХАЛКОВА: сознательная папина дочка» (Теленеделя. 2000. № 26) все уже описанные мотивы при том же образе «обыкновенного кумира»

делятся между авторской речью и речью героя. Мотив начального неблагополучия говорящие вводят сообща:

«Даша – дочь знаменитых родителей: актрисы Ирины БРАЗГОВКИ и кинорежиссера Андрона КОНЧАЛОВСКОГО. Правда, о существовании друг друга отец и дочь узнали всего четыре года назад.

– Это произошло случайно. Мне было 16, и в тот момент положение семьи было бедственным... Вдруг кто-то стал заботиться обо мне, давать деньги, оплачивать дорогостоящие курсы... “Приперла к стенке” маму, она призналась. Оказывается, отцу позвонили и сообщили, что в Москве у него есть дочь, что семья нуждается. Папа прилетел из Америки – выяснять...»

Остальные мотивы видны из авторских вопросов к герою: «В мир кино тебя ввел он?»; «Каким же образом будущий юрист попала на ТВ?» Последний вопрос вводит знакомый мотив случайной встречи героя с той областью деятельности, которая принесла ему известность:

«– Это была полная неожиданность для меня самой! Пришла на кастинг (едва не проспав после вечеринки!), увидела множество красивых девушек. “Ладно, – думаю, – хоть потусуюсь тут!” И, к своему удивлению, стала ведущей!»

Рассматриваемые тексты разрабатывают и иные типы героев. Например, в некоторых публикациях ощущается ориентация на героя волшебной сказки, которого Е. М. Мелетинский описал так: «Сюжет о Сивке-Бурке – оригинальный восточнославянский тип сказки о “низком” герое, тайно совершающем подвиги и обнаруживающем лишь в последний момент, притом неохотно, свою “высокую” сущность. В западноевропейском фольклоре некоторую аналогию этой сказке представляет сюжет о золотоволосом юноше и о Золушке» (Мелетинский 1958: 141). Публикация «Этот странный Рэйф Файнс» (+ все ТВ. 2001. № 1) рисует актера именно таким «скромным героем»: «Скромность Рэйфа поражает всех, кто имеет с ним дело. Когда он снимался у Роберта Редфорда в “Телевикторине”, “Список Шиндлера” еще не вышел на экраны и никто из партнеров не знал английского актера, которого Редфорд взял на главную роль. Однажды актер Кристофер Макдональд спросил Рэйфа, где он еще играл. Тот ответил, что снимался на английском ТВ, а недавно сыграл в черно-белом фильме, который делали в Польше. “Он даже не сказал, что этот фильм поставил Спилберг. Черт побери, если бы я снялся у Спилберга, то кричал бы об этом на всех перекрестках!” Вот потому-то Файнс стал Файнсом, а Макдональд так и остался Макдональдом».

Перед этим заключительным фрагментом рассказывается только о том, как актер работал над пушкинскими текстами. Поэтому весь текст создает ощущение несуетности, погруженности в творчество. А трудолюбие и скромность – самые признанные качества героев упомянутых выше сказок.

На страницах анализируемых изданий публикуется много текстов, герои которых подчиняются не только сказочным схемам, но и схемам новелл. Как подробно показывает Е. М. Мелетинский, новелла как жанр восходит к новеллистической сказке, которая, в свою очередь, выросла из сказки волшебной, а та, как уже говорилось, корнями своими связана с мифом. «Миф, – отмечает М. Элиаде, – это прежде всего прецедент, модель для всех видов и форм бытия» (Элиаде 2000 б: 334). «Самым архаическим прообразом повествовательного искусства, в том числе и новеллистического, являются мифологические сказания о первопредках – культурных героях и их демонически-комических двойниках – мифологических плутах-трикстерах (трюкачах). Особенно важны примитивные протоанекдотические циклы об этих последних, об их плутовских проделках для добывания пищи, гораздо реже – с целью утоления похоти (поиски брачных партнеров чаще всего сами являются косвенным средством получения источников пищи). <...> Новеллистическая сказка испытала и серьезное воздействие сказки волшебной, восходящей в конечном счете к более высокому регистру раннего повествовательного фольклора» (Мелетинский 1990: 8–9). Таким образом, новеллистические схемы, с помощью которых мы часто обрабатываем материал при производстве и восприятии текста, имеют в нашей культуре и в нашей психике глубочайшие корни.

Именно поэтому в текстах с «новеллистическим» героем нередко сказочные мотивы начального неблагополучия, чудесного преображения, чудесного помощника. Однако герой (и сюжет) таких текстов отличается от героев текстов, построенных по чисто сказочным схемам. В таких публикациях повествуется не столько об успехах в искусстве, сколько о различных похождениях героя. Как отмечает Е. М. Мелетинский, для новеллистической сказки, а за ней и новеллы характерно повествование о превратностях, о том, «как герою удалось избежать своей несчастной судьбы» (Мелетинский 1990: 17). В литературе этот тип героя называют «ироническим удачником» (Новиков 1974: 79). Вот и публикации о кумирах рисуют всяческие превратности, не всегда изображая счастливый конец, потому что он предполагается жанром: по условиям

задачи известно, что герой достиг успеха, об этом можно не говорить, а вот изобразить разные его приключения интересно.

Что же за приключения описываются в этих текстах? И что за образы предстают перед читателем в результате таких описаний? Авторы публикаций не прочь изобразить героя-хулигана, успевшего побывать не только на вершине успеха, но и в тюремной камере. Уже рассматривался текст «Конопляный диссидент Харрельсон» (+ все ТВ. 2001. № 1) и говорилось, что о работе актера в кино в нем нет ни звука. О чем же тогда рассказывается? Кроме того, что герой помогает находящемуся в тюрьме отцу, да и сам побывал за решеткой, сообщается следующее: «Но в последнее время Вуди предстает перед судом не как хулиган, а как идейный борец». У читателя не может не проснуться интерес к такому крутому повороту судьбы, да и заголовок пока неясен, хотя прочитана уже половина текста. Оказывается, «идейный борец» борется за легализацию посевов конопли, потому он и «конопляный диссидент». Вот про эту борьбу и повествует автор публикации, заканчивая рассказ такими словами: «В выступлениях перед молодежью он призывает не поддаваться на рекламные уловки и не покупать продукты “DuPont” и “Procter & Gamble”. Ну и обязательно объясняет ребятам, как полезна конопля». Понятно, что при таких описаниях «идейный борец» недалеко уходит от хулигана первой половины повествования.

Популярен герой-ловкач, который постоянно попадает в сложные ситуации и с юмором рассказывает о счастливом исходе каждой из них. Типичный пример такой публикации – «Семен СТРУГАЧЕВ: нос довел до “национальных особенностей”» (Теленеделя. 2001. № 1). О типе героя заявлено уже во врезке: «В кино он невероятно нелепый и смешной. В каждой части “Национальных особенностей...” попадает во всевозможные передрыги. Однако в жизни Семен СТРУГАЧЕВ – это просто умора! Он пародирует всех и вся».

Все дальнейшее повествование – это рассказ о различных происшествиях, которые преследовали героя во время съемок. Типичны для таких сюжетов мотивы везения, случайных совпадений, т. е. различные приемы авантюрного изложения. Как отмечает М. М. Бахтин, «с авантурным героем все может случиться, и он всем может стать» (Бахтин 1979: 117). Именно эта семантика главенствует в рассматриваемом типе публикаций о кумирах

Мотив счастливой случайности вводится в анализируемом тексте самим актером, хотя публикация представляет собой интервью и герой в общем-то волен выбирать, о чем и как ему гово-

рить. Поэтому здесь «приключенческий» уклон особенно показателен. Например, причины, по которым актер оказался участником съемок «Национальных особенностей...», он описывает так: «Это судьба. Причем счастливая. Дело в том, что у режиссера Александра Рогожкина один артист – тоже с длинным носом, которого я не буду называть, потому что мы его все знаем, – то ли отказался, то ли не смог сыграть в “Особенностях национальной охоты”. И тут оказалось, что единственный оставшийся актер в Петербурге с длинным носом – это я. Вот так мне и свезло».

На вопрос журналиста «Какие самые яркие впечатления были от съемок в первых “Особенностях...”?» тоже могут быть разные ответы, но следует такой: «Я там чуть не утонул» (и далее подробный рассказ о происшествии). Подхватывая «приключенческое» направление разговора, журналист спрашивает: «Если уж вы на “Охоте...” умудрились едва не утонуть, то про “Рыбалку...” страшно и подумать!» Ответ вроде бы начинает звучать так, будто тема готова измениться: «На “Рыбалке...”», слава Богу, ничего такого не случилось». Но это обманутое ожидание, потому что через несколько предложений в рассказе актера следует такой поворот: «Но у нас на “Рыбалке...” и без меня чуть восемь человек покойниками не стали» (и далее опять подробный рассказ). Заканчивается интервью описанием опасного трюка, в котором пришлось участвовать герою. В целом получилось повествование о похождениях, приключениях, а актер предстает как авантюрный герой, переносящийся из одного происшествия в другое.

Рассказ о «похождениях» может быть посвящен и герою-неудачнику, хотя, разумеется, это неудачник на особый лад, по меркам «звездной среды». Одна из публикаций так и называется «Пилот-неудачник» (Теленеделя. 2000. № 6). Она посвящена Дэвиду Култхарду, пилоту Формулы-1. Публикация служит ответом на просьбу читателя рассказать об этом человеке, что само по себе уже говорит об известности героя. Между тем в тексте он упорно описывается как неудачник – зачин, например, такой: «Этот 28-летний шотландец – один из самых “невезучих” пилотов во всей “Формуле”. То техника его подведет, то сам не очень подготовленным к трассе окажется, а если и выигрывает, то обязательно с соперниками случается какая-нибудь авария». И так далее в том же духе. Незнающий читатель готов уже, наверное, поверить, что речь идет о немедленном бесславном конце спортивной карьеры героя. В заключение же вдруг сообщается, что в сезоне 1999 года он занял четвертое место. Выглядит все именно как в сказке: неудач-

ник-неудачник – и вдруг на коне. Для большего сходства не хватает только свадьбы. Но и она недалеко, поскольку последние строки публикации следующие: «Посмотрим. Пока что новый сезон для Дэвида начался не с гонок, а с помолвки. Он наконец-то обручился со своей подругой Хайди Вичлински и обещает скорую свадьбу. Торопыга. Вечно эти гонщики торопятся...»

Стандартный сказочный счастливчик и «звездный неудачник» не исчерпывают набор типов героя в публикациях о кумирах. В мужском и женском вариантах здесь нередки новеллистические сюжеты о сексуальных похождениях. Знаменитый сюжет Дж. Боккаччо (II, 7) о путешествии красавицы Алатизель к своему жениху в весьма значительной степени отразился в публикации «Разные мужчины Малявиной Валентины» (+ все ТВ. 2001. № 1). Конечно, развязки, которую лукаво предлагает нам Боккаччо, в жизни быть не может, но параллель вполне возможна. Концовка текста выглядит так: «После тюрьмы она вышла замуж за мастера по металлу, потом – за иконописца... В июне ей будет 60, но она полна сил и планов. Не только творческих». Идея авантюрной новеллы или авантюрного романа, состоящая в том, что время и самые жестокие события не властны над героем, воплощается в этой зарисовке очень ярко.

Повествование о мужском варианте этого типа героя может включать в себя элементы мелодрамы: измены, обманы, брошенные дети. Всего этого, несмотря на малый объем текста, предостаточно в уже упоминавшейся публикации «Кевин КОСТНЕР: как я стал предателем» (Теленеделя. 2000. № 31). Вот несколько строк, рисующих такого мелодраматического злодея: «До 40 лет уже знаменитый герой представлял собой истинного “Фэмилли мэна”, как американцы называют человека, для которого семья превыше всего. Любимая жена Синди, трое детей – Энни, Лили и Джо. Но, перешагнув сорокалетний рубеж, Кевин пустился в загул. <...> С 1994 года за несколько лет холостяцкой жизни Костнер успел прокрутить несколько десятков романов. По нему “сохли” Эль Макферсон, Мира Сорвино и, и, и... Красавец мужчина сумел совратить 18-летнюю фотомоделю Сатью Арго. А в 1996-м Кевин допрыгнулся до скандала с телеведущей Бриджит Руни (далее описывается скандал)». Уже говорилось о том, что этот текст рисует словно бы трех человек: благородного отца семейства, гуляку и труженика, за 18 лет снявшегося в 57 фильмах. Поистине герой авантюрного романа может стать кем угодно.

Мелодраматические интонации окрашивают повествование о семейной жизни многих актеров. Например, уже упоминавшаяся публикация «Парижская колдунья» (+ все ТВ. 2001. № 1) избирает для Марины Влади амплуа женщины, которую всячески обижают родственники умершего мужа (это вариант обижаемой падчерицы). Только один небольшой отрывок, чтобы показать сходство интонаций: «Она хотела поставить на могиле Высоцкого строгий памятник: гранитная плита, на ней – метеорит. Было бы умно и красиво. Но московские наследники поэта решили по-своему, установив безвкусную статую в лучших традициях соцреализма. На памятнике надпись: “От родителей и сыновей”».

Из мелодрамы приходит герой, наделенный «чертами обратимости – контрастной, полярной перемены характеристических качеств своей личности. Эта способность персонажа к превращению в свою противоположность обычно используется для строения пьесного финала» (Балухатый 1990: 63). Так изображен герой в зарисовке «Ковбой из Владивостока» (Телемир. 2001. № 22) об актере Юле Бриннере. Рисуется богач и гуляка, водивший дружбу с великими мира сего. В финале возникает мотив одиночества и, что самое главное, неблагодарности: «Все состояние – около 20 миллионов долларов – он завещал своей четвертой жене, с которой познакомился за два с половиной года до смерти. Его четверо детей не получили ни цента. Его двоюродная сестра Ирина, с которой последние месяцы он проводил сутки напролет, говорил исключительно по-русски и просил, чтобы она сварила ему русский борщ, не была в завещании даже упомянута. Такая вот карамазовщина». Карамазовщина всплыла здесь не случайно. С. Д. Балухатый отмечал, что трагедия может быть прочитана как мелодрама, если фиксировать «внимание лишь на сильнодействующих сторонах драматического зрелища» (Балухатый 1990: 78). Поэтому Достоевского тоже можно прочесть как мелодраму, и тогда его герои превратятся в мелодраматических злодеев или страдальцев, а знаменитая «инфернальность» окажется мелодраматической обратимостью, что и произошло в публикации о Юле Бриннере.

Герой может изображаться как сказочный или авантюрный «тертый калач», который никогда и никому не позволит себя провести и который всегда сумеет соблюсти свою выгоду. Таким, например, нарисован Леонардо ди Каприо в публикации «Лео, несущий золотые яйца» (+ все ТВ. 2001. № 1): «Звезда через адвокатов следит, чтобы никто не наживался на нем без его ведома. Например, в 1999 году Лео через суд заставил кафе в Германии

убрать его имя с вывески». В лучших традициях авантюрного романа и сказки автор публикации ставит перед героем трудную задачу. Правда, жизнь не сказка, поэтому текст заканчивается лишь постановкой задачи, но отнюдь не ее чудесным разрешением: «Надеюсь, актер не придет в Россию: при виде футболок, календарей, школьных тетрадок, постеров, значков, кружек с его изображениями Лео хватит удар – из России он не получает ни копейки...»

Не обходят авторы своим вниманием и такие типы героев, как чудак или загадка. Первый нередок в бытовых сказках, это амплуа любят журналисты избирать и для кумиров публики. Так, в образе Аль Пачино подчеркивается именно эта черта – перед читателем предстает удачливый чудак: его путают с Робертом Де Ниро (публикация так и называется «Аль Де Ниро» – «+ все ТВ». 2001. № 1), но это нисколько не вредит его собственной популярности; он по непонятным причинам отказывался от участия в фильмах, имевших громкий успех («Крамер против Крамера», «Апокалипсис сегодня», «Звездные войны», «Красотка» и др.), но и без них ему хватает успехов и славы.

Загадочной личностью изображена Линда в публикации «Изнанка Линды» (Теленеделя. 2000. № 31). Образ этот построен по стандартам мелодрамы и авантюрного романа, а сквозной смысл текста – загадочность, неясность, неизвестность. Например, первая главка озаглавлена так: «Есть в женщине какая-то загадка», после чего следует такой зачин: «Пожалуй, и не найти более загадочной фигуры за всю историю российской музыки, чем певица по имени Линда. Говоря о ней, ничего нельзя утверждать наверняка: на любой миф находится другой, еще более правдоподобный». Текст занимает почти полосу, но в последней главке по-прежнему звучит мотив неизвестности: «Так и не понятно: то ли Фадеев бросил свою “ворону”... то ли Линда почувствовала в себе силы самостоятельно двигаться в том направлении, которое умело задал Макс. Только неизвестно, надолго ли хватит инерции...»

Часть публикаций строится по законам анекдота. Е. М. Мелетинский отмечает, что форма эта зародилась также в жанре сказки и мифа, уходя корнями своими в повествования о проделках мифологических плутов (трикстеров) (Мелетинский 1990: 8). «Анекдот, – пишет Е. М. Мелетинский, – узнается по его комической направленности, заостренности, парадоксальности, по краткости и крайне простой композиции (эпизод или серия коротких эпизодов), можно сказать “ситуативности”» (1990: 19). Героя «анекдотов о кумирах» можно охарактеризовать как удачливого чудака.

Приведем полностью один такой текст – «Луи де Фюнес: сам себе Пигмалион» (Теленеделя. 2001. № 1):

«Как ни странно, французский режиссер Жерар Ури, на весь мир прогремевший своим даром снимать потрясающие комедии, в начале своей карьеры вовсе не думал смешить людей. Более всего Жерару нравилось делать грустные фильмы. Но однажды к режиссеру подошел никому не известный актер из массовки и, глядя на него снизу вверх, печально произнес: “Знаете, месье Ури, вам бы лучше удавались комедии. Вы вряд ли сможете раскрыть талант в полную силу, занимаясь производством слезовыжималок”. Удивившись такому откровению, Жерар внял интуиции незнакомца, которого, как оказалось, звали Луи де Фюнес. “Вот я и возьму этого чудака на главную роль в моей первой комедии”, – подумал Ури. Дебют под названием “Разиня” прославил обоих. Потом они сняли “Большую прогулку” и “Манию величия”. Кстати, сценарий последнего фильма Жерар написал специально для Луи. Актер, будучи потомком испанских дворян, с удовольствием сыграл жадного сборщика налогов, который решил соблазнить королеву».

Двойная начальная недостача (каждый из двух героев занимается не своим делом), ситуация, когда один «неудачник» дает советы другому «неудачнику», и неожиданная развязка создают достаточно характерный рисунок анекдота.

Таким образом, публикации о кумирах заимствуют многие элементы структуры различных жанров, образы героев таких публикаций создаются по канонам различных литературных форм: сказок, авантюрных новелл, мелодрам, анекдотов, рождественских историй. Сильнее всего ощущается все-таки влияние сказочных прототипических схем. В условиях идеологического вакуума, когда бюрократическая система не может, да и не хочет позволить, чтобы общество обзавелось хоть какой-то концепцией собственного развития, обращение к глубинным прототипическим схемам вполне объяснимо как способ представления людям неких положительных образцов «жизнеустройства», пусть недоступных, но вполне реальных.

Эти публикации трудно зачислить в какие-то традиционные журналистские жанры. Мы условно называли их зарисовками, но для настоящей зарисовки они недостаточно выразительны и наглядны. По степени постоянства набора их содержательных элементов, по их ориентации на популярные прототипические схемы, по их развлекательной функции эти публикации можно было бы назвать «журналистскими сказками». Популярность жанра говорит

о востребованности чего-то возвышающегося над обыденностью и в то же время лишённого какой бы то ни было назидательности или выпренности. Реальный успех, реальная известность, достигнутые честными средствами, без грабежей и убийств, – думается, именно это привлекает адресата в данном жанре. Прототипические схемы популярных литературных форм как нельзя лучше позволяют воплотить такое содержание.

ОБРАЗ ЧЕЛОВЕКА В ЦЕРКОВНОЙ ПРЕССЕ

Последнее десятилетие XX в. отмечено еще и активным развитием церковной прессы. А это означает, что аудитория получила новый канал, формирующий образ человека на иных идеологических основаниях, чем это делает светская пресса. Мы обратимся к опыту тех лет, в котором ярко проявились поиски образов и поддержки этих поисков. Начало второго десятилетия XXI в. покажет нам, как сегодня решаются авторами сложные творческие задачи.

«Портретные» публикации церковной прессы рисуют набожных, стойких в вере людей. Это, во-первых, жития, а во-вторых, рассказы о простых людях, которым вера в Бога помогает жить.

Многочисленные жизнеописания святых и подвижников подчинены описанному в литературе канону (Кусков 1977). Нас интересует, как авторы церковной прессы информируют читателя о жизни подвижников и эмоционально воздействуют на него.

Отбор событий из жизни подвижников освящен канонem: детство с его упорным стремлением в монастырь, уход в монастырь, подробный рассказ о подвиге служения Богу (Описание канона жития в сопоставлении с художественным текстом см.: Ветловская 1977: 162–198). Бытовые подробности сохраняются лишь в связи с описанием тягот отшельнической жизни (постная пища, ветхая одежда, убогая утварь, тесная келья). Пространство и время как бы поглощаются канонem. Вот публикация В. Прихожанина «Американский русский святой» (Православная газета. 1996. № 15). В этом рассказе преподобный Герман Аляскинский только что был на Валааме, и вот он уже на острове Кодьяк у берегов Аляски. Но это 1793 г., уж конечно, подвижник добирался туда не самолетом. Однако о пути, который сам по себе является великим трудом, не говорится ничего. Это протопоп Аввакум будет повествовать о дорогах и переездах. В древнем же житийном каноне земных пространств нет. Точно так же незримы и временные промежутки, хотя даты событий отмечаются точно. Вот, например, как вводится временной указатель в следующих двух текстах:

«После пятилетней безмолвной жизни отец Серафим начал принимать и посторонних и уже не отказывал никому, кто только желал принять от него благословение и воспользоваться его советами. А потому и число посетителей время от времени все более умножалось. Многие из дальних мест начали приходить к нему. Приходящих он благословлял и делал им краткие поучения, смотря по душевным нуждам каждого. При этом он имел обыкновение приходящим к нему раздавать антидор или раздробленные на мелкие частицы благословенные хлебы. И все принимали их от него с благоговением, почтением и любовью. В затворе пробыл он около семнадцати лет» (Серафим Саровский: Жизнь и духовные наставления // Бизнес-знание. 1998. № 22);

«Здесь он построил себе в лесу келью-землянку, разбил маленький огородик. Его не пугало страшное северное одиночество, долгая оторванность от людей, ибо неширокий пролив, отделяющий остров от Кодьяка, был необыкновенно бурным, особенно зимой. Он тосковал немного по своей прежней обители, даже остров Еловый переименовал в “Новый Валаам”. Уединение его было настолько полным, а тишина и мир, исходившие от него, настолько глубокими, что с ним, как некогда с преп. Сергием Радонежским, подружился медведь, которого о. Герман кормил из рук, к нему сбегались пугливые горностаи [далее подробно о горностаях]. Зимой землянку его заваливало снежными сугробами, и от этого в ней становилось не так холодно. Ведь ходил преподобный в равном и ветхом рубище, да еще носил железные вериги весом в 15 фунтов, а спал на самодельной еловой скамье с кирпичами под головой, укрытый вместо одеяла широкой деревянной доской. Если к этому добавить еще и то, что о. Герман все эти долгие сорок лет на о. Еловом неизменно и усердно постился, то нам сейчас даже трудно и представить, как бы мы смогли выдержать такую жизнь» (Православная газета. 1996. № 15).

Автор совершенно прав: читателю невозможно представить себе эти сорок лет Германа Аляскинского, так же как и семнадцать лет Серафима Саровского, и еще много других больших временных отрезков в других жизнеописаниях. У аудитории нет навыка чтения житий и, можно сказать, нулевые сведения о жизни монастырей и отшельнических келий. Эти огромные временные промежутки читателю нечем заполнить из фоновых знаний, а значит, и представить нельзя. Да еще деятельность подвижника, в расчете на читательское умиление и благоговение, авторы заполняют длинными перечнями, подобными следующим:

«Местность пришлась по душе о. Илии. Несмотря на слабость сил, он неопустительно держал здесь свое молитвенное правило: пищу ему служили сухари с водою, иногда картошка, чай. Келия его отстояла от келии старца Евдокима на расстоянии полутора верст, они вместе ходили на причастие в Верхотурье каждые три недели» (Жизнеописание преподобного Илии Подвижника – схимонаха Илии (Чеботарева) // Православная газета. 1997. № 13);

«Вместе с тем, о. Илия увеличил молитвенное правило, умножал число поклонов до трех тысяч за ночь: в каждой сотне было восемьдесят поясных и двадцать земных поклонов. Теперь он часто ходил в церковь и, когда позволяло здоровье, работал физически: колол дрова, наблюдал за огородами. На единственной прижизненной фотографии он стоит с лопатой. Как на Валааме, так и здесь в баню никогда не ходил. В полночь обязательно был на молитве и часто любил повторять: “Помни последняя твоя, и во веки не согрешиши”» (Православная газета. 1997. № 14);

«Он начал просить у Настоятеля Иеромонаха Исаяи благословения на жизнь пустынную и уединенную, в подражание древним пустынножителем, и, получив от Настоятеля благословение, в 1794 году с несказанною ревностью и радостью удалился в пустынную келью, отстоящую от монастыря в пяти верстах в лесу, близ речки Саровки на горе. По вступлении в жизнь отшельническую, телесные его упражнения состояли в возделывании гряд для посадки картофеля и других овощей, также в приготовлении дров для отопления кельи, душу насыщал он чтением Священного писания Ветхого и Нового Завета, творений Иоанна Лествичника, Ефрема Сирина, Исаака Сирина и добротолубия» (Бизнес-знание. 1998. № 22).

«Православная газета» активно распространялась среди населения. Один из авторов этих строк, например, в описываемый период получил несколько номеров в екатеринбургском трамвае, за небольшое пожертвование на храм. Получили газету и еще несколько пассажиров. Следовательно, нельзя сказать, что пишущие рассчитывали на какую-то избранную, осведомленную аудиторию. Их аудитория – всякий желающий ознакомиться с содержанием номера. А опрос екатеринбургских социологов, проведенный в тот период, показал, что около 70 % верующих посещают церковь и исполняют религиозные обряды от случая к случаю (Исследование религиозной ситуации в Свердловской области // Православная газета. 1997. № 3–4). Поэтому вряд ли у аудитории есть навык молитвенного состояния, умиления, погруженности в переживание ре-

лигиозных истин. В результате трудно сказать, умиление, восторг или же какие-то иные чувства (недоумение, недоверие, а то и неприятие) вызывали детали, подобные перечисленным. Как такая аудитория воспринимала три тысячи поклонов за ночь или многолетний отказ от посещения бани? Не посетила ли кого-то та же мысль, которая, по мнению В. Ф. Пановой и Ю. Б. Вахтина, посетила Мухаммеда, размышляющего о христианах-насара: «Отталкивающее впечатление производили на Мухаммеда и ненависть насара к человеческому телу, нелепая идея умерщвления плоти как похвального и богоугодного деяния. Получалось так, что Бог, наделивший человека потребностью есть, пить, любить, все это не то не одобряет, не то запрещает. И почему Богу нравится, если человек предстает перед ним на молитве грязным, нечесаным, вонючим?» (Панова, Вахтин 1990: 85–86).

Возникает предположение, что есть только один путь предупреждения таких нежелательных впечатлений и суждений: во-первых, четкое осмысление специфики аудитории, затем, в свете этого – житийного материала и, во-вторых, такое построение жизнеописания, в котором всеми средствами подчеркивалась бы главная мысль, отвечающая потребностям и ожиданиям аудитории. Не возникает мысль, что нужно переписывать канонические тексты – они освящены веками и неприкосновенны. Но ведь речь идет о газете. Для газеты пишут сегодняшние люди. Кто сказал, что в сегодняшней газете надо писать так, как писали несколько столетий назад? Сам Христос, как известно, приспособлял свои речи к слуху своих учеников и вопрошателей – он говорил притчами. Если нынешняя аудитория вряд ли представит, как заполнить сорок лет общением с медведями, горностаями и лежанием под широкой доской, – нужно ли ее к этому принуждать, во всяком случае принуждать вот так, в лоб? Тем более что подобные характеристики больших отрезков времени могут вступать в противоречие с остальным содержанием текста, как это произошло, например, в уже цитированной публикации «Американский русский святой». В ней подчеркивалось, что на острове Еловом Герман Аляскинский пребывал в полном одиночестве: «Остров был необитаем. В первые годы отшельник месяцами не видел ни одной человеческой души. Позже, после смерти преподобного, на острове не раз пытались поселиться монашествующие, но никто не выдерживал одиночества, уезжал, а было и такое, что от тоски и заброшенности вовсе накладывали на себя руки». Поскольку это шло в дополнение к уже приведенному описанию сорокалетнего общения с медведями и

горностаями, у читателя складывалось впечатление о пустынножителе, который слушает только голоса Бога и природы и приносит только слова молитвы и покаяния.

И вдруг следует последняя треть текста, из которой явствует, что к этому отшельнику «толпами приходили» алеуты, что через Русско-Американскую компанию преподобный Герман хлопотал о помощи для них, что он «основал приют, где воспитывал нескольких сирот. Сам учил их церковному пению и Закону Божьему. А когда к нему на Новый Валаам (т. е. на остров Еловый) приехало пожить несколько женщин, то девочек-сироток он препоручил им». Спрашивается, как должен читатель в своем представлении совместить эти две картины жизни одного и того же человека? Не останавливается ли он в полном недоумении перед вопросами: откуда сиротки на необитаемом острове (потом еще оказывалось, что среди них были девочки)? Где был этот приют, кто его построил и когда? Где собирались пожить на необитаемом острове женщины, которым затем препоручили девочек? Вся эта неясность речи проистекает из того, что автор, увлеченный деталями, вводит мало материала, который обеспечивал бы связность и целостность текста.

Гораздо полезнее и для газеты и для читателя было бы показать деятельную сторону жизни подвижника, проанализировать психологическую сторону его деяний. Сейчас ведь нация нуждается именно в психологической помощи, в ответе на вопрос, ради чего стоит преодолевать трудности повседневной жизни, как победить стяжательство, хамство, злобу. Между тем труды подвижника описаны автором коротко, торопливо и несвязно, причем в стольких же строчках, в скольких живописуются резвящиеся на руках у преподобного горностаи.

В анализируемых жизнеописаниях не было того несколько гиперболизированного описания чувств героя, которое характерно для традиционной житийной литературы (см.: Лихачев 1986: 35–36). И это, может быть, хорошо, потому что вряд ли сегодняшняя аудитория склонна доверять аффектации. Но, к сожалению, в этих публикациях не было и второй стороны эмоционального потенциала житий, о котором Д. С. Лихачев говорил, что объединяющей силой в таких текстах является не последовательность психических состояний героя, а переживание судьбы героя автором. «Писатели стремятся подчеркнуть размеры своих чувств, их мистическую значительность и невыразимость» (Там же: 36). В этом отношении газетные жизнеописания в прессе того времени были бедны и нецелостны. Лишь временная канва объединяла тексты, фрагменты

же содержания, как это было показано, могли вообще не складываться в единую картину, или же это получалась картина перечислительная, неэмоциональная, несмотря на обилие устаревших слов и сложных синтаксических конструкций.

Между тем газетным авторам было у кого поучиться. Например, повесть Бориса Зайцева «Преподобный Сергей Радонежский» (М., 1991), наверное, можно рассмотреть не столько как повесть, сколько как аналитический портретный очерк, поэтика которого была доведена до совершенства нашими публицистами 70–80-х гг. Напряженная анализирующая мысль позволила достоверно и увлекательно для читателя показать суть характера Сергея Радонежского, а безупречное писательское чутье обеспечило яркую изобразительность письма. Коротко скажем о том и о другом.

Ранее говорилось, что газетные жизнеописания как бы беспространственны и безвременны. Б. Зайцев, напротив, умело связывает шестисотлетней давности пространства Руси с образом героя:

«Митрополита Алексия в то время не было в Москве. Сергей с двумя старейшими из братии пешком отправился к его заместителю, епископу Афанасию, в Переяславль-Залесский. Явился он к святителю рано утром, перед литургией, пал на колена и просил благословения. В век, когда святые ходили пешком и когда к Лавре вряд ли и проезжая была дорога, когда к епископу, наверное, обращались без доклада, мало удивляет, что епископ спросил скромного монаха, запыленного, в грязи, кто он» (Зайцев 1991: 86).

«Как бы то ни было, победил Сергей – старичок из Радонежа, семидесятилетними ногами по грязям и бездорожью русской осени отмеривший верст двести!» (Там же: 114).

Столь же представимо в повести время:

«Он взялся за топор и на Киржаче. Помогал монахам строить кельи, копал колодезь, просил митр. Алексия поставить церковь – и поставил. Помогали в этом и со стороны, конечно, присылали подаяния. Ввел общежительный устав и здесь... Сергей пробыл на Киржаче 3–4 года» (Там же: 101–102).

Разве трудно представить себе эти три-четыре года? В контексте повести совсем не трудно. Строительство – дело небыстрое, а общежительный устав требует дисциплины и, следовательно, воспитания людей. Писатель ранее все это на примере Лавры описал подробно, поэтому сейчас читателю несложно обогатить полученную информацию уже известными представлениями и наполнить картину нужными деталями и смыслом.

А этот смысл – художественную концепцию – автор последовательно проводит от начала повести до конца. Б. Зайцев выделил две черты, важные для него в герое: «Да, Сергей был не только созерцатель, но и делатель. *Правое дело*, вот как понимали его пять столетий» (Там же: 74). И это его спокойное, добросовестное делание автор и показывает на протяжении всего произведения:

«В сосновых лесах он возрос, выучился ремеслу, через столетия сохранил образ плотника-святого, неустанного строителя сеней, церквей, келий, и в благоухании его святости так явствен аромат сосновой стружки» (Там же: 81); «Святитель-плотник радонежский огражден от многого – суровою своей страной и чинным детством. Надо думать, что вообще пустынный искуc был для него легче, чем давался он другим. Быть может, защищало и природное спокойствие, ненадломленность, неэкстатичность. В нем решительно ничего нет болезненного. Полный дух Св. Троицы вел его суховатым, одиноко-чистым путем среди благоухания сосен и елей Радонежья» (Там же: 84).

Итак, в газетных жизнеописаниях вполне возможно использовать литературный опыт отечественной публицистики, отработавшей приемы последовательного и эмоционально яркого проведения пытливой мысли через весь текст, что обеспечивает смысловую целостность произведения и глубину его воздействия на читателя.

Если рассмотренная группа текстов призвана рассказать об истории православия, о подвижниках веры, то вторая группа должна, по-видимому, показать читателю, как должен жить верующий человек в обычной жизни, в наши дни. Наверное, предполагается, что этот опыт праведной жизни читатель может как-то применить к себе. Какой же опыт предлагали нам публикации того времени? Вот несколько примеров:

«Клавдя» (Православная газета. 1997. № 11) – девяностолетняя старушка, изгнанная злой родней из дома, доживает свои дни в каморке при храме и, окруженная любовью всех прихожан, просветленная, умирает;

«Вечерний звон» (Православная газета. 1997. № 21–22) – старец Василий слушает вечерний звон и во время службы размышляет о жизни;

«Плач Евдокии» (Православная газета. 1997. № 15) – семидесятилетняя больная немощная старушка молится в церкви, кается в грехах, а тайный голос обещает ей скорый вечный покой.

Из литературного прошлого опубликованы:

«Блаженный» (С. Глебов // Православная газета. 1997. № 12) – блаженный Яков предсказал смерть старушки во время эпидемии холеры;

«Не от мира сего» (В. Васильев // Православная газета. 1997. № 10–20) – старый отшельник-пчеловод живет на природе без уныния и злобы;

«Юшка» (А. Платонов // Православная газета. 1997. № 9) – больной и убогий помощник кузнеца, которого обижают все кому не лень, воспитал девочку-сироту, выучившуюся на врача.

Наверное, такие рассказы могут утешить богомольных старушек. Но как их должны оценивать родители, воспитывающие детей, или молодежь? Авторы старательно описывали беспомощность, убогость, нищету своих героев:

«Появилась она лет пятнадцать назад зимой, в самые лютые морозы. Тощенькая, как хворостинка, в какой-то донельзя выношенной плюшевой шубейке, дырявых валенках, с головой, обмотанной за неимением платка, махровым полотенцем, она умудрилась за ночь пройти двадцать километров от деревни Чашино до райцентра и при этом не обморозиться» (Клавдя); «Возле стола с поминальниками сидит Евдокия на краешке стула, в черной ветхой шубейке с потертыми рукавами, сереньком платочке и стареньких ботинках со сбитыми каблуками» (Плач Евдокии); «Появилась, как привидение, во всем белом, мирно, но быстро двигавшаяся вперед рослая и мощная фигура блаженного с открытой головой и с длинным посохом в руках, на босу ногу, как он всегда ходил и зимой и летом» (Блаженный).

Спрашивается, какой современный читатель согласится добровольно примерить на себя такой костюм? И потом в сорок или в двадцать лет думать о девяностолетних немощах несколько сложновато. Остается извлечь из публикаций лишь одну мысль: надо верить. Но об этом и так все говорят и пишут. Представляется, что самый большой недостаток этих публикаций (кроме многозначного и отнюдь не слезливого «Юшки») – бедность, плоскость содержания. Это, конечно, общее качество нравоучительных текстов, но здесь такая нравоучительность, которую значительная часть читателей никак не может отнести к себе. В конце концов, люди сегодня хотят знать, как и для чего жить в двадцать или в сорок лет, а им объясняют, как умирать в девяносто.

В годовой подшивке «Православной газеты» было несколько публикаций о героях юных и о героях средних лет. Но что это за рассказы? В «Выборе дороги» (1997. № 18) автор В. Прихожанин

повествует о том, как воспитанник детского дома решает уйти в монастырь; в его рассказе «Бесценный Хранитель наш» (1998. № 5–6) идет разговор об Ангеле-хранителе, излагается несколько случаев его помощи разным людям. И лишь, пожалуй, сказка Владимира Словцова «Во главе угла» (1997. № 6) хоть как-то поддерживает бодрость духа. Один из двух братьев – верующий Тимофей – живет в нормальном чистом доме, спокойно трудится и радуется жизни, а вера наставляет его в выборе правильного поведения, доброжелательного отношения к людям, вера укрепляет его жизненные силы.

Между тем в нашей литературе имеется просто образцовое произведение рассматриваемой направленности. Это «Лето Господне» И. С. Шмелева, где глазами ребенка видится осмысленная трудовая жизнь, которую в радостные и печальные тона окрашивают церковные праздники, сохраняющие для героев глубокий смысл. Здесь вся жизнь: и работа, и еда, и молитвы, и забавы, и дом, и рынки, и магазины. И все естественно живет в ритме религиозных обрядов. Невосстановимо. Но ведь газетные публикации и не о прошлом должны сообщать. Неужели, возникает вопрос, от лица церкви нельзя выразить одобрение честной работе, мужественному поступку, доброй семье, выразить так, чтобы искреннее чувство автора, достоверность деталей, ясность мысли подействовали на читателя благотворно, как и должно действовать слово верующего человека. Чтобы заронить веру в Бога, совсем не обязательно без конца говорить о поклонах и молитвах. Наше внимание привлек тогда рассказ Н. Коняева «Толстовец» (Православная газета. 1996. № 15). Там совершенно точно показано, как вера может зажечься в человеке от искреннего поступка и слов человека верующего:

«Петр Андреевич попытался представить, какими глазами смотрит отец Игнатий на эти неказистые, ничего особенного из себя не представляющие родники, попытался вообразить разочарование, которое, небось, испытывает сейчас священник, и ему стало обидно и за родники, и за самого себя. От этих невеселых мыслей отвлек Петра Андреевича голос отца Игнатия.

Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояние Твое... – опускаясь на колени, проговорил священник. Перекрестил воду, зачерпнул ее ладонями из сруба, попил, потом так же неторопливо умыл лицо. Поднялся и, отойдя чуть в сторону, присел на поваленной сосне. У Петра Андреевича даже дыхание перехватило от высокой целомудренной красоты происходящего».

Вот и все. Нужно только такие слова найти.

Пресса начала XXI века

Сегодня мы не можем представить себе «пресс-меню» одной семьи за один день. Но можно описать некий газетно-журнальный «развал», где каждый найдет для себя таких героев, которые больше ему по душе. Здесь есть все: и исторические личности, и актеры как прошлого, так и настоящего, и звезды шоу-бизнеса, и бизнесмены, и политики. Герои говорят о себе сами, и о них рассказывают другие. По-прежнему эксплуатируются сказочные, мелодраматические, рождественские сюжеты. Мы видим суперменов, ловкачей, шутников, пай-мальчиков и пай-девочек, везунчиков и недотеп. Приобретенный прессой опыт не пропал: продукции столько, что все наработанное находит применение, все пускается в ход.

Исторические портреты, два десятилетия назад «перечислительные», словно боящиеся не успеть донести до читателя неизвестные ему имена, события, идеи, сегодня стали обстоятельными, богато иллюстрированными, написанными выразительно, а порой и изобразительно.

Вот очерк Людмилы Соколовой «Царица Евдокия. Украденная жизнь» в рубрике «Легенда» (Имена. 2011. № 2). «В 18 лет – монархиня, в 28 – монахиня» – как сказано в подзаголовке. Эта судьба и рисуется в тексте. Автор использует несобственно-прямую речь с некоторой стилизацией под старину, прием хорошо известный нам по роману А.Н.Толстого «Петр Первый»:

«Вот уж и солнышко ярко светит, и капель с крыш зачатила, а “свет ненаглядный” заскочит – не успеешь насмотреться, наговориться – и нету его. Зверем глядит свекровушка, да лекарей присылает проверить, не порченая ли?.. Только и остается, что тайком плакать».

Петр в очерке – жестокий самодур, разлучающий мать и сына (царевича Алексея), обрекающий жену, насильно постриженную в монахини, на нищенское существование:

«Теперь ее удел – деревянная келья, выстроенная у стены. Молиться ей предписано в маленькой надвратной церкви, куда ведет из кельи крытая галерея. И ни копейки на кормление. Нищенкой, мол, живи, на подаяния...»

Концовка показывает, какого типа судьбу решила изобразить Л. Соколова:

«Царица, как называли ее до конца дней, предпочла тихо жить в Новодевичьем монастыре. Там Евдокия Лопухина-Романова – женщина, которую унизили и оболгали, лишили радости любить,

отняли сына, – скончалась 27 августа 1731 года. Ей был 61 год. У нее, по сути, украли жизнь».

Уж конечно, не россиянину удивляться такой судьбе. Мало ли подобных судеб в нашей истории?! У миллионов украли жизнь российской власть разных веков и разных наименований. Так что автор создал очерк судьбы, хорошо нам знакомый и по более поздним временам.

Были популярны в два последних десятилетия и продолжают создаваться сейчас исторические портреты, опровергающие бытующее мнение. На нашем газетно-журнальном развале мы находим и такой портрет.

Очерк Фомы Еремина «Идеалист служивый» (Story. 2011. Февр.) посвящен Алексею Андреевичу Аракчееву. Журналист и не скрывает своей цели. Сразу в лиде он напоминает: «Со школы мы знаем, что Аракчеев – это солдафон, губитель всего живого и прогрессивного». И это заявление резко контрастирует с заголовком, оповещающим читателя, что речь пойдет об идеалисте. Трудно совместить эти две характеристики. И автор старается объяснить читателю, как такой «коктейль» получился.

Общий смысл его рассуждений:

«Основной чертой, определявшей личность Алексея Аракчеева, был идеализм. Людям он не доверял, но в идеи верил свято. Такая вера была вполне в духе просвещенного XVIII века, который верил в грядущее царство разума. Но Аракчеев – военная косточка – воспринимал рационалистические теории сквозь призму армейского устава и не сомневался, что, говоря на языке устава и строгих инструкций, человечеству можно объяснить, как жить и что делать».

И снова ненавязчиво устанавливаются смысловые связи с нашим временем. Вот название главки о военных поселениях «Хотели как лучше». Вот последняя часть озаглавлена «Непредсказуемое прошлое» (а вся страна несколько последних месяцев смотрела «Суд времени», где и велись разговоры о нашем российском непредсказуемом прошлом). И снова приходит мысль о том, что чуть ли не сто лет стране навязывалось счастье по уставу, а инструкций, «как жить и что делать», немало еще и сейчас, бюрократия (и в аракчеевские, и в наши времена) без них жить не может.

На нашем развале мы найдем целые россыпи очерков об актерах, поэтах, ученых, художниках прошлого, далекого и близкого. В этом же номере «Story» опубликован очерк Ивана Зюзюкина «Пока природа отдыхала» о юном Чарльзе Дарвине, еще только-

только приближающемся к своему кругосветному плаванию на корабле «Бигль». Автор недаром в лиде задает вопрос «Откуда берутся гении?» Конечно, это вопрос на все времена. Но раз он поставлен, какой-то ответ давать придется. И журналист говорит: из любопытства, гении берутся из любопытства. Он рисует «не-насытное любопытство» своего героя: «Изучая природу, он видит перед собой только то, что есть на самом деле, а не то, что следует, исходя из той или иной теории. И в этом его преимущество перед профессионалами – простая и великая способность видеть очевидное, свойственная детям и гениальным взрослым, не гарантия, но залог великого открытия в науке...»

Как видим, пишущие обращаются к истории уже не просто за тем, чтобы ликвидировать какие-то белые пятна. Исторические личности сегодня уже призваны, чтобы поставить сложные проблемы, высветить некие тенденции, соединяющие прошлое и настоящее.

Разнообразны портретные публикации, посвященные предпринимателям, как отечественным, так и зарубежным. По-прежнему это позитивно и негативно окрашенные образы.

Еще занимает авторов вопрос о первоначальном капитале, но ответ на него уже может обходиться без «вдруг». В очерке Игоря Найденова «Есть надежда» (Русский репортер. 2011. № 5. 10–17 февр.) рассказывается о главе национальной родовой общины «Верхне-Вахская» Надежде Авраменко. Без всякого тумана и неожиданного «счастья» рассказывается, что во главе общины Авраменко встала, «можно сказать, по наследству – после того как умер ее отец, стоявший у ее истоков». Закупка и продажа продуктов охоты, рыболовства, собирательства нескольких десятков хантыйских семей – вот бизнес героини очерка.

Что уж говорить о сфере Интернета? Руководители компании Yota (беспроводной Интернет) в очерке Эдуарда Дорожкина «Магистры “Июты”» (Tatler. 2011. Февр.) явно не замешаны в ваучерной приватизации, беззалоговых аукционах, рейдерстве и прочих прелестях первоначального накопления и передела капитала. Об одном из них скромно говорится: «Денис первые серьезные деньги заработал еще в двадцать семь лет на IT-консалтинге».

Основное, что интересует авторов, – это ведение дел, поиски эффективности и (уже так!) социальная ответственность бизнеса героев. Например, о Н. Авраменко: «Помимо закупки плодов нехитрой хантыйской жизнедеятельности Надежда решает всевозможные проблемы общины: участвует в коммерческих конкурсах

на охотничьи билеты, занимается культмассовой работой, выбивает из администраций разных уровней по льготным ценам технику – снегоходы, радиостанции, лодочные моторы. И хантам хорошо – она обеспечивает их заработком, то есть выполняет часть обязательств государства по поддержке малого народа. И для Надежды неплохо – на региональном рынке, кроме нее, такую продукцию почти никто не реализует. Можно сказать, монополистка».

«Магистры» подбирают кадры, живущие по принципу «не могу не делать» и экспериментируют со своим коллективом, например: устраивают дни Yota Air, когда все подразделения работают вне офиса, дни Yota Kids, когда в офис можно приходить с детьми; выплачивают повышенные оклады; устраивают совместные с сотрудниками завтраки, обеды или ужины.

В обоих очерках подчеркивается разумное отношение героев к деньгам, отсутствие алчности.

«У меня нет идеи фикс заработать к такому-то времени такую-то сумму», – говорит один из «магистров». А наша «хантыйская начальница», в бытность свою «кухработником» в детском саду, когда и обед малышам надо приготовить, и дров нарубить, пережила такую минуту: «Рублю и рыдаю. И обещаю себе, что обязательно стану богатой и больше никогда не буду голодной. А когда стану – буду помогать слабым». И ведь стала и помогла: из первых же своих прибылей отдала деньги в детский дом (бухгалтерша думала, «в конверте денег от силы на десяток мягких игрушек. А там много щедрее. Много»).

Добавим, что та же информация транслируется в многочисленных портретных интервью. Так формируется некий идеальный образ бизнесмена. Образ этот поддерживается публикациями и о зарубежном бизнесе, как прошлом, так и настоящем. Например, журнал «Компания» (2011. № 4) публикует очерк Аллы Копполы «Торговля не по правилам», рассказывающий об Эдварде Файлине (1871–1937), владельце магазина (потом сети) Filene's. Торговля готовым платьем была усовершенствована за счет многочисленных новаторских приемов, изобретенных Файлином. Его «изобретательская» деятельность и интересует автора. На бирках сообщалось о составе ткани и производителе, можно было «возвращать товар без объяснения причин и получать обратно всю стоимость покупки». В самом начале XX в. Эдвард Файлин изобретает систему автоматической уценки и перемещения уцененных товаров с верхних этажей магазинов на нижний этаж: чем дольше товар оставался непроданным, «тем выше была скидка – 25 % через не-

делю, 50 % через две недели, 75 % через три, а по истечении четырех недель нереализованную продукцию отдавали на благотворительность». Герой заботится об организации труда: «Файлин установил минимальный размер зарплаты, ввел пятидневную 40-часовую рабочую неделю, зимние каникулы, социальные и медицинские страховки и оплачиваемый отпуск для сотрудников. Увеличение зарплаты Файлин вообще считал неперменным условием развития торговли: если у людей будут деньги, они станут их тратить, не так ли?»

В общем, СМИ активно разрабатывают положительный образ бизнесмена. По большому счету, это некое накапливание сюжетов для беллетристики, без чернухи, крови и мордобоя.

Интересны и отрицательные персонажи, опять же свои и чужие. Журнал «Компания» (2011. № 7) рассказывает о том, как бегал по миру от долгов «владелец группы компаний “Энергомаш” Александр Степанов». Изложение «перечислительное», но энергетика этих «бегов» впечатляет. Чуть ли не повесть об американском Мавроди публикует «Караван историй» (2011. Март). Крах финансовой пирамиды Бернарда Мэдоффа в 2008 г. потряс не только Америку, но и мир. Этому герою посвящен очерк Пэгги Лу «Бернард Мэдофф: правдивая ложь». Нарисован очень выразительный характер, напоминающий Момуса в повести Бориса Акунина «Пиковый валет». Благожелательный, домашний, надежный, любимый подчиненными и семьей, в его инвестиционную компанию стекались деньги со всех концов планеты. А потом крах, 150 лет тюрьмы, самоубийство старшего сына, распродажа всего имущества. Такой вот сюжет нам в назидание, готовым снова нести деньги непотопляемому, уже гуляющему на свободе нашему российскому «Мэдоффу» Мавроди.

В общем, фигура предпринимателя стала привычной для очеркового пространства, спокойно анализируется и изображается. Журналист часто оказывается на месте событий, то у героев в офисе («Магистр» Торгов «исчезает в каком-то потайном помещении в парадной рубашке, которую надевал для съемки, и через секунду возвращается в удобной темно-серой водолазке»), то вообще в тайге, под открытым небом («Второй час как мы плывем на моторке. Надежда Авраменко решила проинспектировать, как обстоят дела в родовых угодьях. <...> В глазах рябит от воображаемых лосей и медведей»). Накопленные очерковые богатства опять востребованы и в новых идеологических условиях позволяют создавать портреты людей деятельных и творческих.

Политический портрет, как представляется, слегка «увял». Опять политики несколько уходят в тень. Успешные, наверное, предпочитают спокойное существование, благо выборы одних высоких чинов не касаются (не имеем в виду президента), а других касаются реже, чем прежде, когда была ротация депутатов областных дум. Тем не менее на нашем воображаемом развале политики тоже присутствуют. У нас есть два развернутых политических портрета в изданиях, диаметрально противоположных по своей идеологической направленности. «Tatler» в уже цитированном номере помещает портрет Никиты Белых, губернатора Кировской области, «Губернатора вызывали?», а газета «Завтра» (2011. № 6) – очерк Георгия Гарина «Советчик из Duke» об Аркадии Дворковиче.

Гламурный Никита Белых «многогранно» переливается всеми красками. Вот он вместе с главным редактором «Tatler» закусывает картофельным шашлычком в доме фермера-картофелевода Савкова, вот перебирает в разговоре европейские магазины, где он может купить для себя подходящие пиджаки, вот вместе с подчиненными сдает кровь («на выходе из больницы триста в прямом смысле кровно заработанных рублей и бумажку на отгул у всех отбырали»). И зарплату свою губернаторскую стотысячную он отдает на благотворительность, и из сына хочет вырастить триста первого спартанца в престижной школе под Лондоном. Губернаторские свои достижения герой характеризует кратко: «Мы, конечно, за два года сильно продвинулись в строительстве и ремонте дорог. Завершили несколько долгостроев. Открыли сетевые магазины». И очень недоволен губернатор патерналистски настроенным населением.

Герой «Завтра», напротив, весь в мрачно-саркастических тонах. Портрет построен на контрасте между залихватскими высказываниями героя и едкими их комментариями со стороны автора. Герой травит байку о своей «халявной» учебе в МГУ, а автор вопрошает, как он попал «в ведущую экспертную группу “молодой российской экономики”». Высмеивается логика героя, типа: поскольку стипендии у студентов маленькие, давайте их отменим; поскольку у нас бюджетный дефицит, давайте увеличим пенсионный возраст. Перечислены все несбывшиеся прогнозы, все противоречивые заявления, все провокационные, оборачивающиеся финансовыми и политическими потерями для страны высказывания героя. И многозначительный заголовок последней главки: «Дядя, вы шпион?» Обоим политикам злосчастное население как-то немного мешает. «Tatler» с этим охотно соглашается, а «Завтра», конечно, героя своего клеймит.

Основная масса очеркового материала – это, разумеется, рассказы о «звездах»: актерах, певцах, писателях, поэтах, композиторах, художниках, ученых. Это десятки мелодраматических сюжетов с бесконечным перебором разводов, разрывов, измен, встреч, свадеб, успехов, поражений. Иногда во все это вкрапляются проблемы творчества, раздумья о жизни. Надо сказать, что в стилистическом плане все выполнено вполне профессионально. Такая вот продукция Голливуда: ширпотреб, но сделано на совесть. СМИ формируют ядро «вечных» имен.

На нашем развале – Любовь Орлова (Story. 2011. Февр.), Фрэнк Синатра (Tatler. 2011. Февр.), Ален Делон (Имена. 2011. № 2), Мстислав Келдыш (Аргументы и факты. 2011. № 6. 9–15 февр.), Коко Шанель (Телемир. 2011. № 5. 7–13 февр.). Часто такая публикация пытается как-то сформулировать «секрет» долгой славы героя. С ученым это несложно: «Келдыша называли главным теоретиком космонавтики» – первый спутник, первый космонавт. Историю не перепишешь. Но искусство? Как тут уловить нечто неуловимое? «Голос Америки», «Синатра опережал время», «страстный», «завораживающий», «пошел своей дорогой», «открыл великую эру солистов»; «Любовь Петровна актерским чутьем все угадала правильно», «Создавая своих героинь, Орлова прошла по лезвию бритвы, что говорит не только о таланте, но и незаурядном уме и уникальном чувстве меры»; у Коко «в крови была привычка рвать с рутиной», «Шанель №5 – идеал аскетизма и простоты», она «обладала врожденным даром узнавать лучшее во всем», «самое простое будет самым лучшим» – так пытаются разгадать загадки разные публикации.

Остальная масса публикаций повествует о «звездах» разной величины в подавляющем большинстве фокусируясь на их карьерных успехах и личной жизни. Все это сдабривается пикантными деталями, нехитрым юмором, мелодраматические ситуации прекрасно держат всю конструкцию текстов. Рассмотрим очерк Натальи Рыбинской «Тильда Суинтон и ее зазеркалье» (Караван историй. 2011. Март).

В очерке обыгрывается особенность внешности героини – ее часто принимают за мужчину, и она с удовольствием подчеркивает это и даже рекламирует мужскую линию «знаменитой марки одежды “Pringle of Scotland”». Она и в остальном эксцентрична. Аристократка из древнего рода, обучавшаяся в школе, которую окончила Диана Спенсер, будущая принцесса Диана, Тильда Суинтон отправилась в Кению, «где работала в благотворительной миссии и спаса-

ла чернокожих детей от голода и целого букета заразных болезней», вступила в компартию, но в политике не задержалась – увлеклась театром. И пошли вперемешку романы и фильмы, романы и спектакли, затесался даже перформанс художницы Корнелии Паркер «Может быть». «В лондонской галерее “Сerpентайн” установили стеклянный ящик, в котором каждый день по восемь часов лежала с закрытыми глазами актриса Тильда Суинтон». «Искусство должно быть провокационным», – убеждена героиня. И делает провокативным не только искусство, но и свою жизнь. Да. Вот она живет с неразведенным мужчиной, у них дети, а тут новая любовь. И что? Да ничего. Разве плохо жить втроем? А если и неразведенный мужчина кем-нибудь увлечется? Так вчетвером, хоть и в разных городах, но тесной компанией, жить еще веселее. Чем не мыльная опера о неординарном герое, который отстаивает свое право на неординарную жизнь?

В основном же герои не столь экстравагантны. И благодаря необходимости постоянного пополнения этого класса публикаций журналистика оттачивает технику подачи нарратива.

Поскольку биографии знаменитых людей – наших современников и известных писателей, ученых, актеров прошлого – составляют значительную часть содержания журналов, рассчитанных на чтение ради развлечения, в часы отдыха, некоторые исследователи выделяют отдельную сферу журналистского творчества – нарративную журналистику (Проблематика СМИ: 122, 126).

Популярность историй, сюжетно организованных текстов объясняется не только их увлекательностью, обеспеченной наличием интриги, повествовательного напряжения. Рассказывание историй позволяет осмысливать и упорядочивать окружающий мир: «Создавая сюжетные тексты, человек научился различать сюжеты в жизни и, таким образом, истолковывать себе эту жизнь» (Лотман 1992: 242).

Практики конструирования нарратива, отбора и описания событий в журналистском дискурсе, безусловно, опираются на традиции художественной литературы, ее «типологию интриг» (Рикер 2000), а также на практики исторического дискурса, вычленяющего и описывающего реальные события прошлого. Принципиальные качества нарратива в журналистском дискурсе – его актуальность и фактуальность, опора на достоверно произошедшие изменения в социальной реальности. Однако установка на достоверность журналистских текстов не должна заслонять то обстоятельство, что теория нарратива для журналистского дискурса прежде всего пред-

полагает отказ от иллюзии «чистого описания фактов»: всегда есть обусловленная правилами дискурса логика выбора из бесконечного нерасчлененного потока реальности того, что можно назвать фактом, событием. При этом информация, которая может быть проверена на соответствие действительности, допускает значительные вариации в степени подробности изложения событий и тем более в разбросе интерпретаций. Это справедливо и для биографического нарратива – истории жизни того или иного персонажа.

Важная дискурсивная практика – выбор персонажа для биографического описания. Персонаж нарратива в журналистике, безусловно, не совпадает с той реальной личностью, чья биография легла в основу рассказанной истории. Например, писатель Николай Лесков – это возможный Лесков во всем, кроме достоверно известных биографических фактов. Мотивация его поступков, внутренние побуждения, идеологические воззрения могут по-разному описываться и интерпретироваться людьми, выбравшими задачу, скажем, рассказать читателям и читательницам журнала «Караван историй» (2009. Нояб.) о жизни этого человека. И даже повествование о фактах, которые могут быть проверены на соответствие действительности (неудачная женитьба, смерть одного сына, тяжелые отношения с другим и т. д.), допускает значительные вариации в степени подробности изложения событий и выборе точки зрения на них.

На выбор персонажей из числа знаменитостей в прошлом и настоящем, тех, чья жизнь выглядит со стороны праздничной и насыщенной яркими событиями, влияет то, что биографические истории публикуются в разных типах изданий, ориентированных на досуговое чтение. Типологически эти издания ориентированы на аудитории с разным читательским опытом (Дускаева 2009: 13). Наиболее подробно жанр биографии представлен в квалоидах – качественных развлекательных изданиях. Они рассчитаны на людей с развитым читательским опытом и, соответственно, реализуют высокие жанрово-стилистические стандарты подготовки текстов. Однако очерки и интервью биографического характера не редкость и в таких таблоидных изданиях (привлекательных и для самой невзыскательной аудитории), как телегиды. Их содержание, как правило, свободно от политико-идеологической ангажированности, что объясняется экономической самостоятельностью, так как эта пресса финансируется за счет рекламы: «Коммерческие СМИ часто игнорируют политический контекст, поскольку специализация на тех или иных потребностях аудитории дает преимущества при привлечении рекламодателей» (Засурский И. 2001: 32).

Тематически биографические нарративы органично вписываются в проблематику частной жизни, вообще преобладающую в досуговой прессе. Вместо стилистических изысков в языковом оформлении текстов для таких произведений более востребована крепкая сюжетная выстроенность. Для биографических сюжетов типично спрямление, упрощение жизненных коллизий, что обусловлено и относительно небольшим объемом текстов (в сравнении с текстами художественной литературы), и особенностями их восприятия.

Одна из главных практик организации смыслового единства биографического нарратива – тематическая определенность: «История... должна быть чем-то большим, нежели простое перечисление событий в порядке их следования: она должна организовать их в интеллигибельное целое таким образом, чтобы всегда можно было поставить вопрос о том, какова “тема” истории» (Рикер 1998: 81). Биография в журнале практически никогда не бывает нацелена на всестороннее описание обстоятельств жизни героя. В биографических нарративах досуговой прессы наиболее частотны такие темы, как поиски личного, семейного счастья и обретение успеха, успешная карьера, чаще всего в шоу-бизнесе. Такой дискурсивный отбор представляется неслучайным: далекий от повседневных практик читательской аудитории образ жизни звезд тем не менее может быть сопоставлен с ними как раз в аспекте событий частной, семейной жизни или относительно самых общих жизненных ориентаций – целеустремленности, желания добиться успеха.

Показательно, что в рассматриваемых биографических историях нет героев-современников в том понимании героизма как образца для прямого подражания, который был типичен для советской журналистики.

Идеологически биографические истории укладываются в стандарты глянцевого, гламурного журналистики, поскольку они ориентированы на жизнь медийных звезд и несут общие смыслы такого образа жизни, ценности которого связаны со светскими развлечениями, праздниками, успехом и материальным благополучием. Считается, что гламур как идеология «исключает смерть, болезнь, страдание, тяготы труда» (Шабурова 2009: 35), однако наш материал показывает, что ситуация успеха и благополучия, прежде всего, описывается как существующая в настоящем, но не только не исключает, но и часто предполагает неблагополучие главного героя в прошлом.

Здесь мы видим дискурсивные практики воспроизводства нарративных схем, типичных для сказки или мифа. Варианты «началь-

ного неблагополучия» как структурного элемента сказочного сюжета (Пропп 1969) в биографиях могут быть разными. Обратимся к иллюстрациям из публикаций о жизни звезд кино и шоу-бизнеса: Анна Седокова рассказывает, что выросла в семье, испытывавшей значительные материальные трудности (Караван историй. 2009. Нояб.); мать Наташи Королевой описывает, как трудно поначалу пришлось ее дочери в Москве, где Наташу воспринимали как провинциалку (Там же); первый брак Веры Глаголевой оказался несчастливым (Теленеделя. 2010. № 14).

Начальное неблагополучие помогает создать контраст с последующим успехом, а также влечет за собой другой структурный элемент нарратива – преодоление героем жизненных испытаний, приобретение опыта и нахождение пути к успеху.

Например, расставание, развод всегда предстают как тяжелое испытание. Вот как об этом рассказывает Владимир Пресняков: «После расставаний я пережил страшную депрессию, даже сердце останавливалось, была клиническая смерть. Но я все вынес – и никакого ожога ни в глазах, ни в душе не осталось» (Теленеделя. 2010. № 14).

Новый избранник обычно появляется в момент отчаяния: «Расставаясь с первым мужем, Родионом Нахапетовым, Вера Глаголева поначалу не предполагала, что ее жизнь изменится к лучшему. Но она встретила мужчину, с которым счастлива уже 20 лет, вырастила трех дочерей. И стала успешным кинорежиссером» (Теленеделя. 2010. № 14). Особенная роль чуда и случая подчеркивается за счет того, что в биографическом нарративе неизбежно сжимается, а то и вовсе опускается реальное время, проходящее между знаковыми событиями, между отчаяньем и счастливым завершением сюжета, – расстояние пробела между абзацами.

Сказка – это всегда сюжет со счастливым разрешением коллизий, и практики использования сказочных сюжетов важны для формата досуговых изданий, дискурс которых обязательно формирует оптимистичную, жизнеутверждающую картину мира. Начальное неблагополучие известного человека и преодоление трудностей способны вызвать дополнительный интерес у аудитории, приближают к ней персонажа повествования.

Итак, ведущими дискурсивными практиками конструирования биографического нарратива в досуговой прессе являются, во-первых, практики выбора персонажа из числа известных персон, в первую очередь из сферы шоу-бизнеса – в настоящем, писателей,

художников, представителей аристократии – в прошлом. Во-вторых, отбор событий для построения биографии осуществляется в парадоксальной логике: с одной стороны, в соответствии с идеологией гламура, акцент делается на личном успехе и благополучии, с другой – подробное описание начального неблагополучия героев психологически приближает их истории к жизненным историям, типичным для массовой читательской аудитории. В-третьих, биографический нарратив сосредоточен, прежде всего, на истории поиска личного счастья, и именно на построение такой истории нацелены дискурсивные практики отбора и интерпретации событий частной жизни.

Таким образом, очерк продолжает жить, выстраивает перед аудиторией разноплановые образы современников.

Закончим раздел темой церковной прессы. Не будем называть ее «портретные» публикации очерками, но все-таки нельзя обойти вниманием образы, поставляемые современной аудиторией этими изданиями. Мы по-прежнему обращаемся к «Православной газете». Газета и в начале XXI в. продолжает рассказывать своим читателям о служителях веры. Рассказы стали, скажем так, более умелыми, уже нет исключительного внимания к экзотическим деталям. Нет путаницы в пространстве и времени. Жизнь человека, посвятившего себя служению Богу, предстает перед читателем полно и ясно, без порождения ненужного недоумения и сомнений.

Вот в «Православной газете» № 3 за 2004 г. информационное сообщение: «По благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, 11 января в монастыре Спаса Всемилостивого города Екатеринбурга состоялся чин канонизации нового святого земли уральской – преподобного Василиска Сибирского». И здесь же на полторы полосы рассказ о жизни святого, последовательный, ясный, с четким обозначением пространственных и временных вех (эта обстоятельность напоминает уже привидевшийся рассказ о Сергии Радонежском). Например:

«Пустынный Василиск (в миру Василий) родился в середине XVIII века в семье крестьянина деревни Иваниш Калязинского уезда Тверской губернии»; «Некоторое время жил он отшельником в лесах Чувашии»; «Как-то один из странствующих братий рассказал Василию, что в брянских лесах живет в пустыне с учениками иеромонах Адриан – старец великой жизни, многоопытный и простой. Василий, желая предать себя в повиновение искусному наставнику, сразу же отправился к нему»; «Около 10 лет провели отец Василиск и отец Зосима по благословению отца Адриана близ

Коневской обители, упражняясь в монашеских подвигах и особенно в молитве Иисусовой»; «Затем в течение 20 лет подвизались они в отшельничестве в сибирском лесу, в районе г. Кузнецка».

В городе Туринске стараниями отшельников был возрожден Свято-Николаевский женский монастырь, близ которого преподобный Василиск проводит свои последние годы, до кончины 29 декабря 1824 года. Вполне представимо рисуется повседневная жизнь старцев:

«Многим помогали они мудрыми советами: десятки богомольцев посещали подвижников, и все находили у них доброе утешение и духовную поддержку. Нередко отец Василиск предугадывал и перемены, грядущие в жизни его или других людей, которые со временем и исполнялись».

Интересно построен рассказ о жизни блаженной Ксении Петербургской (Православная газета. 2011. № 8). Автор, Светлана Ладина, рассказывает о книге «Житие блаженной Ксении Петербургской и ее чудеса XVIII–XXI вв.», но это не рецензия, а именно рассказ о жизни святой, поводом для которого служит книга. Это уже в значительной степени беллетризованный рассказ. Он открывается картиной Санкт-Петербурга 1757 года, когда вышел императорский указ, запрещающий «нищим и убогим побираться на улицах столицы». «Странная женщина в красной кофте и зеленой юбке, которая бродит по городу, кажется, тоже подпадает под этот указ. Но полиция ее не трогает». Оказывается, ей не нужно побираться: торговцы и прохожие сами стараются отдать ей какие-то подношения, потому что это приносит им удачу. Ночью в поле за городом женщина усердно молится. Лишь ближе к завершению рассказа нам показывают начало подвижнической судьбы Ксении Петербургской:

«Ей было 26 лет, когда ее горячо любимый супруг внезапно умер – причем ушел он в мир иной без должного христианского приготовления. Это настолько глубоко потрясло молодую женщину, что ради вечного спасения мужа она взяла на себя подвиг добровольного безумия, который несла 45 лет».

Ищет газета хороших людей и в жизни. Не всегда ясно, реальные это люди или созданные воображением, но это уже не важно. Имеет значение лишь то, что рассматриваются ситуации, в которых реализуются различные «богоугодные» качества человека. Подборка таких текстов опубликована в «Православной газете» № 16 от 2001 г. Терпеливо переносит все жизненные невзгоды Лидия в одноименном рассказе Светланы Тришиной. Десять лет

лагерей за собранные колоски, смерть сына, смерть дочери от алкоголизма, убийство внука, необходимость отдать в детский дом внуку. Автор заканчивает рассказ так:

«И, как и Россия-матушка, была она поруганная, замученная. Да душой живая, не озлобившаяся, образ Божий в себе хранящая, хотя о Боге и не пустословящая. Жертвенная, любящая. Упокой, Господи, душу рабы Твоей Лидии!»

Два других текста принадлежат Светлане Мелентьевой. Они тоже названы именами героинь: «Таисия» и «Елизавета». Это встречи в автобусе. Сначала одна старушка, потом вторая. Разговоры на медицинские темы – о недугах, о лекарствах. Таисия напутствует автора: «Ступай с Богом, Ангела тебе, Хранителя». Елизавета прощается с автором теми же словами. Это растрогало женщину, напомнило покойных бабушек. И она заканчивает рассказ о двух встречах с надеждой, что «бабушки, глядя из иного мира на свою уже немолодую внучку», посылают ей утешение.

В первом номере за 2011 год «Православная газета» публикует рассказ Станислава Сенькина «Вразумление старого монаха». Герой рассказа – два монаха Афонского монастыря и рыжий кот Мурзик. Нет никаких попыток создать благостную картину мира, где люди всецело заняты служением вере. Напротив, отец Гавриил из упрямства не принял инсулин и доводит себя чуть ли не до смерти, от которой его и спасает его рыжий кот. Кот бросается в ноги соседа – отца Никодима, дикими воплями заставляет идти за собой и приводит к почти умирающему хозяину. «Я, конечно, не твой духовник, отец Гавриил, но мой тебе совет – не искушай Господа Бога своего, продолжай пользоваться лекарствами, и святая великомученица Варвара поможет тебе», – говорит упряму отец Никодим.

Таким образом, снова мы видим изображение жизни избранных, без аффектации и даже, как в последнем случае, во вполне бытовых ситуациях, а также изображение жизни простых верующих, с их заботами и невзгодами.

Для сопоставления обратимся к анализу издания, представляющего другое религиозное течение, – протестантскому женскому журналу «Надежда для тебя». Здесь мы видим типичный пример религиозной прессы, от имени авторитетной и широко представленной во всем мире христианской конфессии апеллирующей к трансцендентному измерению реальности.

«Надежда для тебя. Женский христианский журнал» издается с 2007 года некоммерческим издательским учреждением «Жизнь»,

выходит шесть раз в год, и подписку на него можно оформить в любом почтовом отделении. Распространяется он, судя по географии публикаций и читательских писем, на территории Беларуси, России, Украины.

Исследователи современной российской религиозной ситуации отмечают: «В качестве важной составляющей религиозной жизни постсоветской России следует отметить активизацию и рост численности российских протестантов, занимающихся миссионерской, благотворительной и просветительской деятельностью. Развитию российского протестантизма в определенной мере препятствует неоднозначная, а порой и резко негативная позиция РПЦ, претендующей на особый статус в российском обществе и стремящейся ограничить активность других религиозных организаций, опираясь на поддержку государства» (Эгильский и др. 2011: 35). Протестантизм проповедует независимость от государства, приверженность моральным принципам, особое отношение к труду, высокую степень вовлеченности верующих в жизнь религиозных общин, этику социального служения, для него характерна «простота языка, доступность содержания проповедей и религиозных текстов. При этом сложные и громоздкие ритуалы и обряды отсутствуют» (Там же: 69). Посмотрим, как отражаются названные характеристики на содержании журнала.

В том, как журнал представляет авторов, их религиозные убеждения не акцентируются, часто это профессиональные врачи и психологи, то есть нельзя сказать, что издание «пасторское» — никаких преференций священнослужителям, воспитывающим паству, не оказывается. Типичные жанры — в основном очерки и зарисовки, есть интервью, корреспонденции об актуальных личных и социальных проблемах (как выйти замуж, вред контрацепции). Публикуются стихи, рассказы. Интересен такой жанр, как молитва: это оригинальные тексты, написанные современным языком, они воспринимаются как пример чьего-то индивидуального обращения к Богу и предназначены, по нашему мнению, не для заучивания, а для получения некоторого общего представления о возможных формах общения с Богом. Новости в обычном журналистском понимании отсутствуют, критерий оперативности публикаций в целом нерелевантен.

Тематические предпочтения в основном те же, что типичны и для светских женских журналов: экономические и политические вопросы не рассматриваются, зато подробно представлена психология межличностных отношений, чаще всего обсуждаются вну-

трисемейные отношения, проблемы воспитания детей. В сравнении с обычными глянцевыми журналами гораздо больше внимания уделяется социальным проблемам, угрожающим семейному благополучию, – пьянству, наркомании, табакокурению, абортam. Последняя тема является постоянной: из номера в номер публикуются житейские истории, художественные рассказы, статьи, призванные сократить число абортов.

О тематике наглядно говорят постоянные рубрики журнала. Так, под рубрикой «Женщины современности» опубликован текст «Неугасимая мечта» (2010. № 5): «Многие увлекаются бразильскими сериалами. Но о том, что Бразилия – христианская страна, где люди поклоняются Иисусу Христу, мало кто знает. Мы хотим представить вам христианскую певицу из Бразилии Анну Паулу, песни которой несут Божье утешение, вдохновение, надежду...» В рубрике «Рядом с нами» находим публикацию о бесплатном христианском телефоне доверия «Доброе слово» (2010. № 2). Постоянная рубрика «Супружество» в одном из номеров представлена очерком «Выбор жены» (2010. № 5), где кроме истории конкретной семейной пары даны и общие рекомендации, как правильно сделать этот важный выбор: просить достойного спутника или спутницу у Бога и следить за знаками, которые посылаются в ответ. В разделе «Для вас, родители» можно найти, например, «Наши советы, которые помогут вам научить ребенка хорошим манерам» (2010. № 5). Хотя журнал женский, есть тексты и о мужской психологии («Мужчины тоже плачут», 2010. № 5), они вписываются в проблематику построения гармоничных отношений с партнером.

К рубрикам, традиционным для журналов, ориентированных на досуговое чтение, следует отнести такие, как «Судьба», «Непридуманнные истории», «Неизвестное об известных». Так, в последней рубрике были опубликованы большие биографические очерки о Христофоре Колумбе (2010. № 2), Хансе Кристиане Андерсене (2010. № 5), великом русском хирурге Н. И. Пирогове (2010. № 6). В каждой жизненной истории сделан акцент на том, что герой был глубоко верующим человеком и вел праведную жизнь.

«Судьба», «Непридуманнные истории» – это рубрики, связанные с биографическими нарративами, но посвящены они жизненным историям обычных людей, правда, с элементами чуда, толкуемого религиозно. Так, текст «Двойное благословение...» (2010. № 2) рассказывает о молодом человеке, который после тяжелой травмы женился и имеет двоих детей, хотя врачи считали, что это

невозможно. Герой вместе с автором объясняют случившееся тем, что за него молились все члены церкви и члены его семьи. Рядом опубликована история женщины, которая благодаря вере и молитвам родила здорового ребенка, несмотря на предупреждения врачей о высокой вероятности серьезной патологии («Не теряйте надежды». 2010. № 2).

Назовем типичные сюжетные схемы биографических нарративов. Часто это история прихода к вере, когда подчеркивается индивидуальный путь к Богу и церкви, момент личного выбора: «Как ни старались родители, я стала отдаляться от Бога. Вышла замуж за человека, который о Боге ничего не знал. Как мы шутим, “семья коммунистов и семья баптистов объединились”. К Богу я вернулась в 25 лет, когда мы с Николаем были уже женаты»; «Николай Павлович, вы прошли путь под названием “от убежденного атеиста к вере”. Как это случилось?» («Вся слава Господу». 2010. № 6). Нередки истории о чудесных знамениях: «Я мысленно сказала: “Господь, если Андрей меня действительно любит, пускай он позвонит и сегодня встретит меня после окончания лекций”. Буквально через несколько минут после этого звонит Андрей и говорит: “Марина, я хочу тебя сегодня встретить после занятий”. И у меня сразу рассеялись все сомнения, потому что Господь настолько явно показал, что все это Он благословил» («Выбор жены». 2010. № 5).

В публикации из номера в номер множества подобных личных историй мы видим важную практику протестантизма: «Индивидуализация религиозной жизни неизбежно выдвигает на первый план не коллективный ритуал, а опыт – личный религиозный опыт, который может принимать разные формы» (Эгильский и др. 2011: 26). В этих исповедальных рассказах о самых разных жизненных перипетиях можно увидеть и проявление более фундаментальных религиозных практик, тесно связанных с опытом саморефлексии. М. Фуко видит в активно развивавшихся с XVII века практиках исповеди формулировку характерной для современного Запада в целом задачи: «...говорить себе самому и говорить другому, и столь часто, насколько возможно, – все, что может касаться игры неисчислимых удовольствий, ощущений и мыслей. <...> Безусловно важно здесь то, что обязательство это было зафиксировано, по крайней мере, как идеал для всякого доброго христианина. Установлен императив: не только признаваться в поступках, противоречащих закону, но стараться превратить свое желание – всякое свое желание – в дискурс» (Фуко 1996 б: 115).

Если говорить о базовых концептуальных основаниях картины мира, представленной журналом «Надежда для тебя», то, прежде всего, это христианство как религия многих стран и народов. Тот факт, что речь идет именно о евангельской (протестантской, баптистской) церкви, не подчеркивается, хотя и не скрывается. Но никакой привязки к определенному государственному или национально-культурному укладу нет. Ключевые трансцендентные персонажи – Бог и дьявол, в протестантстве нет культа святых и ангелов. Только один Бог владеет истиной, и ему надо довериться, в том числе на пути страданий: «И если так случится, что тебя не поймут, осудят, не простят, знай, что ты все равно любима и прощена Богом» («Победить обвинителя в себе». 2010. № 2). Стоит отметить, что речь о Боге не ориентирована ни на архаику, ни даже на повышенную стилистическую тональность. Напротив, она подчеркнута вписана в обыденную современную стилистику: «Как поверить, что у Бога все под контролем?» («18 лет спустя». 2010. № 2). Второй полюс представленного мира – дьявол: «Не давайте дьяволу постоянно удручать вас, он заинтересован, чтобы убить в людях все живое» («Телефон доверия». 2010. № 2). Никакой явной полемики с другими религиозными взглядами и течениями не ведется, актуальна лишь оппозиция «атеизм – религиозность».

Протестантская идеология евангельской церкви, конечно, широко присутствует в текстах журнала. Например, постулат о том, что успехи в земной жизни – знак благоволения со стороны Бога: «...Бог стал напоминать мне, как Он меня любит – благословил меня мужем, детьми, у нас прекрасная квартира» («Возрожденное сердце». 2010. № 5); «Бог благословляет нас во всем. Сейчас мы строим большую четырехкомнатную квартиру» («Выбор жены». 2010. № 5). Учитывая ориентацию протестантов на достижение жизненного успеха, журнал подчеркивает, что благодаря вере каждый член религиозной общины может решить и проблемы социального продвижения, и проблемы обретения смысла жизни, твердых моральных ориентиров. Людей, о которых рассказывает журнал, никак нельзя назвать аутсайдерами, ищущими в религии лишь утешения. Это, например, успешный адвокат из Бреста Зинаида Белая («Победить обвинителя в себе». 2010. № 2), семья Николая и Раисы Козловых, сын которых Даниил представляет Беларусь на детском конкурсе «Евровидения» («Вся слава Господу». 2010. № 6).

В целом, один из ключевых смыслов публикаций – особенное чувство уверенности и защищенности у того, кто пришел в еван-

гельскую церковь с искренней верой. Зигмунд Фрейд выделял аналогичную психологическую установку еще применительно к монотеистической религии евреев с ее постулатом богоизбранности одного народа: «Верующий в такого Бога в известной мере приобщался к его величию, мог сам себя почувствовать приподнятым. Для неверующего это не само собой разумеется, но, возможно, что-то уяснить здесь поможет указание на гордое чувство британца в чужой потрясенной беспорядками стране... Британец рассчитывает, что его Government вышлет военный корабль, если у него хоть волос упадет с головы... Энтузиазм от величия своей British Empire коренится, таким образом, еще и в сознании повышенной безопасности, защищенности, которою пользуется отдельный британец. Что-то подобное может быть и с представлением о величественном Боге» (Фрейд 1991: 234). Очевидно, что подобное мироощущение типично для всех приверженцев авраамических религий – иудаизма, христианства, ислама.

Подводя итог, следует сказать, что журнал «Надежда для тебя» похож по многим критериям на другие женские журналы. Тут и обязательные кулинарные рецепты в конце каждого номера, и обсуждение проблем личной сферы: отношения с партнером, замужество, проблемы воспитания детей, советы вдовам. Многие публикации носят, в сущности, светский характер – как выбрать шторы (2010, № 6) или подушку (2010, № 5), то есть на первом плане – повседневные женские заботы, связанные с семьей. Однако религиозное мироощущение, пронизывающее буквально каждый шаг повседневной жизни, безусловно, доминирует.

Анализ материала показывает, что СМИ могут отказаться от задачи вбивать в головы своих адресатов некие нормы, но не рисовать образ своего современника они не могут. Если это не классический советский «человек труда», то это современный «человек дела», «человек веры», «человек искусства», «человек политики» наконец. Это пестрое и шумное общество, никто здесь не стремится вскарабкаться на пьедестал образца поведения или учителя жизни. Каждый живет в меру своего разума. Видимо, это тот «рассол», в котором и кристаллизуются постепенно те нравственные предпочтения, которые так нужны обществу.

ПОИСКИ НОВОГО

Афоризм как самостоятельная «радиопередача»

Отметим отдельные находки в области жанров.

Печатные СМИ давно и активно используют жанр афоризма в подборках остроумных лаконичных высказываний на страничке юмора и сатиры. Однако сегодня можно отметить новое явление – употребление единичного афоризма в качестве самостоятельного текста среди других публикаций. В газете эта смысловая самостоятельность единицы несколько скрадывается тем, что афоризм отвечает теме полосы или подборки текстов. Вот, например, номер «Аргументов и фактов» (2002. № 21). Страница 4 объединяет материалы под рубрикой «Власть», и среди них есть подрубрика «Афоризм», в которой публикуется такой текст: «Слуги народа – это люди, которые когда-то жили среди нас. Прислал Б. Яшин, Екатеринбург». Полоса «Экономика» снабжена той же подрубрикой и текстом: «В нашей экономике на каждый вложенный шиш выходит ни шиша. Прислал В. Сумбатов, Москва». Полоса «Телевидение» – афоризм «Телезвезда – это такой дефект кинескопа. Прислал Д. Ковригин, Владивосток». Полоса «Культура» – афоризм «Весь мир – театр, а люди в нем – вахтеры. Прислал Б. Зорькин, Сочи». Полоса «Шоу-бизнес» – афоризм «В наше время даже язык искусства становится нецензурным. Прислал Е. Тарасов, Москва». Рубрика «Лица» – афоризм «Писатель – не тот, кто пишет, а тот, кого читают. Прислал А. Качалов, Пучеж» (в рубрике интервью с Евгением Евтушенко). Полоса «Непознанное» – афоризм «Истина – наиболее авторитетная гипотеза. Прислал А. Брежнев, С.-Петербург» (в рубрике публикации о летающих тарелках и загадочных болезнях). Полоса «Здоровье» – афоризм «Узнал цену лекарствам – и будь здоров. Прислал В. Сумбатов, Москва». Полоса «Судьбы» – афоризм «Дети рождаются не только от Любви, но и от Веры, Надежды... Прислал А. Мухин, Прохладный» (в рубрике публикация о детях-сиротах).

Афоризмы в таком употреблении выступают как первичные единицы в структуре вторичного текста, привнося в его содержание четко выраженный оценочный смысл, в первую очередь иронический, хотя и без всякой иронии может быть выражена отрицательная оценка (ср. суждение о нецензурном языке искусства). Выбор афоризма здесь обусловлен замыслом вторичного текста (тема, ее аспекты, оценка).

Иное дело – использование афоризма в ряду самостоятельных текстов, объединенных в формате издания, но не образующих вторичные текстовые единицы со своим заголовком, темой и т. д. Именно такое употребление можно сегодня наблюдать на Радио России, когда наряду с интервью, радиоспектаклем, рекламой, песней звучит афоризм, который не устанавливает никаких особых смысловых связей ни с предшествующим, ни с последующим текстами, он ни к чему не подстраивается, ничего не обобщает, ничто не предсказывает. Он сам по себе, некая «радиопередача», как если бы он был опубликован отдельной книгой. Он не в подборке. Это единичный афоризм, реализующий свое содержание вне сопоставления с другими текстами. На протяжении дня звучат несколько афоризмов, которые в последующие дни с довольно значительными интервалами могут повторяться.

В 2001 году звучал Козьма Прутков, ссылка на него выглядела так: «Козьма Прутков на “Радио Россия”». С 2002 года звучали афоризмы разных времен и народов со ссылкой «Полное собрание откровений “Радио Россия”». Таким образом, афоризмы объединяются не с соседними текстами, а друг с другом. Для слушателя, который, как правило, не слушает радио целыми днями и, следовательно, поймать афоризм может лишь случайно, такая подача обеспечивает эффект чтения книги урывками и беспорядочно – что-то прочел, что-то пропустил. Однако, поскольку афоризм «есть мысль, выраженная в канонической, отточенной, законченной образной форме и получившая характер самостоятельно существующего изречения» (Федоренко 1975: 6), адресат, естественно, не испытывает никакого дискомфорта – он получает самодостаточное сообщение. Поскольку афоризм можно рассматривать как некую свертку обширного содержания, к нему применимо следующее суждение: «Самой общей характеристикой... сверток можно считать то, что они значат больше, чем они значат: с ними связываются семантико-прагматические оттенки, не вытекающие непосредственно из этих знаков как таковых» (Костомаров, Бурвикова 2003: 11. См. также: Афористика 2003: 13, 14). Афоризм, оказавшись в потоке актуальных для текущего дня текстов, сам начинает продуцировать актуальные, злободневные смыслы.

КОЗЬМА ПРУТКОВ НА «РАДИО РОССИЯ»

Поскольку вначале «Радио Россия» использовало афоризмы из двух канонических текстов – «Плоды раздумья» и «Плоды раздумья, не включавшиеся в собрание сочинений Козьмы Пруtkова», можно проанализировать принципы отбора афоризмов для эфира, так как видно, какие именно фрагменты составителями программы не взяты для озвучивания. В известной мере эти принципы отбора могут быть отнесены и к мировой афористике, «тексту» абсолютно безбрежному.

Из Козьмы Пруtkова не использованы афоризмы слишком пространные и требующие несколько усиленного размышления, например: *«Зачем, – говорит эгоист, – стану я работать для потомства, когда оно ровно ничего для меня не сделало?» – Несправедлив ты, безумец! Потомство сделало для тебя уже то, что ты, сближая прошедшее с настоящим и будущим, можешь по произволу считать себя: младенцем, юношей и старцем.* По содержанию это вполне актуальное высказывание, зафиксированное в нем отношение к потомкам в наши дни характерно не только для какого-то отдельного эгоиста, но и во многом для общества в целом. Недаром одним из ключевых смыслов нашего времени стало суждение о том, что Россия сделала невыносимой жизнь своих стариков и детей. Однако этот, в сравнении с другими, пространный текст для понимания требует известного размышления, осознания того, что в нем нарушен закон тождества (с обсуждения проблемы эгоизма мы переключились на проблему самоназвания человека: я – младенец, я – старик). Это, в сущности, отвлекает внимание. Хотя в художественном тексте такая «непрозрачность» является нормой (Якобсон 1975: 202), но для радиоречи, для условий употребления афоризма в потоке радиотекстов такое раздвоение внимания может оказаться неприемлемым. В выборке из мировой афористики пространных и слишком сложно семантически устроенных афоризмов также нет.

Из сочинений Козьмы Пруtkова не извлекались высказывания, которые содержат упоминание об устаревших, ушедших из жизни реалиях: *Без надобности носимый набрюшник вреден; Камергер редко наслаждается природою.* В афоризмах из мировой афористики, привлеченных в эфир, таких деталей также не отмечено.

Не используются афоризмы Козьмы Пруtkова, если они включают названия национальностей. Например: *Ревнивый муж по-*

добен турку; Англичанин не любит мяса, которое не вполсыро; И египтяне были в свое время справедливы и человеколюбивы. Это правило соблюдается и при отборе единиц из мировой афористики. По-видимому, такие упоминания, в соседстве с формулировкой закономерности (турки ревнивы, англичане едят полусырое мясо, египтяне когда-то были человеколюбивы), в наши дни способны только содействовать агрессивным настроениям. Понятно, что в «Сочинениях Козьмы Пруtkова», в связи с их сатирической направленностью, присутствует оттенок некоего высокомерия, присущий герою, это краска в его образе. Но в эфире такое высокомерие совершенно неприемлемо. В собрании мировой афористики на «Радио Россия» подобных афоризмов также нет. Нет, кроме того, и афоризмов о России, о русских, о русском языке. В недалеком прошлом составители сборников афоризмов находили немало лаконичных и выразительных высказываний на эти темы (ср. хотя бы тургеневское: «Россия без каждого из нас обойтись может, но никто из нас без нее не может обойтись». – Федоренко 1975: 106). Но сегодня отношение к России, народу, патриотизму у общества настолько сложное, что задевать эти проблемы сентенциями, суждениями чаще всего безапелляционными, было бы просто неразумно. Таким образом, этот «горячий» смысл не затронут.

Не используются афоризмы Козьмы Пруtkова, содержащие разные «неаппетитные» детали, например: *Почти всякое морицинистое лицо смело уподоблю груше, вынутой из компота; Чрезмерный богач, не помогающий бедным, подобен здоровенной кормилице, сосущей с аппетитом собственную грудь у колыбели голодающего дитяти.* Хотя темы этих афоризмов актуальны (о детях и стариках, а также о благотворительности говорят постоянно), но в первом случае неприемлем для озвучивания в эфире аспект темы (непривлекательный внешний вид старика; как заметил Гамлет, «публиковать это считаю бесстыдством»), а во втором случае весьма смелое сравнение пробуждает слишком нежелательные ассоциации, как представляется, даже в силу этого неспособные вызвать смех. Из мировой афористики по этому признаку афоризмы также не извлекаются.

Наконец, последнее. Из афоризмов Козьмы Пруtkова не выбираются единицы, банальные по содержанию и без игры слов, типа: *Военные люди защищают отечество.* Актуальность содержания этого высказывания бесспорна, ведь можно сказать, что сегодняшняя Россия давно уже не знает ни одного на сто процентов мирного дня. Однако странно было бы услышать между получасовым интервью и десятиминутной рекламой высказывание «Во-

енные люди защищают отечество». Тот образ говорящего, который создан путем отбора афоризмов, превратил бы это высказывание в ерничество, что совершенно несовместимо с социальными ценностями, поддерживаемыми «Радио Россия».

Сопоставление подборок афоризмов в циклах «Козьма Прутков на «Радио Россия»» и «Полное собрание откровений «Радио Россия»» показывает, что это разные по организации тексты, затрагивающие во многом разные ключевые смыслы. Различия подчеркиваются уже названиями циклов. Первый формирует образ говорящего, второй – образ источника высказываний (откровений).

Название первого цикла включает имя говорящего и представляет его в ряду других выступающих: Андрей Дементьев на «Радио Россия», Игорь Зорин на «Радио Россия», Александр Каштанов для «Радио Россия», Козьма Прутков на «Радио Россия». Как у всякого, кто выходит на аудиторию радио периодически, у Козьмы Пруткова формируется имидж. В данном случае его целенаправленно лепят те, кто отобрал для озвучивания определенные афоризмы. Поскольку перед радиослушателями Козьма Прутков предстал только со своими афоризмами, а не с баснями, пародиями или драматическими произведениями, все содержание, относящееся к литературной борьбе, из образа безусловно исключается. Это не поэт; разумеется, это не чиновник (никаких следов пробирной палатки в цикле нет). Это, скорее всего, немолодой чудаковатый изрекающий с важным видом смешные банальности, среди которых вдруг проскальзывает шпилька в адрес наших современных проблем.

Это впечатление о говорящем как о чудаковатом любителе банальностей возникает потому, что, по сравнению с оригиналом, в радиоцикле изменена относительная весомость афоризмов, отражающих банальные закономерности мироустройства. Они составляют почти половину озвученных единиц.

Выразительность этих высказываний достигается разными способами. Часть из них вызывает смех и тем привлекает к себе внимание и заставляет оценивать говорящего потому, что это как бы банальность в квадрате – кажется, что кроме Козьмы Пруткова в голову бы никому не пришло формулировать такую мысль, которая сама собой разумеется: *Во всяких частях земного шара имеются свои, даже иногда очень любопытные, другие части; Самый отдаленный пункт земного шара к чему-нибудь да близок, а самый близкий от чего-нибудь да отдален; Нет столь великой вещи, которую не превзошла бы величиною еще большая. Нет вещи столь малой, в которую не вместились бы еще меньшая.*

Комизм возникает и тогда, когда приводится доказательство банальности, когда по поводу банальности говорящий выстраивает какое-то сложное рассуждение: *Человек раздвоен снизу, а не сверху, – для того, что две опоры надежнее одной; У человека для того поставлена голова вверх, чтобы он не ходил вверх ногами; Не будь цветов, все ходили бы в одноцветных одеяниях!; Не будь портных, – скажи: как различил бы ты служебные ведомства?; Если бы все прошедшее было настоящим, а настоящее продолжало существовать наряду с будущим, кто был бы в силах разобрать: где причины и где последствия?; Если у тебя спрошено будет: что полезнее, солнце или месяц? – отвечай: месяц. Ибо солнце светит днем, когда и без того светло; а месяц – ночью.*

Этот чудака дает слушателям смешные советы: *Если хочешь быть счастливым, будь им; Если хочешь быть красивым, поступи в гусары.*

Наконец, он формулирует некие проблемы, которые якобы очень трудно разрешить, но которые на самом деле ни ставить, ни решать не надо: *Где начало того конца, которым оканчивается начало?*

На наш взгляд, афоризмы рассмотренной группы выполняют в цикле главным образом характерологическую функцию: их содержание не соотносится с актуальными социальными смыслами, а привлекательность возникает потому, что говорящий заставляет слушателя испытать веселое удивление. Удивление может быть вызвано содержанием (уж так банально, что смешно об этом говорить) или формой (банальность, но забавно сказано). В результате говорящий оценивается как остроумный человек, играющий банальностями. В радиосикле Козьма Прутков выступает не как пародия на «влиятельных представителей реакционного лагеря» (Заславский 1958: 13), а как чудаковатый моралист, доставляющий адресату удовольствие своими смешными банальностями. Из образа исчезла связь с пошлостью, которую герой призван был обличать. Он сейчас ничего собой не обличает. Задумываться над странностями нашей жизни заставляют его высказывания по принципу: «Не много думано, да хорошо сказано» (Даль 1984-1: 338), когда острота «происходит в действительности за счет способа выражения» (Фрейд 1997: 53).

Характерологической функции не лишены и другие афоризмы в цикле «Козьма Прутков на “Радио Россия”», но они, кроме того, устанавливают связь с актуальными для общества проблемами, в результате чего складывается ситуация, называемая журналис-

тами чуть ли не в каждом интервью «а вот что по этому поводу думает... (называется имя собеседника)». Козьма Прутков хорош тем, что мысли у него есть на любые случаи жизни.

Отношения между властью и народом – больной вопрос сегодняшней России. «Если иметь в виду новые потребности информационного общества и чаяния постэкономического “самореализующегося человека”, связанного с демократией участия, – различия между тоталитаризмом и формальной демократией следует признать внутренними разновидностями единой политической формации, основанной на политическом отчуждении – превращении подавляющего большинства в манипулируемых роботов, в одном случае называемых “трудящимися”, в другом – “потребителями”» (Панарин 2002: 220). В обществе сложился стереотип «власть далека от народа, враждебна ему, ведет с собственным народом войну». Эти характеристики содержатся в специальной и учебной литературе, человек сталкивается с ними ежедневно в разных публикациях СМИ. Вот, например, только один номер «Новой газеты» (2003. № 46):

Э. Горюхина. Может, правильно делают, что пьют?: «До революции здесь проживали 1346 человек. Сегодня – 174. Ежегодно умирают 4 человека. Как сказала глава сельской администрации, умирают регулярно. Рождаются нерегулярно. В этом году родились двое... Разговор двух старух: “Народ, видишь ли, на последний испыткок постановили”, – размышляет одна. – “Никто никого никуда не постановлял. Правителей от села бабка отшептала. Всего и делов!”»;

И. Андреев, А. Лисицкий. 13 % на самом деле – 36 %. Отсутствие стратегических целей у государства – причина завышенной налоговой нагрузки: «Страна не может разбогатеть на одном только экспорте сырья: этот очевидный факт не оспаривают даже деятели, развалившие российскую промышленность в девяностых»;

О. Боброва. А старики и налоги?: «Раз уж так, – причитают старухи, – то ставили бы нас к стенке, и быстрее бы вышло, чем голодом-то морить».

Таков стереотип, таково настроение. И в этот хор голосов вступает Козьма Прутков. Ничего подобного процитированному он о власти сказать не мог. Однако афоризмы на эту тему выступают как формулировка должного, желаемого: *Хорошего правителя справедливо уподобляют кучеру; Легче держать вожжи, чем бразды правления.* Идея «кучер знает, куда едет» контрастирует со смыслом «отсутствие стратегических целей», «не знаем, куда

идем», тем более со смыслом «хотели как лучше, а получилось как всегда».

Звучит в афоризмах и ирония: *Если бы хоть одна настоящая звезда упала на заслуженную грудь, то не осталось бы ни того человека, ни даже самых отдаленных его единомышленников!* Люди старшего и среднего поколения вспомнят брежневский звездопад, о нынешней власти могут сказать, что она не прочь себя похвалить, а похвала – это тоже награда, и в данном случае власть тоже выдает ее сама себе.

Власти современное российское общество приписывает болтливость и лживость. В том же номере «Новой газеты» в уже цитированной публикации «13 % на самом деле – 36 %» говорится, например: «Налоговой реформы в России до сих пор не было. Обходились нелепыми рекламными роликами (“Пропало желание?.. Заплати налоги!”), пустой болтовней и реальным усилением налоговой нагрузки». Это типичный ход мысли: стоит заговорить о российских реформах, как немедленно появляется мотив болтовни. Поэтому любая сентенция, касающаяся болтливости и лжи, косвенным образом будет соотноситься и с этим болезненным стереотипом.

Особенно поддерживается эта связь многочисленными предвыборными кампаниями, мутным потоком прокатывающимися по стране. Все это касается и афоризмов Козьмы Пруtkова, хотя на первом плане, вероятнее всего, остается все-таки нравоучительный смысл: *Если у тебя есть фонтан, заткни его; дай отдохнуть и фонтану; Болтун подобен маятнику: того и другого надо остановить; Единожды солгавши, кто тебе поверит?*

Важной группой актуальных смыслов являются характеристики, приписываемые человеку как типичному представителю современного общества. Как в политике самой главной характеристикой является «неясность пути», так и в представлении о человеке социум отмечает неустойчивость оценок и ориентаций. Над всем царит, конечно, ощущение развала и потерь. Здесь снова едины и специальная и учебная литература, и публикации СМИ. Например, Ж. Т. Тощенко отмечает «рост индивидуализма, усиление шовинизма и национализма, уменьшение влияния гуманизма и терпимости» (2001: 17), а С. Г. Кара-Мурза пишет:

«В последние десять лет мы в России видим целенаправленные действия по превращению народа в толпу – через изменение типа школы, ослабление традиций и осмеяние авторитетов, воздействие рекламы, телевидения и массовой культуры, разжигание избыточных притязаний и пропаганду безответственности» (2002: 235).

Из публикаций СМИ покажем суждения, которые адресат мог прочитать на протяжении одной недели:

Интервью с Юрием Арабовым в «Литературной газете» (2003. 2–8 июля. № 27):

«С современным распадом не хотелось бы себя идентифицировать, хотя и понимаю, что от него не укрыться, и я, может быть, часть его... Потребительское отношение к жизни – как раз и есть одна из сторон атеизма... По сути, мы сейчас переживаем ренессанс язычества, не исключаю, что это надолго... Причем наша атеистическая интеллигенция с радостью ухватилась за нового божка – деньги... Знаю, что самое трудное – личная порядочность. Она почти недостижима. Значительно проще объединиться в партию и пройти в Государственную Думу. На этом, кажется, всякая порядочность может и окончиться»;

Жена Евгения Матвеева рассказывает:

«Он возвращался домой потрясенный: “Я не понимаю, что происходит с людьми”. Он чувствовал, что злость висела в автобусах, как гиря» (Аргументы и факты. 2003. № 27).

«Аргументы и факты» неделей позже (2003. № 28) приводят данные социологического опроса на тему «Работать надо затем, чтобы...»: «56 % – заработать много денег... 5 % – принести пользу людям».

Справедливости ради надо сказать, что угроза разложения видится не только россиянам. Йохан Хёйзинга еще в 1938 году отмечал у современного человека активизацию качества, которое исследователь называет пуэрилизмом: «Состояние духа, свойственное подростку, не обузданное воспитанием, привычными формами и традицией, пытается получить перевес в каждой области и весьма в этом преуспевает... Во всех этих явлениях духа, добровольно жертвующего своей зрелостью, мы в состоянии видеть лишь знаки грозящего разложения» (Хёйзинга 2003: 204, 205). Ощущение безответственности, слома традиций характерно, по-видимому, для разных социумов.

Морализаторски настроенный Козьма Прутков, отнюдь не очарованный человеческой природой, изрекает суждения, которые, во взаимодействии с сегодняшним идеологическим контекстом, передают смысл «человек несовершенен, он был таким вчера, таким остался и ныне»: *В глубине всякой груди есть своя змея; Многие люди подобны колбасам: чем их начиняют, то и носят в себе; И самый последний нищий, при других условиях, способен быть первым богачом; Не поступай в монахи, если не надеешься выполнить обязанности свои добросовестно.* Во време-

на всеобщего недоверия (змею подложат), тотальной манипуляции (начинают, как колбасы), внезапных обогащений (первые наши богачи), повальной безответственности (обязанности не выполняют) эти афоризмы Козьмы Пруtkова оказываются как нельзя более актуальными.

Не менее злободневны высказывания Козьмы Пруtkова о семье: *Обручальное кольцо есть первое звено в цепи супружеской жизни; Влюбленный в одну особу страстно – терпит другую токмо по расчету.* Газеты наполнены рассказами о том, как рвутся супружеские узы, как часты браки по расчету, какой непрочной оказывается современная семья. Например, на неделе, о которой уже говорилось, «Комсомольская правда» (2003. 4 июля. № 27) посвящает полторы полосы возможному разводу актера Марата Башарова (на первой странице подборка цветных фотографий под броским заголовком «Марат Башаров уходит от жены к фигуристке Бутырской? Тусовка полна слухами о том, что у актера и спортсменки – бурный роман»; на странице 39 под тем же заголовком приводятся разные подробности складывающейся ситуации). На развороте (страницы 8–9) дана подборка материалов под общим заголовком «Бывшие жены политиков: Руцкая судится, Ирина Починок жалеет мужа». Подобной информацией забиты все таблоиды, поэтому прутковские сентенции падают сегодня, надо полагать, даже на более благодатную почву, чем в позапрошлом веке (ср. Байкулова 2003: 103).

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ОТКРОВЕНИЙ «РАДИО РОССИЯ»

Был показан цикл «Козьма Пруtkов на “Радио Россия”». В последующие годы он сменяется новым циклом – «Полное собрание откровений “Радио Россия”». Здесь не нужно создавать образ говорящего, зато требуется оправдать заголовок «полное собрание откровений». Полнота собрания подчеркивается разнообразием авторов – это разные страны и разные эпохи: Гомер, Конфуций, Гете, Сократ, Ларошфуко, Марк Твен, Раневская, Бальзак, Белинский, Тэффи, Руссо, Цицерон и т. д.

«Откровения», озвучиваемые в названном цикле, обращены в подавляющем большинстве к человеку. Казалось бы, мировая афористика дает возможность затрагивать любые темы – политику, экономику, искусство, спорт. Но этого разнообразия в цикле нет. Человек, его характер, поведение, нравственные нормы – вот основная тематика «откровений». Зато в этой области перекличка

идет со многими ключевыми смыслами современного общественного сознания, в том числе и политическими.

Как показывает материал, самая большая группа афоризмов затрагивает тему «ум – глупость», причем на первом месте стоит глупость. В общественное сознание прочно вколочена мысль о том, что в России две беды – дураки и плохие дороги. Настолько прочно, что газета может позволить себе такую фигуру умолчания: рубрика «Перепись с населением»; надзаголовок «Кто сказал, что у нас всего две беды?»; заголовок «А старики и налоги?» (Новая газета. 2003. № 46). Нетрудно понять, что заголовок рифмуется с опущенным «дураки и дороги».

«Откровения» поворачивают дурака перед аудиторией так и сяк. Формулируется глобальная закономерность: *Там, где не достаёт ума, не достаёт всего (Джордж Галифакс)*. Так для старшего и среднего поколения навешиваются воспоминания о временах дефицита, а для сегодняшнего дня устанавливается прочная связь с поминутными стенаниями всех и каждого о нехватке денег, нового оборудования, лекарств, хороших фильмов и т. д. А не хватает, оказывается, только ума. Мысль выражается и по-другому: *Дурак – это зародыш конца мира (Тэффи)*. Фиксируется сила глупости: *По временам меня огорчает мысль, что для гения существуют границы, а для глупости – нет (Александр Дюма-сын)*; *У мудрости есть границы, глупость же безгранична (Ян Райнис)*. Глупцы классифицируются: *Глупость бывает двух родов – молчаливая и болтливая (Оноре де Бальзак)*; *Дураки читают мало, но есть такие дураки, которые всю жизнь учатся. Это дураки набитые (Тэффи)*. В обществе, где болтовня признается важной политической реальией, где разрушение государства и экономики ведется от имени науки, эти афоризмы не могут не быть актуальными.

Аудитории представляются разные признаки глупости: *Вообще говоря, власть не портит людей, зато дураки, когда они у власти, портят власть (Бернард Шоу)*; *Когда глупец делает то, чего он стыдится, он всегда заявляет, что это его долг (Бернард Шоу)*; *Только дураки и покойники никогда не меняют своих мнений (Джеймс Рассел Лоуэлл)*; *Глупость, даже достигнув того, чего она жаждала, никогда не бывает довольной (Цицерон)*; *Мудрец счастлив, довольствуясь немногим, а глупцу всего мало (Франсуа де Ларошфуко)*; *Не тот глуп, кто не знает, но тот, кто не хочет знать (Григорий Сковорода)*; *Всем глупцам не терпится осмеять кого-нибудь (Александр*

Пон); Из всех воров дураки самые вредные: они похищают у нас и время, и настроение (Иоганн Гете); Мудрые люди обдумывают свои мысли – глупые провозглашают их (Генрих Гейне); Всякий глупец найдет еще большего глупца, который станет им восхищаться (Никола Буало).

Аудитории даются советы, как вести себя с глупцом: *Знай, что ответ дуракам – молчание (Кабус); как оценивать глупость: Чужие глупости никогда не делают нас умными (Наполеон Бонапарт); Если тебя хвалит враг, значит, ты сделал глупость (Август Бебель).* Авторы афоризмов стараются установить границы между глупостью и умом: *Дурак, сознавшийся, что он дурак, уже не дурак (Федор Достоевский); Если бы глупец боялся сказать глупость, он бы уже не был глупцом (Жан де Лабрюйер).*

Много раз звучало в эфире забавное суждение Тэффи, позволяющее заключить, что дураки в России особые, не очень совершенные: *Чем культурнее страна, чем обеспеченнее существование нации, тем круглее и совершеннее формы ее дураков.*

Афоризмы, касающиеся ума, часто создают как бы теньвую ситуацию, в которой действует глупость, и все вместе проецируется на нашу действительность: *Гений состоит в том, чтобы отличить трудное от невозможного (Наполеон Бонапарт).* Поскольку мы уже почти век пытаемся создать то одно, то другое невозможное, мы не сомневаемся, что гений к нам пока не снизошел. Сравним также: *Мозг, хорошо устроенный, стоит больше, чем мозг, хорошо наполненный (Мишель Монтень); Как часто мы пользуемся своим умом при совершении глупости (Франсуа де Ларошфуко)* – и это может быть камешком в огород российских высокообразованных реформаторов; *Чтобы умно поступать, одного ума мало (Федор Достоевский)* – нельзя не вспомнить «официальную» характеристику чекистов – «холодный ум, чистые руки и горячее сердце», этого сочетания во времена тотальной коррупции нам явно не хватает; *Ум подобен здоровью: тот, кто им обладает, его не замечает (Гельвеций)* – политики слишком часто рассказывают нам, какие они умные и здоровые, так что, согласно этой формуле, мы вправе сомневаться в наличии у них и того и другого качества.

К рассмотренной теме примыкают единицы, так или иначе затрагивающие интеллект: мудрость, знания, невежество, хитрость, общение, деятельность и бездействие. Критический элемент этих афоризмов ассоциирует обозначаемые ситуации с глупостью, по-

этому многие из данных высказываний оказываются соотнесенными с сакраментальным суждением о двух бедах России.

О мудрости: *Светоч мудрости часто обжигает руку того, кто его несет (Пьер Буаст)*. Эта формула перекликается с привычными для российского, а ранее советского сознания суждениями «инициатива наказуема деянием», «не высовывайся»; конечно, с особым умом эти формулы не связываются.

О знании/незнании. Помимо прямого нравоучительного значения, эти афоризмы проецируются на стереотипные суждения наших дней, касающиеся качества проведенных в России реформ. Суть явления четко формулирует А. С. Панарин: «Новая гражданская война (пока что в основном холодная)... стала приобретать парадоксальные черты войны с большинством народа, в очередной раз заподозренного в роковой неадекватности новейшей одномерной модели. Снова дает о себе знать расизм модернистского авангарда, не признающего прав жизни и знающего только права новейшей теории, которой жизнь должна безропотно подчиняться» (2002: 423).

В «Литературной газете» (2003. 2–8 июля. № 27) опубликована статья Олега Богомолова «Большевики и бароны-разбойники. Нобелевский лауреат Дж. Стиглиц о переходе России к рынку». Стереотипные суждения формулируются О. Богомоловым так: «Архитекторы наших реформ поддались гипнозу господствующей на Западе либеральной теории и безоглядно приняли рекомендации из-за рубежа». Странно было бы не сослаться на мнение Нобелевского лауреата. Дж. Стиглиц пишет: «В новой посткоммунистической России элита, инспирируемая международной бюрократией... попыталась силой навязать быстрые перемены не готовому к ним населению». Таким образом, в стереотипе фиксируется упрощенность знания, которым воспользовались реформаторы, неумение ждать и упорное нежелание принимать во внимание какие-то другие сведения (традиции, национальный менталитет и прочие «мелочи»). Поэтому ряд афоризмов, затрагивающих тему знания, проецирует свое содержание и на область политики: *Нет ничего страшнее деятельного невежества (Йоганн Гете)* – что может быть «деятельнее», чем разрушение экономики и культуры огромной страны?; *Учение без размышления бесплодно, но размышление без учения опасно (Конфуций)* – в нашей политической ситуации просматривается недостаток обоих ингредиентов: учение одностороннее, размышление прямолинейное; *Самое верное средство ошибаться – это считать себя непогрешимым (Пьер Буаст)*; *Не сомневаться в своих проступках – значит увеличивать*

их (Лев Толстой); Самое трудное – не защищать свое мнение, а знать его (Андре Моруа); Сомнение доставляет мне не меньшее наслаждение, чем знание (Данте Алигьери) – никаких сомнений, похоже, у реформаторов не было; Слышат только те вопросы, на которые в состоянии найти ответ (Фридрих Ницше) – совершенно очевидно, что никаких неудобных вопросов реформаторы не слышали и не слышат до сих пор; Что наспех делается, недолговечно (Саади) – реформы проводились в весьма сжатые сроки, этот афоризм, однако, ценен не только сам по себе, но и как антоним к популярному суждению «Нет ничего постоянного»».

О хитрости. Отобраны такие афоризмы, которые передают ограниченность хитрости. Общий их смысл – «сколько веревочке ни виться, а конец будет». В эпоху манипулирования сознанием, черного пиара эти афоризмы – намек на робкую надежду, что, может быть, когда-нибудь станет полегче, сохраняется, конечно, и их прямой нравоучительный смысл как предупреждение хитрецам во всех сферах деятельности: *Никому еще не удавалось быть настолько хитрым, чтобы скрыть это свое качество (Джон Локк); Можно быть хитрее другого, но нельзя быть хитрее всех (Франсуа де Ларошфуко); В жизни бывают случаи, когда самой тонкой хитростью оказываются простота и откровенность (Жан де Лабрюйер); Вернейший способ быть обманутым – это считать себя хитрее других (Франсуа де Ларошфуко).*

Этот смысл в связи с политикой соотносится с темой правды-лжи, отмечаются даже прямые переклички: *Обманщик в конечном счете обманывает самого себя (Махатма Ганди).* Перехитрить самого себя, обмануть самого себя – значит совершить какую-то глупость, нанеся себе вред. Так отдельные афоризмы тем «хитрость», «ложь» оказываются связаны с темой «глупость».

Но, конечно, афоризмы, касающиеся правды и лжи, имеют более широкие ассоциации, чем высказывания, посвященные хитрости. Ложь стала сегодня чуть ли не образом жизни страны. Периодические ограбления населения под красивые слова о его благе, предвыборные обещания при полной уверенности говорящего в том, что никогда он их выполнять не будет, создание законов «с двойным дном», содержащих множество лазеек для своего же несоблюдения, – все это создает в стране такую атмосферу, когда не верит никто и никому. Преодолевать это недоверие власть научилась, манипулируя сознанием, а в основе манипулятивных при-

емов лежит все та же ложь. Глава «Кухня манипуляции сознанием: испытанные на нас приемы» в монографии С. Г. Кара-Мурзы «Манипуляция сознанием» включает разделы: «Прямая ложь», «Не прямая ложь, а умолчание», «Умолчание цели, цены и сроков изменений», «Ложная мудрость» (2002). Автор пишет: «Тоталитарный контроль над СМИ малого числа олигархических групп делает разоблачение прямой лжи с заметным общественным резонансом маловероятным. А главное, создана такая плотность потока захватывающих аудиторию сообщений и так полно отключается краткосрочная память, что разоблачение “вчерашней” лжи уже никого не интересует. Поэтому включение прямой лжи практикуется СМИ все в больших масштабах как прием недорогой, но эффективный в решении срочных задач. При этом наглая ложь оказывается предпочтительной, потому что она разрушает всякую возможность диалога» (Кара-Мурза 2002: 558). (Заметим в скобках, что в своем недоверии к политикам россияне не одиноки: «В 1986 году 70 % опрошенных американцев отметили, что видные политические деятели страны постоянно обманывали своих избирателей» Асмус 2002: 7. См. также: Мягких, Киуру 2002: 25–30.) Наше общественное сознание сегодня, как показывает Ж. Т. Тощенко, парадоксально. С одной стороны, «анализ колебаний настроений при оценке органов власти позволяет сделать вывод, что народ не избавлен от идеализации власти, которая-де в конечном счете образумится и станет защитником его интересов». С другой стороны, «фиксируется потеря доверия к государству, его политическим институтам» (Тощенко 2001: 169, 168). Таким образом, убеждение в лживости власти и СМИ существует, хотя манипулятивные приемы достигают своей цели, не случайно отмечается, что «у языка есть замечательная особенность – служить постоянным источником власти, и это его скрытое свойство не может не привлекать. Хотя об этом не говорят открыто, но умение пользоваться языком открывает доступ к власти... Язык – это достояние политики» (Ажеж 2003: 92). Наши власти языком умеют пользоваться очень хорошо.

Афоризмы ассоциируются с ключевым смыслом «власти лгут»: *Полуправду труднее разоблачить, чем полную ложь (Остин О'Мелли); Никогда не поздно замолчать, если знаешь, что лжешь (Александр Дюма-сын); Ложь никогда не может вырасти в истину, вырастая в силе (Рабиндранат Тагор)*. Метонимически с этой темой связаны темы «честность», «хула». Афоризмы, затрагивающие их, прямо соотносятся с мнением о продажности власти и СМИ: *Честность умирает, когда продается*

(Жорж Санд); Хула – очень удобное оружие: нападает с помощью одного слова, а для защиты нужны целые страницы (Жан-Жак Руссо). В контексте «Собрания откровений» при ассоциации со стереотипом «реформаторы не сомневаются в своей правоте, несмотря на плачевные последствия реформ» афоризм *Когда сомневаетесь, говорите правду (Марк Твен)* способен породить умозаключение: они не сомневаются, так что правды мы никогда не услышим.

Поскольку наша действительность насыщена конфликтами, конца которым не видно (конфликтуют губернаторы и мэры, партии и политики друг с другом, государство с народом, центральная власть с региональной), актуальным становится афоризм Л. Толстого: *В спорах забывается истина. Прекращает спор умнейший*. Но умнейших у нас пока не находится, и здесь снова протягивается ниточка к теме «ум – глупость».

Предвыборные выступления, а часто и текущие обращения власти к народу оцениваются как болтовня, политическая трескотня, никак не связанная с реальным положением дел, а то и скрывающая его (здесь устанавливается связь с темой «правда-ложь»). В «Собрании откровений» звучат несколько афоризмов, актуализирующих данный смысл: *Красивые слова нередко служат костылем хромым мыслям (Генрих Гейне)*; *Кто слишком долго думает о том, чтобы делать добро, у того нет времени быть добрым (Рабиндранат Тагор)*; *Больше всех говорит тот, кому нечего сказать (Лев Толстой)*; *Почему человек, которому нечего сказать, не молчит? (Мишель Монтень)*; *Люди, которым нечего сказать, никогда не лезут за словом в карман (Бернард Шоу)*; *Сколько нелепостей говорится людьми только из желания сказать что-нибудь новое (Вольтер)*; *Не всегда говори то, что знаешь, но всегда знай, что говоришь (Маттиас Клаудиус)*. Отсутствие дел при болтовне связывается с ростом числа «болтающих»: *У того, кто ничего не делает, всегда много помощников (Лев Толстой)*. С конфликтами наших дней ассоциируется афоризм *Какое слово ты скажешь, такое в ответ и услышишь (Гомер)*.

Афоризмы соотносятся и с популярным в наше время суждением о падении нравственности. В литературе положение описывается, например, так: «Происходит атрофия требований нравственности, замещаемых критериями рациональности. Но абсолютизация последних превращает человека в робота, манекена, в искусственный интеллект. В этих условиях сила однолинейности

мышления и игнорирования нравственных аспектов любой общественной ситуации способна не только нарушить, но и разрушить живое тело как любой социальной организации, так и всего общества. Именно этот процесс мы наблюдаем в сегодняшней России, когда авторитет и значимость нравственных ценностей существенно снизились или вообще отсутствуют» (Тощенко 2001: 241). Сравним афоризмы: *Когда слово не наказывает, то и палка не поможет (Сократ); Есть люди, которые становятся скотами, как только с ними начинают обращаться как с людьми (Василий Ключевский).*

Более конкретные актуальные смыслы в поле нравственности также затрагиваются афоризмами, вошедшими в «Собрание откровений», причем снова устанавливается и их связь с политическими и социальными проблемами наших дней. Больше всего афоризмов в этой группе связывается с темой «удовольствия». По-видимому, разные причины приводят к актуализации этого смысла. В работе «Философия политики» (1996) А. С. Панарин, анализируя западную хронополитику, описывает выдвинутый ею «принцип индивидуалистического присвоения досуга личностью, рассматривающей его исключительно как средство неконтролируемой самореализации» (1996: 93). Безусловное признание получает гедонизм («этическое учение, утверждающее, что удовольствие, наслаждение является высшим благом, целью жизни» МАС I: 303). По теории, это постулируемое наслаждение жизнью должно обеспечиваться свободным творчеством в области науки, искусства, спорта. В результате, как обещает теория, «соединение нового гуманитарного знания с раскованным индивидуализмом досуга способно, в другой, еще не предсказуемой форме, дать не менее впечатляющие результаты, чем те, какие в свое время дало соединение нового, технического, естественно-научного знания с раскованной предпринимательской инициативой» (Панарин 1996: 93).

В ряду прочих западных стандартов на российские просторы залетела и эта апология удовольствия. Она пришла вместе с идеей ценности частного интереса, частной жизни, в противовес прославляемой ранее жизни ради общества, ради интересов страны. Практика, однако, показывает, что удовольствие – дело недешевое. Вряд ли сегодня кто-то согласится творчески самореализовываться, играя в хижине на самодельной дудочке исключительно для собственного удовольствия. Пытаясь объяснить социальную роль этих «раскованных личностных импровизаций», А. С. Панарин проводит параллель со «свободным научным творчеством в области, на-

пример, фундаментальных наук, которые общество ассигнует во всевозрастающих масштабах и куда оно вовлекает наиболее способную молодежь, хотя предсказать конкретное практическое воплощение этого творчества никто заранее не берется» (1996: 93). Здесь обращает на себя деталь «ассигнования во все возрастающих масштабах». Это не про нас. Это Запад действительно ассигнует. Он и молодежь вовлекает в фундаментальные науки, включая и наших молодых ученых, причем нас уже призывают этим гордиться. У нас на фундаментальную науку средств, как и на все остальное, постоянно не хватает. Так что и на удовольствия, которые творчески развивали бы всех желающих, денег нет и, вероятно, в обозримом будущем не будет. Какие же остаются удовольствия, которые сегодня объявляются более престижными и уж конечно более привлекательными, чем труд? А это нужно смотреть рекламу: «Оторвись по полной!», «Вливайся, кто может!», «Кто идет за “Клинским?”». Семнадцатилетняя певица с поэтичным псевдонимом Глюкоза так рисует мечту о досуге: «Я бы хотела со всеми своими друзьями отправиться в кругосветное путешествие. И чтобы можно было отрываться, делать что хочешь, веселиться и ни в чем себе не отказывать» (Телемир. 2003. 6 авг. № 32). Непевицы и непевцы мечтают, вероятно, о том же, причем не только на досуге. Так рисуется вообще красивая жизнь (в качестве ее полного описания можно предложить журнал *Cosmopolitan*. См. также: Черняк В. Д., Черняк М. А. 2003: 70, 71). Таким образом, удовольствие в нашем сознании запечатлевается сейчас как желанный образ жизни – море солнца, море пива, полная свобода, друзья, словом – тусовка.

Есть и несколько иной поворот этого идеала – шикарные удовольствия: роскошь, возможность удовлетворить любые желания. Время от времени в связи с разными событиями СМИ подогревают этот смысл. Таковым, например, оказалось приобретение Романом Абрамовичем английского футбольного клуба «Челси». По сообщению «Аргументов и фактов», сам олигарх характеризует приобретение как «покупку для удовольствия» (2003. № 28). «Комсомольская правда», обсуждая это событие, публикует стихи, в которых есть такие строчки: «У нас как кто разбогатеет – так сносит крышу просто на: враз унитазы золотеют, хужеет прежняя жена. Вчера доцентом был смиренным, Камю да Сартр на языке, глядь – уж шофера мажет хреном, кобыл купает в коньяке!» (2003. 4 июля).

Вот этот смысл – «чрезмерность удовольствия» – и фиксируется включенными в «Собрание откровений» афоризмами: *Хоро-*

шее и даже самое лучшее приедается, если оно становится повседневным (Готхольд Лессинг); Чем реже удовольствия, тем они приятнее (Эпиктет). Афоризм может намекнуть на характеристику «любителя удовольствий»: Забота об излишнем часто соединяется с потерей необходимого (Солон) – если нравственные устои отнест к необходимому, то заботящиеся об излишнем нувориши это необходимое не прочь и потерять. На эту же тему: Достойно вести себя, когда судьба благоприятствует, труднее, чем когда она настроена против (Франсуа де Ларошфуко). Афористика может дать совет, как справиться с такой ситуацией (правда, мы не охотники следовать мудрым советам): Везде, где приятное заменяют полезным, приятное всегда при этом выигрывает (Жан-Жак Руссо) – в том вся и суть, что мысль «делать добро – тоже удовольствие» пока еще отнюдь не овладела массами. Фиксируется непродуктивность неумеренности: Если хочешь что-то сделать, сумей себя ограничивать (Иоганн Гете).

Ряд афоризмов затрагивает качества человека, к которым сегодня привлечено внимание общества. Их обсуждение входит в повседневный обмен мнениями по поводу духовной атмосферы в стране. Весьма популярным стало сейчас качество, обозначаемое словом **крутой**. Однако «Радио Россия» отбирает афоризмы, отражающие не силу, а слабость человека: *Слабость характера – это единственный недостаток, который невозможно исправить (Франсуа де Ларошфуко); Слабого человека лучше иметь своим врагом, чем другом (Бернард Шоу)*. Представляется, что «крутизна» оценивается в обществе двойственно и «Собрание откровений» не ввязывается в этот спор оценок. Слабость же характера всегда признавалась и признается недостатком, поэтому звучат афоризмы, посвященные ей, но актуализирующие в сознании представление и о противоположном качестве, которое адресат волен оценивать в соответствии со своими вкусами.

Зависть (см.: Гак 2000: 93; Дзялошинский 2002: 27, 29; Ермакова: 2003: 129), неблагодарность – эти качества также не обойдены вниманием и в публикациях СМИ, и в бытовых разговорах: социальная зависть, заставляющая поджигать у фермера амбар с зерном; неблагодарно забытые старики, в свое время отстоявшие независимость страны в Великой Отечественной войне. «Собрание откровений» осторожно касается этих тем: *Успех – единственный непростительный грех по отношению к своему ближнему (Фаина Раневская); Любовь смотрит через телескоп, зависть – через микроскоп (Бернард Шоу); Признательность есть бремя,*

а всякое бремя только для того и создано, чтобы его сбросить (Дени Дидро).

О том, что былой коллективизм сменился в общественном сознании индивидуализмом, говорят все, стоит начать разговор о нравственности. «Собрание откровений» озвучивает афоризм: *Индивидуализм есть подчеркнутая слабость (Михаил Пришвин).*

О том, что за свобода у нас сейчас царит, о том, что общество к реальной свободе не готово, также говорилось и говорится немало. Индивидуализм, кстати, в контексте разговоров о свободе понимается как ответственность человека за самого себя, за свою судьбу, свою семью. Российскому обывателю приписывается воспитанное советским строем социальное иждивенчество, потребность в государственной опеке, стремление переложить заботу о своем благополучии на общество и государство. «Собрание откровений» не обходит и эту тему: *Человек – раб, потому что свобода трудна, рабство же легко (Николай Бердяев).*

Русского человека называют терпеливым. Быть может, это на русский манер форма фатализма, которая в «Собрании откровений» фиксируется формулой: *Перенеси с достоинством то, что изменить не можешь (Сенека).* В цикле фигурирует и другое терпение: *Терпение горько, но плод его сладок (Жан-Жак Руссо).* Эти афоризмы, соотносясь с названием «Полное собрание», оправдывают его, показывая, что жизнь многообразна, что даже при общей исторической судьбе частные судьбы не похожи друг на друга. Ж. Т. Тощенко отмечает это в более широком смысле как «парадокс, который складывается в общественном сознании при оценке современного экономического положения лично своего и всей страны. Если в советские времена было принято говорить, что “мы живем скромно, зато страна наша богатеет день ото дня”, то сейчас люди склонны оценивать положение страны хуже, чем свое собственное» (2001: 145). Таким образом, в рамках страны приходится терпеть зло, потому что изменить ничего нельзя, а в личной судьбе, терпеливо потрудившись, можно добиться успеха.

Общим местом стало утверждение о разгуле преступности в современной России. Организованная преступность, коррупция, торговля наркотиками, подростковая преступность, одна из самых популярных услуг – установка металлических дверей и решеток на вся и всё, всеобщая убежденность, что милиция продажна и большая часть преступлений не будет раскрыта никогда, – все это не могло не наложить отпечаток на духовную атмосферу в стране и не могло не отразиться в «Собрании откровений», хотя и своеобразно.

разным способом. Во-первых, прямо по назначению включен афоризм *Величайшее поощрение преступления – безнаказанность* (Цицерон). Во-вторых, фиксируется состояние страха: *Кто для многих страшен, тот должен многих бояться* (Солон); *Нельзя любить ни того, кого боишься, ни того, кто тебя боится* (Цицерон). Афоризмы рисуют некую взаимообращаемость страха, его всеохватность, если общество создало атмосферу угрозы, незащищенности, постоянного ощущения опасности. В связи с этим отметим также афоризм *Если тебе кто-то лижет подошву, прижми его ногой, прежде чем он начнет кусаться* (Поль Валери).

О наркомании мировая афористика, по-видимому, еще не накопила мудрых мыслей, а вот пьянство – другое дело. И это одна из страшных бед России. Так что «Собрание откровений» не могло не коснуться этой темы: *Пьянство – это добровольное сумасшествие* (Сенека); *Пьянство не рождает пороки, оно их обнаруживает* (Сократ); *Сколько мужья выпили водки, столько же слез пролито их женами и детьми* (Николай Семашко); *Сначала от вина румян, зато потом бледен* (Саади); *Никакое тело не может быть таким крепким, чтобы вино не могло повредить его* (Плутарх).

«Собрание откровений» не случайно характеризуется как полное. Оно затрагивает и вечные темы в таких аспектах, которые никак не проецируются на сферу политики. Например, масса острых социальных проблем связана с положением женщины в современном российском обществе, но афоризмы выбираются вне связи с этими проблемами: *Высшая добродетель мужчины – это умение хранить тайну. Для женщины это вернее во сто крат* (Габриэль Гарсиа Маркес); *Мужчина может бравировать общественным мнением, женщина должна ему подчиняться* (Жермена де Сталь); *Мужчины говорят о женщинах что им угодно, а женщины делают с мужчинами что им угодно* (Софья Сегюр); *Мужская логика сплачивает мужчин, женская логика разъединяет женщин, потому что каждая женщина индивидуальна, как ее логика* (Тэффи); *Женщины никогда не бывают так сильны, как тогда, когда они вооружаются слабостью* (Иван Бунин); *Умная женщина та, в обществе которой можно держать себя как угодно глупо* (Валери); *Женщина была бы в отчаянии, если бы природа создала ее такою, какую ее делает мода* (Пьер Буаст).

Старики и дети или молодежь – постоянные объекты предвыборных спекуляций, праздничных речей, гневных или сочувст-

венных выступлений самых разных людей по самым разным поводам. «Собрание откровений» не обходит этой темы, но затрагиваемые аспекты никак не соприкасаются с острыми проблемами этих слоев современного общества: *Морищины должны обозначать только те места, где раньше были улыбки (Марк Твен); Считать себя счастливее или несчастнее, чем на самом деле, – обычное заблуждение молодежи (Готхольд Лессинг); Прожить свою жизнь так, чтобы в старости не корить себя за молодость, прожитую зря (Джованни Боккаччо); Суть старости в том, что обзаводишься опытом, которым уже не можешь воспользоваться (Станислав Лем); В сущности старость начинается тогда, когда человек утрачивает способность учиться (Артуро Граф); Уметь быть старым – это искусство, которым владеют немногие (Франсуа де Ларошфуко).*

Тема любви в современном общественном сознании тесно связана с темой секса. Понятия эти все время противопоставляются. Оживление проблем религии актуализирует и аспект христианской любви. «Собрание откровений», однако, очень слабо разрабатывает данную тему, все время уходя от любви к дружбе, как в недалеком советском прошлом популярные диспуты о любви и дружбе. О любви: *Сопротивляться любви – значит снабжать ее новым оружием (Жорж Санд); Самое верное средство завоевать любовь других – подарить им свою любовь (Жан-Жак Руссо); Любовь не может быть самоцелью, иначе она теряет смысл (мать Тереза).* О дружбе: *Если мои друзья кривы, я смотрю на них в профиль (Жозеф Жубер); Друг тот, кто всякий раз, когда ты в нем нуждаешься, об этом догадывается (Жюль Ренар); Непонимание делает из друзей врагов (Лион Фейхтвангер).*

Вероятно, можно усмотреть в приведенном материале два способа смыслового обогащения «горячих» тем. Если в афоризме есть аспект, позволяющий ассоциировать его с политической сферой, общечеловеческий его смысл не утрачивается, а обогащает, расширяет актуальную проблему. Например, смысл «чрезмерность удовольствий» можно отнести к определенному социальному слою, но он же относится и к любому адресату, как абстрактная истина, всегда справедливая при определенных условиях. Если политические «выходы» темы афоризма непосредственно не затрагиваются, то сама актуализация темы случайно может у кого-то из слушателей такие ассоциации установить. Например, можно сказать себе, что непонимание превращает во врагов не только друзей, но и

партии, фракции, государства. В целом тоже получится расширение и обогащение данной темы.

В заключение нужно отметить, что в «Собрании откровений» не обошлось без кристаллизации некоего характера, некоего образа героя, хотя сделать это гораздо труднее, чем в цикле «Козьма Прутков на “Радио Россия”». В ряду цитируемых есть один автор, которого в современной России знают все от мала до велика, причем знают его внешность, любимые словечки, характер (пусть и художественно преображенный). Речь идет о Фаине Раневской, которая цитируется в «Собрании откровений» относительно чаще, чем все остальные, и, видимо, неслучайно. Именно она является конкретно представимым, близким, знакомым «хранителем мудрости», поэтому ее афоризмы особенно разнообразны, индивидуализированы. Часто это высказывания от первого лица, фиксирующие личный, неповторимый жизненный опыт, а не закономерности, касающиеся многих или даже всех: *Когда я слышу приглашение: «Приходите потрепаться», – мне хочется плакать; Старухи! Я любила вас. Будьте бдительны!; Мои любимые мужчины – Христос, Чаплин, Герцен, доктор Швейцер. Найдутся и еще. Но лень вспоминать; Если бы я часто смотрела в глаза Джоконде, я сошла бы с ума: она знает обо мне все, а я о ней ничего.* Только высказывания Раневской снабжаются в ряде случаев конкретизаторами, которые снимают обобщающий смысл высказывания: *Очень тяжело быть гением среди козляков (Фаина Раневская об Эйзенштейне); Представьте, что вы моетесь, а туда приходит экскурсия (Фаина Раневская о кинематографе).*

Адресат, безусловно, выделяет особый юмор, особую остроту мысли Раневской, и ее обычные по грамматической форме сентенции (третье лицо, настоящее постоянное) воспринимаются в свете ее индивидуальности, они наполняются трагизмом, который вытесняет обычную нравоучительность прочих афоризмов «Собрания откровений». Таковы, например, высказывания о старости: *Воспоминания – это богатство старости; Самое страшное – это когда человек уже принадлежит не себе, а своему распаду; Бог мой, как я стара: я еще помню порядочных людей.* О зависти, вообще о судьбе таланта: *Чтобы получить признание надо... необходимо даже умереть; Успех – единственный непростительный грех по отношению к своему ближнему; Похороны – спектакль для любопытствующих обывателей; Талант тянется к таланту, и только посредственность остается равнодушной, а иногда и враждебной; Когда у человека*

есть сердце, лучше, чтобы его жизнь не бросалась в глаза; Надо быть такой гордой, чтобы быть выше самолюбия; Самое мучительное – это забота о тебе ближнего окружения. Забота дальнего менее мучительна и не так заметна. О богатстве: Деньги мешают и когда их нет, и когда они есть; Мне всегда было непонятно: люди стыдятся бедности и не стыдятся богатства; Театр катится в пропасть по коммерческим рельсам.

Только Раневской доверено критическое высказывание «геополитического» характера: *В Европе не любят стихов, потому что Запад – мещанин.* И она же представляет аудитории горькое обобщение: *Как незаразительны великие идеи!*, которое четко соотносится с мыслью о том, что нам грозит великое одичание. В монографии «Парадоксальный человек» говорится об ориентации в повседневной жизни на убогие и примитивные запросы, удовлетворяющие одну потребность – выжить, «о начавшемся процессе примитивизации потребностей, о вытеснении высших форм их удовлетворения низшими» (Тощенко 2001: 145). С. Г. Кара-Мурза, развивая платоновскую аллегорию о пещере, говорит: «Никогда его аллегория не сбывалась с такой точностью, как сегодня. ТВ создает для человека такой театр хорошо сделанных теней, что по сравнению с ним реальный мир кажется как раз серой тенью, причем гораздо менее истинной, чем образы на экране. И человек, с детства прикованный к телевизору, уже не хочет выходить в мир, полностью верит именно шарлатанам, которые манипулируют фигурками и кнопками, и готов убить товарища, убеждающего его выйти на свет» (2002: 299). Если добавить сюда компьютерные игры, часто погружающие игроков в атмосферу виртуальных убийств, то справедливость саркастической сентенции Раневской становится еще более очевидной.

Таким образом, циклы свободно по отношению к программе дня звучащих афоризмов на «Радио Россия» – это своеобразные тексты, в силу своих тематических особенностей соотносящиеся чуть ли не со всеми наиболее «горячими», актуальными стереотипами общественного сознания. Представляется, что эти идеи, с одной стороны, определяют отбор единиц для циклов, с другой – сами афоризмы актуализируют в сознании слушателей соответствующие смыслы, одновременно внося в горячие темы свежую струю общечеловеческих идей. Оба цикла, каждый по-своему, создают «образ автора», во втором случае это сделано особенно оригинально, по принципу образца (Раневская – образец человека,

создающего афоризмы, подобные тем, которые день за днем звучат в эфире).

С 2008-го до 2010 года «Радио Россия», не расставаясь с жанром, сменило его содержание. На сей раз это оказались некие занятные по форме высказывания, характеризующие это самое «Радио России». Хотелось бы назвать их старыми сказками о новом радио. Приведем большую часть этих формул:

«Когда всечасно мысль и звук между собой согласны»; «Не верьте золотом покрытым пластмассовым словам!»; «Смело ссылайтесь на наш авторитет»; «Цитируем только то, что этого достойно»; «Современность, сопричастность, соразмерность»; «Внимание! Нормативная лексика ненормативной мысли»; «Голоса на любой слух»; «Легко сказать – наша основная задача»; «Экономьте время – слушайте радио!».

Правдивость, объективность, учет интересов аудитории, доступность, авторитетность, оперативность – какие прекрасные качества. Если вдуматься, это вполне советские сказки об объективных, авторитетных, правдивых и насквозь гуманных средствах массовой информации. Но, как и тогда, это именно сказки. Ограниченная правда (о чем говорят и сами журналисты), дозированная критика (как же без нее, ведь недемократично!), совершенно безбрежный поток рекламного вранья, особенно медико-фармацевтического толка, утренние новости, повторяющие вчерашние, а то и позавчерашние телепередачи, – вот картина сегодняшнего «Радио Россия». Она не имеет ничего общего с той благостной мозаикой, которую не один год старательно выкладывали на той информационной картине, которую преподносит аудитории это СМИ. 2010 и начало 2011 года были посвящены 20-летию «Радио Россия», но это уже такая безудержная и довольно безвкусная самореклама, что в работе о журналистике о ней не стоит и говорить, сравните хотя бы такой кокетливый перл: «Если бы вы не знали наш возраст, сколько бы вы нам дали?» Затем была сооружена новая формула самовосхваления. Ее начало одно – «Включил, услышал – », а завершение разное: «сделал погромче», «больше не выключал», «сформулировал», «включился», «улыбнулся», «заслушался», «высказался», «оценил», «задумался», «отлегло», «научился», «выключил и снова включил», «заинтересовался», «узнал», «продолжение», «будто на свежий воздух вышел» (все в порядке поступления с 26 февраля по 7 марта 2011 г.).

Диалог на радио и телевидении

На закате советской эпохи, когда власть провозгласила демократию и гласность, наш радио- и телеэфир вдруг приобрел притягательность совершенно уникальную, несопоставимую ни с одной самой-самой развлекательной и замечательной программой. Эти СМИ вели прямую трансляцию заседаний Съезда народных депутатов, и аудитория могла видеть руководителей государства в их взаимодействии с огромным депутатским корпусом. Выступления депутатов, их полемика, столкновения с президентом и прочие перипетии этого единственного в своем роде форума, пламенные, не по бумажке читаемые речи, жаркие перепалки – это был бурный и свободный речевой поток – диалог, который надолго похоронил монологичность уходящей в прошлое советской действительности.

Даже газеты в то время публикуют стенограммы заседаний Съездов. Мы приведем два фрагмента, которые показывают накал этих спонтанных диалогов:

М. С. Горбачев – депутат К. А. Антанавичюс (Известия. 1989. 27 мая):

«**Антанавичюс К. А.** В регламент, который мы получили сегодня, ничего не внесено из того, что вчера было внесено, – поправки. Например, была принята поправка по пункту 19 о том, что заявление, декларация, обращение, внесенные на Съезд не менее чем двадцатью депутатами, распространяются Съездом в качестве официальных документов Съезда. Далее, к статье 15 была внесена поправка о том, что при решении вопроса о прекращении прений депутаты, избранные от союзной республики, имеют право настаивать на продолжении прений по вопросам, касающимся республик, если такое предложение поддержано не менее чем двумя третями депутатов, избранных от этой республики. И были другие предложения, но не мы их вносили. Значит, я думаю, что их авторы тоже выскажутся.

Горбачев М. С. Я, во-первых, вижу, что в пункте 15 написано: «Прекращение прений производится по решению Съезда народных депутатов СССР, принимаемому большинством не менее двух третей от общего числа народных депутатов. При решении вопроса о прекращении прений депутаты, избранные от союзной республики, имеют право настаивать на предоставлении слова одному из депутатов от данной республики, если такое предложение поддержано не менее чем двумя третями депутатов, избранных от этой республики».

Антанавичюс К. А. Тогда возникает вопрос: зачем собирались вчера представители группы? Мы вчера договорились, что не одному депутату слово предоставляется, а что прения продолжаются по требованию не менее двух третей делегатов республики. Это сущность изменения: не одному депутату, а прения продолжаются и продолжают. Как вы, Михаил Сергеевич, вчера сказали до второго голосования.

Горбачев М. С. Хорошо, это уточнение. Я с этим согласен. Не будет возражений? Голосовать? Да, я думаю, товарищи, это все приемлемо. Механизм продуманный: Съезд всегда может вмешаться в этот процесс, если начинается затяжка, начинается спекуляция на этой правовой норме, он повторным голосованием может прекратить это. Теперь что касается второго вашего предложения. Я считаю, что мы тогда договорились все, — я это помню, как и вы. Мы проголосовали, что все эти документы распространяются не самими делегациями, а через Президиум Верховного Совета. Думаю надо включить это, подтвердить то, о чем мы договорились на собрании. Наверное ночью, знаете, работали, до зари, и что-то проскочило. Пожалуйста, товарищ Ландсбергис»;

Депутат В. В. Антанайтис — депутат К. С. Салыков (Известия. 1989. 12 июня):

«**Антанайтис В. В.** Вопросы экологии сегодня в масштабах мира стали наиболее важными. И, по-видимому, если мы их не решим, все другие комитеты станут ненужными. Скажите, пожалуйста, какой смысл вы вкладываете в слово экология?

Салыков К. С. В экологию я вкладываю большой смысл. Я считаю, что все экономические и социальные проблемы не разрешаются, если мы не решим экологические проблемы, не наладим жизнь в собственном доме, потому что дело зашло так далеко. Мы проживаем, например, около Арала. Там и воздух, и земля, и вода — все больны. Поэтому и люди больны.

Антанайтис В. В. Простите, вы не ответили. Я спрашиваю, что вы понимаете под экологией?

Салыков К. С. Я под экологией понимаю, как я вам сказал, жизнь в нашем доме — это вся биосфера, это обитаемая среда наша, всего человечества.

Антанайтис В. В. Вы не отвечаете на простой студенческий вопрос, что такое экология? Скажите, пожалуйста.

Салыков К. С. Вы хотите испытать меня на словах? Я скажу. Это — греческое слово. Это наш дом, где мы живем, это обитаемая среда, за оздоровление которой надо бороться...

Антанайтис В. В. Вы меня простите, но вы не об этом говорите. Тогда другой вопрос. Скажите, пожалуйста, в решении каких экологических проблем вы участвовали?

Салыков К. С. Я участвовал в решении многих проблем. В основном они были связаны за последние 5 лет с проблемами Аральского моря, спасения от опустынивания этой зоны, высыхания Аральского моря, ну и, безусловно, беды, принесенной этой земле. По этим проблемам работали крупные государственные комиссии, были приняты два постановления, в двух случаях я принимал самое деятельное, активное участие.

Антанайтис В. В. Спасибо, но на главный вопрос вы не ответили.

Салыков К. С. Вы, конечно, можете быть неудовлетворенным по-своему. Ну, экология – это прежде всего отношение человека к своей природе, окружающей среде и защите ее для себя».

Понятно, что в дальнейшем и радио, и телевидение обогатились диалогическими жанрами, которые позволили раскрыть перед аудиторией живое столкновение идей.

Например, в программе «Особое мнение» на «Радио Россия» журналист Игорь Гмыза организует обсуждение проблемы «Нужно ли преподавать историю мировых религий в общеобразовательных школах?» (2006. 15 февр.). Его собеседники – Леонид Перлов, сопредседатель группы «Учителя против милитаризации и клерикализации», и Александр Щипков, президент гильдии религиозных журналистов. Собеседники высказывают противоположные мнения по трем вопросам:

Можно ли научить вере?

Л. Перлов: «С точки зрения морально-нравственной, обучение вере – занятие, на мой взгляд, не совсем для средней школы. Учить вере – это не задача среднего общего образования, тем более что понятия веры, религии, религиозной принадлежности сами по себе философские и очень сложные. Для того чтобы учить, нужны соответствующие специалисты»;

А. Щипков: «Я считаю, что обучить вере невозможно. Мы обсуждаем: можно ли в школе обучать вере? Вере обучить невозможно».

Существуют ли нерелигиозные люди?

Л. Перлов: «У нас очень много людей нерелигиозных»;

А. Щипков: «Прежде всего нерелигиозных людей не существует... Связь каждой отдельной личности с Богом – это и есть религия. Нерелигиозных людей не существует в природе».

Чинопочитание, чиноподчинение – хорошо или плохо?

Л. Перлов: «Что касается иерархии, почему я считаю, что это плохо? Бывает авторитет места и бывает место авторитета. Это разные вещи. Сегодня мы наблюдаем именно авторитет места. Человек занимает пост, светский ли, духовный, чиновничий, административный, и в силу того, что он этот пост занимает, он с точки зрения государства, не общества, авторитетен. Не потому, что он самый умный, самый грамотный, продвинутый, а потому, что он называется “директор”, так у него на двери написано»;

А. Щипков: «Чинопочитание... а что в этом плохого, что страшного? Чинопочитание в церкви, чинопочитание старших, прислушивание к мнению старших, какая-то дисциплина... Это абсолютно нормальная иерархическая система. В семье есть мать и отец, есть дети и внуки. Почему вы думаете, что эта система неправильная или она не рабочая?»

Спор ведется аргументированный, собеседники спорят, но отнюдь не рвут друг друга в клочья, они отстаивают свое мнение, но не стараются переубедить друг друга. Журналист не встает на чью-либо сторону и не пытается примирить собеседников в их разногласиях. Есть общий итог разговора: «Элементы знания о религиях, об их истории, о содержании необходимы, их надо давать в школе, интегрировать информацию о религиях в действующие курсы по другим предметам». В результате адресат получает интересную «информацию к размышлению»: каждый аспект проблемы имеет и свои плюсы, и свои минусы. Бросаться всё рубить сплеча нельзя, действовать надо осторожно и неспешно. Это хороший результат разговора.

Такая форма представления идей, без сомнения, обусловлена сменой идеологического контекста. Ни радиодialog, ни ток-шоу не были известны советским СМИ, по своей природе монологичным.

Жанр «слово»

Активное становление церковной прессы привело к появлению новых жанровых форм, призванных объяснить читателю суть христианских догматов и обрядов. Наверное, их можно связать с жанром «слова». Различные «слова», как объясняет В. В. Кусков, были связаны «с толкованием текстов “писания”» или посвящены христианским праздникам (Кусков 1977: 13). Новые для широкой аудитории жанры привели с собой новую эмоциональную окраску изложения: «Возвышенная тональность речи – черта, характеризующая

целую широкую область функционирования русского религиозного (православного) дискурса, возродившего традиции высокого стиля в современной речевой коммуникации» (Трошева 2010: 133).

Тексты этой группы по стилю и характеру речеведения наиболее удалены от обычного книжного изложения (Гостеева 1997). Приведем небольшой, но типичный текст данной разновидности, чтобы показать, как строится объясняющее рассуждение. Поскольку таким изложением движет повтор, цифрами отметим повторяющиеся мысли:

«Вознесение Господне»

(1) Для многих из нас Вознесение является только праздником на пути между Пасхой и Пятидесятницей, как будто в нем нет никакого внутреннего содержания, как в других праздниках Святой Церкви. Кажется, что для того только и вознесся Господь, чтобы ниспослать Утешителя – Святого Духа, что праздник Вознесения как будто ничего не дает человеку, но даже лишает нас присутствия Господа здесь, на земле. Ибо в последние дни мы чувствовали Его присутствие в явлениях, как апостолы когда-то, а теперь Он ушел от нас. Казалось бы, для апостолов Вознесение Господа должно было быть потерей. (2) Но святые отцы говорят, что это – великий праздник, (3) ибо ныне не Слово плоть бысть (Ин. 1, 14), но плоть стала Богом, (3) Новый Адам не нисходит, но восходит с плотью на Небо.

Для нас этот праздник является пробным камнем нашего понимания дела Христова на земле. (3) Бог стал человеком, чтобы человек соделался Богом, чтобы человека возвести на Небо, говорят святые отцы.

(3) Мы сегодня с апостолами срадуемся восшествию Господа на Небо. Для верующих это не одни лишь слова, что плоть человеческая возносится на Небо. Мы погружены в человеческое и думаем только о земном, поэтому безмолвствуем в этот праздник, хотя изначально заданность человека есть стремление к Небу, к Богу. (3) Господь возносится на Небо, (4) также и каждый верующий и любящий Бога может быть вознесен на Небо. (4) Для нас не мечта и не фантазия – вознесение на Небо человеческой природы, обожение, как говорят святые отцы. Для тех, кто знает, куда идет, понятно, что не для того приходил Христос, чтобы мы могли немножко покаяться, несколько “почиститься и умыться”. Недостаточно одного очищения от страстей. Дело Христово здесь только начинается. (4) После очищения от страстей начинается совершенствование, обожение, начинается то, о чем Христос сказал:

Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный (Матф. 5, 48). (3) Ныне Христос с плотью, явленной Ученикам, осязаемой ими, виденной, возносится на Небо. Мы начинаем с обратного. Христос сначала родился, прошел весь путь земной, а потом уже и вознесся, (4) а мы в Таинстве Крещения сначала умираем, освобождаясь от ветхого греховного человека, а потом рождаемся, т. е. облакаемся в нового человека, и в этом празднике получаем возможность вознестись на небо. (1) Если мы это поймем, тогда Вознесение не будет лишь этапом по пути от Пасхи до Сошествия Святого Духа, (2) но будет праздником, исполненным радости, каким он был для апостолов, (2) которые, как повествует евангелист, возвратились не в печали от разлуки с Господом, но в великой радости, ибо они воочию убедились, что не напрасны были слова Господа.

Мы живем на этой земле временно и должны быть готовы к Будущей жизни. (4) Очиститься от грехов – это еще не все, мы должны готовить себя для обителей горних. Мы должны знать, что духовное делание мы только начинаем. Когда вы почувствуете, что ваша обитель не здесь, а там, на Небе, тогда во всяком вашем деле вы будете помнить, (3) что Господь вознесся на Небо в Своей вечной пречистой плоти, (4) и жизнь на земле будет для вас дорогой к Небу. Будем тщательно следить за всяким своим поступком – возносит он нас или низводит. (2) Тогда мы почувствуем всю духовную радость праздника Вознесения, (1) почувствуем, что он празднуется вовсе не для того, чтобы заполнить место между Пасхой и Пятидесятницей, (4) но что это есть путь, по которому мы все должны пройти. И это не мечта, не пустая фантазия. (3) Господь взшел на Небо и снова придет судить нас, (4) чтобы подготовленных возвести вместе с Собой на Небо, а других отвергнуть, ибо они как будто и служили Ему, но считали, что главная цель жизни – здесь, на земле, и поэтому вовсе забывали о Небе, (1) считая Вознесение и обожение пустой фантазией.

(4) Братья и сестры! Христос зовет нас с собой на Небо! Аминь!» (Протоиерей Сергей Мечев // Православная газета. 1997. № 10).

Как видим, в тексте, чуть варьируясь в словесном оформлении, повторяются, тем или иным образом чередуясь друг с другом, четыре основных мысли. Чаще всего повторяется главная мысль 3 о сути праздника – Вознесение Господа на Небо во плоти, и мысль 4, касающаяся человека, который по примеру Господа должен стремиться к Небу. Две другие мысли орнаментальны и эмоциональны:

праздник радостен, праздник не просто промежуточное звено между другими праздниками. Мысль 1 в своем утвердительном и отрицательном вариантах усиливает мысль 2: это праздник радости, а не просто промежуток между праздниками. Все это заставляет читателя переживать и событие священной истории, и проповедуемое поведение верующих.

Рассмотренный текст вовсе не исключение. Вот хотя бы цитата из выступления Архиепископа Казанского и Чистопольского Сергия (Королева) «Жизнь Неба на земле» (Православная газета. 1998. № 5–6):

«Что же такое жизнь духовная, или Небесная, и как подойти к ней? Нельзя понять духовную жизнь, не приближаясь к ней. Жизнь духовная, Небесная, противоположна жизни плотской, греховной. Душевный человек с плотским состоянием не может понять духовную жизнь. *«Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия»* (1 Кор. 2, 14). Они говорят на разных языках: один в церкви получает радость, другой скучает. Сердца греховные не слышат Божественных звуков Неба. Как не понятны переживания в музыке без музыкального развития, так и духовные переживания недоступны людям, засоренным грехом и не борющимся с ним».

Весь этот пассаж по сути повторение одной мысли. Далее идет переход к новому комплексу повторов:

«Духовную жизнь мы начинаем понимать только в результате процесса борьбы с грехом. Подобное познается подобным, и Бог познается святостью. Нас приближает к Богу то, чем мы сродны с Богом. Мы сродны с Богом свойствами, которые отражаются в нас от Бога действием в нас Духа Святого. Ступень к богообщению есть святость».

Такое построение текста связано с многовековой традицией церковного письма. Д. С. Лихачев, анализируя житийно-панегирические сочинения конца XIV–XV в., отмечает их, как он выражается, «словесную полноту»: «Цель писателя состоит в том, чтобы пространным словом, долгим описанием раскрыть уши слушателям, заставить их понять то, к чему они якобы неохотно, лениво прислушиваются. Это означает, что задача писателя – в экспрессии изображения, в настойчивом доведении до сознания читателя сведений о святом, создании у читателя благоговейного отношения к святому. Отсюда бесконечные повторения, крайнее замедление рассказа, заставляющее читателя обратить внимание на то именно, на что хотел его обратить автор, а с другой стороны, усиливающее эмпатичность повествования, так как замедление рассказа почти всегда повышает его эмоциональность» (Лихачев 1986: 33).

Д. С. Лихачев обращает внимание также на то, что «повторение слов, при этом не всяких, а “святых” и значительных, вторгалось в сознание слушателей, даже самых ленивых, переставших следить за конструкцией предложений, но улавливавших лишь ключевые слова, создававшие у слушателей общее представление о том, что говорится... “Сытость” речи – это ее “насыщение” ключевыми словами в первую очередь» (Лихачев 1979: 126). Действительно, если посмотреть не только на повтор мыслей, но и на повтор слов, окажется, что при варьировании словесного оформления сохраняются ключевые единицы: **плоть, Небо, восшествие, Вознесение, очищение, обожение, радость; жизнь духовная, Небесная, Небо, грех, святость.** Текст в самом деле как бы рассчитан на произнесение, на постоянное звучание этих слов, которые в результате повторов будут непременно усвоены слушателями.

Сохраняется в этих текстах и еще одна черта словесного оформления, которую Д. С. Лихачев называет абстрагированием. Он говорит, что весьма выразительно «крайнее обобщение идей, при котором значения слов обобщены до предела и представляют собой как бы только схематические проекции... Абстрагирование вызывалось попытками увидеть во всем “временном” и “тленном”, в явлениях природы, человеческой жизни, в исторических событиях символы и знаки вечного, вневременного, “духовного”, божественного» (Лихачев 1979: 102. См. также: Виноградов 1982: 32; Лихачев 1986: 27). В рассматриваемых текстах эта черта изложения, безусловно, ощущается. Нет никакой связи с конкретным временем. Событие двухтысячелетней давности соотносится напрямую с жизнью автора и читателя, **путь земной и путь к Небу** – это вечный путь каждого человека, **радость праздника** – это вечная радость от апостолов до дня сегодняшнего и далее всегда; **духовная, Небесная жизнь** – жизнь вечная, святая, приближающая к Богу.

Таким образом, описанная манера изложения – наследие предшествующих веков, поэтому заслуживает уважения. Традиционная «высокая» стилистика таких текстов может быть воспринята как культовость, «тщательно соблюдаемая дистанция между книжной и разговорной речью» (Успенский 1994: 5). В этих публикациях сохраняется интерпретационный характер текстов и, следовательно, тесное взаимодействие их с каноническими текстами в форме цитирования, пересказа, отсылок и т. п. «Любая интерпретация священного текста несет на себе печать истории и строится на определенном историческом и социально обусловленном ее понимании.

В связи с изменившимися историческими условиями возникают новые интерпретации, свойственные новой эпохе, содержащие различные выводы о мире, человеке, Боге, жизни и смерти» (Брайович 1985: 212). Материал показывает, что для разных интерпретаций канонических текстов не обязательно ждать смены исторических эпох. Разные задачи воздействия на аудиторию, разные идеи, внушаемые аудитории, могут потребовать и разной интерпретации одного и того же канонического источника. Вот, например, как используется евангельская притча о пшенице и плевелах (Матф. 13: 24–30) в двух текстах.

«Поучение на евангельские чтения

Сеяно доброе семя, но пришел враг и посеял плевелы посреди пшеницы. Плевелы – это в церкви ереси и расколы, а в каждом из нас худые помыслы, чувства, желания, страсти. Примет человек доброе семя слова Божия, решает жить свято, и начинает так жить. Когда заснет человек такой, т. е. ослабит внимание к себе, тогда приходит враг спасения и влагает в него худые замыслы, которые, не быв отвергнуты вначале, созревают в желания и расположения и заводят свой круг дел и предприятий, перемешивающихся с делами, чувствами и мыслями добрыми. И пребывают так оба вместе до жатвы. Жатва эта – покаяние. Посылает Господь ангелов – чувство сокрушения и страха Божия, и они, явившись, как серп поджигают все плевельное и сжигают в огне самоосуждения болезненного. Пшеница чистая остается в житнице сердца, на радость человеку, и ангелам, и преблагому Богу в Троице покланяемому» (Голос православия. Б. г. № 115).

Это особого рода производный интерпретирующий текст, представляющий на место каждой детали первичного текста истолковывающий, символизируемый деталью предмет: **доброе семя** – добрые дела, **плевелы** – худые помыслы, **враг человека** – враг спасения, **жатва** – покаяние. Понятно, почему серпу вдруг приписано странное свойство – сжигать: сокрушение и страх нужно было как-то связать с жатвой.

Это, конечно, не единственный способ толкования притчи. Иисус говорит: «Царство Небесное подобно человеку, посеявшему доброе семя на поле своем». Поэтому можно понять притчу и как общую оценку человека и его жизни, что мы видим у Александра Меня в книге «Сын Человеческий» (Мень А. Сын человеческий // Смена. 1990. № 8: 111):

«Сорняки проникнут в Церковь незаметно, и подчас их будет трудно отличить от настоящей пшеницы Божией. Подобно Царство небесное человеку, посеявшему доброе семя на поле своем. Когда же люди спали, пришел враг его и посеял между пшеницей плевелы и ушел. А когда взошла зелень и дала плод, тогда явились и плевелы. И придя, рабы домохозяина сказали ему: “Господин, не доброе ли семя посеял ты на своем поле? Откуда же в нем плевелы?” Он сказал им: “Враг-человек это сделал”. Рабы же ему говорят: “Так хочешь, мы пойдем выберем их?” Он говорит: “Нет, чтобы, выбирая плевелы, вы не вырвали с корнем вместе с ними и пшеницу, дайте им всем расти до жатвы, и во время жатвы я скажу жнецам, выберите прежде плевелы и свяжите их в связки, чтобы сжечь их, а пшеницу соберите в житницу мою”. Только суд Божий произведет окончательный отсев и отделит доброе от злого. Суд же, как и Царство, уже начался. По слову Евангелия, он “состоит в том, что свет пришел в мир, но люди более возлюбили тьму, нежели свет”. В результате возникает цепь кризисов и катастроф, вызванных столкновением правды Божией и человеческого зла. Последний Суд станет огненным очищением мира, когда руда истории будет переплавлена для Царства».

В текстах, приведенных ранее, также хорошо видна роль цитат. Они участвуют в варьировании выражения мысли: **«не Слово плоть бысть (Ин. 1, 14), но плоть стала Богом. Новый Адам не нисходит, но восходит с плотию на Небо»**; **«После очищения от страстей начинается совершенствование, обожение, начинается то, о чем Христос сказал: Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный» (Матф. 5, 48)**; **«Душевный человек с плотским состоянием не может понять духовную жизнь. Душевный человек не принимает того, что от духа Божия» (1 Кор. 2, 14)**. Понятно, что цитата из канонического текста звучит всегда весомее авторской формулировки и тем подтверждает ее, делает убедительней для читателя.

Итак, современные «слова» интерпретируют канонические тексты, раскрывают смысл обрядов и праздников. Характерной стилистической их чертой является формирование изложения как системы повторов основных мыслей, что призвано, согласно традиции, придать выступлению убедительность и большую выразительность.

СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ И АУДИТОРИЯ

Эту проблему невозможно было в той или иной форме не затронуть в предыдущих разделах. Но все-таки она настолько сложна и многоаспектна, что для ее освещения недостаточно беглых упоминаний. Разные ее стороны требуют специального рассмотрения.

ВСТРЕТИМСЯ В СУДЕ: НОВЫЙ ТИП ЧТЕНИЯ МЕДИАТЕКСТА

Особые отношения коммуникантов складываются в разных сферах общения. Например, говоря о жизни А. С. Пушкина, Ю. М. Лотман отмечает: «Чем бы ни занимался, что бы ни делал Пушкин в годы своей творческой зрелости, он был, в первую очередь и прежде всего, Поэт. Именно это он считал основным и определяющим в своей личности, именно так его воспринимали окружающие. Отныне ему приходилось постоянно думать о том, что такое поэт, каким он должен быть в творчестве и жизни, и считаться (или бороться) с тем, что от него ждут читатели, какие представления связываются в окружающем его обществе с этим понятием... он... обречен носить клеймо “поэта”, постоянно подвергаясь бесцеремонному любопытству и сталкиваясь с настойчивым ожиданием, что он будет вести себя в соответствии со штампами поведения “поэтической личности”» (Лотман 1999 б: 64, 78). Стереотипы «поэт», «писатель», пусть изменившиеся со времен Пушкина, существуют и в нашем сознании.

О стереотипе читателя в этой области общения говорить сложнее. Умберто Эко отмечает: «В обоих случаях – и когда адресуются к публике, которая в полной осязаемости, с кошельком в руках ждет за дверями, и когда уповают на читателя, который “придет и сможет оценить”, писательство – всегда конструирование самим текстом своего идеального читателя» (Эко 1988: 97). Однако тип читателя художественного текста, по-видимому, все-таки можно выделить, и основанием для такого выделения служит специфика деятельности того, кто воспринимает текст. У. Эко обозначает ее как развлечение (Эко 1988: 99); психологически ее можно представить как «аутогелический» (несущий цель в самом себе) опыт (Дормашев, Романов 1995: 249). Погруженность в чтение художественного текста – это то же «состояние потока», что и погруженность в другие виды деятельности: «Ваша концентрация совер-

шенно полная. Ваш ум не блуждает; вы не думаете о чем-то еще и всецело вовлечены в то, что делаете... После того как я действительно вхожу в процесс, я совершенно забываю обо всем, что меня окружает» (Дормашев, Романов 1995: 250). Авторы по-разному организуют текст, чтобы вызвать это состояние у читателя (своеобразный парад приемов представлен в: Ауэрбах 1976). Конечно, художественное произведение может, вспомним классика, «сеять разумное, доброе, вечное», но только при условии, что оно способно обеспечить читателю условия для аутоэстетической деятельности.

Распространенная нелюбовь к художественным произведениям, изучаемым в школе, вполне вероятно, во многом объясняется привнесением посторонней, внешней по отношению к тексту цели в процессе его восприятия. Такая метаморфоза адресата (вместо наслаждающегося субъекта – субъект обучающийся) приводит к метаморфозе текста (вместо увлекательного рассказа или романа – предмет многочасовых рассуждений, а потом сочинений, быть может, еще и экзаменационных).

Особые типы коммуникантов характерны и для других сфер общения. Нас будет интересовать сфера СМИ. Различные теории прессы по-разному изображают взаимодействие журналиста и читателя. Авторитарная теория прессы, получившая развитие в Англии XVI–XVII веков, проповедовала постулат, согласно которому «человек может реализовать свой потенциал полностью только как член общества». Поэтому государство берет на себя роль гаранта, обеспечивающего личности условия для развития у нее «качеств цивилизованного человека». Первейшее условия такого развития – знания, поставляемые обществу прессой под контролем государства. «Знание, приобретенное или продвинутое таким образом, становится нормой для всех членов общества и приобретает абсолютную ауру, которая делает перемены нежелательными, а стабильность и преемственность сами по себе превращаются в добродетель». В этой теории адресант предстает как «мудрец, способный к анализу и синтезу», а адресат – как лицо, обучающееся и обеспечивающее за счет обучения свою интеграцию в общество (Сиберт и др. 1998: 27, 28).

Предельный вариант авторитарной системы прессы – советская система, в которой средства массовой коммуникации функционируют только как инструмент партийного руководства массами. Ленинская формула «газета – коллективный пропагандист, агитатор и организатор» точно отражает назначение тоталитарной прессы.

Журналист при этом выполняет роль проводника партийных указаний и решений, а читателю достается роль исполнителя этих решений. Нарисованная картина, однако, весьма абстрактна. В 60–80-х годах XX века советские СМИ, безусловно воплощая общую суть тоталитарной прессы, психологически были близки читателю. Местные новости и события большой политики, проблемы экономики, образования, воспитания, анализ различных конфликтных ситуаций из разряда «борьба между чувством и долгом» – все это вызывало у читателя немалый интерес, о чем свидетельствовало огромное количество читательских писем как в редакции, так и лично журналистам. Проводя в массы партийные указания, лучшие журналисты 60–80-х годов облекали эту информацию в форму уважительной беседы с читателем. Журналист продолжал оставаться на роли обладателя партийной мудрости, но текст свой предпочитал строить (умело или неумело – это другой вопрос) как убеждающее рассуждение, обращенное к собеседнику.

И теоретики журналистики той поры, и сами журналисты видели задачу в том, чтобы заставить читателя мыслить, хотя и в определенном направлении. Вот что пишет известнейший журналист тех лет Анатолий Аграновский: «Что такое публицистика? Существует много определений, и каждое по-своему правильно. Главное для меня такое: публицистика призвана будить общественную мысль. И тогда, садясь за стол, мы ищем новый поворот, новый сюжет, новые слова, все это делается для того, чтобы повести читателя путем мысли. Если же публицистика монотонна, если повторение сказанного выдается за постановку темы, то мысль общества не будится, а усыпляется. Произведения такого рода называют иногда бесполезными. Неправда. Бесполезное вредно. Бездумная публицистика наносит огромный вред развитию общественного сознания, вред, который мы еще не умеем оценивать. Хорошо пишет не тот, кто хорошо пишет, а тот, кто хорошо думает» (Уроки Аграновского 1986: 259). Таким образом, носитель мудрости и стремящийся к совершенству ученик выступали в довольно привлекательных образах двух собеседников: знающего и желающего знать.

Это, однако, в идеале. На деле определенными способами регулировалось даже поступление прессы к читателю. Членов партии обязывали подписываться на партийные издания, особенно на газету «Правда» и журнал «Коммунист». Оформляя подписку по месту работы, человек, наряду с интересующими его изданиями, тоже должен был выписать какое-то партийное издание в виде накружки, например, к «Литературной газете».

Существовали ситуации, так сказать, принудительного чтения. Учеба партийного или комсомольского актива часто была связана с «проработкой» некоторых публикаций в газете «Правда» или в журнале «Коммунист», изучались газеты и на политинформациях во многих трудовых коллективах, в школьных классах или в студенческих группах. В некоторых случаях газетные статьи обсуждались на партийных и комсомольских собраниях. Во всех этих обстоятельствах тексты прочитывались самым тщательным образом, но это, в сущности, противоречит обычному чтению газетно-журнальной продукции, особенно газетной, делу сугубо добровольному, никак не регламентированному, обусловленному лишь индивидуальными информационными потребностями личности.

В начале 90-х гг. на кафедре русского языка и стилистики Уральского государственного университета было проведено экспериментальное исследование чтения газетного номера и газетного текста. Обобщая результаты своего эксперимента, Э. А. Лазарева отмечает, что «знакомство с газетой начинается с просмотра заголовочного ансамбля номера. <...> “Заголовочное чтение” – это первоначальная ориентация в содержании газеты (иногда на этом этапе знакомство с номером кончается). Следующий этап знакомства с газетой – чтение отдельных публикаций... <...> ...Отдельные публикации читаются разными способами. Иногда читатель пробегает их глазами. При скором чтении восприятию текста помогает выделение в нем смысловых вех, ключевых слов, которые способны импульсировать в сознании или подсознании читателя определенные содержательные ассоциации, помогающие составить представление об общем содержании текста. В связи с этим следует отметить важную роль начала публикации: зачастую, особенно в небольших текстах информативного характера, именно оно ориентирует читателя в общей тематике произведения. Это позволяет во многих случаях ограничиться только знакомством с зачином. Читатели газеты могут выбрать и медленное чтение, при котором происходит углубленная интерпретация, выделение всех содержательных компонентов газетного материала» (Лазарева 1993: 46–47). Эксперимент показал также, что читатель плохо запоминает авторов газетных публикаций, не обращает внимания на жанр, языковое оформление, рубрики, т. е. основное, что его интересует, – это содержание текста, да и то чаще всего прочитанного бегло, а то и просто частично.

Интересно обстояло дело с критическими выступлениями. Властвующие инстанции обязаны были «реагировать» на критику –

сообщать в газету об исправлении отмеченных недостатков (процветали отписки, но это уже другая тема, важно, что «заметить» критику вменялось власти в обязанность). Если же критиковался обычный человек (бракодел, нарушитель дисциплины и т. п.), он перед выступлением прессы был совершенно беспомощен.

И вот СМИ вышли на рынок. Читатель сейчас вряд ли чувствует себя как ученик или жаждущий знаний друг журналиста. Он – покупатель интересующей его информации, во всяком случае так считают многие журналисты, которые, как они сами говорят, действуют по правилу «Не нравится – не бери». А журналист при такой трактовке – поставщик информации, и поставщику приходится заботиться о пригодности своего товара для покупателя. И поскольку вкусы у покупателей разные, СМИ с восторгом ударились в поиски сенсаций, подробностей личной жизни «звезд», откровений оракулов всех мастей, «загадок» природы, в которых никто толком ничего не понимает, но которыми можно хорошенько напугать зрителя, слушателя, читателя.

Общий припев родителей, учителей, журналистов – люди стали мало читать. В этих условиях вряд ли чтение газет и журналов кардинально изменилось. Если изменилось, то, наверное, лишь в сторону еще большей беглости, отрывочности и избирательности. Но зато появился особый вид чтения текстов СМИ (а также слушания, потому что это касается и радио и телевидения), который советской журналистике известен не был. Это касается критических выступлений (хотя в эту зону могут попадать тексты и иного содержания). Для таких текстов складывается аудитория, которую Б. Н. Лозовский называет «задетой» (2011: 137). Наша задача – показать, как читает такая аудитория.

Журналист может критиковать власть вообще, и в этом случае ему, скорее всего, обеспечена спокойная жизнь. Но во многих других случаях он критикует определенную организацию и, что самое главное, определенное лицо, которое и вынуждено читать текст не так, как описано выше. Это чтение нарушает потребности человека в безопасности и защите, в самоуважении и самоактуализации. Из этой ситуации есть два выхода. Можно разобраться в сущности критики и, если она справедлива, признать ее и постараться исправить положение. А можно, не разбираясь в существе дела или, напротив, разобравшись во всех деталях дела, начать с автором войну в форме судебного иска. Так коммуниканты «журналист» и «читатель» превращаются в коммуникантов «истец» и «ответчик». И подобно тому, как художественное произведение, становясь изу-

чаемым, «проходимым», оборачивается для учителя и ученика новыми сторонами, зачастую как бы утрачивая свою эстетическую сущность, так и журналистский текст преобразуется в зеркале судебного иска.

1. Прежде всего игнорируется обобщающий характер журналистского текста. Описывая одну негативную ситуацию, журналист показывает ее социальное значение. Попутно отметим, что в этой манере письма есть и плюсы и минусы. Плюс – аналитический характер текста, смягчающий его агрессивность, а минус – слабая разграниченность фактов и мнений, которую, кстати, требует «Кодекс профессиональной этики» (Право и этика... 1996: 202). Обобщающий характер текста, т. е. наложение конкретной негативной ситуации на негативное положение дел в стране, усиливает критический пафос выступления. Но для читателя, становящегося истцом, это только усугубляет переживания. В его восприятии весь обличительный пафос адресуется лично ему. Критика и сама по себе не может вызвать особой любви, а усиленная таким увеличительным стеклом, вообще воспринимается как оскорбление. Изложенная в тексте, она становится известной широкому кругу читателей, поэтому грозит нарушить отношения человека с группой, пошатнуть уважение к нему. Кроме того, критическая информация может угрожать служебному положению лица. Таким образом, оскорбление, угроза привычным социальным связям – это причины, порождающие страх и гнев (Изард 1999: 247, 293). Судебный иск можно истолковать как действие, разряжающее этот гнев, причем в иске отчетливо отражается пристрастный взгляд на текст.

Рассмотрим весьма показательный в этом отношении материал (фамилию критикуемого лица обозначим начальной буквой). Автор критической корреспонденции «Медвежья услуга» описывает две аферы с поставкой сахара в Пермскую область. Фирмы-поставщики обращались в администрацию с предложением поставки и с просьбой о кредите. Работник администрации С. давал резолюцию «Прошу поддержать» и направлял документы в банк, который и выдавал кредит. Деньги исчезали, а сахар в область не поставлялся. Журналист подробно расписываетхождения современных гоголевско-булгаковских чичиковых, которые и в бегах обретаются, и к чиновнику в доверие умеют втереться, и поставные фирмы организовать не прочь. Даже сквозной сатирический образ, отразившийся в заголовке, навеян названием одной из фирм («Медведь»), причем дается фотография фирменного бланка с печатью, на которой изображен медведь. Работник адми-

нистрации фигурирует в образе доверчивого чиновника, подписывающего заявления на кредит.

Специфика восприятия текста критикуемым лицом хорошо видна в вопросах, задаваемых судом эксперту. Публикация от 20 ноября предваралялась анонсом в номере за 19 ноября. Приведем его полностью:

«Читайте в следующем номере

Сколько ни говори “халва”, слаще не станет. Эта поговорка приходит на ум при знакомстве со “сладкими аферами”, наделавшими много шума в деловых кругах Прикамья. Под разговоры о поставках сахара, подкрепленные липовыми договорами с поставщиками, ушли неведомо куда, растворились на российских просторах сотни миллионов рублей. Сладкой деятельностью иных коммерсантов и их покровителей ныне интересуются правоохранные органы. Возбуждены уголовные дела, проводятся проверки. Однако общественное любопытство заслуживает удовлетворения и ответа на вопрос: кто приложил руку (в прямом и переносном смысле) к выкачиванию денег на “сахар”?»

Критикуемый, читая «во гневе» первый и второй тексты, не может и, вероятно, не хочет понять, что анонс при отсутствии полного текста никак не способен указать на работника администрации С. Кроме того, почти со стопроцентной уверенностью можно сказать, что никто, кроме самого критикуемого, 20 ноября не бросился перечитывать анонс, опубликованный в газете за 19 ноября. Однако эксперту задаются такие вопросы (цитируем без изменения стиля):

«Какова смысловая нагрузка фразы “липовые договоры” в данном контексте?; В чем смысловая логика фразы “Однако общественное любопытство заслуживает удовлетворения и ответа на вопрос: кто приложил руку (в прямом и переносном смысле) к выкачиванию денег “на сахар”?»

Критикуемому кажется, что ему приписывается чуть ли не авторство «липовых договоров» и что неведомо как, но все-таки читатели знают, что «приложить руку» надо понимать не как «участвовать в деле», а как «подписать», хотя решительно ничто в тексте анонса на это последнее значение не указывает.

Столь же пристрастно чтение корреспонденции. Журналист постоянно критикует работника администрации С. за его резолюцию «Прошу поддержать», не выявляя, так сказать, деловой статус этой подписи. Например:

«Безграмотно составленное письмо не смутило профессора С. Как первый заместитель главы, он наложил резолюцию, адресованную начальнику Главного управления Центробанка России по Пермской области: “т. Савельеву А. Г. Прошу поддержать”. Забудьте: и речи нет о проверке фирмы на состоятельность. Поддержка высокого начальства оказала медвежью услугу двум коммерческим банкам, выдавшим кредиты Дубову на закупку сахара. Ни возврата своих миллионов, ни товара кредиторы не дождались. Возмещать убытки пришлось через арбитражный суд».

В этом фрагменте вся суть критики С. Больше нет никакого анализа, только разбросанные по всему тексту оценки этой подписи, подтверждаемой фотографией документа.

Все эти случаи скрупулезно выбраны из текста критикуемым и, надо полагать, его адвокатом. Почти три десятка вопросов поставлены перед экспертом, и в каждом, по-видимому, кипит оскорбленное чувство критикуемого. Вот, например, журналист пишет: «Когда истек срок погашения кредита, генеральный директор фирмы “Западуралинтерстрой – СОЛМИКС” Ю. Михайли договорился об отсрочке. 26 февраля 1993 года первый заместитель главы администрации С. начертал на прошении положительную резолюцию». На это следует вопрос суда: «Какова функция слова “начертал” в предложении...» Ничего, кроме неяркой иронии в обозначении документально подтверждаемого факта, здесь нет. Оценивается факт подписи прошения о продлении кредита, и никак не затрагивается личность потерпевшего. Но истцу в каждом слове видится оскорбление.

Из почти трех десятков случаев только один действительно толкает читателя на умозаключение о недобросовестности С., о корыстных побуждениях в его действиях. Прямой формулировки тезиса нет, но имплицитный смысл может быть оценен как оскорбительный для критикуемого лица. Вот этот фрагмент:

«На мой взгляд обе сахарные аферы нельзя списать на легкомыслие, доверчивость или непрофессионализм. Ученые звания, степень и номенклатурный стаж С. говорят об искушенности в выборе деловых партнеров. Курируя сейчас кредитно-финансовую отрасль Прикамья, господин С. владеет, разумеется, информацией о том, как непросто достается сладкая жизнь пермским коммерсантам».

Как видим, журналист обращается к так называемому отрицательному определению: «это не легкомыслие, не доверчивость, не непрофессионализм». В «Логическом словаре» данное понятие

описано так: «Отрицательное определение – определение, в котором указывается только на то, какие признаки не присущи данному предмету, но не говорится, какие же признаки присущи этому предмету. Так, определения “химия – это не география”, “устье – это не приток” являются примерами отрицательных определений. Подобные определения не выполняют главной цели определения, заключающейся в том, чтобы раскрыть существенные признаки определяемого предмета, и не характеризуют определяемое специфическим образом» (Кондаков 1971: 368). В полном соответствии со словарным описанием журналист говорит, что нельзя объяснять действия С. тем-то и тем-то, но не сообщает, чем их можно объяснить. Между тем критика не терпит пустоты. Читатель начинает заполнять пустое пространство концепции собственными – в меру своей фантазии, недовольства, осведомленности или неосведомленности. Поэтому вопрос суда – содержит ли этот фрагмент обвинение С. в умышленном пособничестве коммерческим структурам, или пассаж можно истолковать как суждение о бескорыстном протекционизме – не имеет точного ответа. Если кому-то захочется, он может говорить о протекционизме. Но если кому-то другому захочется увидеть в действиях С. корыстные сделки, вымогательство, коррупцию, это тоже возможно.

Таким образом, текст действительно содержит в подтексте оскорбительное для С. суждение, но нельзя видеть оскорбление в каждом слове. В конце концов «сахарные» аферы действительно имели место, и заявление на кредиты С. подписывал, и деньги область теряла. Так что вместо судебной возни чиновник мог бы проанализировать положение дел и предложить меры по предотвращению таких просчетов.

2. Вторая особенность восприятия текста критикуемым – игнорирование неопровержимых фактов. Конечно, здесь можно видеть преднамеренность, осознанное желание не говорить об этих фактах ни в исковом заявлении, ни в прочих высказываниях по поводу спорного текста. Но наряду с этим, вполне вероятно, срабатывают защитные психологические механизмы, включенные нестандартным типом чтения текста. Вряд ли обычное восприятие публикаций СМИ (информирующих, аналитических, развлекательных, рекламных) глубоко затрагивает адресата, вторгается в глубинные сферы его личности. Можно найти сотни причин, чтобы оправдать свое незнакомство с любой газетной, теле- или радиопубликацией. Поэтому это незнание простят даже члены самой ценной для субъекта группы, не говоря уж о всех остальных, кото-

рым, скорее всего, абсолютно безразлично, читал ли данный человек такую-то статью, слушал ли такую-то радиопередачу.

Напротив, восприятие критической публикации критикуемым лицом ранит самые чувствительные сферы психики. Все мы «воспринимаем себя благосклонно... люди охотно соглашаются с похвалой, когда им говорят, что они в чем-то преуспели (они относят успех на счет своих способностей и усилий), но приписывают неудачу влиянию внешних факторов типа неведения или изначальной нерешаемости проблемы» (Майерс 1997: 79). С большой долей вероятности можно допустить, что критикуемый не испытывает состояния, именуемого «восторгом надувательства» (Экман 1999: 56). Допустим также, что критикуемый факт в свое время был признан человеком как неудача, за которую ему было совестно и которую он, в силу нашей всеобщей предрасположенности в пользу своего «я», оправдал обстоятельствами. Например, господин С. мог сказать себе: подписывал я эти заявления зря, но банки сами виноваты, что не проверили фирмы на состоятельность. И тут вдруг эта публикация, которая выставляет неудачу на всеобщее обозрение. В действие вступают механизмы подавления и переориентации. «Нам представляется невозможным признаться во многих наших желаниях, даже несбывшихся. Нам было бы очень тяжело, если бы они стали известны. Лучше бы их забыть, вытеснить в бессознательное и проявить социально приемлемые чувства... Это подавление происходит бессознательно; оно помогает нам сохранить наше представление о самих себе... обычно это напряжение дает толчок для замещающего действия, приемлемого для окружающих» (Робер, Тильман 1988: 95). Потребность забыть неудачу переключает внимание критикуемого на моменты, которые можно провозгласить как незаслуженные оскорбления. Поэтому представляется, что в судебных исках щедро перемешаны и осознанные попытки скрыть правду, и искренние, совершенно естественные защитные психические движения, порождаемые особыми отношениями коммуникантов в сфере СМИ.

Так, уже было показано, что факт подписи в иске С. рассматривается не как неудачное действие должностного лица (об этом нет и речи), а как объект для оскорбительной, несправедливой иронии журналиста. Почему она несправедлива, об этом снова ни звука, это как бы само собой разумеется, от эксперта требуется лишь подтверждение, что ирония есть. Само ее наличие рассматривается как повод для иска. Здесь хорошо видно, что факт подписи уже давно психологически оправдан неблагоприятными обстоя-

тельствами и критикуемый чуть ли не искренне не понимает, за что его критикуют.

Такой обход «неудобных» фактов наблюдается нередко. Статья «По ком звонит колокол?» целиком посвящена вопросу финансирования прогимназии «Творческое развитие». Отдел образования администрации города Озерска откликается на нее публикацией «Кому закон не писан...», где приводит расчет часов, который закреплён постановлениями федерального правительства и который определяет уровень финансирования прогимназии местной администрацией. Попутно критикуется работа школы (низкие показатели успеваемости, недостаточный профессионализм педагогов).

С исковым заявлением выступает директор прогимназии. В заявлении оспариваются суждения, касающиеся успеваемости и профессионализма, но ни слова не говорится о финансировании. Вопрос: если расчет часов правилен и финансирование осуществляется в объемах, предусмотренных законом, почему вообще разгорелась газетная перепалка и кто на кого должен подавать в суд?

Отметим еще один интересный случай. В целом очень грубая публикация «Больше так не делай, Игорьк...», направленная против депутата Государственной Думы, в частности, упрекает депутатов за высокую зарплату, которую они сами себе установили. В искомом заявлении критикуемый не обходит этот упрек, но оправдывает его, совсем в духе тенденций благосклонного отношения индивида к своему «я». Критикуемый заявляет, что суммы депутатских окладов не устанавливаются депутатами, они определяются законом «О статусе депутата Федерального Собрания Российской Федерации» и приравниваются к окладу федерального министра. Заявитель только обходит тот факт, что закон о статусе депутата принят Думой и никем другим принят быть не мог. Но этот раздражающий факт забыт, вытеснен из памяти и, разумеется, в искомом заявлении не признается, вполне возможно, совершенно искренне.

3. Тексты в СМИ в подавляющем большинстве случаев не рассчитаны на очень внимательное восприятие. Радиотексты звучат как фон к основному занятию человека в данный момент. Телетексты постоянно прерываются рекламой, отчего даже целостное произведение превращается в клип, где объединение разнотемных фрагментов является нормой. Поэтому рассеивание внимания при восприятии «эфирных» текстов – правило, а не исключение. Казалось бы, хоть письменные, газетные тексты рассчитаны на вдумчивое чтение. Как уже было показано, вовсе нет. «Традиционный способ детального изложения информационного материала похож на перевернутую пирамиду. Самая свежая, самая

важная информация расположена “вверху”, затем следуют менее значительные и интересные факты. Такая структура, как правило, наиболее удобна для читателя. Он быстро схватывает главное и может прервать чтение в любом месте, не упустив ключевых пунктов» (Справочник для журналистов... 1993: 34).

Факт такого восприятия стоит вне оценок «хорошо/плохо», он обусловлен спецификой фактуры так называемого «экрана знаний». В современной культуре «знания складываются из разрозненных обрывков, связанных простыми, чисто случайными отношениями близости по времени усвоения, по созвучию или ассоциации идей. Эти отрывки не образуют структуры, но они обладают силой сцепления, которая не хуже старых логических связей придает “экрану знаний” определенную плотность, компактность, не меньшую, чем у “тканеобразного” экрана гуманитарного образования. Мы будем называть эту культуру “мозаичной”, потому что она представляется по сути своей случайной, сложенной из множества соприкасающихся, но не образующих конструкций фрагментов, где нет точек отсчета, нет ни одного подлинно общего понятия, но зато много понятий, обладающих большой весомостью (опорные идеи, ключевые слова)» (Моль 1973: 45). Фрагментарное восприятие текста СМИ отвечает структуре нашего «экрана знаний»: схваченные клочки и кусочки информации встраиваются в имеющуюся мозаику и совсем неплохо запоминаются. Из описанного типа восприятия с неизбежностью следует, что адресат не слишком внимательно смотрит на отдельные слова, он схватывает содержание, а не форму.

В модификации «кистец» коммуникант, напротив, пристрастен к словам и склонен вычитывать в некоторых из них особую злонамеренность автора. «Как следует понимать смысл слова “афера”, его роль в контексте и словосочетании “сладкая афера”?» – спрашивает суд, как будто это слово здесь имеет какой-то необыкновенный, особо каверзный смысл, а не является привычным обозначением мошенничества. «Как следует понимать смысл словосочетания “деловые партнеры”, его роль в контексте?» – а словосочетание употреблено в обычном значении, без всякой иронической окраски.

В публикации «Две недели, которые потрясли СМЗ» журналист задал вопрос, уж не начал ли работать мэр Салды «против металлургов СМЗ» (а надо учесть, что в области в этот период идет процесс захвата предприятий новыми владельцами). В исковом заявлении мэр долго рассуждает, кто такие «металлурги СМЗ» – все ли они работники завода, или это люди, чьей профессией является металлургия, или это жители муниципального образования,

имеющие отношение к заводу. Разумеется, ни одному обычному коммуниканту в сфере СМИ не придет в голову мысль о возможности таких разночтений. Обычный читатель просто скажет: ага, и этот завод кто-то хочет «скушать», — а затем продолжит или прервет чтение. Критикуемый же внимательно вчитается в текст и за этими словами увидит электорат, который придет на выборы мэра. И сколько человек скажет «ага, и этот завод кто-то хочет “скушать”», ему, мэру, желающему переизбраться на новый срок, совсем не безразлично.

Депутат Госдумы, выступая на местном телевидении, неосторожно причислил всех работающих в местной газете «Воронежский курьер» к представителям «древнейшей профессии». Журналист газеты публикует реплику «Больше так не делай, Игорек...» Текст, как уже говорилось, получился хлестким и грубым, и критикуемый депутат подает исковое заявление, в котором отмечает, что никогда не говорил про такую категорию лиц, как «все, работающие в “ВК”». На сей раз перед экраном телевизора депутат и журналист поменялись ролями. Журналисту пришлось выслушивать критику, и, как всегда бывает, у него проснулось особое, обостренное придирчивое отношение к слову. Обычный телезритель послушал и забыл. А наш униженный и оскорбленный начинает решать проблему, напоминающую древнюю задачу «со скольких камней начинается куча?» Он стал гневно соображать, «со скольких работников “ВК” начинается клевета в мой адрес?» Далее не иск, а реплика в газете, а за ней уже иск, спровоцированный этой репликой.

Таким образом, критикуемый адресат СМИ, превращаясь в истца, демонстрирует особое чтение текста: меняются мотивации, внимание, эмоциональная окраска восприятия, смысловой анализ текста.

В истца может превращаться не только критикуемый, но и восхваляемый адресат СМИ. Эта метаморфоза связана, по-видимому, с издержками вмешательства журналиста в частную жизнь героя. В газете «Уральский рабочий» был опубликован очерк «Генка Бобров — дитя идеи». Судьба человека, ставшего бомжем, изображена здесь как результат краха тоталитарной модели личности:

«Бывает так: встречается человек, и отразится в нем, в одном, все: проблемы отцов и детей, связь поколений, прошлое, настоящее и будущее страны. Мелькнет, кажется, мимолетом, как бабочка, летящая в ночи на огонь костра, и пропадет навсегда. Но оставит по себе память, тревогу, размышления. Такой человек встретился недавно и мне».

Это вступление точно передает серьезный тон изложения, высокий уровень обобщения фактов, аналитическую направленность текста. И, разумеется, ничего хоть намеком похожего на оскорбление. Обычный читатель газеты прочтет очерк, подчиняясь авторскому замыслу: он задумается об окончательно рухнувшем прошлом, о нелегком настоящем и неясном будущем. В общем, он выполнит все, что требуется при общении с текстом такого жанра.

Теперь попробуем представить себе чтение членов группы, в которую входит герой (имя его, кстати, в публикации не изменено). Пожалуй, здесь вполне возможна ситуация, давно проанализированная в журналистике: «Во всех случаях журналисты ничего не сочиняли, а просто стремились подать своих героев “со всей требухой” и поставили людей в неловкое положение. Видимо, так уж устроен человек: знает, что у того начальника под столом гиря стоит, что у другого голубые глаза, знает в два раза больше, чем корреспондент, и в четыре раза больше, чем сказано в очерке, а встретив обо всем этом печатное сообщение, смеется, иронизирует, если не больше... Скорее всего, мы имеем тут дело с каким-то особенным видом психологического барьера, преодолеть который вряд ли возможно» (Сушко 1978: 36). Вероятнее всего, «дитя идеи» было осыпано насмешками и язвительными замечаниями. Поэтому вполне справедливым представляется такое суждение: «У журналистов должны быть очень сильные мотивы для того, чтобы вторгаться в чью-то личную жизнь, и они должны ясно представлять себе последствия такой публикации» (Рэнделл 1996: 151).

Члены группы, с которой идентифицирует себя герой, строго говоря, являются уже особыми адресатами, отклоняющимися от общей нормы. Их фоновые знания относительно предмета публикации иные по сравнению со знаниями людей, которым герой неизвестен. Самое для данного случая главное – это знание групповых норм и то обстоятельство, что эти читатели видят отклонение от данных норм. «Стремление к сохранению стабильности группы усиливает необходимость единообразного поведения и соблюдения норм... Принадлежность к группе влияет на то, как член группы представляет себе некоторые ситуации или отдает предпочтение определенным общим ценностям. Существует групповая избирательность восприятия, определенный образ жизни и мысли» (Робер, Тильман 1988: 110). Отклонение от нормы (в данной ситуации резкое выделение из группы) чревато санкциями против нарушителя, и санкцией в этом случае мог оказаться смех. Такая психическая работа, скорее всего, полностью разрушает контакт с автором пуб-

ликации, никто в этой группе не будет разбираться в журналистской концепции, а если кто-то и разберется, то лишь с тем результатом, что будет больше простора для насмешек.

Сам герой, читая данный текст, превращается в истца. И психологических мотивов для такой метаморфозы предостаточно. Во-первых, он также ощущает нарушение групповых норм, в котором он совсем не виноват. Стыд, смущение, страх перед насмешками – все толкает человека к агрессии, в рассматриваемом случае – к судебному иску. Во-вторых, он вполне может чувствовать себя «подопытным кроликом», ведь на примере его жизни вывели «какой-то там» закон, неважно, справедливый или несправедливый. Реакция «я вас об этом просил?», гнев – и тот же самый судебный иск.

Анализ материала показывает, что изменения в отношениях коммуникантов прессы обусловлены историческим развитием средств массовой информации, повышением степени свободы и самосознания адресатов. В современных условиях можно уже говорить о том, что качество публикаций в известной мере становится подчиненным не только требованиям хозяина канала СМИ, но и потребностям адресата. Дифференциация интересов аудитории позволяет разным СМИ существовать в условиях намечающегося диктата потребителей. Угроза судебного преследования требует от авторов большей осмотрительности, аргументированности, четкости, в конечном счете – большего профессионализма. На наших глазах складывается новая культура общения в сфере СМИ.

МЕТАМОРФОЗЫ АНАЛИТИЧНОСТИ

Советская пресса

Анализировать и комментировать события и явления, происходящие и возникающие в окружающей нас действительности, – обычная задача журналистов и в советском прошлом, и в российском настоящем. Поэтому в наборе жанров и в тот и в другой период сохраняются аналитические статьи, аналитические корреспонденции, аналитические интервью и прочие разновидности текстов, воплощающих результаты аналитической работы журналиста. Жанры сохранились, но содержание их значительно изменилось, поскольку журналистский анализ целиком погружен в идеологический контекст, который определяет ход анализа и степень определенности его результатов в аналитической публикации.

Обратимся к советской публицистике.

Это было время, когда общество имело какие-то, пусть и ложные, ориентиры. Публицистика не наука. Она не призвана прозревать законы мироустройства и давать реалистичные прогнозы развития общества. Журналист творит в основном в рамках тех представлений об обществе, которые тем или иным способом сложились в социуме. В коммунизм уже никто не верил, но вот в коллективный подряд, преобразование госаппарата, экономическую реформу вера еще была. Съезды и пленумы партии периодически «подкидывали» общественному сознанию новые идеи, которые, по крайней мере внешне, объясняли сложившееся положение дел и предлагали способы его улучшения. Журналисты обязаны были анализировать жизненные ситуации в этих заданных сверху рамках. Да, в исторических масштабах проблемы, которые ставились журналистами, в тех условиях решить было невозможно. Но журналисты в своих концепциях и не выходили на эти масштабы. Они анализировали локальную (хотя это могло касаться и всей страны) ситуацию, которая позволяла установить ближайшие причины сложившегося положения вещей. Журналист фиксировал эти причины и указывал, что именно должно быть изменено в данных обстоятельствах. Так создавалась видимость решения проблемы.

Если бы анализ был продолжен, оказалось бы, что предлагаемые изменения неосуществимы по причине тогдашнего устройства общества. Но до этого пункта никто не добирался – здесь на пути становились идеи, спущенные сверху. Они для аудитории и пишущего выступали в качестве гаранта позитивных перемен (значит, вот до этой точки и нужно было довести анализ), а объективно они перекрывали дорогу к дальнейшему разворачиванию исследования. Так появлялись добротные в логическом плане, часто блестяще написанные тексты, которые в тогдашнем герметичном духовном пространстве создавали вокруг журналиста ореол глубокой аналитичности и объективности.

Поэтому совершенно искренне звучат, например, такие слова Анатолия Аграновского: «Партийные документы последних лет отличаются глубиной, компетентностью, анализом. Вот и от нас, советских журналистов, ждут сегодня глубины, компетентности, анализа... Полагаю, что сегодня мы не только можем, но и обязаны вскрывать недостатки. Но одновременно видеть общую стратегию движения вперед... помнить о том, какие намечены меры, знать, что уже делается реально и что будет делаться завтра. Тогда критика наша будет конструктивной» (Уроки Аграновского 1986: 278–279).

Достигнутая глубина анализа требовала такого построения текста, чтобы ход мысли от посылок к выводам был продемонстрирован читателю. Отсюда внимание к средствам, фиксирующим развитие концепции. Текст является воплощением концепции, которая представляет собой постановку и решение проблемы. Обратимся вначале к редкому случаю, когда есть журналистский текст (Аграновский А. С чего начинается качество) и авторский текст об этом тексте (статья А. Аграновского «С чего начинается качество», посвященная анализу работы над одноименным очерком и опубликованная в книге «Уроки Аграновского»).

Текст о тексте в данном случае – это демонстрация изучения проблемы, и картина эта может служить иллюстрацией к концепции Я. Хинтикки и М. Хинтикки, которую они обозначили как «дедукция и логика Шерлока Холмса». Суть этой логики заключается в том, что к выводу приводят посылки, добытые с помощью вопросов. Это две процедуры. «Выявление невербализованной информации с помощью вопросов можно рассматривать как одну из возможных процедур извлечения информации из памяти» (Хинтикка Я., Хинтикка М. 1987: 271). Вторая процедура – это вопросы, заданные природе в форме целенаправленных наблюдений. Разные фрагменты этого потенциального знания не обязательно хранятся где-то в подсознании. Это могут быть просто открытые для наблюдения, но до сих пор не замеченные факты» (Там же: 273).

Именно это рождение вопросов и нахождение с их помощью информации для решения проблем (Как добиться, чтобы в стране было больше высококачественной продукции?) и показаны в статье. Сама проблема найдена не автором. Аграновский пишет: «Выбор темы. Тут все было просто: меня вызвал главный редактор Л. Н. Толкунов и сказал, что газете нужна статья на эту тему» (Уроки Аграновского 1986: 269). Но исследование и решение проблемы целиком принадлежат журналисту. Например, посыл «Я давно обдумывал разнотык между Доской почета и ведомостью на зарплату» (Там же: 269–270) приводит автора на швейную фабрику, где он добывает важные для решения проблемы сведения о том, что выпуск продукции высокого качества «никак не стимулируется» (Там же: 271); вопрос о роли стандарта в обеспечении высокого качества обусловил обращение автора в Комитет стандартов СССР и т. д.

Аналитический очерк «С чего начинается качество», построенный как поиск ответа на вопрос, заданный в заголовке, сам представляет цепочку вопросов, влекущих за собой информацию, обес-

печивающую ответ на этот промежуточный вопрос. Например, посещение швейной фабрики дало подтвердивший предположение результат:

«Из одиннадцати передовиков лишь пятеро шли впереди и по бухгалтерским данным. Остальные в ведомостях не блистали. А которые блистали, тех не было на Красной доске. Почему?» (Аграновский 1980: 623). «Кто тут ошибся? Откуда эта странная двойная бухгалтерия? – продолжает автор. – Присмотревшись к колонкам цифр, я увидел, что, скажем, в ноябре люди просто-напросто отработали разное количество смен: двадцать две, двадцать три, двадцать четыре. Вот от чего более всего зависел заработок. От рабочих суббот, от сверхурочных часов, от знаменитого “давай-давай!”», когда горит план» (Там же: 624).

Мысль о том, что высокое качество работы не стимулируется зарплатой, открыто не формулируется, но даже цитированные фрагменты показывают, что читатель к ней подведен и она не может не возникнуть у адресата. А далее в связи с вопросом, заданным в заголовке, рождается и другая мысль, ведущая уже к решению проблемы: качественный труд нужно стимулировать. Так мы получаем основу проблемного журналистского выступления: проблема – промежуточный поисковый вопрос – ответ – вывод относительно способа решения проблемы (долженствование).

Как и в заголовке, промежуточный поисковый вопрос может не иметь открытой формулировки. Так, столкновение разных мнений об одном предмете – способ порождения вопроса о сути явления. Например, Аграновский пишет:

«Начнем со стандартов, многие еще боятся этого слова: шаблон, стрижка под одну гребенку, одна спецовка на всех. Опасался и я, а после в Министерстве машиностроения для легкой и пищевой промышленности и бытовых приборов СССР узнал, как решалась “проблема утюга”... Вот уж действительно не было шаблона! А были электроутюги сорока пяти типов, все разные: спираль у каждого своя, ручка – своя, даже болты – свои. Одинаково было лишь то, что все утюги работали плохо» (Аграновский 1980: 626).

Если разнообразие не только хорошо, но может оказаться и плохо, то, вероятно, и стандарт не только плох, но может оказаться и хорош. Возникает, хотя и не формулируется вопрос: что такое стандарт по отношению к качеству продукции? После рассказа о том, как унифицировались утюги, делается вывод: «Стандарт – это кирпич, из которого можно сложить любое здание... Стандарт – эталон, страж качества» (Аграновский 1980: 627).

Как видим, ответ по своей форме точно соответствует якобы отсутствующему в тексте промежуточному поисковому вопросу. А вместе с ответом устанавливается связь с поставленной в начале текста проблемой: «для достижения высокого качества продукции нужны стандарты и контроль за их соблюдением». (Автор показывает, что соблюдение стандартов предприятием также должно стимулироваться, а отклонение от стандарта должно наказываться.)

Так, шаг за шагом, автор подводит читателя к выводу о том, что для достижения высокого качества продукции нужна система мер (тут, кстати, срабатывает и указание выше): «Нужен порядок. Еще раз: партия и правительство разработали конкретные меры, которые каждая в отдельности, чрезвычайно важны, а все вместе должны сложиться в систему. Дело теперь за тем, чтобы эти решения последовательно, неукоснительно четко проводились в жизнь. Очень нужен порядок» (Аграновский 1980: 634).

Таким образом, аналитический текст 70–80-х годов включает в себя проблемный вопрос, поисковые вопросы, ответы на них, промежуточные и общий вывод в модальности долженствования. Эта схема характеризует публикации разных жанров, и чем менее изолированным является стиль выступления, тем более явственно она выступает.

Например, в заголовке аналитической корреспонденции «Почему рефрижераторы на приколе?» (Известия. 1982. 16 сент.) сформулирована проблема. Промежуточные вопросы: «Напрашивается вопрос: каким образом рефрижераторные секции попадают в такие составы? Спросите об это движенцев и тотчас услышите встречный вопрос: а куда их ставить? В маршруты с углем, рудой, нефтепродуктами, в порожняки?.. К ним не то что секцию или поезд, один вагон не всегда прицепишь»; «А что происходит в местах выгрузки?»; «Так что же, нехватка или избыток вагонов?»; «Тогда почему они стоят тысячами, бесцельно затрачивается труд десятков тысяч людей, горючее?». Каждый вопрос влечет за собой порцию новой информации, которая раскрывает различные стороны анализируемой ситуации. Завершается все выводом, в модальности долженствования формулирующим решение проблемы: «Нет слов, поставки новых рефрижераторных вагонов должны быть ускорены. Но сейчас главное – это совершенствование эксплуатационной работы...»

Поисковыми являются некоторые вопросы журналиста в аналитическом интервью. Например, интервью «Выбор стратегии. С академиком Т. И. Заславской беседует спец. корр. “Известий”

Евгения Манучарова» ставит проблему: «Как перестроить управление народным хозяйством, чтобы обеспечить экономический прогресс?»

Два первых вопроса журналиста позволяют к формулировке этой проблемы подвести: «Все чаще встречаются люди, которым работать, во-первых, лень, а во-вторых, некогда... Причина такого положения?»; «Значит люди по доброй воле становятся детренированными, неспособными к напряженному труду?» (Известия. 1985: 38, 39). Ответ Т. И. Заславской рисует положение дел: «Мы провели социологическое исследование в сельских районах. Опросили многих людей и можем уверенно сказать: подавляющее большинство людей (90 процентов руководителей и 84 процента рядовых работников) сознают, что при других экономических и организационных условиях они могли бы работать со значительно большей отдачей» (с. 39). Понятно, что у адресата рождается вопрос «Что это за условия?», который и является пока неявной формулировкой проблемы. Никакой информации для ее решения текст пока не дает.

Поисковый вопрос «Нельзя ли пояснить вашу трактовку группового интереса?» вызывает ответ: «Назревшую задачу интенсификации экономики партия связывает с переходом к преимущественно экономическим методам управления. Это существенно более сложное дело, чем управление с помощью директив и приказов» (с. 39–40). А этот ответ уже дает подходы к решению проблемы, хотя пока и не слишком конкретные. Конкретизация информации и составляет задачу последующих поисковых вопросов. В дальнейшем выясняется, что требуется сокращение среднего звена управленцев и передача управленческих функций предприятию, например за счет коллективного подряда. Таким образом, текст приводит читателя к решению проблемы – формулировке суждения с модальностью должностования (надо делать то-то и то-то).

Особо подчеркнем, что описанное ведение аргументации обеспечивало определенность, четкость, завершенность журналистской концепции. «Партийное слово» становилось самым весомым аргументом. Приведем два примера. Это два очерка А. Аграновского, разделенные десятилетием (цит. по кн.: Аграновский А. А. Избранное: Очерки; Фельетоны; Статьи. М., 1980. Издание ценно тем, что в нем приводятся сведения о действительности выступлений журналиста): «Аскания-Нова» (1964) и «Снос» (1974).

Очерк «Аскания-Нова» посвящен заповеднику, с которого Министрство сельского хозяйства УССР вздумало требовать какого-

то «народногосподарського значення» (с. 236). Журналіст доводить, що важливі не тільки м'ясо і молоко, але й наукові досягнення працівників заповідника (колекційне стадо овець, розведення козорогів, маралів, голубих гну, в загальному – «де ще в світі пасуть бизонов і антилоп?») (с. 233). Однак не це стало головним аргументом журналіста. Він використав сатиричну мініатюру Аркадія Райкіна, прагматичний герой якого ругає зоопарк, де в три жовтушки вплітає корм верблюд і недружелюбно рычить «полосатий матрац» тигр. Журналіст підхватює коронний райкінський запитання: «Чому радянському людині слон?» В результаті аргументація одразу виводиться в широкий ідеологічний контекст, де ідея всебічного розвитку радянського людини займала важливе місце. В відповідь на публікацію, ЦК КПУ і Радрада Міністрів УСРС прийняли постановлення, в якому сказано: «...виключити з числа господарських угоди інститута "Асканія-Нова" 11 тис. гектарів заповідної степу з її охротною зоною і забезпечити збереження цих площадок як заповідного фонду природи Української РСР» (с. 237). І це найважчий аргумент. Твердість журналістської позиції і в цій устремленості до дійсності виступлення, в усвідомленні можливості впливати на ситуацію.

В есе «Снос» аргументація ґрунтується на положеннях різних законів. Автор каже про те, що закон охороняє особисту власність («Особиста власність, – каже закон, – є похідною від соціалістичної власності і служить одним із засобів задоволення потреб громадян» – с. 706). Ссилається він і на законодавство про снос: «Законодавець був гуманний і мудрий: передбачив варіанти. В разі сносу людина може вибрати – або грошова компенсація, або перенесення будинку, або міська квартира» (с. 708). Але з виконанням законів і тоді було не все гладко, і журналіст знову звертається до «вищої інстанції» – до ідеології, ставлячи в центр державних турбот людини. Ось закінчення тексту: «Так що ж, кожного попросити домовлятися, з кожним рахуватися? Відповісти: зрозуміється! Саме так: з кожним. Будувати міста було б легше, якби не було людей. Але вони є» (с. 709). Знову не можна не відчувати твердості, остаточності, однозначності висновку: так, тому що цього вимагає наша ідеологія.

Российская журналистика

Журналистика современной России предлагает своему читателю уже совсем другую аналитику. И обусловлено это тем, что наше общество лишилось более или менее понятных ориентиров, не имеет хоть сколько-нибудь определенного представления ни о своем настоящем, ни о своем будущем. Даже прошлое в общественном мнении не получило общепринятых оценок, что, кстати, позволяет в некоторых программах создавать такую картину отечественной истории, что впору признать само наше существование ошибкой судьбы. В результате мы живем в условиях неопределенности развития событий как в большом, так и в малом: «В отличие от идеологии прогресса, зародившейся в Новое время и сформулированной Просвещением, для “постмодерна” характерно отсутствие веры в новизну, уверенности в будущем. Новое скорее воспринимается как угроза, а будущее – как источник риска и неопределенности. Неуверенность в будущем, отсутствие перспективы – симптом кризиса: кризиса культуры, кризиса личности» (Шеманов 2007: 7). И журналист в наше время не склонен «головой ручаться» за свои выводы, а нередко и за сообщаемые факты. Нужно учитывать и качество добываемой журналистом информации. Она неполна, часто противоречива, не исключена и лживость получаемых сведений. Таким образом, журналист сегодня работает в условиях принципиальной неполноты информации. И это не может не сказаться на стилистике журналистского текста.

РАЗДЕЛЕНИЕ СВОЕГО И ЧУЖОГО СЛОВА

Прежде всего журналисту сегодня важно разделение своего и чужого слова. Средства, маркирующие чужое слово, различаются по двум параметрам. Первый – варьируется степень определенности источника информации. Второй – тем или иным способом может выражаться степень надежности этого источника.

Можно выделить три степени определенности источника информации.

Во-первых, это вполне определенное, точно обозначенное лицо или документ. Этот источник всегда присутствовал и будет присутствовать в текстах СМИ. Например: «Заместитель министра финансов Олег Вьюгин утверждает, что срыв на рынке спровоцировали 3–4 игрока, в основном иностранных» (Известия. 1998. 29 мая).

Во-вторых, менее определенным является указание на группу лиц, владеющих сообщаемой информацией. Лица могут быть обозначены по их профессии прямо или метонимически: «Ряд политологов считает, что образ правящей в Кремле президентской дочки приобрел в глазах граждан знак “минус”» (Аргументы и факты. 1999. № 41); «В Кремле заговорили о плановом отпуске президента» (Там же), «в Кремле» – обозначение политиков, приближенных к президенту Борису Ельцину; «В правительстве говорят, что Герман Оскарович расстроен подобным ходом событий» (Версия. 2001. 3–9 июля). Ограничение источника может следовать из контекста: «Виктор Топоров имеет в Петербурге специфическую репутацию. Он считается критиком, хотя его аналитических статей о современной литературе никто не видел» (Литературная газета. 2000. 5–11 июля) – понятно, что считают Топорова критиком люди, имеющие отношение к литературе. Ту же степень определенности может иметь указание на нечетко обозначенный документ: «То, что Иркутская область, несмотря на богатства ее предпринимателей, стала “всероссийским нищим”, – статистический факт» (Комсомольская правда. 2001. 11 июля) – информация почерпнута из каких-то статистических документов, но точно они не обозначены; «Главное прозаическое произведение [Даниила Андреева] – роман “Странные ночи”, сожженный на Лубянке (согласно официальной версии) – до сих пор не обнаружено» (Литературная газета. 2000. 5–11 июля). И эти показатели использовались ранее в журналистских текстах.

В-третьих, это знак нашего времени – подчеркнуто неопределенные указатели источника информации: «Заняв должность командующего, он, по слухам, сразу же запретил пускать в штаб генерал-лейтенанта Ивана Ефремова. Как говорят, вся вина Ивана Ивановича... состояла в том, что он единственный из генералов, кто мог дать отпор “художествам” Пузанова» (Версия. 2001. 3–9 июля). Газета «Версия» даже отводила целую полосу информации, существующей как слухи. Вот заголовки этой полосы в «Версии» от 3–9 июля 2001 года: «Московский шепот» (название полосы); «Слухи и прогнозы» (подзаголовок полосы); названия рубрик: «Говорят, что», «Слухи и опровержения», «Наши читатели говорят, что...». Плюс к этому один из материалов назван «Утечка из ФСБ». Наконец, в самих публикациях такой источник информации упоминается постоянно: «Говорят, что такое повышенное внимание для некоторых отставников Кабинета министров может обернуться уголовным преследованием. Появляются и экзотические слухи о будущих местах работы возможных отставников» (Там же).

Казалось бы, степень надежности должна быть самой высокой в первом случае и уменьшаться по мере приближения к «слухам». Конечно, ссылка на слухи свидетельствует и о малой надежности сведений. Но вот указание на имя конкретного лица не всегда говорит о достоверности полученной информации. При этом редакция склонна бывает подчеркнуть ненадежность прогнозов и обещаний властвующих особ. Например, «Известия» (1998. 29 мая) совмещают рассказ о финансовом кризисе (27 мая) с интервью, данным министром финансов России Михаилом Задорновым корреспонденту «Известий» незадолго до кризиса. Интервью названо «За полчаса до обвала». И вот «за полчаса до обвала» министр финансов говорит: «Как и большинство отечественных и зарубежных экономистов, я считаю, что в среднесрочной перспективе финансовое положение страны достаточно стабильно. В этой оценке я базируюсь на том, что спад производства преодолен и по итогам прошлого и первого квартала нынешнего года мы даже имели небольшой подъем, инфляция подавлена, бюджетный дефицит сокращен». А «среднесрочной перспективой» оказался август 1998 года, т. е. дефолт. Тогда газета отметила, что прогноз не выдерживает даже нескольких дней; история показала, что о трех месяцах и говорить не приходится.

Были рассмотрены случаи, когда в обозначении источника на первом плане находится смысл «степень определенности», а смысл «степень надежности» вытекает из него. Есть также указатели, в которых на первом месте стоит смысл «степень надежности»: «Как стало известно “Комсомолке” из достоверных источников, в Государственной комиссии по расследованию катастрофы в Иркутске разгорается нешуточный конфликт» (Комсомольская правда. 2001. 11 июля); «По рассказам хорошо знающих ее людей, дочь президента осознает, что как только Борис Николаевич покинет Кремль, рейтинг ее политического влияния сейчас же скатится на нет» (Аргументы и факты. 1999. № 32).

Все, что не маркировано показателями чужого слова, является авторской речью. Однако она может получать и эксплицитные сигналы, хотя наблюдается это сегодня нечасто. В основном так подчеркивается сугубо личный характер высказываемого мнения: «По-моему, налоговой службе стоит потратиться на яркий и понятный даже не очень образованной бабушке ролик на тему “Попкупатель, помоги бюджету”» (Известия. 1998. 21 нояб.; имеется в виду требование выбивать чек); «В чем основная причина такого положения? С моей точки зрения, в отсутствии долговременных

инвестиций в СМИ» (Версия. 2001. 3–9 июля); «Лично я думаю, что Топоров – это уже не фамилия. Это уже диагноз, причем такого сумеречного состояния, которое в принципе не излечивается» (Литературная газета. 2000. 5–11 июля). Источник информации здесь вполне определенный, надежность ее оговорена как ограниченная личной компетенцией автора.

Обилие указаний на чужое слово связано и с общей тенденцией к объективности изложения, и с ответственностью за сказанное. Если источник ошибается, лжет или в чем-то перегибает палку, журналист за это юридической ответственности не несет. В результате выигрывает аудитория. То, что журналист от своего имени, вероятно, никогда бы не сказал или не сказал бы в данный момент, он говорит, ссылаясь, например, на слухи, непроверенные источники, знающих людей и т. п.

МОДАЛЬНОСТЬ НЕУВЕРЕННОСТИ В ЖУРНАЛИСТСКОМ ТЕКСТЕ

Принципиальная неполнота информации, отсутствие инстанции, ссылка на которую решает все споры (как это было с работами Маркса, Ленина, партийными документами), ненадежность источников информации привели к тому, что журналистский текст утратил былую семантику уверенности и долженствования. На смену ей пришла модальность неуверенности, проявление которой обусловливает большую частотность модальных языковых средств (вводные слова и обороты, модальные глаголы и др.), употребление вопросов без ответов на них, формирование специальных жанров и др.

Модальные средства с семантикой неуверенности появляются даже в текстах о прошлых событиях, поскольку у автора нет полной информации об их деталях. Например, в публикации Петра Прянишникова «Кто заказал Мирилашвили?» (Версия. 2001. 6–12 марта) так рисуются действия милиции (нужные элементы здесь и далее выделяем): «Правоохранительные органы **вроде бы** тоже не сидели сложа руки. На Тверскую привозили каких-то людей, с тем, чтобы водитель мог их опознать»; «Прокурор Сыдорук... **проговорился – или сознательно намекнул?** – что прокуратура попыбует “примерить” на Михаила Мирилашвили и другие “дела”»; «Были там и другие несуразности, которые, впрочем, ничуть не смутили... прокуратуру, **вроде бы** следящую за соблюдением законности».

Совершенно естественно присутствие всех этих модальных средств в изложении будущих событий или дальнейшего развития события и его последствий. Например, «Коммерсантъ» (2000. 6 окт.) так описывает возможные действия губернаторов – членов Совета Федерации:

заголовок – «Губернаторы хотят дать бой центру. В Конституционном суде»;

в тексте – «В какой стадии находится губернаторское обращение в КС, корреспонденту “Ъ” не смогли сказать ни в аппарате господина Федорова, ни в окружении господина Платонова. Однако, по сведениям РИА “Новости”, проект запроса **может** быть вынесен на ближайшее заседание конституционного комитета Совета Федерации. **Не исключено**, что его члены поддержат инициативу своих коллег... Окончательное же решение о направлении запроса в КС **может** принять только верхняя палата... Если это произойдет, все **будет зависеть** от воли конституционных судей... **Если судьи сочтут** проблему важной, они могут рассмотреть запрос и на пленарном заседании КС. А это значительно ускорит оглашение вердикта – он **может** появиться уже к декабрю».

Особенно активна семантика проблематичности в частях текста, где анализируются причины явления или события. Например, цитированная публикация «Кто заказал Мирилашвили?», конечно, обращается к причинам ареста Мирилашвили: «Все это **похоже** на тщательно спланированную провокацию. И отца вполне **могли** украсть для того, чтобы вывести Мишу из равновесия... И **кто-то** очень надеялся, что в самостоятельных поисках он переломит палку, хотя бы чуть-чуть, для зацепки. А там уже можно его арестовать и шельмовать как угодно»; «Есть и еще одна **версия** относительно причины устранения Михаила Мирилашвили. Она также носит политический характер и объясняет, зачем **кто-то** может желать превращения Михаила в человека с темным уголовным прошлым... **как знать**, после публикации рейтинга не расценил ли кто-то Михаила Михайловича как грозного соперника, не поспешил ли избавиться от него проверенным способом»; «**Поговаривают** и о том, что появление “дела Мирилашвили” удивительным образом совпало с переделом топливного рынка Петербурга»; и т. д.

Особенно велика в создании модальности неуверенности роль вопросов. Как уже говорилось, в журналистике советского периода вопрос служил для читателя сигналом того, что сейчас в виде ответа будет получена важная информация, о которой автор уже

заставил своего адресата задуматься. В любом случае читатель не сомневался в получении ответа. Например:

«Мысль была такая. Авралы доказывают мощь строительной базы, а вовсе не слабость. Если мы можем вдвое и втрое больше делать на финише года, то, следовательно, хватает и техники, и людей. Как заставить их работать с той же интенсивностью с первых дней января? Заставить может поточное производство: ритм в нем задан, и уговоры не нужны. Всякий конвейер – это принудительный порядок. Что же мешает потоку? Мешает то, что год от года отделен в строительстве глухой стеной. Есть пятилетка, но каждый год заново утверждаются титульные списки, заключаются подрядные договоры, спускаются фонды» (Аграновский 1980: 687).

Если вопрос был помещен в заголовке или подзаголовке, ответ на него давал весь текст. Причем ответ был четким, уверенным, а часто и категоричным:

заголовок – «В чем ответственность науки?», ответ в конце текста: «Наш долг – использовать предоставленные нам дополнительные возможности для решения проблем, поставленных перед наукой. Эти проблемы связаны с ускорением развития экономики и повышением обороноспособности нашей Родины» (Известия-85 1985: 26).

Можно сказать, что вопрос тогда был одной из риторических фигур, которая позволяла удобным для читателя образом изложить уже готовое знание, продуманную концепцию, в которой все поставленные вопросы уже решены.

Сегодня вопросительная конструкция выступает как средство задать вопрос самой жизни, самому текущему событию (см.: Хинтика Я., Хинтика М. 1987. с. 271, 273). А поскольку наша жизнь не спешит решать наши вопросы, постольку в медиатексте автор, вместе с читателем, останавливается перед вопросом, довольствуясь его постановкой и в лучшем случае перебором нескольких возможных ответов.

На поставленный вопрос могут отвечать разные люди, выражающие разные точки зрения, порой противоположные. Например, «Аргументы и факты» публикуют интервью-анкету «Что будет с Югославией?» (1999. № 25). В анкете шесть вопросов, на которые отвечают несколько человек. На вопрос «Россия на Балканах выиграла или проиграла?» депутат Госдумы Андрей Николаев отвечает: «Проиграла». А председатель Комитета Госдумы по международным делам Владимир Лукин утверждает: «Выиграла». Читатель волен выбирать между этими суждениями, но никакой

опоры у его выбора нет. А. Николаев отмечает: «Не было и нет какой-либо официальной точки зрения России по балканскому кризису, выраженной в официальном заявлении президента или правительства». Таким образом, констатируется объективное отсутствие сколько-нибудь взвешенной оценки, поэтому вопрос остается без ответа в самой жизни, а не только в тексте. И уж конечно, нет никакого определенного ответа на вопрос, вынесенный в заголовок: «Что будет с Югославией?» Все отвечающие согласны в одном: возможно расчленение Югославии, но, разумеется, никто не решился утверждать что-то однозначно (история ответила на вопрос: сегодня Югославии на карте мира нет).

Варианты ответов может давать сам автор текста. Например, А. Ципко в статье «Чтобы стать нормальной страной» (Литературная газета. 2001. 20–26 июня) задает вопрос: «Что же будет дальше?» Ответ дается хоть и пространный, но вполне неопределенный:

«Несерьезно говорить о том, что, объединившись, “Единство” с “Отечеством” смогут оттеснить от руля управления Россией властвующих либералов. Скорее всего, новая “партия власти” будет играть роль “мальчика для битья” на случай неизбежного провала очередной либеральной революции. Но все же эта ненормальная ситуация, когда страной правят борцы с российской государственностью, не может продолжаться до бесконечности. Или они доведут свое дело до логического конца, или Россия станет нормальной страной и отстранит от власти тех, кто не имеет ни политического, ни морального права управлять страной».

И снова в этой неопределенности трудно обвинять автора. Кто же решится сегодня твердо сказать, что Россия пойдет по такому-то пути, а не по иному? Вряд ли найдется хоть один такой мудрец.

Нередко ответа не дается вообще никакого. Надежда Цейтлина в статье «В ответ – лишь эхо» (Независимая газета. 2000. 27 дек.) утверждает (таков подзаголовок), что «реструктуризация российской энергетики по плану Анатолия Чубайса грозит социальным взрывом». Она отмечает: «С 1 января, насколько я знаю, предполагается увеличить тарифы, абонентную плату. Откуда брались цифры, что в них заложено? Когда ждать нового повышения и на каком основании?» Никаких ответов на эти вопросы нет.

Целая вереница вопросов без ответа пронизывает публикацию «Погром» (Версия. 2001. 3–9 июля):

в подзаголовке – «Калмыкия – новая горячая точка на карте России?»;

в тексте – «Практически вся эта колонна (18) машин проехала мимо РОВД, где в это время находились сотрудники, поднятые по тревоге. Почему они не помешали нападавшим? Не успели? Ладно, но почему же никто не был задержан даже неделю спустя, почему до сих пор “устанавливается круг подозреваемых”? “Гладкоствольные ружья “Сайга” изъяты и приобщены к делу”. Где же хозяева ружей? Почему не выявлены организаторы погрома? ... Ситуация начала накаляться давно. Местные власти закрывали глаза на это? Или пытались скрыть информацию, как делают это теперь? Вряд ли в обозримом будущем эти вопросы получат ответ. Можно предположить, что погром в Садовом – лишь часть некоего плана дестабилизации обстановки в Калмыкии».

Очень часто вопросом завершается текст. Формы выражения этого вопроса различны, то есть это не обязательно вопросительное предложение. Но смысл концовки нередко – именно вопрос, причем не риторический, а требующий, но не имеющий пока ответа. Рассмотрим несколько таких концовок.

Ю. Буртин в статье «Эволюционные мечтания» (Общая газета. 1997. 15–21 мая) ставит проблему, почему в России никак не разворачивается эволюционный процесс. Концовка такова:

«Если пока что эволюционные наши мечтания пусты и беспочвенны и без нормальной созидающей революции России, тем не менее, не жить, то как же все-таки сделать их осуществимыми? “Продолжать курс реформ”, как клянутся президент и правительство? Прекрасная мысль. Но... если до сих пор он одарил Россию лишь “номенклатурным капитализмом”, как небо от земли далеким от нормального, то каким образом продолжение того же курса избавит нас от этого исторического уroda? “Корректировать курс реформ”, как предлагают различные группы его критиков. Однако как эта корректировка, создающая административные и социально защищенные противовесы однобокому “монетаризму”, но не претендующая ни на что большее, – как она сможет разбудить нашу спящую царевну эволюцию? Никто пока не попытался этого показать. Значит, и в результате “корректировки” мы будем, по выражению Твардовского, тащить лодку посуху? Невеселая перспектива».

Как видим, текст заканчивается цепочкой вопросов, рисующих разные варианты развития события. Ни один из этих вариантов не оценивается автором как позитивный, что выражено последним предложением текста. Читатель, однако, сохраняет в памяти не саму эту оценку, а негативно окрашенные варианты хода событий, причем в подтексте возникает традиционный российский вопрос «Что делать?».

Вопрос может вводиться номинативно, словом «вопрос». Например, статья о работе иностранных банков в России (Проверено: стопроцентно иностранный прагматизм // Финансовая Россия. 1999. № 22) заканчивается так:

«Иностранным банкам отводится место части рухнувших системообразующих кредитных организаций. Перед ними стоит задача обеспечить финансовыми средствами крупные отечественные предприятия. Однако сочтут ли нужным они это делать или нет – вопрос. Именно этим, возможно, и объясняется медлительность Центробанка с окончательным принятием решения по системообразующим банкам-банкротам. Ведь, ликвидировав отечественные системообразующие банки, Центробанк тем самым отрежет себе путь к возможному отступлению и будет вынужден “плясать под дудку иностранных банков”».

Слово «вопрос» распространяет свое влияние на всю концовку, поскольку неясна ситуация в целом, не ясны ни поведение иностранных банков, ни действия Центробанка.

Вопросительный смысл появляется, если в концовку вводится условная конструкция. Например, статья «Революция... Зрелище... Апатия» (Известия. 2001. 7 июля) объясняет, почему в современной России нет подлинных радикальных движений. А концовка такова: «Однако грядут новые времена. Если власть действительно стремится к стабилизации статус-кво, рождение новых – теперь уже подлинных, укорененных в реальности – радикальных инициатив неизбежно, как смена времен года. Вот тогда и поговорим». Понятно, что эта конструкция в такой важной текстовой позиции не может не вызвать у читателя вопросы: а если власть не стремится к стабилизации, тогда что будет с радикальными движениями? Стремится ли власть к стабилизации?

То же самое порождение вопроса наблюдается, если в концовке высказывается какое-то предположение. Так, статья «“Росспиртпром” лезет в бутылку» (Совершенно секретно. 2001. № 7) заканчивается следующим образом: «Ходят разговоры, что банкротились эти заводы не без помощи г-на Зивенко. И, возможно, разговоры эти не лишены оснований: банкротство предприятий и последующая их скупка по дешевке – дело в России привычное и очень прибыльное. В убытке только государство».

Хорошо видно, что вопросы в публикациях ставятся кардинальные, но ответа на них нет и быть пока не может. Общество лишь в собственной практике и на протяжении многих и многих лет может отыскивать на них ответы. Но без постановки вопроса

никто и ответа искать не будет. Так что эти тексты-вопросы, пришедшие на смену проблемным текстам прошлого, очень важны в формировании духовной жизни общества.

Семантика неуверенности может порождаться смысловыми отношениями между частями текста. Вроде бы по отдельности все определено, а когда складывается в одну текстовую конструкцию, видно, что содержание одного фрагмента опровергается другим фрагментом, а в целом читатель остается с вопросом «Чему верить?». Олег Мороз берет интервью у Владимира Мау, руководителя рабочего центра экономических реформ при Правительстве РФ. Интервью опубликовано под заголовком «Программу Гайдара сменила программа Грефа» (Литературная газета. 2000. 5–11 июля). Казалось бы, информация поступает из первых рук, поэтому читатель должен надеяться узнать хоть что-то более или менее определенное, конечно, не об объективных процессах, но хотя бы о том, на что рассчитана программа и каковы, по представлениям разработчиков, средства достижения целей. На самом деле получает он следующее.

Вначале бодро говорится о том, что программа концептуальна, в ней есть «набор конкретных мер, уточняющих, что в какие сроки можно сделать, в какой последовательности». И даже подчеркивается: «Будет разумная и ответственная экономическая политика (примерно та, которая записана в программе), будут инвестиции, в таком случае будет и рост».

А дальше выясняется, что и в самой программе есть неизвестным собеседнику образом подсчитанные цифры, вызывающие у него сомнение. У читателя может возникнуть вопрос, надежны ли остальные цифры. Оказалось, что у программы в отдельных случаях нет законодательного подкрепления. Инвестиции возможны, если не будет «наступления на права добросовестных приобретателей акций». Но известно, что, на момент создания программы, закона, защищающего права всех, в том числе и мелких вкладчиков, не было. Утверждается, что нынешняя программа – «это второй вариант программы Гайдара 1992 года», причем ранее указывалось, что программа Гайдара «была выполнена (правительство Примакова завершило ее выполнение)». Простое продолжение этой логики – еще одно такое выполнение – должно повергнуть читателя по меньшей мере в задумчивость.

Наконец нужно упомянуть врезку, под эмоциональным воздействием которой осуществляется чтение. О. Мороз пишет: «На первом месте в “Основных направлениях” стоит раздел, посвященный

социальной политике. А уж за ним следует экономический раздел. Один из специалистов, работавших над программными документами, рассказал мне, что такая последовательность была принята по чисто технической причине – преамбула экономической части “пересекалась” с общей преамбулой, надо было их как-то развести. Однако, когда социальная часть оказалась на первом месте, все очень обрадовались, сделали вид, что это обстоятельство исполнено глубокого смысла, и дружно затащили известную еще со времен развитого социализма пропагандистскую песню: “Все во имя человека, все для блага человека!”»

При такой «артподготовке» чтение интервью нет-нет да и прерывается мыслью: «А не пропагандистская ли это песня новейших времен о пятипроцентном росте ВВП ежегодно в течение 10 лет или о десятипроцентной инфляции начиная с 2004 года?» В результате восприятия такого произведения у читателя остаются только вопросы, на которые нет ответов. Ситуация неопределенности никак не проясняется, хотя вроде бы адресат и пообщался с человеком, планирующим пути развития государства.

Даже если текст создается специалистом, вопросы не получают ответа. Информация, вводимая здесь поисковыми вопросами, расценивается автором как вполне надежная и точная, поэтому на протяжении изложения почти нет сигналов неуверенности. Однако вся эта солидная конструкция, детально анализирующая проблемную ситуацию, венчается опять-таки вопросом, поскольку, наверное, ни одна серьезная проблема российского общества никакого другого ответа получить пока не может.

Вот публикация ученого-демографа Виктора Переведенцева «Нынешних невест ждет одинокая старость. Где оно, поколение “next”?» (Литературная газета. 1999. 23–29 июля). В статье рассматриваются опасные стороны демографической ситуации, сложившейся сегодня в России. Проблему можно сформулировать так: «Почему в России существует суженное воспроизводство населения и старение общества и можно ли эту тенденцию преодолеть?»

Заголовок первой главки «Причина не в реформах» содержит ответ на поисковый вопрос о причинах сложившегося положения. Ответ возникает из приводимой весьма любопытной информации, которая показывает, что суженное воспроизводство населения началось еще в середине 60-х годов, когда о реформах 90-х годов никто и не помышлял. Никаких показателей модальности неуверенности в главке нет.

Следующая главка имеет в заголовке поисковый вопрос «Что ждет нас дальше?». Снова никаких намеков на сомнения. Приводятся данные Госкомстата России, и на их основе делается заключение: «Одинокая старость ждет большинство уже “при жизни нынешнего поколения”, тех, кто нынче в расцвете лет и сил».

Последняя, третья главка, в заголовке содержит вторую часть формулировки проблемы: «Есть ли выход?» Еще раз показав, что проблема родилась не сегодня, а в 50–60-х годах, что корни ее в политике советского государства (вовлечение женщин в общественное производство, институт прописки и др.), автор заключает: «Как бы там ни было, нынешнее демографическое положение России – хуже некуда. И света в конце тоннеля пока не видно. Нужно менять демографическую политику (если таковая у страны есть). Главной ее целью должно быть возвращение к простому воспроизводству населения. Это означает достижение такого уровня рождаемости, при котором детские поколения будут численно равны родительским. Для этого нужна массовая среднететная (с тремя-четырьмя детьми) семья. Как этого достичь? Ответ на вопрос – если этот ответ возможен – может ждать только наука». В статье оговорен период, на который дается прогноз, – 25–30 лет. И вот вывод: за этот период решение проблемы невозможно. Сакраментальный вопрос «что делать?» и здесь остается без ответа.

В современной журналистике сложился специальный жанр, говорящий о возможном протекании события. Это версия. По своему стилистическому оформлению, в котором концентрируются все рассмотренные выше средства выражения неуверенности, она не тождественна никаким традиционным жанрам.

От очерка ее отличает полное отсутствие конкретно-чувственной изобразительности: версия не рисует, не изображает, а информирует. Поэтому ей не нужна также категория «образа автора», конкретно-чувственная позиция повествователя. Информационное повествование почти лишено средств эмоционального воздействия на читателя: никаких эффектов напряжения, факультативна эмоциональная окраска эпизодов события, отсутствуют экспрессивные приемы компоновки текста. Значение имеет только актуальность, социальная острота события, подразумевается, что при этом условии читатель и так прочтет публикацию.

От статьи версия отличается тем, что в ней в центре стоит не анализ проблемы, а ответ на вопрос «Как это могло быть?». Причинно-следственные связи устанавливаются, но по поводу развертывания события: так могло быть потому-то и потому-то. Объем

текста, порой в несколько газетных полос, не позволяет назвать его и корреспонденцией. В общем, современная журналистика обзавелась новым жанром, который позволяет ей удовлетворять потребности читателей в информации в условиях, когда достоверность этой информации остается под вопросом. Журналистика сейчас не становится в позу носителя истины в последней инстанции, а честно говорит об относительности истины, а еще более о том, что на пути к этой истине громоздятся горы препятствий, поэтому надо быть благодарными журналистам хотя бы за то, что им удалось раздобыть.

Рассмотрим языковые черты этого жанра.

Прежде всего автору необходимо сообщать о событии. Протокольное его изложение вполне привычно для жанра. Вот отрывок из версии «Обыски» (Версия. 2000. 12–18 дек.):

«В сентябре 2000 г. в Промстройбанк обратились из УБЭП ГУВД Ленинградской области и попросили выдать документы, касающиеся счетов заместителя главы городского Комитета по благоустройству и дорожному хозяйству (КБДХ) Вячеслава Стругова. 2 ноября 2000 года следователь из следственного комитета МВД России вынесла постановление о выемке в Промстройбанке документов по валютному счету Стругова. Операция проводилась в рамках уголовного дела, возбужденного в отношении руководителей КБДХ по факту хищений. 16 ноября в банке произвели выемку, причем сотрудники прокуратуры и УБЭП воспользовались помощью нескольких десятков омоновцев».

Точное обозначение дат, обилие названий различных учреждений и организаций, масса имен – все это характерно для изложения в любой версии. И только от умения автора зависит, насколько трудно или легко будет читаться этот «протокол». Для сравнения приведем фрагмент другой версии (Вирази в деле Гусинского // Совершенно секретно. 2000. № 12):

«...Во второй половине 1999 года Гусинский и его партнеры начали создавать совершенно новую структуру. Две из компаний холдинга, зарегистрированных в Гибралтаре, вошли в группу CENTRAL EUROPEAN MEDIA ENTERPRISES LTD (CEME), которая зарегистрировала в октябре прошлого года свой выпуск акций в американской комиссии по ценным бумагам. Гибралтарские компании – это “Медиа-Мост ЛТД” и “Элементал ЛТД”. Кроме того, в группу вошли “Медиа-Мост БВ”, зарегистрированная в Голландии, и ЗАО “Медиа-Мост”, зарегистрированная в Москве. Выражаясь языком российских чиновников, в группе есть и два физи-

ческих лица – Андрей Цимайло, один из руководителей компании “Медиа-Мост”, и сам Владимир Гусинский. Все эти юридические и физические лица вместе оплатили выпуск акций на 6 миллионов долларов и зарегистрировали его от имени компании СЕМЕ, юридический адрес которой находится, если верить отчету, на Бермудах. Причем оплату произвела New Television Technologies Ltd., тоже зарегистрированная на Гибралтаре, в форме внутреннего беспроцентного кредита».

Поскольку излагается версия, то есть одно из возможных объяснений события, текст насыщается показателями модальности неуверенности. Автор постоянно напоминает о неполноте информации, о возможной недостоверности сведений. Законы жанра таковы, что все эти оговорки не ставятся в упрек журналисту, напротив, это придает дополнительный вес его словам. В версии «Обыски» заголовок снабжен подзаголовком «Промстройбанк не хочет тонуть в одиночку?» – вопросительное предложение, предвывая текст, сразу характеризует авторские выводы как предположительные, допустимые, вероятные, но не на сто процентов. «Форма обыска была довольно жесткой, – отмечает автор текста и в виде предположения связывает два события: – Видимо, белгородцев вдохновил опыт питерцев». И далее целая цепочка событий, детали которых для автора оказываются сомнительными или вызывают недоумение:

«На следующий день после событий в “Балтийском” на первых полосах ряда питерских газет вышли статьи весьма любопытного содержания. Так, в газете “Невское время” были опубликованы список людей, счетами которых якобы интересовалась прокуратура... и постановление о выемке документов в Промстройбанке, в котором был приведен номер валютного счета Стругова. Складывается впечатление, что “Невское время” – газета, близкая к ПСБ, и что документы эти журналисты получили от кого-то из банка. Остается непонятным, по какой причине банкиры решили предать огласке имена своих возможных клиентов и такие конфиденциальные сведения, как номера счетов. Кротов, Малышев, Евстрахин, Стругов и другие люди, чьи фамилии были обнародованы, вряд ли сейчас испытывают хорошие чувства к организаторам этой публикации».

Вывод, сформулированный в виде вопроса в подзаголовке, и в самом тексте оформлен как допущение: «Такое ощущение, что кто-то очень не хотел тонуть в одиночку и решил, что если создать образ “наезда на всех”, то выплыть будет куда как легче».

Такая же картина и в другой цитированной версии – «Вирази в деле Гусинского». Первые же строки формулируют гипотезу, которая потом будет присутствовать во всех описаниях зловещих опального олигарха: «Путину нужны свои, ручные евреи. Особенно богатые евреи. Именно такой вывод напрашивается, когда анализируешь происходящее с Гусинским. Он перестал быть “хорошим евреем” для Кремля. Там теперь другие люди». В последующем изложении также постоянно вводятся указатели предположительности сведений и умозаключений, например: «Возможно, вся эта история – недоразумение. В таком случае почему в декабре 1998 года, когда состоялся суд над Михайловым, израильтяне не сочли нужным внести уточнения и поправки в свой документ, переданный швейцарцам?»

Очень важной языковой чертой версии являются указания автора на источники информации, причем все эти сведения нередко подаются также как «версии», то есть снабжаются пометами недостаточной достоверности (выделены нами в тексте). Например, в уже приведенных цитатах из версий есть такие случаи. «Невское время» публикует списки людей, счетами которых **якобы** заинтересовалась прокуратура; юридический адрес компании таков, **если верить отчету**. Может быть и такая оценка: «К тому же **ходят слухи**, что “БалтОНЭКСИМ” – прогубернаторский банк» или: «Появлялась в печати и **версия** о том, что обыски предприняты с целью дискредитации председателя ПСБ Ольги Казанской как наиболее вероятной кандидатуры в начальники управления ЦБ по Северо-Западному округу».

Версия – это тоже текст-вопрос. Она и заканчивается обычно высказыванием, подтверждающим основную модальность текста – неуверенность, предположительность. Последнее предложение «Обысков»: «Это дает основание предположить, что наместник вряд ли смог бы пойти на столь масштабную авантюру без ведома Кремля»; последнее предложение «Виражей»: «Похоже, те, кто организовал арест Гусинского, очень хорошо понимали смысл этой акции».

В целом еще раз подчеркнем, что версия – это жанр, отвечающий эпохе колебаний, неуверенности и обеспечивающий информирование общества в условиях неполноты информации.

Можно отметить и еще более крупное образование, порожденное потребностью общества в серьезной информации в условиях ее принципиальной неполноты. Это – газета-расследование. Таковы, например, «Совершенно секретно», «Версия», «Независимое

военное обозрение». Они различны по своей стилистике, однако общие условия существования определяют преимущественно гипотетический характер их публикаций. Большая часть материалов номера тем или иным способом показывает неокончателность выводов, незавершенность расследования, неопределенность дальнейшего развития проанализированной ситуации.

«Версия» и помещает в основном именно версии со всем их обилием средств, выражающих неуверенность, предположительность.

Газета «Совершенно секретно» также использует этот жанр, подчеркивая принципиальную неполноту информации уже в названиях рубрик, например: «Закулисье», «Точка зрения», «Сенсация». Обе газеты включают семантику неуверенности в заголовки, подзаголовки, врезки. Приведем материал без указания источников: «10 лет до войны?»; «Уважают ли в прокуратуре Конституцию?»; «Восстанет ли из пепла российское кино?»; «Российский парламент начала третьего тысячелетия рискует повторить судьбу парламента начала XX века»; «Успокоение или успение?»; «Не взлетим, так поплаваем. Слухи о нежизнеспособности Международной космической станции сильно преувеличены. Вероятно, они были инспирированы российской стороной, уязвленной отказом американцев пустить на МКС первого космического туриста Денниса Тито»; «Кабала по-русски, или Перестройка экономики по проектам Всемирного банка»; «Легенды о СПИДе»; «Ни один исследователь не выделил ВИЧ из тканей СПИД-пациентов, ни один человек не может быть диагностирован как ВИЧ-инфицированный, считают ученые – СПИД-диссиденты».

«Независимое военное обозрение» более сдержанно по стилистическому оформлению. Основной способ выражения семантики гипотетичности – фиксация вариантов причин события или сценариев его развития, констатация сложности и, следовательно, неопределенности положения. Например (Независимое военное обозрение. 2001. 12–18 янв.):

«В общем, год обещает быть напряженным в военно-договорных отношениях с Вашингтоном»; «...проблемы остаются. Они связаны с неясностью выбора социально-экономического курса развития страны, с тем, как будут решаться ключевые вопросы: о роли государства в экономике, о земле, природных ресурсах, утечке капитала, о судьбе системообразующих отраслей экономики»; «В новой “Военной энциклопедии” указывается, что несовместимость различных цивилизаций может привести к третьей мировой

войне. Это “перебор”. Цивилизационные основания далеко не всегда присутствуют в войнах... Агрессивность цивилизаций обуславливается конкретно-историческими, социальными, политическими и экономическими факторами, действием их экспансионистских сил».

Таким образом, наш материал показывает, что журналистика освоила искусство слышать все вопросы, которыми «болеет» общество, не имея на них ответов. Эта «безответная вопросительность» пронизывает журналистские тексты аналитического характера и позволяет публикациям выглядеть объективными, аргументированными и, следовательно, в достаточной мере убедительными, несмотря на неполноту информации. И. И. Засурский отмечает: «Люди никогда не пересказывают друг другу казенные формулы и лакейские гимны властям – в своем кругу люди рассказывают друг другу то, что считают важным и интересным» (Засурский 1999: 100). Выявление насущных, назревших вопросов, безусловно, отвечает интересам аудитории.

«ТОЧКА» В АРГУМЕНТАЦИИ

С недавнего времени «вопросительность» нашей аналитики начала немного изменяться. Как раньше рассуждение доводилось до некоего «партийного слова», так сейчас появилась некая идея, которую идеологический контекст выдвинул на место точки в журналистской аргументации. Эта идея – такой «мальчик для битья», в ней концентрируется интерпретация причины всех наших бед (анализ дальше, кстати сказать, опять, как и в советском прошлом, не идет, так что вопрос «что делать?» остается без ответа).

Казалось бы, в отсутствие общепризнанной системы ценностей и хоть сколько-нибудь значимого общественного мнения каждый автор может идти своим путем и вести свою аргументацию к одному ему видимой цели.

Ничего подобного. Если только хоть в какой-то степени позволяет тема, журналист выводит аргументацию к вполне определенной, универсальной на данный момент точке. Сегодня эта точка – коррупция.

Возьмем один случайно выбранный номер одной газеты. Это «Наша Версия» № 13 за 2010 г. В центре внимания – взрывы в московском метро 29 марта 2010 г. Естественно, обсуждается проблема предотвращения терактов, и все предложения упираются в одно: любая мера может обернуться взятками, хищением государственных средств и ущербом для безопасности граждан. На-

пример, создание дактилоскопической базы может привести к «фальсификации доказательств по уголовным делам», если учесть «коррупционность правоохранительных органов». Само стремление провести «повальную дактилоскопию связано с желанием некоторых лиц получить огромные бюджетные средства, чтобы их распилить». Улучшению положения участковых препятствует то, что «спецслужбы сегодня больше заняты вопросами крышевания бизнеса и решением бизнес-вопросов с прокуратурой и милицией». «Коррупционированные правоохранительные органы бороться с терроризмом не могут», – делает вывод автор (с. 4–5).

Судьба ракетного полигона Эмба-5 в Казахстане зависит от «хроники бюрократического абсурда» (с. 8–9). Автомобильные катастрофы с 40-х годов стали «средством внесудебной расправы» со стороны спецслужб по чьему-то заказу (с. 10). Переписывание истории стало средством в политической борьбе, и опять кто-то кому-то платит за услугу (с. 11). «Неконтролируемое размножение бюрократии» усугубляется ее некомпетентностью (с. 12). Увеличение штрафов за временные номера и отсутствие техосмотра никак не снижает коррупционность в транспортной среде (с. 15). Введение продуктовых карточек для бедных «открывает широкий простор для коррупционных механизмов» (с. 16). Даже распределение государственных средств между кинематографистами глухо связывается с некими предпочтениями властей (с. 21), а цирковые проблемы объясняются невниманием государства (с. 22).

Таким образом, на половине страниц, почти во всех крупных материалах читатель подводится к универсальному выводу: во всем виновата коррупция, охватывающая власть сверху донизу и затрагивающая все сферы жизни.

Принцип ведения аргументации у прессы обеих эпох один и тот же. Журналисту нужна некая точка опоры в его рассуждениях. В советское время это была официально предписанная всей прессе идеология. Сегодня в качестве опорной точки полустихийно-полусознательно выбирается актуальная идея, продуктивность которой будет подтверждена или опровергнута временем. В этой роли бывали и страшилка «возврат к социалистическому прошлому», и демократия с рыночной экономикой. И вот сейчас коррупция. Опорная идея, конечно, шире терминологического значения слова «коррупция». «Все на продажу» – так отнюдь не новым способом можно ее сформулировать. Журналист и ведет свое рассуждение до того момента, когда становится ясно, каким образом некто может нажиться на нечестной сделке или почему данная сфера не дает возможности таких сделок. В общем, разговор ведется до той поры,

пока хотя бы не затеплится этот огонек возможной или свершившейся сделки. Это показывает и приведенный материал: дактилоскопические данные можно продать; право на торговлю по талонам тоже можно продать; возможно, с распределением денег между кинематографистами не все чисто; в цирковой сфере с такими сделками, видимо, пока плоховато (но если здесь начнут крутиться большие деньги, то государевы люди немедленно найдут там свой интерес).

В нормальных условиях почти во всех рассмотренных случаях авторы выводили бы свое рассуждение к какому-либо закону, к общепризнанной ценности. Но пока этот ход в журналистской аргументации почти закрыт. Вывать к закону, конечно, можно. Но кто тебе поверит? Коррупция на дворе, а журналисты люди прагматичные. Они останавливаются на универсальном для данного периода суждении, улавливают самую актуальную идею.

И, как говорится, не успели еще просохнуть чернила предыдущих строк, а журналистика еще раз продемонстрировала свое умение выхватывать эту идею из жизни, как умелая хозяйка выхватывает из печи горячий пирожок. Идея оказалась действительно горячей.

Запылал Ближний Восток, рухнули режимы, десятилетиями казавшиеся прочными и устойчивыми. И пресса быстренько стала примерять ставший популярным сценарий на нашу ситуацию – рванет или не рванет? Аналитические тексты часто заканчиваются вопросом типа:

«Есть ли шанс, что пример зарвавшейся тунисской, египетской и прочей власти станет отрезвляющим для нашей элиты? И она наконец поймет, что кричащий разрыв между бедными и олигархами, монополия одной партии, травля оппозиционеров и правозащитников, нерешительность в борьбе с коррупцией это путь в никуда?» (Аргументы и факты. 2011. № 6).

Здесь хорошо видно, что коррупция связана с актуальным сценарием. Однако такого вопроса в лоб может и не быть. В том же номере «АиФ» Вячеслав Костиков, анализируя молодежные проблемы, **начинает** с вопроса:

«Восприятие ситуации обостряют последние события в Тунисе, Египте, где в уличных акциях активно участвовала молодежь. Не перекинется ли новая “зараза” на наши улицы?»

А заканчивает мягким намеком, говоря о той же молодежи:

«В 2012 г. она придет к урнам для голосования. Но это будут не те избиратели, которые легко приходили в восторг от социализма с лицом Горбачева, “загогулин” Ельцина, мускулистого торса Пу-

тина или интернетовских увлечений Медведева. Молодежь хочет знать, а что там внутри пиаровских пирамид, строительством которых так увлечена власть».

Таким образом, доводя анализ самых разных ситуаций до коррупции, мы далее не апеллируем к закону, у нас (интересно, надолго ли нам этого хватит) появилась такая страшилка: смотрите, рванет!

Справедливости ради надо сказать, что появились и «миротворцы». «Русский репортер» успокаивает: мы пережили третью «волну» демократизации, а Египет и Тунис – переживают вторую. «А значит, к нам это не имеет никакого отношения» (2011. Февр. С. 37). «Литературная газета» вообще считает такие кровожадные угрозы происками тех, кто, нажившись на конфликтах 90-х, не прочь и сейчас что-нибудь выловить в мутной воде, буде таковая в нашем отечестве забулкает (2011. 2–8 марта. С. 2).

НАДО ЛИ ДУМАТЬ?

Закончим раздел, посвященный аналитичности, еще одним сопоставлением.

Советская журналистика ценила логику, ценила ясное и строгое рассуждение. Конечно, алогизмы не были большой редкостью в журналистских материалах. Вспомним зарисовку «След на земле», где нелогичным рассуждением открывается текст. Но это непреднамеренные ошибки неумелых авторов. Представить же, что кто-то сознательно нарушает логику в своем изложении, было невозможно. «Давайте думать», – называет свою статью 1968 г. Анатолий Аграновский. «Многое делает художественную публицистику – композиция, язык, пейзаж, диалог, портрет, – но без мысли, глубокой, умной, желательно свежей, современного очерка попросту нет», – говорит он (Уроки Аграновского 1986: 259).

«Глубокая, умная, желательно свежая» мысль приветствуется не только в очерке, но и в любом другом журналистском жанре. А думать Аграновский призывал не только коллег, но и читателей. И уже было показано, как сам этот журналист раскрывал перед адресатом ход своей мысли. Конечно, как мы говорили, все эти благие намерения осуществлялись в условиях жесткого идеологического давления («шаг влево, шаг вправо – считается победой»). Но, повторимся, внутри текста торжествовала логика.

Современная журналистика мыслительными способностями своей аудитории, похоже, вовсе не озабочена. Никаких разговоров на эту тему не ведется, не то что во времена Аграновского. И все-

таким образом мы обращаемся к данной проблеме, потому что нам хочется показать явление, в советской журналистике немыслимое. «Заставим нашего адресата отвечать на вопрос, нарушающий логику, здравый смысл и общеизвестные истины» – такую, по-видимому, задачу поставили перед собой создатели ток-шоу «Суд времени» на телеканале «5» (ведущий – Николай Сванидзе).

Внешне это программа, отвечающая самым высоким требованиям объективности и всесторонности анализа. «Простой способ, чтобы придать посланию убедительность, – это показать его с двух разных точек зрения. У некритичной аудитории наличие двух сторон может вызвать доверие к источнику, у более сознательных зрителей сочетание критики, с одной стороны, и защиты с другой, провоцирует более внимательное и систематическое прочтение ситуации, требует подвергать сомнению легитимность противной стороны. Так двусторонние послания могут обеспечить двойное преимущество: источник получает поддержку, поскольку аудитории активно нравится одна из сторон и она активно отвергает другую сторону» (Беккер 2004: 190). Однако и в таких программах сохраняется возможность манипулятивного воздействия на аудиторию, что отмечается исследователями, например: «Можно говорить о том, что через фатические способы аргументации, преобладающие в передачах современного информационно-аналитического радио, выстраивается коммуникативная модель, предназначенная для внушения особых (в интересах коллективного отправителя) сообщений, устанавливающих границы восприятия и оценки» (Ермоленкина 2009: 55).

Цикл прошел в конце 2010 – начале 2011 года, имел большой резонанс и заслуживает глубокого изучения со стороны и теории журналистики, и социологии, и социальной психологии. В данной работе цикл будет рассмотрен в очень узком, но важном для нас аспекте, так как представляет собой нечто уникальное по тем интеллектуальным задачам, которые он из программы в программу ставил перед своей аудиторией (записи сделаны с интернет-сайта <http://www.5-tv.ru/video/505738/>).

Тема каждой передачи формулировалась как выбор из двух возможных оценок или интерпретаций обсуждаемого события. Телезрители и студийная аудитория должны были голосовать за один из предложенных вариантов. Вот этот предлагаемый выбор и повергает в недоумение. Аудитории навязывалось голосование, при котором надо было забыть об элементарной логике, а порой даже об общеизвестных фактах. Зрители голосовали, наверное, во мно-

гом ориентируясь на ведущих, идеологические позиции которых стали ясны с первых же передач. Так что, скорее всего, алогичность поставленных перед аудиторией задач голосующих не очень смущала. Но если бы люди задумались над вопросами, то получилось бы следующее.

1. Чтобы ответить на вопрос, надо забыть историю. Такова была передача «1941-й год: сталинская система провалилась или выстояла?». Поскольку значение слова **провалилась** определенным не назовешь, смысл его сразу был воспринят как «рухнула». На полном серьезе три дня (три часовые передачи) люди бились над вопросом, устояла ли советская государственная система в начале Великой Отечественной войны, и это в городе, который после 1941 года еще полвека назывался Ленинградом, и в стране, где Сталинградская битва до сих пор называется Сталинградской, несмотря на все общественные потрясения. Достаточно было вспомнить об этом и через пять минут разрешить все вопросы и разойтись по домам. Но нет. Обсуждение состоялось, аудитория проголосовала, и нашлись даже такие, кто кнопкой сообщил, что система-де провалилась. Ведущий Николай Сванидзе уже после всех перипетий, буквально под занавес нехотя пробормотал, что «она выстояла». Но тогда о чем у зрителей спрашивали, о чем три часа спорили? Если сказать откровенно и грубо: зачем было из людей делать идиотов?

2. Чтобы ответить на вопрос, надо забыть о логике. Как известно, союз **или** выражает отношения взаимоисключения. Очень часто этот союз соединял в вопросе не взаимоисключающие явления. И снова, следовательно, аудитория, чтобы проголосовать, должна была забыть о логике (вот такое у нас нынче приглашение «Давайте думать»).

Например, спрашивается: «Китайский путь развития: переход к демократии или полноценная политическая модель?» Отвечаем: почему бы полноценной модели не быть путем к демократии?

Спрашивается: «Эпоха Брежнева: агония советского режима или время упущенных возможностей?» Отвечаем: разве одно другое исключает? Возможности есть всегда, а вот режим агонизирует и их не использует.

Спрашивается: «Бен Ладен: террорист № 1 или пешка в большой игре?» Отвечаем: разве в большой игре нельзя использовать как пешку террориста под любым номером?

Спрашивается: «ГКЧП – путч или попытка избежать распада страны?» Отвечаем: разве нельзя организовать путч с целью захватить власть и предотвратить распад страны?

И так далее. Не беремся объяснить такую манеру задавать вопросы аудитории. То ли это недосмотр, то ли издевка, откровенное презрение: мол, жуйте, голубчики, все равно будете жать на кнопки, куда вы денетесь! Во всяком случае К. Беккер высказывает такое неутешительное мнение: «Манипулирование логическими аргументами, использование логических подтасовок и некорректных экстраполяций являются широко распространенными техниками воздействия» (Беккер 2004: 74).

МЕТАМОРФОЗЫ ДОСТОВЕРНОСТИ

В СССР вопрос о достоверности информации в СМИ в официальном порядке не ставился. Обществу внушалось мнение, что все сведения, поступающие из газет, по радио или телевидению, безусловно правдивы. «По радио сказали» – это было для подавляющего большинства населения гарантией истины. Не случайно впоследствии радио- и телереклама той же МММ сделала эту финансовую пирамиду такой привлекательной для миллионов людей, которым в голову не могло прийти, что из любимого «ящика» или «радиокоробки» к ним течет ложь, ложь и ложь.

Между тем само наличие цензуры исключает оценку информации, поступающей из подцензурных СМИ, как безусловно достоверной. Замалчивание части фактов в этих условиях само собой разумеется, иначе зачем вообще вводить цензуру.

Но вот цензуры не стало. Как сегодня обстоят дела с достоверностью сообщений в СМИ?

Журналистика относится к разряду профессий, этические основы которых закрепляются особыми документами как корпоративного, так и государственного уровня. Разумеется, ни один из этих документов не будет призывать журналиста к лжи, все они будут настаивать на обязанности журналиста поставлять обществу достоверную информацию. Так, статья 49 Закона РФ «О средствах массовой информации» требует от журналиста «проверять достоверность сообщаемой им информации».

Но журналистика сегодня стала массовой профессией, в результате чего можно допустить, что в нее приходят люди, по природе или по воспитанию своему не очень правдивые, не слишком ответственные и не чересчур трудолюбивые. Поленившись тщательно проверить сведения, присочинить недостающее, не углубляться в суть и в результате исказить информацию кое-кто из десятков тысяч журналистов, конечно, способен. Однако в данной работе, мягко

говоря, неправдивость как личное свойство человека журналистской профессии нас интересовать не будет.

Наша цель – рассмотреть, какие ситуации и какие сущностные свойства СМИ заставляют журналиста отклоняться от истины. Как отмечается в одном из исследований, средства массовой информации «занимают особую позицию в отношении лжи и обмана. С одной стороны, именно СМИ зачастую являют собой единственную возможность для граждан страны узнать правду о продажных политиках и нечистоплотных бизнесменах, а с другой – именно через газеты и телевидение в сознание людей проникает заранее сфабрикованная ложь» (Щербатых 2007: 578–579).

Определимся с тем, что вообще можно считать отклонением от истины.

Наше высказывание – это средство передать адресату некую информацию. В рамках обсуждаемой темы возникает вопрос: что это за информация, соответствует ли она тому, что говорящий думает, а также соответствует ли она реальному положению дел? Вмешивается в ситуацию еще и количественный аспект: насколько, в какой степени сообщаемая информация соответствует мыслям говорящего и реальной действительности? А есть еще телеологический аспект: если информация не соответствует мысли говорящего или положению дел, то какова цель говорящего, когда он передает высказывание?

Комбинация всех этих «ли», «насколько» и «зачем» может быть различной. Например, полное несоответствие содержания высказывания мысли говорящего и положению дел, служащее извлечению выгоды из искажения истины, мы называем ложью, а при несоответствии действительности, но при полном согласии с мыслями говорящего мы получаем высказывание, отражающее добросовестное заблуждение автора. Ложь во спасение, искренность, правдивость, умолчание – все это качества высказывания, возникающие за счет различных сочетаний перечисленных выше параметров (ср.: Шатуновский 1991: 31, 37).

Журналист обстоятельствами своей деятельности поставлен в условия, вынуждающие его пользоваться разными комбинациями, назовем условно, «факторов отклонения от истины». «Люди часто считают, – замечает Р. Харрис, – что СМИ служат тому, чтобы отражать окружающий нас мир <...> Однако существуют и иные взгляды на массовую коммуникацию. <...> Скорее, они конструируют мир, который затем становится реальностью для потребителя» (Харрис 2002: 74).

Нельзя объять необъятное. Никакое издание не может впитать информацию обо всех событиях, происходящих не только в мире, но даже и в его собственной стране или лишь в одном ее регионе. Отбор информации – совершенно естественная черта любого средства массовой информации. Тогда возникает вопрос: кто и по каким принципам осуществляет отбор и как относится к этому выбору журналист? В рамках рассматриваемой проблемы можно выделить разные ситуации в зависимости от того, склонно ли само издание искажать истину, и от того, как к этому относится журналист.

Внешняя цензура, партийная ориентированность издания, конкретные исторические условия (война, выборная кампания), воля владельца СМИ, учет ожиданий аудитории, требования рекламодателя и еще масса причин могут определить степень, в которой издание готово исказить реальные пропорции в той картине действительности, которую оно рисует для своего адресата. Журналист может участвовать в этом искажении осознанно или неосознанно, с готовностью или против своей воли. Переплетение всех этих обстоятельств и создает разные ситуации, толкающие журналиста на отклонение от истины.

Таким образом, абстрактное требование достоверности информации и установка на честность журналиста – это идеал, который в действительности подвергается нескончаемой проверке на прочность.

На наш взгляд, в современной России наибольшее давление на автора текста возникает в условиях складывания новой профессии – специалиста по паблик рилейшнз. Как это часто бывает, в новую область деятельности приходят люди из некой близкой сферы; так в космонавтику на первых порах шли летчики. Сегодня, когда существуют уже школы и факультеты по подготовке «пиарщиков», все-таки еще нередко в роли создателей пиар-текстов выступают журналисты, которые, как показывает наш опыт, порой даже не осознают, что они сменили профессию.

Самочувствие журналистов в подобных ситуациях описывает Р. Харрис. Анализируя поведение прессы в период войны в Персидском заливе (начало 1991 г.), он отмечает, что была установлена жесткая цензура, по отношению к которой американские СМИ «отличались крайней уступчивостью, даже подобоострастием. <...> Они постоянно восхищались технологическими чудесами новых видов оружия, не особенно сомневаясь в точности попаданий по военным объектам и говоря лишь о незначительных несчастных

случаях среди мирного населения (побочный ущерб, как это эвфемистически называли). Спустя несколько лет после окончания войны обнаружилось, что американские ракеты обладали гораздо меньшей точностью, чем писали и говорили в период военных действий. <...> Нигде не упоминалось и о том, что военные США применяли вакуумные бомбы и белый фосфор» (Харрис 2002: 248–249). Таким образом, «отклонение от истины» налицо. Каково было личностное отношение журналистов к этому? Некритическое отражение войны в прессе Р. Харрис объясняет, во-первых, тем, что «журналисты, вероятно, сами сочувствовали усилиям коалиции» (Там же: 249). Во-вторых, они помнили, что поражение в войне с Вьетнамом в США объясняли «слишком свободным доступом прессы», поэтому «журналисты, видимо, не желали, чтобы их называли непатриотичными» (Там же), тем более что выступления независимых журналистов аудитория прямо оценивала как предательство (см.: Там же: 250). Учитывая все сказанное, можно предположить, что тексты таких авторов демонстрировали частично искреннее заблуждение, частично умолчание. Не исключено, что присутствовала в публикациях и прямая ложь, даже циничная, ведь не секрет, что, помимо официальных, журналисты имеют собственные неофициальные источники информации, так что истинное положение дел хотя бы небольшой части журналистов было, на верное, прекрасно известно.

Подобные настроения журналистского корпуса можно наблюдать и в отнюдь не трагических ситуациях. Любое внешнее ограничение информации и оценок, любое навязывание тем и целей может обернуться и искренним заблуждением, и неискренностью, сокрытием своего истинного мнения, и циничной ложью.

Сфера политики

Сфера политики – одна из сфер, подвергающих честность человека жестоким испытаниям. Так называемая «представительная демократия» породила «класс политических профессионалов, которые, как мы вправе подозревать, не меньше бывших социалистических функционеров и чиновников склонны злоупотреблять нашим доверием и решать свои проблемы за наш счет» (Панарин 2002: 80). В нашей стране сам закон не содействует принципиальности и честности политика. Поскольку конституцией не предусмотрен парламентский контроль (с должными санкциями) за исполнительной властью, парламент «не может повлиять на ситуацию ни с коррупцией, ни со злоупотреблениями властью, ни с подзакон-

ными актами. <...> Корпус народных избранников все больше напоминает конгломерат ставленников администраций и посланцев олигархов» (Мошкин 2004: 205, 214). Впрочем, Россия не исключение: «Корпорации тратят миллионы долларов на наем PR-компаний, чтобы обрабатывать прессу и тонко контролировать мнение, манипулировать политикой и взглядами в своих интересах, вводить общественность в заблуждение» (Беккер 2004: 63–64). По отношению к политическим текстам вводится даже категория «кажимости», определяющая склонность авторов к «искривлению истины» (Данилевская 2010: 53).

СМИ, вовлекаемые в эту сферу, вряд ли могут сохранить нетронутой белизну своих одежд. Например, предвыборная кампания и выборы – это время, когда человек, работающий в СМИ, вовлекается в политику независимо от издания.

Мы обращаемся к периоду за несколько месяцев до думских и президентских выборов конца 2007 – начала 2008 года. Политические силы уже начали готовить почву для будущих обещаний и обличений, начали отрабатывать тактику сглаживания, маскировки острых углов. Наши многолетние наблюдения за предвыборными кампаниями показывают, что их участники эксплуатируют одни и те же темы: невысокие зарплаты, нищенские пенсии, платные медицина и образование, жилищный вопрос. Подготовка к названным кампаниям не продемонстрировала ничего нового. Острые вопросы ставились всеми, а неудобные данному участнику подробности замалчивались. Покажем эту технику на нашем материале.

«Российская газета – Неделя» за 1–7 июня 2007 г. на первой полосе дает анонс «С какими пенсиями уходят на заслуженный отдых в разных странах мира (с. 20)». Но читателю еще рано отправляться на двадцатую страницу номера. На странице 3 его ждет второй анонс: «"Пенсионная кругосветка" – так называется материал об опыте разных стран по обеспечению достойной старости своих граждан (см. с. 20–21)». Здесь же публикуется анкетное интервью, в котором несколько известных людей отвечают на вопрос: «А вам хватает пенсии?» Общий смысл их ответов: пенсия маленькая, но если работать, то прожить можно. Таким образом, газета не пытается успокоить читателей и внушить им, что все, мол, хорошо, прекрасная маркиза. Тогда как же подбирается и подается материал, касающийся стран, которые мы привыкли называть цивилизованными (к рассказу о пенсионном обеспечении привлечены США, Англия, Испания, Италия, Швеция, Израиль, Япония, Венгрия, а вовсе не страны Африки)? Общий смысл всех сообщений можно сформулировать словами из популярного когда-

то телесериала: «Богатые тоже плачут». В каждой бочке меда отыскивается ложка дегтя. Особенно показательны следующие приемы.

Первый связан с обыгрыванием стереотипа. Известно, что теми же СМИ создан стереотип «пенсионер-путешественник». В публикации «Пенсионная кругосветка» его никак нельзя обойти. Обсуждается он так.

Прежде всего дважды отрицается. Венгерский пенсионер говорит: «На житье денег в принципе сейчас хватает... Но, скажем, путешествовать по миру венгерскому пенсионеру в массе своей не по силам, хотя бесплатный авиабилет в любую страну Европы раз в год ему полагается по закону». Как видим, венгерского пенсионера есть за что и пожалеть: бесплатно до Лондона, конечно, добраться можно, а вот до Чикаго – увы! Во второй раз стереотип всплывает в рассказе о Великобритании: «Случись некоему среднестатистическому британцу услышать бытующую в России байку о том, что на Западе пенсионеры якобы только и делают, что разъезжают по курортам, его бы наверняка возмутила столь далекая от правды “клюква”». Не может не обратить на себя внимание насыщенность этого небольшого фрагмента средствами отрицания (*байка, якобы, столь далекая от правды, клюква*). И только после этого стереотип признается, хотя и в урезанном виде: «Основной смысл персональных накоплений для работающих американцев – это открытие после выхода на пенсию собственного бизнеса, возможность путешествовать и развлекаться. Поэтому неудивительно, что американские пенсионеры являются заядлыми путешественниками».

Знаменательно здесь то, что стереотип путешествующего пенсионера связывается с персональными накоплениями, хотя главка о пенсионном положении в США называется «При желании можно получать три пенсии». Автор рассказывает о пенсии государственной, пенсии корпоративной, «когда работодатель и работник платят в пенсионный фонд в равных долях», и пенсии, индивидуально накопленной человеком. Так вот если вдуматься, то нашему читателю сообщается: путешествует американец вовсе не на государственную и даже не на корпоративную пенсию – он путешествует на свои личные деньги, хотя при желании можно бы поинтересоваться: что же, на корпоративную или государственную пенсию запрещено путешествовать? Таким образом, путешествующий пенсионер вроде бы есть, а вроде бы его и нет, такими оговорками обставлен этот стереотип в тексте. Подобная уклончивость, нечет-

кость образа, даже, может быть, чуть-чуть передергивание фактов – из области отклонения от истины.

Второй прием – игра с цифрами: иностранные пенсии представлены в долларах, например: 51 тысяча иен – 425 долларов; 6,5 тысячи шекелей – более 1,5 тыс. долларов; базовая госпенсия Великобритании – 170 долларов в неделю и т.д. При этом размер нашей пенсии в долларах нигде не фигурирует (100 долларов в месяц вряд ли приятно видеть в столь уважаемой газете). Но зато венгерская пенсия представлена в рублях: «Минимальная же пенсия в Венгрии, где размер ВВП в перерасчете на каждого жителя сравним с уровнем России, – 3500 рублей». При этом не делается самого главного – не представлена покупательная способность пенсии в сопоставлении, например, с ценой на хлеб, сахар, на проезд в трамвае. Поэтому сравнить 3500 рублей в Венгрии и 3500 рублей в России невозможно. Тем более что не фиксируется разный статус этой суммы в двух странах: в Венгрии это минимальная пенсия, а в России на тот период – средняя.

Это сглаживание различий дополняется третьим приемом – уже указанным совмещением плюсов и минусов, что видно даже по заголовкам. Например, главка о «пенсионной» Италии названа «Как свести концы с концами» (хотя в конце говорится: «На среднюю же пенсию в 1200–1300 евро прожить можно»). В заголовках фиксируются разные сложности индивидуального и коллективного накопления пенсионных средств: «Береги пенсию смолоду» (о Великобритании), «Солидарность поколений дала трещину» (о Швеции), «Кнут и пряник для неплательщика» (о Японии).

Таким образом, рассмотренная публикация в целом внушает читателю мысль, что пенсия – вещь сложная, на сто процентов положительной быть не может и даже в самых-самых замечательных странах старику в его пенсионном шалаше далеко не рай, а дальше нетрудно примыслить продолжение: у нас, конечно, положение похуже, но никакой катастрофы нет, и, быть может, в будущем вообще все наладится. Эта славная картина творится из железобетонного массива подлинных фактов и шепотки крошечных неясностей, недоговоренностей и умолчаний, то есть с помощью самой распространенной техники формирования повестки дня и имформационной картины мира в целом.

То, что так мягко представлено в описанной публикации, в предвыборной кампании делается открыто и навязчиво. Рассмотрим публикации в информационных бюллетенях нескольких партий, участвовавших в выборах в Свердловскую областную думу 8 октября 2006 года.

Предвыборное издание «За Российскую партию жизни» рассказывает о происшествии в Екатеринбурге: 4 сентября, то есть примерно за месяц до выборов, рухнула почти построенная эстакада дорожной развязки. В тот же день на одном из местных телеканалов («4 канал», «Стенд» с Евгением Ениным) выступил мэр Екатеринбурга Аркадий Чернецкий, который рассказал о крушении, назвал сумму убытков (500 миллионов рублей, которая, правда, через две недели сократилась до двухсот миллионов, но у нас другая тема), пообещал все восстановить и найти виновных. Ни о каких партиях, ни о какой политике не было и речи. И вот в партийном издании сообщается, что возглавляющий партийный список Партии ЖИЗНИ Евгений Ройзман как депутат Госдумы РФ «направил протокольное поручение Комитету Госдумы по промышленности, строительству и наукоемким технологиям» с просьбой разобраться в причинах аварии. Автор этой заметки заканчивает ее так: «Напомним, что данный мост строился под патронажем “Единой России”, о чем ее члены любили рассказывать в своей агитпродукции». Что за таинственный «патронаж»? Каким образом российская партия патронировала городскую стройку? Все это остается за кадром, да и существовал ли этот патронаж там, за кадром? Неясность изображаемой ситуации позволяет пишущему критиковать противника.

Информационный бюллетень Свердловского регионального отделения партии «Яблоко» «Правда о власти» (2006. 7 июля) рассказывает туманную историю об адвокате Трепашкине: «Некогда сотрудник ФСБ, а ныне адвокат Трепашкин уже несколько лет преследуется властями за то, что разоблачает темные дела спецслужб. Впервые он открыто вступил в конфликт с начальством в ноябре 1998 года, когда он и несколько его коллег во главе с подполковником Александром Литвиненко заявили, что руководство ФСБ поручило им убийство Бориса Березовского. После ухода из органов безопасности Трепашкин занялся адвокатской практикой и работой по расследованию взрывов жилых домов в Москве в 1999 году. Адвокат был арестован спустя месяц после того, как были опубликованы его обвинения в причастности ФСБ к терактам осени 1999 года». Если учесть историю с отравлением Александра Литвиненко несколькими месяцами позже (ноябрь 2006 г.), то можно отчетливо увидеть, насколько неясно повествование о злключениях адвоката, понять, о скольких деталях умалчивает автор.

Газета профсоюза ПРОФИ «Профессионал» интересно представляет читателю лидеров объединения демократических сил

Прикамья (2006. Дек.): «Депутат Госдумы России, лидер стачкома Пенсионной забастовки, руководитель ПРОФИ Антон Баков возглавил объединенный штаб демократических сил Прикамья, объединив девять политических партий и движений, среди которых СПС, «Яблоко», Комитет солдатских матерей, экологи, чернобыльцы, правозащитники. Предвыборный список возглавил молодой, но очень талантливый пермяк Никита Белых. До этого Белых уже вошел в историю своего края как человек, вышедший в отставку с поста вице-губернатора в знак протеста против античеловеческой политики “Единой России”». С целым шлейфом регалий Антон Баков – и скромный **пермяк** Никита Белых, сопровождаемый лишь забавным алогизмом «молодой, но очень талантливый», как будто молодость – помеха таланту, качеству врожденному. А ведь этот «молодой, но талантливый пермяк» – на тот момент был лидером «Союза правых сил», о чем газета скромно умалчивает.

Таким образом, предвыборная агитация предрасполагает пишущего к различным способам обхода истины (умолчания, нарочитая, по всей вероятности, неясность изложения. Мы не рассматриваем обещания кандидатов, представляющие зачастую циничную ложь, поскольку этот продукт нельзя отнести к журналистскому творчеству).

Корпоративная пресса

Современные исследования корпоративной культуры фиксируют то же стремление корпорации выработать «относительно унифицированные методы *неэкономической* мотивации и стимуляции потенциала работников, их инкорпорированности в механизм управления, а также передачи *ответственности* на максимально низкий уровень персонала» (Капитонов и др. 2005: 114). Так проявляется «новая корпоративная философия с ценностями “общей судьбы”» (Там же: 115).

Современная корпорация должна ориентироваться на политику соучастия: это и внимание к социальным нуждам работников, и привлечение их к управленческому процессу, и создание условий для реализации творческого потенциала коллектива. Для решения всех этих задач немалое значение имеет корпоративная пресса, которая призвана разъяснить и сотрудникам фирмы, и общественности цели и методы деятельности корпорации, ее достижения, взаимодействие с партнерами, социальную политику и т. п.

Для понимания психологии человека, работающего в этой сфере, обратимся к понятию «менеджеровское мышление», обсуждаемому в книге П. Экмана «Психология лжи». Автор рассматривает поведение менеджера NASA Лоуренса Маллоя, который посоветовал инженеру Бобу Ланду мыслить «как менеджер», а не «как инженер», когда встал вопрос о безопасности запуска космического челнока «Челленджер». П. Экман продолжает: «Лауреат Нобелевской премии физик Ричард Фейнман, бывший членом президентской комиссии, расследовавшей катастрофу “Челленджера”, так охарактеризовал тип “менеджеровского” мышления, которое оказало влияние на Маллоя: “После завершения программы исследования Луны... необходимо было убедить конгресс в том, что существует проект, который может осуществить только NASA. Для этого было необходимо – во всяком случае тогда было явно необходимо – преувеличить: преувеличить экономичность челнока, преувеличить частоту его полетов, преувеличить безопасность, преувеличить великие научные открытия, которые будут сделаны. Журнал “Newsweek” писал: ”В каком-то смысле NASA стал жертвой им же самим созданной шумихи, поведя дело так, будто космический полет такое же обычное дело, как поездка на автобусе”» (Экман 1999: 221). Вот это «менеджеровское мышление» прививается и корпоративной прессе, цель которой описывается так: «...создать у сотрудника впечатление принадлежности к фирме, почитающей свои давние (сохранившиеся еще с советских времен) традиции. <...> Пропагандируется гордость за свое предприятие <...> производственная тематика – это, образно говоря, нацеленность на будущий успех предприятия» (Пономарева 2006: 52).

Интересно то, что подобная настроенность не противоречит ожиданиям аудитории. Один из исследователей корпоративной прессы пишет: «Рядовому заводчанину, как показал проведенный мною опрос, не так важно публичное расписание слабых звеньев, как душевное, теплое настроение. Работники предприятия видят свободу творчества в возможности поздравить коллег на страницах газеты, почитать стихи соседей по отделу, высказаться о наблевшем (лучше бы анонимно), переписать полезный рецепт». Газета ввела «рубрику, в которой можно было анонимно задавать любые интересующие работников вопросы любому из начальников. Но после того как кто-то спросил, какова зарплата у одного из замов директора, рубрику пришлось закрыть» (Морозова 2006: 93).

Наш материал вполне подтверждает все эти наблюдения. Корпоративная пресса в основном ориентируется на констатирующие, а не на аналитические жанры: описывается состояние дел, планы

корпорации, социальные мероприятия, даются портреты работающих в корпорации людей, и все это, естественно, с положительной оценкой, поскольку пиаровский характер корпоративной прессы трудно отрицать, а пиар-тексты нацелены на создание положительного имиджа объекта. Этика пиара «корпоративна, “командна”... <...> ...его идеология и философия сосредоточены в руках “топ-фигур”, не всегда известных широким массам. Пиар можно было бы назвать “идеологией-невидимкой”, ибо его стратегия и ориентация на некие цели не всегда “прозрачна” для общества и даже для тех, кто в нем непосредственно участвует» (Мальковская 2005: 166).

Этот «пиаровский» эффект достигается, по нашим наблюдениям, в первую очередь тактикой умолчания. Как бы ни была успешна работа предприятия, все равно случаются неудачи, возникают трудности. Но ничего этого почти нет в корпоративных изданиях, хотя обсуждение сложных моментов деятельности коллектива в прессе помогает предотвратить конфликтные ситуации, поскольку устраняется положение, когда сотрудниками «обсуждается один круг вопросов и проблем, а в печати представлено совершенно иное» (Быков 2006: 41). В основном, как показывает наш материал, корпоративные издания рисуют картину, которую можно назвать «Наш с вами прекрасный мир». Как отмечает В. Д. Мансурова, «журналист, по своему разумению, а главным образом – в соответствии со стратегией и тактикой органа СМИ, схематизирует реальность» (Мансурова 2002: 67).

У изображаемых миров разные пространства. «Речник Иртыша» в одной из публикаций прямо противопоставляет «свой уголок» «большому миру» (противопоставление не враждебное, просто фрагмент показателен тем, что пространство «своего мира» ощутимо. Грамматику и пунктуацию не правим): «Радуюсь аномально теплоте для наших сибирских мест ноябрю, казалось, зима и вовсе забыла о нас. По телевизору давно уже показывали Сахалин и Москву, Иркутск и Красноярск, заваленные снегом, а мы все еще наслаждаемся плюсовыми температурами. И вдруг – на тебе. Зима, как всегда пришла неожиданно» (2006. 7 дек.). А омский «Мостовик» подчеркнуто рисует просторы, на которых осуществляется деятельность объединения. Например, в рубрике «Новости» на первой полосе (2006. № 16): «проектно-изыскательские работы по реконструкции моста на Тагринско-Бахиловском месторождении»; «строительство моста через реку Катунь в республике Горный Алтай»; «строительство путепровода в г. Тобольске»; «проходка тоннеля коллектора ливневой канализации протяженностью

1200 м по ул. Мельникайте в Тюмени». В корреспонденциях номера фигурируют «завершение строительства моста через р. Ишим в Астане»; «мостовой переход через р. Москву в районе Серебряного бора»; «мост на Вологодском участке газопровода “СРТО – Торжок”», не говоря уже о нескольких объектах в Омске.

Пространство у текстов разное, но вот время организовано одинаково: трудности в прошлом, успехи в настоящем и замечательные достижения в будущем.

План настоящего. Для констатации успехов в настоящем используются средства, лексические или грамматические, передающие смысл «достижение результата» (по контексту – положительного).

В том же номере «Речника Иртыша» читаем: «“Иртышское пароходство” награждено Международной премией “Лидер экономического развития России”»; затон Омского ССРЗ, дежурный теплоход ОТА-970 в навигацию «блестяще справился» со сложной задачей «перевода крупногабаритных объектов – большого дока и плавкрана с правобережного затона в левобережный»; «Омский филиал Новосибирской государственной академии водного транспорта торжественно отметил 50-летие первого набора»; первыми выпускниками «гордится весь иртышский флот». Не упускается из виду и социальная сфера (стиль оставляем без изменения): «Дружная большая семья Османовых в наше время – редкость. Надежда Владимировна и Наиль Равильевич воспитывают пятерых детей: троих сыновей и двух дочерей. Месяц назад в их дом пришло давно ожидаемое событие – они получили квартиру».

Ничуть не отстает и уже цитированный «Мостовик»: станция «Заречная» и старица Иртыша – «окончание работ по сооружению 391-метрового тоннеля – еще один важный шаг к реализации проекта метро в Омске»; Москва – «возобновлена проходка тоннеля кабельного коллектора по ул. Стромынка»; р. Тавда в Тюменской области – «завершено сооружение первой и третьей опор» моста; Астана – «состоялось открытие арочно-вантового моста М-1 через Ишим»; Омск – «СМУ № 6 завершило реконструкцию двух участков Иртышской набережной» и т. д.

Таким образом, «свой мир» изображен как совокупность точек, в каждой из которых сегодня происходит нечто положительное.

В оценочном поле текстов преобладают два мотива: «рост» и «новое».

Глагол **расти** употребляется в значении «увеличиваться количественно, в размерах, в объеме» (МАС III: 673) и при этом

приобретает положительную оценочность в сочетании со словами, называющими положительно оцениваемые явления (то же самое относится к существительному **рост**). Тот же смысл и в тех же условиях передается словами **увеличивать, увеличиваться, увеличение, приумножение** и под.: «Отрадно, что при динамичном увеличении общего объема выпуска стабильно растет доля объема товарной продукции глубокой переработки» (Металлург. 2006. 6 апр. Каменск-Уральский. Свердловская обл.); «Рост производительности труда составил 2,7 процента; в III квартале все производственные подразделения комбината отработали стабильно, что в конечном итоге позволило увеличить производство черной меди на 2,5 процента (16,7 тыс. тонн)» (УГМК-холдинг. Вести. 2005. № 50); «План по прибыли от продаж перевыполнен в 2,2 раза» (УГМК-холдинг. Вести. 2005. № 50); «В уходящем году на заводе развернулся настоящий строительный и ремонтный бум» (Новости Ревдинского кирпичного завода. 2005. 1 дек. Свердловская обл.).

Глагол **расти** реализует и значение «совершенствоваться, развиваться» (МАС: Там же), где позитивная оценочность включена в семантику слова (то же касается существительного **рост**): «Делать все, чтобы завод развивался и рос» (Профессионал. 2005. № 4. Верхняя Пышма. Свердловская обл.); «ОАО “КУМЗ”. На предприятии подведены итоги выполнения производственной программы за март и первый квартал 2006 года. Основные показатели говорят об устойчивой динамике роста» (Металлург. 2006. 6 апр.).

Смысл «увеличение» передается и антонимическими средствами: «Факт, повлекший увеличение прибыли более чем на 10 %: снижение затрат на 1 рубль реализованной продукции» (Автоагрегат. 2005. 7 мая. Шадринск. Курганская обл.). Два минуса дают плюс: снижение затрат можно оценить только положительно.

Отметим, что как положительное явление оценивается стабильность – отсутствие роста, но и отсутствие провалов: «Положительные результаты работы цеха достигнуты благодаря стабильному обеспечению заказами. Положительно сказалась и организация ритмичной работы оборудования, снижение внеплановых простоев» (УГМК-холдинг. Вести. 2005. № 48).

Смысл «новое» содержится уже в значении слов **развиваться, расти**, однако публикации и прямо фиксируют, что корпорация создает что-то новое или использует новые средства для осуществления своей деятельности: «Для Гайского ГОКа такая технология является новой» (Горняцкая округа. 2005. 16 марта. Гай. Оренбургская обл.); «В планах Водоканала – строительство нового блока очистки воды» (Водоканал Новости. 2005. № 1. Санкт-Петербург).

Используются средства подчеркивания признака: «Поступило задание разработать и вывести на серию абсолютно новое высокотехнологичное изделие – модульный распределительный пункт» (Энергомаш. 2006. 20 марта. Санкт-Петербург).

Смысл «обновление, совершенствование» передается словами, обозначающими процессы и действия, приводящие к перестройке, переделке чего-либо: «В ходе реконструкции внедрена принципиально новая технология подачи флотохвостов (техногенные отходы, образующиеся после обогащения руды) с обогатительной фабрики на закладочный комплекс» (Металлист. 2005. 10 дек. Кольчугино. Владимирская обл.); «Модернизация и реконструкция производственных мощностей, совершенствование системы мотивации результативной, качественной работы персонала» (Металлург. 2006. 13 апр. Каменск-Уральский. Свердловская обл.).

Привлекаются и прямые номинации положительной оценки. Например, на первой странице газеты «Водоканал Новости» (2004. № 11. Санкт-Петербург) помещен заголовок «Водоканал – Хорошие новости», в зачине эта формулировка повторена: «Ноябрь получился праздничным. И номер этот вполне можно было озаглавить “Водоканал – Хорошие новости”». В тексте публикации еще один повтор: «Хорошие вести ждут сотрудников Водоканала и членов их семей». Газета «Наш факел» (2005. 15 дек. Верхняя Пышма. Свердловская обл.) открывается публикацией «Н. А. Артамонов: “Об успехах говорить приятно”» (Н. А. Артамонов – начальник энергоцеха, рассказывает об успешной работе цеха в связи с приближением профессионального праздника: 28 декабря – День энергетика).

Иногда газеты констатируют какие-то отрицательные моменты. В заметке «Итоги января» газета «За победу!» (2006. № 3. Екатеринбург) фиксируется: «Отставание допущено по следующей номенклатуре: трамвайных вагонов <...> запчастей железнодорожной тематики»; «В целом по заводу план месяца выполнен на 68,4 %»; «По оперативным данным планово-экономического отдела, программа объема производства промышленной продукции за январь выполнена на 43,2 %». Однако эти отрицательные сведения чередуются с положительными: сказано о невыполнении плана (43,2 %), а в следующем абзаце сообщается: «План по реализации промышленной продукции выполнен на 104,7 %». До указания, по какой номенклатуре «допущено отставание», говорится, что по выпуску запасных частей к трамваю программа как раз выполнена. Так что впечатления провала не создается, тем более что ниже

помещена заметка «Сдадим в срок» о том, что будет выполнен заказ ООО «Уралмаш-МО». Будущее вообще для корпоративной прессы время успехов и достижений.

План будущего. С планом будущего связаны смыслы «обновление», «реализация планов», «успех». Пресса поэтому часто дает прогнозы, всегда оптимистичные. Например, газета «Энергетик Урала» (2006. № 7. Екатеринбург) помещает заголовок «С новой турбиной к светлому будущему». Газета «Мостовик» (2006. № 16. Омск) точно так же связывает новое и оптимистический прогноз: «Для участка микротоннелирования этот объект знаменателен тем, что в строительстве будет использован новый немецкий проходческий комплекс “Herrenknecht” AVN3000. <...> У наших операторов и механиков появится отличный шанс приобрести новый, весьма ценный опыт».

План прошлого. Корпоративная пресса и прошлое не склонна драматизировать. Никаких ужасов прежнего существования она не рисует. Уже упоминавшийся теплоход на Иртыше и в прошлом трудился на славу: «По давно заведенной традиции этот теплоход самым первым (а когда был ледокол, вторым – после него) начинал работу в затоне и самым последним заканчивал» (Речник Иртыша. 2006. 7 дек.). Мостостроители тоже не бедствовали: «Последние несколько лет наш трудовой коллектив стремительно растет» (Мостовик. 2006. № 16. Омск).

Таким образом, можно сказать, что тенденциозность отбора фактов для формирования картины «своего мира» очевидна, поэтому представления об истинном положении дел на данном предприятии или в данной организации читатель получить не может.

Местная пресса

Склонны к умолчанию и разных уровней местные СМИ. Конечно, есть проблемы, которые не обойдешь. Например, перед отопительным сезоном непременно заводится разговор о долгах, о плохом состоянии отопительных систем, причем такие разговоры напоминают ритуал, потому что время идет, а положение дел ни с трубами, ни с финансами, ни с разговорами не меняется. В остальном – картина дня просто замечательная. Рассмотрим муниципальную газету «Вести. Центральный округ» (2006. № 11–12. Омск) и «Областную газету» (2007. 16 июня. Екатеринбург).

В «Вестях» одна публикация посвящена проблемам ЖКХ – «Главный вопрос – подготовка к зиме», где отмечены «отставание

от графика сдачи систем отопления теплоснабжающим предприятиям по узлам и домам в целом»; «задолженность перед теплоснабжающими предприятиями в 2,7 миллиона рублей»; «тревожная ситуация и в ведомственном жилье». В остальном жизнь Центрального округа прекрасна: грядет очередной месячник по благоустройству и озеленению города, а в них «жители проявляют больше инициативы»; «учителя округа – лучшие в регионе»; двор дома № 208-А по улице Сазонова занял первое место в конкурсе «Флора–2006»; Союз пенсионеров Центрального административного округа занял первое место в конкурсе «Все остается людям!» (пенсионеры демонстрировали всевозможные таланты). На этом череда конкурсов и соревнований не закончилась, им посвящены еще две полосы.

«Областная газета» тоже не обошлась без острой проблемы, на сей раз это дороги. Не скрывается, что с дорогами в области не все благополучно, да и зачем скрывать: «На прошедшем на прошлой неделе заседании правительства Свердловской области тоже отмечалось, что сданных в эксплуатацию в 2006 году 28,1 километра новых и 340 километров отремонтированных дорог явно недостаточно, поэтому областное руководство выразило готовность освоить часть из 100 миллиардов рублей, дополнительно выделенных в этом году федеральным бюджетом на дорожное строительство». В остальном снова сплошное благополучие: визит Сергея Шойгу связан с задачей «обеспечить безопасность людей»; Всероссийская вокальная ярмарка – большое культурное событие; приближающийся День медицинского работника позволяет рассказать о замечательной работе медиков. И с малым бизнесом в области все в порядке: «регион входит в тройку лучших субъектов РФ по объему оборота малого предпринимательства в расчете на одного работающего». Звонит «традиционный марийский праздник Агапайрем», завершается юношеская парусная регата на озере Балтым, гороскоп обещает всем благополучие и удачу.

Таким образом, в корпоративной и местной прессе, на наш взгляд, присутствует умолчание. Фиксируемые недостатки настолько привычны, что кажутся вечными, неустраняемыми, а положительные факты можно рассматривать как достоверную информацию. И в целом картина получается вполне приемлемая, по принципу «чему быть, того не миновать, так будем радоваться жизни».

Квалоиды и таблоиды

С точки зрения достоверности «глянцевая» журналистика в целом придерживается обычных стандартов. Но тематические предпочтения вносят свою специфику: интерес к историям жизни конкретных людей заставляет активно обращаться к воспоминаниям участников и очевидцев событий, реконструировать эти события с их слов. А субъективный взгляд на происходящее, особенно то, что вспоминается через много лет, не поддается верификации в той же степени, что вчерашние официальные новости. «Установка журналиста состоит не в следовании фактам, а в представлении событий по шаблону дискурсивной схемы, требующей выбора и компоновки сплетен, допускающей вымысел. Реализация этой схемы непременно затрагивает честь и достоинство человека» (Мишланов, Салимовский 2006: 59).

Ориентация на художественно-публицистические жанры, прежде всего очерк, также приводит к нечеткому разграничению фактов и вымысла, документально точного и вероятного. В таких текстах строгую достоверность как соответствие реальности нередко заменяет **правдоподобие**.

Проблема правдоподобия подробно рассматривалась в связи с произведениями художественной литературы. Так, Ролан Барт отмечает, что правдоподобие основано на «предположении, что существует представление о **правдоподобном**, отложившееся в умах людей благодаря традиции, авторитету Мудрецов, коллективному большинству, общепринятому мнению и т. п.» (Барт 1989: 323). Правдоподобное «вовсе не обязательно соответствует реально бывшему (этим занимается история) или тому, что бывает по необходимости (этим занимается наука), оно всего-навсего соответствует тому, что полагает возможным публика и что может весьма отличаться как от исторической реальности, так и от научной возможности» (Там же).

Рассмотрим в качестве типичного примера очерк «Охота на пиранью», опубликованный в русской версии журнала GQ (2006. № 9). Текст написан в репортажном ключе и рассказывает о том, как «компания “белых воротничков”, полных профанов по части экстремального туризма», отправилась на рыбную ловлю в Якутию.

Автор делится личными впечатлениями:

«Утром выдвигаемся вверх по Дянышке – за тайменем. В надежде, что нам, новичкам, обязательно повезет и выловим мы чудовище килограммов на 35 как минимум. <...> Через два часа

у всех трех команд было по паре ленков, несчетное количество криков: «Таймень! Вижу его! Огромный!», с десятков утерянных блесен и ни одного «речного тигра». Но своего тайменя мы все-таки выловили. <...> Красавец, весил почти десять килограммов! Ну ладно, восемь».

Этот эпизод напоминает типичные рассказы рыбаков. Читатель не может знать, как все было на самом деле, но правдоподобие обеспечивается стандартной схемой: ожидание чудесного улова – напрасные попытки поймать большую рыбку – удача. Выловили-таки тайменя, хоть он и оказался в четыре раза меньше, чем ждали. Доверие к автору вызывает и легкая самоирония, когда, в соответствии с традицией рыбаков, он сначала преувеличивает вес добычи, а потом сам себя поправляет.

Читательские ожидания вполне оправданы: текст любопытен наглядным описанием малоизвестных мест и экстремального туризма, он правдоподобен, так как рассказывает о рыбалке в соответствии со стереотипными представлениями о том, как это бывает. Достоверности добавляет присутствие деталей, свидетельствующих, что поездка не была идеальной: катер с вещами туристов опоздал почти на сутки, а пока они искали катер, вся их одежда промокла насквозь, и т. п. В данном контексте – речь о развлекательном чтении на досуге – не столь уж важно, что из реальных событий опущено, а какие подробности придуманы.

Когда речь идет о частной жизни героя того или иного текста, журналисты нередко сами подчеркивают неточность известных им сведений. Вот как подает информацию о детстве своей героини автор очерка «Я привыкла вызывать зависть» в журнале «Биография» (2007. Ноябрь.):

«О детстве Аманды Лир известно лишь то, что она сама пожелала рассказать в интервью. Например, что родилась 18 ноября в Сайгоне. Или в Гонконге. Ее отец, военный моряк, был французом. Или англичанином, служившим в Индокитае, где он познакомился с матерью Аманды, китайкой с русскими корнями. Или с французскими».

Журналист здесь не скрывает противоречий, но ответственность за них несет героиня.

Или другой пример, когда в очерке «Нежное чудовище» (Биография. 2008. Март) факты из детства героини представлены в двух версиях (грамматику не правим):

«Некоторое время Шарлиз Терон утверждала, что ее отец погиб в автокатастрофе. И только потом рассказала про трагедию, слу-

чившуюся в их семье. <...> Когда Шарлиз уже исполнилось 15 лет, ее отец, в очередной раз потеряв над собой контроль, на глазах дочери накинулся на мать с пистолетом и стал кричать, что пристрелит их обеих. Но отчаянная Герда успела схватить ружье и, защищаясь, выстрелила первой. Смертельно ранив мужа, она, тем не менее, была оправдана на суде как совершившая убийство в целях самообороны».

Здесь есть правдоподобное объяснение, почему актриса предпочитала не рассказывать правду о гибели отца. Такого рода обсуждение версий события повышает степень доверия к тексту, к тому, что пишет журналист от своего имени: если он скрупулезно указывает на неточности в излагаемых сведениях, адресат предполагает, что остальные факты проверены на достоверность. Другой относительный критерий достоверности как правдоподобия работает тогда, когда свидетельства участников событий и очевидцев в совокупности складываются в относительно непротиворечивую картину.

Содержание системы взглядов, на которую опираются концепции правдоподобия, пишет Жерар Женетт, может меняться целиком или частично от эпохи к эпохе и от жанра к жанру, но «остается неизменным и определяет собой правдоподобие как формальный принцип соблюдения нормы, то есть наличие соотношения импликации между частным поведением, которым наделяется тот или иной персонаж, и той или иной имплицитно принятой общезначимой максимой» (Женетт 1998: 302). Женетт определяет правдоподобное повествование как такое, «в котором события соотносятся как примеры или частные случаи с набором максим, полагаемых верными аудиторией, к которой оно обращено» (Женетт 1998: 303). Так, в портретном очерке «Тайный любовник» о французском актере Фуаде Эт Аатту, опубликованном в журнале «Citizen K Россия» (2007. № 1), многие черты своего героя автор мотивирует его мусульманскими корнями:

«Отец – марокканец, мать – корсиканка. Отсюда и арабское имя, и смуглая красота, и восточная жесткость черт. И чисто мусульманское воспитание: “мой отец сказал”, “мой отец велел”, “мой отец посоветовал”. <...> Актером хотел быть всегда. Но родители настояли на операторском факультете – все-таки реальная профессия. Послушный сын подчинился».

Разумеется, послушные дети вырастают не только в семьях мусульман. Но послушание Аатту автор мотивирует в соответствии со стереотипными представлениями российской аудитории о жесткой патриархальности исламской культуры.

Важной практикой придания достоверности биографическому повествованию является психологическая мотивированность поступков героя. При этом психология персонажа, особенно если автор не мог встретиться с ним лично, не может быть ничем иным, кроме версии, варианта интерпретации его поступков. В лице текста «Поединок» (Биография. 2007. Дек.) журналист пишет:

«Фрэнк Синатра и Ава Гарднер были слишком похожи: оба любили жить на полную катушку и не терпели власти над собой. История их взаимоотношений напоминала боксерский матч. Соперники были столь сильны, что выиграть его было невозможно. Только прервать».

Концепция текста задана на уровне заголовка и лидового абзаца: сходство личностей, обладающих сильным характером, объясняет все перипетии взаимоотношений Синатры и Гарднер, описанные в очерке.

Аналогичным образом история жизни Коко Шанель в тексте «Chanel: Жизнь в искусстве» (Citizen K Россия. 2007. № 1) подана как типичный пример судьбы сильной женщины:

«Шанель остается поразительным воплощением постоянства и верности. Она всегда будет верна найденному ею стилю, но никогда не станет его заложницей. <...> ...Из “черного квадрата” потеряннного поколения Шанель скроит свое знаменитое “маленькое черное платье”, предъявив его миру как наглядное доказательство женской предприимчивости, ума и способности к выживанию».

Автор предлагает свое объяснение тому, как провела Шанель последний день своей жизни:

«...Первую половину дня она провела на скачках в Лошане. Это было ее последнее желание – вернуться туда, чтобы напоследок подышать воздухом своей молодости. <...> Ну и, конечно, скачки для Шанель – это Бой. Любовь всей жизни, первоклассный наездник и спортсмен Артур Кейпел, которому она была обязана своими успехами и своей славой. Похоже, тогда в Лошане она мысленно попрощалась с ним и со всем, что любила. Ее бег по нескончаемому кругу подходил к концу».

Концепция автора основана на том, что Шанель – типичный пример сильной женщины, в то время как многие факты, в том числе и упомянутые автором, допускают иную интерпретацию: она обязана своими успехами и славой мужчинам, которые ее поддерживали. При этом разные интерпретации в принципе невозможно оценить как истинные или ложные, подобно конкретным фактическим сведениям.

Надо сказать, число жизненных сценариев, которые авторы глянцевого журналов находят в биографиях знаменитых людей, прежде всего из сферы шоу-бизнеса, невелико. Так, наиболее популярны сюжетная схема сказки про Золушку для женских историй и параллельный мужской вариант – про Гадкого Утенка. Цитата из уже упомянутого текста об актрисе Шарлиз Терон: «Я не была красивым ребенком, – вспоминает актриса. – До четырех лет у меня не было волос, а до восьми – среднего зуба. Я бегала по нашей ферме грязная и полуголая». А вот об актере Сильвестре Сталлоне: «Но тинейджеру Сталлоне в любви не везло. Девушки не обращали на него внимания, одноклассники считали его тупым и дразнили “уродом” за скошенный набок рот и невнятную речь. К тому же он был слабым и щедрым, и мальчики наградили его прозвищем Слай (Проньера). Юноша переживал и не знал, что с этим поделать» (Биография. 2008. Янв.).

Для изданий-кваллоидов характерно использование письма, типичного для американской «новой журналистики», когда практики художественной литературы в духе психологического реализма заимствуются для создания повествований, в которых реконструированные на основе предположений события насыщаются живыми деталями, используется рассказ не только от лица журналиста, но и от имени того или иного персонажа. Вот, например, в очерке «Наоми Уоттс: Танцующая в темноте» (Караван историй. 2007. Ноябрь) описанная с точки зрения главной героини встреча с Николь Кидман:

«Да, бедная Николь... Они встретились у нее дома, в фешенебельной квартире с антикварной мебелью и бесценными коврами. Николь сразу дала понять Наоми о произошедшем между ней и Томом. Только один раз не выдержала, сорвалась: “Я не понимаю, почему он так жестоко со мной поступил, почему...” И тут же осеклась, взяла себя в руки и любезно предложила выпить чаю с бисквитами».

Эмоциональная выразительность такой повествовательной манеры затушевывает маловероятность подобных эпизодов.

Достаточно часто авторы биографических текстов эксплицитно указывают на то, что речь идет именно о версиях, как это сделано в очерке о модели Кейт Мосс:

«Но теперь уже обозлился Джефферсон Хэк, его выпады против Кейт привели к разрыву их отношений. Позже Хэк попытался было разыграть “кокаиновую карту” и отобрать дочь через суд, но то ли не очень-то хотелось, то ли карта была не такая уж

козырная (выделено нами. – *Авт.*), и попытки он быстро оставил» (Биография. 2008. Янв.).

Таким образом, для достоверности как правдоподобия часто имеет ценность не действительное, а должное, не конкретное, а обобщенное – типичность поведения персонажей, например. Ролан Барт в числе критериев правдоподобия и объективности называет требования разума, природы, вкуса, законы жанра, законы психологической связности (Барт 1989). Вслед за ним Жерар Женетт отмечает «связь, слияние понятий правдоподобия и благопристойности, блестяще демонстрируемое хорошо известной двусмысленностью (“обязательность” и “вероятность” слова “должен”))» (Женетт 1998: 300). Наглядно, художественно поданные версии событий, их реконструкции и интерпретации, которые нельзя проверить на достоверность, должны быть всего лишь приемлемы с точки зрения вкусов и ожиданий аудитории.

Главная функция таблоидов – развлекать свою аудиторию. Неудивительно, что при таком подходе проблемы точности информации, ее достоверности отходят на задний план.

Внутри этой большой и внутренне неоднородной группы изданий мы бы хотели остановиться только на **практиках достоверности в телегидах**. Эти газеты и тонкие журналы-еженедельники, будучи абсолютно развлекательными по назначению, востребованы самой разнородной аудиторией. Качество материалов, сочетающих информационную и рекреативную функции, зачастую достаточно высоко, несмотря на подчеркнутую броскость оформления.

Телегиды читают в первую очередь для того, чтобы смотреть телевизор. Эти издания позиционируют себя как предназначенные для семейного чтения без возрастных ограничений: отбирается информация, интересная нескольким поколениям одной семьи. Помимо собственно программы телевизионных передач публикуются анонсы телепередач и фильмов, новости кино, шоу-бизнеса, интервью со звездами телевидения, кино, спорта и т. п. Также широко представлены нежурналистские развлекательные жанры: анекдоты, сканворды и кроссворды, стихи и короткие рассказы для детей и т. п.

Практики достоверности в телегидах тесно связаны с их жанровой палитрой. Абсолютно преобладают информационные жанры небольшого объема, аналитические жанры практически отсутствуют. Чаще всего используются анонс, короткая заметка (новость) и интервью. Как правило, событие, освещаемое в них, актуально и интересно долгое время, оперативность отсутствует, но материалы

готовятся с соблюдением остальных жанровых требований. Так, например, в «Телесемь» (2007. № 19) напечатана заметка «Стыд и срам» о судебном иске к Хью Гранту, где рассказывается, что этому актеру предъявили иск за оскорбление снимавшего его фотографа. Описано, как актер повел себя по отношению к фотографу после того, как тот попросил Гранта улыбнуться в объектив фотокамеры. Эти стороны знаменитой личности в данном тексте выступают для аудитории как новость.

Достоверность в телегидах корректируется подчеркнуто позитивным взглядом на мир. Оптимизм и беспроblemность – важные ориентиры для журналистов в отборе информации и способах ее подачи. Все должно быть хорошо, потому что адресат хочет отдохнуть.

Рассмотрим несколько текстов из екатеринбургского издания «Телешоу» (2008. № 38). Здесь опубликован, например, подробный рассказ «Мой дом – уютная норка» на основе интервью с актрисой Жанной Фриске. Основная тема – выбор интерьера для квартиры актрисы, попутно заходит речь и о других сторонах ее жизни, которая предстает лишенной сколько-нибудь серьезных проблем. Есть разве что досадные мелочи, но и с ними легко справиться: «Цветы требуют постоянного ухода, а для меня это проблема. Завела на балконе фикус, а он оказался капризным. Пришлось вынести его в общий коридор, теперь ухаживаем за ним вместе с соседями». Когда Жанна критикует младшую сестру за ее избалованность, лень, уход из группы «Блестящие», то сразу понятно, что это всего лишь «конфликт хорошего с лучшим»:

«...Временами Наташа проявляет железную выдержку. Папа ежемесячно дает ей небольшую сумму на жизнь, и если Наташка лишний раз сходит в ночной клуб, то денег не останется даже на продукты. Она будет голодать, но ни у кого помощи не просит. Вот бы использовать эту выдержку, чтобы выучить английский или окончить наконец Московский институт права, который бросила на пятом курсе... Зато из Наташки получится идеальная жена. Она и готовит вкусно, и, если что в доме отваливается, может взять в руки молоток, плоскогубцы и все починить».

Типичные для таблоидов разоблачения и скандалы здесь носят не вполне серьезный, шутливый характер. Заметка с интригующим заголовком «Дженнифер Лопес рассказала правду о беременности» создает по прочтении эффект обманутого ожидания: «Известная певица <...> на днях сделала сенсационное заявление. Оказывается, сначала Лопес не поверила тому, что беременна, и, чтобы убедиться в этом, уговорила своего мужа, певца Марка Энтони... тоже сделать тест на беременность!»

Конечно, в мире сенсаций такого свойства не нужно ожидать ничего плохого. Отбор исключительно позитивной информации оставляет за кадром серьезные беды и проблемы. Даже если заходит речь о чем-то неприятном, тут же находится выход. Таков текст «Хочу жить в России» – интервью с Ури Геллером, который приехал в Россию, чтобы вести на телевидении шоу «Феномен» с демонстрацией своих паранормальных способностей. В публикации упоминаются некоторые социальные проблемы. По мнению Геллера, они поддаются решению волшебными средствами: «Уже с этой недели я попрошу прикоснуться к моим ладоням на экране – и буду посылать позитивные мысли. Я хочу обратиться к российской молодежи: верьте в себя, не курите, не принимайте наркотики, не напивайтесь, сфокусируйтесь на образовании...»

Надо сказать, что в телегидах, как и в других таблоидах, небольшое место занимает тема мистических, паранормальных явлений. Разумеется, к таким сообщениям совершенно неприменимы стандартные критерии достоверности информации, их восприятие как достоверных или ложных всецело зависит от личной веры адресата в мир трансцендентного.

В анализируемом номере «Телешоу» теме мистического, кроме интервью с Ури Геллером, посвящено несколько публикаций. Текст «Программы о мистике: возвращение на ТВ» дает обзор программ о сверхъестественном на четырех федеральных каналах: TNT, СТС, «Россия», ТВ-3. На каждом из них транслируются от одной-двух до пяти программ о мистических явлениях. Рядом под рубрикой «Мнение эксперта» приведен комментарий астролога Татьяны Чернецовой: «Люди стараются объяснить себе мир с помощью ирреального, раз логика не помогает. Поэтому во времена перемен так силен интерес ко всему сверхъестественному».

Кстати, Татьяна Чернецова, член международной ассоциации астрологов ISAR, публикует в каждом номере «Телешоу» астрологический прогноз на неделю. Это тоже вполне оптимистичные предсказания. В свое время Ролан Барт посвятил один из текстов «Мифологий» как раз газетно-журнальной астрологии:

«Против ожиданий, перед нами здесь совсем не какой-то фантастический мир, а скорее строго реалистическое описание определенной социальной среды – той, к которой принадлежат читательницы журнала [“Эль”]. <...> Основные рубрики, по которым раскладывается судьба... в целом аккуратно воспроизводят ритм трудовой жизни. Ее циклом является неделя, в которой выделяются один или два “удачных” дня... <...> Несчастье здесь не приобретает больших масштабов: просто в какую-то неделю у вас будет

не так много поклонников или кто-то выдаст вашу тайну. <...> Подобную “жизнь” звезды не столько предсказывают, сколько просто описывают: будущее тут редко сулит какой-либо риск, и любое пророчество обязательно нейтрализуется сбалансированностью вариантов» (Барт 1996: 207–208).

Для телегидов типичны жанры со специфическими формами достоверности. Кроме астрологических прогнозов, это многочисленные публикации исключительно оценочного содержания, которые представляют не столько факты, сколько мнения по их поводу.

Так, постоянная рубрика «Телешоу» «Стоп! Снято!» представляет мнения двух екатеринбургских модельеров о нарядах звезд шоу-бизнеса. Публикуются фотографии знаменитостей и оценки модельеров, которые часто расходятся: один хвалит, другой критикует. Так, в № 18 текст «Полной жизнью» посвящен нарядам полных женщин – Аллы Пугачевой, Лидии Федосеевой-Шукшиной, Марии Ароновой и др.

Исключительно оценочны и тексты в постоянной рубрике «Звездный поединок», где сравниваются две «звезды» по строго определенному плану: карьера, личная жизнь, удивительные поступки, особые достижения. Текст представляет собой таблицу, и в каждой категории оценки выставляются баллы. Побеждает тот, кто получил больше баллов. Очевидно, что и отбор фактов из биографии, и их оценка откровенно субъективны.

Многие публикации строятся на прямом цитировании мнений известных людей – постоянные рубрики «Звезды говорят», «Радует за...», «Переживаем за...». Тексты здесь либо целиком состоят из прямой речи героев, либо начинаются с краткой констатации факта, который затем комментирует звезда. Типичный пример – заметка о телеведущей Дане Борисовой (приводим целиком):

«Популярная телеведущая рассталась со своим гражданским супругом Максимом. “Сначала Максим переехал в другую квартиру, предупредив, что ему сложно совмещать работу и семейные дела, – признается Дана. – Но я надеялась, что у нас все наладится и мы сможем сохранить отношения хотя бы ради нашей дочки Полины. Но так ничего и не вышло”».

При такой подаче информации ответственность за ее соответствие действительности лежит на том, кого цитируют. Оценки же и вообще мнения в принципе не могут быть соотнесены с критерием достоверности. Мнение (отделенное от фактов) оценивается не как истинное (соответствующее действительности) или ложное, но как справедливое или несправедливое. Всякое мнение может быть выражено в соответствии с конституционным правом на сво-

боду мнений и убеждений, а также может быть оспорено в порядке полемики (подробно эта проблема рассматривается, например, доктором юридических наук профессором А. Р. Ратиновым) (Ратинов 2004: 106–108). Директор Института проблем информационного права, доцент факультета журналистики МГУ А. Г. Рихтер также подчеркивает, что если мы имеем дело не с фактом, а с мнением, то сколь бы нелепым ни казалось это мнение, оно может быть оспорено лишь на основе конкуренции с другими мнениями, но не опровергнуто, как могут быть опровергнуты ложные сведения. (Рихтер 2002: 170).

При характеристике достоверности публикаций в телегидах следует учесть, что они содержат множество нежурналистских жанров: анекдоты, кулинарные рецепты, тесты и т. п. Требования достоверности к части из них неприменимы совсем, а к части – применимы очень ограниченно и специфично. Например, популярный жанр совета целиком лежит в сфере ирреальной модальности возможного, желательного. Так, в «Телесемь» есть рубрика «Копилка советов», где можно получить совет по любой тематике: здоровье, кулинария, юриспруденция и т. д. Все советы взяты из популярных телепрограмм, например «Малахов +» («Первый канал»), «Доброе утро, Россия!» («Россия»).

В итоге можно сделать вывод, что основными факторами, корректирующими профессиональные журналистские практики достоверности, в телегидах являются подчеркнутый оптимизм и субъективность текстов.

Недостоверная информация

«Особенностью коммуникативной ситуации в современных российских средствах массовой информации является доминирование специфических видов когнитивного диссонанса: диссонанса как следствия лжи и неправды, как следствия публичной агрессии и обманутых ожиданий» (Мансурова 2002: 187).

Мы переходим к ситуациям, когда СМИ публикуют информацию, которую можно оценить как не соответствующую действительности. Дать такую оценку мы можем, лишь опираясь на какое-то бесспорное свидетельство. Мы обращаемся к заключениям суда, который признал некие сообщения не соответствующими действительности (за предоставленный материал благодарим О. В. Митину).

Отметим особое содержание, которое суд вкладывает в оценку «не соответствующий действительности». Поскольку мы рассмат-

риваем иски о защите чести, достоинства и деловой репутации, доказательство истинности высказывания лежит на ответчике, то есть в нашем случае на средстве массовой информации (авторе публикации). Если ответчик не предоставил удовлетворительных доказательств, его суждение признается судом не соответствующим действительности. Причины, по которым такие доказательства не были представлены, могут быть различны. Одна из них – это то, что этих доказательств и не может быть, поскольку информация ложная, выдуманная. Однако отсутствие доказательств может объясняться их недоступностью, небрежностью журналиста и иными обстоятельствами, что приводит к недоказанности суждения, но отнюдь не к его лживости. Таким образом, наш материал, отобранный указанным способом, может приниматься нами с известной долей сомнения. Но определенное представление о том, как появляется в журналистских текстах недостоверная информация, он дает. Рассмотрим два «дела», в которых суд частично удовлетворил претензии истца именно потому, что посчитал ряд суждений ответчика не соответствующими действительности.

В качестве обоснования недостоверности суды выдвигают разные обстоятельства.

Во-первых, описывается положение дел, которое не было учтено ответчиком и которое, следовательно, однозначно делает информацию, изложенную в публикации, недостоверной. «Областная газета» (2002. 28 нояб. Екатеринбург) в интервью «В Екатеринбурге творится сплошной беспредел» сообщает читателю:

«На протяжении последних десяти лет мэрия не предоставляла дополнительных отпусков водителям, а в бюджете деньги на отпускные не закладывались. Это миллиарды рублей, которые ушли в неизвестном направлении».

В решении суда Ленинского района г. Екатеринбурга от 1 июня 2004 г. это утверждение оценивается так:

«Ответчик сам указал, что именно муниципальными предприятиями МОАП и ЕТТУ не предоставлялись работникам (водителям и кондукторам) дополнительные отпуска в связи с вредными условиями труда, но не предъявлено доказательств, что это было сделано по вине администрации и что деньги, предусмотренные на эти нужды в городском бюджете, нецелевым образом израсходованы мэрией, поскольку, хотя указанные предприятия муниципальные, они являются самостоятельными юридическими лицами и в трудовых отношениях работники состоят с ними, а не с мэрией».

В рассмотренном случае действительно кажется сомнительным, что администрация полуторамиллионного города оплачивает

дополнительные отпуска водителей и кондукторов автобусов, трамваев и троллейбусов. Если эти средства **не были** заложены в бюджет, как их можно было использовать не по назначению? Можно предположить, что интервьюируемый не владеет нужной информацией, что его утверждение не соответствует действительности.

Еще два высказывания не доказаны ответчиком:

«Установлено, что себестоимость проезда в Екатеринбурге составляет три рубля. Возникает вопрос, где деньги, которые закладывались в бюджет? Они исчезают! Они используются мэрией по своему усмотрению и не по назначению, они идут на реализацию политических амбиций руководителей Екатеринбурга»; «Мэрия не будет следить за городским транспортом и городской экологией, потому что деньги ей частные перевозчики везут “наличкой”».

Вряд ли эти утверждения можно доказать без специального расследования, которое должны проводить компетентные органы. Без этого информация может быть оценена в лучшем случае как искреннее заблуждение, оправдываемое, по-видимому, тем, что говорящий не испытывает особых симпатий к администрации города Екатеринбурга. Будучи президентом общественной организации «Сутяжник», ответчик С. И. Беляев, вполне возможно, получил сведения от тех работников транспортных предприятий, которые обратились в «Сутяжник» за консультацией по поводу отпусков. Информация, скорее всего, циркулировала в этой среде на уровне слухов и вряд ли могла быть должным образом проверена. Интервью с С. И. Беляевым вначале (26 ноября 2002 г.) было опубликовано на сайте информационно-аналитического агентства «Регион-Информ». А через два дня оно оказалось в «Областной газете». Зачем эта явно недостаточно проверенная информация попала в два издания, наверное, навсегда останется тайной их информационной политики.

Второе «дело» связано с выборами, точнее – с оценкой только что завершившейся кампании. Иск был подан депутатом Госдумы, председателем Оренбургского регионального отделения партии «СПС» О. Г. Наумовым. Сторонники «СПС» потерпели на выборах депутатов местного Законодательного собрания поражение. И вот теперь журналисты газеты «Оренбуржье» анализируют участие О. Г. Наумова в местной политической жизни (публикации «Власть избрана. Подведем итоги». 2002. 25 апр.; «Хотеть – еще не значит мочь». 2002. 27 апр.). Суд Ленинского района города Оренбурга (Решение от 5 июля 2002 г.) признал не соответствующими действительности следующие утверждения журналистов:

«Тем не менее именно по сигналу господ из его компании открылись шлюзы тотального шельмования глав администраций, претендующих на избрание в областной парламент, и областной власти вообще. В подшефных им штабах ляпали самый дикий компромат, писали подметные письма, битых два месяца тиражировали стенограммы о посягательствах губернатора на святая святых – принцип разделения властей»; «Не подтвердил он своего лидерства, оппорочил в общем-то разумные идеи своей партии»; «В последнее время число материалов с его домыслами и инсинуациями в адрес властных структур возросло в геометрической прогрессии».

Эти утверждения, как отмечает суд, «носят конкретный характер и могут быть верифицированы с помощью доказательств, подтверждающих соответствие действительности указанных выше сведений». Интересно, что если в первом «деле» суд ссылается на юридические основания своей оценки, то здесь аргументация иная:

«Суд критически относится к представленным представителем ответчика в судебном заседании следующим доказательствам: статьи за подписью Олега Наумова, опубликованные в местных средствах массовой информации, которые якобы содержат не соответствующую действительности информацию и порочат честь и достоинство представителей местной власти; не заверенные надлежащим образом извлечения из его выступлений. Для установления несоответствия действительности распространяемых Наумовым сведений в других средствах массовой информации необходимо их исследование и проверка на соответствие действительности, что в пределах рассмотрения настоящего иска не представляется возможным».

Таким образом, в пылу еще не утихшей выборной горячки журналисты высказали утверждения, не обосновав их хотя бы **одним** «холодным» фактом. Вместо того чтобы говорить об открывшихся «шлюзах тотального шельмования», о «геометрической прогрессии», о «диком компромате», эффективнее и эффективнее было бы **с документами в руках** опровергнуть **один** «домысел», **один** «компромат». И объективно и субъективно рассматриваемые суждения могут быть правдивыми, но, как известно, в общении правду надо обставлять определенным образом, чтобы она была признана таковой.

Отметим случаи, когда не соответствующие действительности сообщения фиксируют и опровергают сами СМИ. Например, в «Постскрипуме» (ТВ «Центр». 2007. 12 мая) как провокация

против слияния церквей оценено сообщение Credo.ru и «Эха Москвы» о смерти Алексия II. Собеседница Виталия Ушканова в передаче «Персона грата» (Радио Россия. 2008. 23 апр.) Т. Б. Дмитриева (директор Центра им. Сербского) опровергла сообщения некоторых СМИ о том, что из психиатрических лечебниц выпускают 750 тысяч больных, тогда как, по ее словам, во всех этих больницах мест насчитывается 130 тысяч. Собеседник Игоря Гмызы пианист Николай Петров («Особое мнение». Радио Россия. 2007. 4 июня) говорит о заказной музыкальной критике («Велели обложить – обложат. Велели превознести – объявят гением»). А вот еще один гость Виталия Ушканова – Федор Лукьянов, главный редактор журнала «Россия в глобальной политике». В передаче «Персона грата» от 1 апреля 2011 г. он выражает свое отношение к телевизионной «картинке» в некоторых репортажах из Ливии, где в эти дни идет гражданская война (записано с эфира, может быть некоторая неточность в словах, но за смысл авторы ручаются): «Картинка расходится со словами. Говорят из Бенгази: бомбят, бомбят. А по улицам идут люди с флагами либо кто-то бежит с автоматом. Появляется мысль, не постановка ли это. Все же умеют это делать. Достоверности никакой».

Проблема достоверности информации в СМИ, вероятно, звучит по-новому в связи с Интернетом и с так называемой народной журналистикой. Все это еще требует осмысления.

ИЗОБРАЖЕНИЕ ОБЩЕНИЯ

Как уже неоднократно говорилось, пресса СССР в той или иной форме в разных жанрах и в разной тональности выражала семантику долженствования, и это накладывало определенный отпечаток на общение СМИ с аудиторией.

В рассматриваемый период наблюдается господство государственно освященной канонической концепции личности с безусловным преобладанием общественного над частным. Тексты СМИ делятся на два класса: в одном из них господствуют стандарты без всякой установки на личностный контакт с читателем, модальность долженствования проявляется прямо и грубо. Во втором классе при сохранении той же концепции личности фактический материал получает личностную окраску, модальность долженствования вплетена в семантику интеллектуальной беседы автора и адресата, причем последние представлены в тексте как образы, наделенные индивидуальными чертами. В целом все тексты СМИ

характеризуются повышенной тональностью, поскольку в любом случае адресат оказывается объектом «пропаганды, агитации и организаторских действий» средств массовой информации.

Рассмотрим, как автор общается с читателем в текстах второго типа.

В этих произведениях тщательно разрабатывался образ ритор. Основная тональность общения автора с читателем определялась формой доверительной беседы на серьезную тему. В этом обращении не было ничего фамильярного и ничего официального. Искренность, уважение к собеседнику, направленность речи на убеждение, т. е. на разум и чувство, — таковы основные характеристики изложения. Тональность сохранялась повышенной, но не трибунная, так как журналист-мастер понимал, что громкие слова не годятся для общения с умным читателем. Яркий пример эффективного взаимодействия с адресатом представляет собой творчество Анатолия Аграновского. Он строил свои произведения как исследование проблемы. Например, в очерке «Вишневый сад» (Известия. 1973. 4 апр.) рассматриваются, как бы изучаются поступки антигероя — бригадира садоводческой бригады, посадившего мальчика, который воровал вишни, в сарай с ядохимикатами.

Уже в зачине создается образ адресата, вернее адресатов, так как прогнозируется, что аудитория разделится на две части — одна будет безоговорочно согласна с автором, другая выскажет мнение, которое придется опровергать: «История, увы, не новая, старая: дети воровали ягоды в совхозном саду. Подчеркиваю: в совхозном. Подчеркиваю: воровали. Подчеркиваю: дети. Вы как хотите, а для меня из всех обстоятельств это главное — дети».

Журналист подробно рассказывает о том, как собирал факты, осматривал место действия, разговаривал с участниками события. Вот он четко формулирует проблему: «Нам подавай добро в белых одеждах и зло, чтоб черным-черно, а жизнь сложна, и вот какой тут вышел переплет. Надо разбираться, ничего не попишешь, вести объективное расследование. Потому что жестокость отвратительна, да и воровство не добродетель, и ведь действительно тянут, это стало проблемой, бедствием, и надо ставить этому заслон, — ваше мнение, любезный читатель?» Поскольку предлагается выбор, снова подразумевается, что в стане читателей окажутся сторонники и того и другого пути решения проблемы. Читатель может, однако, вспомнить начало, он может попытаться предугадать авторское решение. В общем, Аграновский дает собеседнику возможность думать, предполагать, соглашаться или не соглашаться,

т. е. создает сложный образ аудитории и организует напряженную и неоднозначную умственную работу реального читателя.

Однако спор спором, а в целом журналист-мастер выступает как носитель общественного идеала. Поэтому сохраняется повышено книжная, «серьезная» тональность изложения. Например, в процитированных фрагментах лексика в основном нейтральная, а иногда и чуть сниженная, но вот синтаксис – синтаксис ораторский. Это все-таки, при всей имитации беседности, речь риторически искусственного человека, знающего толк в фигурах и других выразительных приемах.

В конце 80-х – 90-х годах отношения между СМИ и аудиторией теряют свою однозначность. Отношения между коммуникантами изменились в сторону непринужденности, неофициальности. Образ автора снижается, он уже не выступает как носитель непререкаемой истины. Напротив, автор сейчас не боится предстать сомневающимся, заблуждающимся, озабоченным мелкими житейскими проблемами: «Сдвиг в сторону снижения стиля, обеспечивающий стратегию приближения к адресату, является общей тенденцией развития современной публицистики» (Вепрева, Смирнова 2009: 305).

Понятно, что в таких условиях исключены отношения поучения, подчинения, диктата. Адресат рассматривается как доброжелательный собеседник, а то и приятель. Издания, ориентированные на сенсационную и скандальную информацию, изображают фамильярные отношения с адресатом. В случае несогласия отношения эти могут быть и грубыми (если не хамскими).

Известно, что серьезные издания на грубость читателя отвечают чаще всего иронично или подчеркнуто вежливо. А вот, например, «Скандалы» могли ответить, что называется, той же монетой. Один разгневанный читатель (Иван Шостак) пишет: «О, “С–лы”! Нет слов, чтобы передать мое мнение о Вашей газете! Лапша на любой вкус для ушей всех видов!» Редакция отвечает: «И. Ш–ак! Есть масса слов, чтобы передать наше мнение о Вашем послании!» (Скандалы. 1995. № 5).

На материале нескольких газет того периода рассмотрим, как организуется общение издания с аудиторией. Наш материал показывает, что газеты по-разному разговаривают со своими читателями. Одни, ориентируясь на традиции, сдержанно и деловито информируют о новом и актуальном всякого, кому интересна тематика публикаций. Другие стремятся найти среди читательской аудитории единомышленников и поболтать с ними о том о сем в легком, ироничном тоне, обсудить, например, светские и политические

сплетни и слухи. Третьи сообщают из номера в номер, что в стране чрезвычайная ситуация, кругом враги и вот-вот наступит конец света, так что их читателям приходится быть в постоянном эмоциональном напряжении.

Мы рассмотрим текстовый образ говорящего и образ его гипотетического адресата в рамках газетного номера, анализируемого как целостный текст. Единство текста в коммуникативном аспекте обусловлено тем, что газетный номер предполагает в норме восприятие его в рамках одной ситуации общения (продолженной во времени и пространстве в условиях массовой коммуникации). Кроме того, газетный номер в целом отражает позицию коллективного субъекта – «автора издания» (общественно-политическую и психологическую) и ориентацию на определенного, «своего» адресата как часть общей концепции издания (Лазарева 1993).

Образ текстового автора имеет как эксплицитные, так и имплицитные средства выражения, причем преобладают смыслы, выражаемые в подтексте. Образ адресата, помимо прямых средств введения в текст, может быть определен опосредованно – через набор проявленных в тексте характеристик говорящего, так как, по нашему мнению, актуализируются только те качества носителя речи, которые релевантны для данной ситуации общения, т. е. ориентированы на конкретный образ адресата.

Особенности коммуникации текстового автора и его гипотетического адресата мы анализируем в трех направлениях, основываясь на том, что коммуникативную функцию любой речи можно более детально рассматривать как реализацию трех функций: контактоустанавливающей, информативной и регулятивной (Мыркин 1994). Для анализа мы взяли по одному номеру газет «Известия» (13 февр.), «Завтра» (№ 5) и «Я молодой» (№ 5) за февраль 1997 года.

Реализация контактоустанавливающей функции

Начнем с названия газеты как сильной позиции текста, в первую очередь привлекающей внимание читателя.

Наиболее конкретно адресованность газеты задана в названии «Я молодой». Я молод так же, как и ты, – говорит автор юному читателю, – у нас найдутся общие темы для разговора. Более взрослому человеку название сообщает, что здесь он сможет познакомиться с миром молодых.

«Известия» – название, обещающее новую информацию всякому, кто захочет ее получить, никаких других характеристик адресата на этом уровне не задано.

Название «Завтра» можно интерпретировать по-разному: стремленность в будущее или обещание пророческих предсказаний, например; есть также тематическая связь с близким этой газете по духу выходявшим ранее изданием «День». Конкретного адресата название газеты не указывает. Правда, оно уточняется: «Газета Государства Российского», что, может быть, обещает читателю содержание, сосредоточенное на общегосударственных интересах России, а может быть, это средство обозначения анонимности издателя – газета, издающаяся в России.

Другой способ установления контакта с аудиторией и обозначения «своего» адресата – отбор лексики, в первую очередь имеющей стилистическую и социальную окраску, т. е. слов, образующих социолект (Барт 1989: 486). Ярче всего эта особенность проявляется в молодежной прессе. Так, общий тон общения в газете «Я молодой» задают слова из молодежного жаргона и другая сниженная лексика. Это один из действенных способов отметить характер общения с адресатом: такая лексика в речи носителя литературного языка, каким является журналист, указывает на личностный характер общения, как бы на ослабление социального контроля за речевой деятельностью: «Субъект речи рассматривает адресата как равного или низшего по социальному и (или) психологическому статусу и при этом как своего, т. е. как человека, с которым “нечего церемониться”» (Долинин 1987: 278). Вот, например, в какой тональности даются советы о том, как хорошо выглядеть полной девушке: «Это, конечно, понятно, что в наше время, когда идеалом красоты считается худущая Кейт Мосс, твои формы кажутся тебе абсолютно позорными... Но ты в музеи-то, голубушка, хоть раз заглядывала? Была я тут совсем недавно в твоём родном Русском музее, посмотрела на кустодиевских купчих – согласись, они хороши!.. Ну а если серьезно, брось ты переживать, а накопи-ка лучше деньжат и беги затовариваться в какой-нибудь модный магазинчик. Чего купить, сейчас присоветую». Как видим, тональность общения «своих» людей задают разговорные и просторечные слова, фамильярное обращение на «ты».

Фамильярность газета демонстрирует не только по отношению к адресату – фамильярность в принципе распространяется на всех людей, упоминаемых на страницах этого издания, что хорошо видно по выбору номинаций для обозначения героев публикаций. Пропитируем первополосный материал «Вася и звезды», где безымянный фотограф делится впечатлениями о знаменитостях, которых ему довелось снимать: «Джо Коккер... клевый дядька, и энер-

гия из него прям-таки прет... Монтсеррат Кабалье вне сцены – старая, толстая, грузная тетка, но тем не менее достаточно приличная... Пако Раббанн... нормальный дядечка, довольно приличный». Характерно, что фамильярность здесь никак не связана с отрицательной оценочностью, это вполне беззлобное панибратство.

«Известия» стремятся в целом сохранять стилистически нейтральную тональность общения с читателями. В качестве экспрессивных языковых средств используются единицы, создающие непринужденную, не вполне официальную атмосферу коммуникации, без какой-либо фамильярности, а также ирония – самое распространенное и сегодня средство «украшения» речи в любой ситуации общения. Концептуально лексика газеты отражает ее общедемократическую направленность и поддержку официального курса реформ в целом, что не исключает жесткой критики отдельных действий властных структур.

«Завтра» ориентирована в целом на образцы коммунистической риторики с ее традиционными концептами вроде «революционной ситуации», «классовой борьбы», «происков мирового империализма». Их дополняет лексикон национал-патриотических движений, а также разнообразные, чаще всего очень грубые средства выражения резко отрицательной оценочности.

Реализация информативной функции

Газета, как и любое другое средство массовой информации, представляет аудитории свою картину мира, свой образ окружающей действительности, рассказывая о событиях, которых читатели своими глазами не видели. К этому образу мира предъявляются более жесткие требования правдоподобия, чем к миру художественного произведения, но он точно так же представляет собой лишь один из возможных способов видения и интерпретации реальности. Внимательные читатели об этом знают. Вот что говорит А. Кромптон, известный английский специалист в области рекламы: «Я придерживаюсь мнения, что если взять номера любой популярной газеты за один год, то вы прочтете все, что они когда-либо напечатают. На следующий год меняются только люди, места и количество мертвых и раненых» (Кромптон 1995: 72).

Два главных фактора, определяющих специфику картины мира в газете, – это тематический отбор и оценочная позиция субъекта речи, иначе говоря, газета «видит» не все, а лишь некоторые события и явления и оценивает их строго определенным образом.

Оценка, конечно, не обязательно выражается прямо. Язык предоставляет говорящему возможность тонко скрыть оценку в подтексте при помощи тщательного отбора стилистически окрашенной лексики, синтаксических конструкций и т. д. Оценочную коннотацию содержат многие слова, входящие в социолект. Газеты, представляющие интересы конкретной социальной группы, активно пользуются ее социолектом.

Мир «Я молодой» достаточно аполитичен, это большая тусовка, где все не так уж серьезно. Это ясно видно по тематике публикаций. Вот, например, анонс на первой полосе номера: «Комиссар Шиманский. Массаж ног. Как становятся сектантами. Мода для толстушек. Знакомства. Юрий Шевчук. “Армия любовников”. Наташа Королева. Маразмы». Из девяти анонсированных тем – четыре называют персоналии (звезды эстрады и популярный киногерой), среди остальных только тема сектантства может быть названа общественно значимой, но и она будет рассмотрена в сугубо личном плане. Отчетливо прослеживается также граница между «нашим» миром, миром молодых, и остальной действительностью, в которой живут взрослые тетеньки и дяденьки со своими жизненными ценностями, к которым, впрочем, молодые относятся без всякого пиетета. Это оптимистичный, веселый и довольно легкомысленный мир. Газета подчеркнуто ориентирована на личность адресата. Его образ подробно выписывается. Тематика сконцентрирована на вопросах частной жизни: выбор профессии (телохранитель), студенческая жизнь (как купить реферат или курсовую работу), здоровье, психология межличностного общения, религия (антисектантская пропаганда в аспекте вреда сектантства для конкретного человека), выбор одежды, досуг (кино, музыка, личная жизнь звезд), в частности текст «Клуб любителей порнографии», где подробно рассказано о разновидностях порнопродукции, причем положительной стороной данной публикации можно считать то, что она предлагает молодым читателям образец обсуждения тематики, связанной с половой жизнью, на литературном языке, показывает саму возможность открыто и спокойно обсуждать эти темы.

В противоречиях личности и общества приоритет отдается личности – встречается пренебрежение к этическим и правовым нормам.

Мир «Известий» гораздо шире, тематика публикаций очень разнообразна по географии, много внимания уделяется международной жизни. Причем проблематика материалов сосредоточена

преимущественно на интересах больших социальных групп, а не отдельной личности: речь идет прежде всего о государственной, политической жизни России. Что касается ведущей эмоциональной тональности, то жизнь глазами «Известий» грустна, в ней много тяжелого и несправедливого – явно преобладает негативная, критическая информация. Правда, при этом газета старается увести читателя от слишком эмоциональных негативных оценок, последовательно ориентирует его на сдержанные интеллектуальные эмоции удивления, изумления, любопытства, в большей степени осознаваемые субъектом и поддающиеся его контролю, всегда опредмеченные, т. е. имеющие конкретный объект, по сравнению с гораздо менее дифференцированными аффективными состояниями, когда человек испытывает беспричинный страх, беспредметную тоску или беспредметную тревогу (см.: Рубинштейн 1993: 167). Интеллектуальный подход к оценке предлагаемых вниманию читателя фактов обеспечивается подчеркнутой аналитичностью: Газета охотно публикует большие аналитические статьи и корреспонденции, почти исчезнувшие из многих сегодняшних изданий. «Известия» по-прежнему предпочитают серьезность и основательность занимательности и легкости.

Мир в интерпретации газеты «Завтра» выглядит отвратительным и невыносимым: в публикациях резко преобладает жестокая, кровавая и отталкивающая образность, бьющая по нервам читателей. Активно используются метафоры боли, болезни, смерти и разрушения при описании общественных процессов в современной России: «Развалены экономика, армия, страна раздирается внутренними социальными, политическими и национальными противоречиями и конфликтами. Моральное состояние населения подорвано». Другая популярная группа образных средств призвана вызывать у читателя почти физическое отвращение: «Жирующий Запад выдавил все свои угри, содержимым которых завалены прилавки московских магазинов». Не без азарта описываются в подробностях имевшие место кровавые эпизоды, причем демонстрируется жестокость не только со стороны негативно оцениваемых персонажей, например воюющих чеченцев, но и со стороны тех, кто выступает в роли положительных героев. Вот откровения начальника разведки «Гюрзы», воюющего с чеченцами на их территории: «Я взял винтовку... Прикинул направление бега, прицелился. "Дух" бежал, немного отклоняясь вправо, забыв от страха обо всем, не петляя и не уворачиваясь. Поймал его спину в перекрестье и мягко надавил на курок... Голова "чеха" лопнула, как спелый

помидор, полетели во все стороны кровавые брызги... “Готов!” – услышал я над ухом азартный крик кого-то из своих». Таким образом, жестокость становится неотъемлемой, сущностной чертой изображаемого мира. Вся сегодняшняя действительность интерпретируется в семантике чрезвычайной ситуации (предреволюционной?). Подчеркивается нерасчлененная аффективная установка: все ужасно, мы переживаем тревогу, отчаянье и чувство униженности нашими врагами. Газета возбуждает отрицательные эмоции всеми доступными ей средствами.

Реализация регулятивной функции

«Я молодой» говорит своему читателю следующее. Молодой человек в своем мире в основном волен делать то, что ему нравится (например, смотреть порнофильмы), может ставить себе цели и в состоянии их добиться (стать телохранителем, вернуть расположение девушки, которая ушла к другому, стать привлекательной несмотря на полноту и т. п.), он может сам решать свои проблемы. Приблизительная концепция позиции субъекта речи: мы помогаем тебе в повседневных заботах, мы рассказываем то, что тебе интересно.

«Известия», на наш взгляд, избегают выведения на первый план задач воздействия на поведение адресата. Информацией к размышлению можно было бы назвать большую часть публикаций. Газета призывает читателя вместе думать, спокойно и взвешенно подходить к оценке фактов и, по-видимому, соответственно себя вести.

«Завтра», напротив, считает, должно быть, воздействие на поведение адресата своей главной задачей. Здесь активно используется ушедший со страниц большинства изданий директивный стиль передовых статей коммунистической эпохи, да и многие публикации с преобладающей информационной направленностью включают эксплицитно или в подтексте призывы к немедленным действиям, скажем выступлениям протеста.

Подводя итоги, можно сказать, что для осуществления контактоустанавливающей, информативной и регулятивной функций общения разные газетные издания используют разные средства. В то же время позиция каждой рассмотренной газеты внутренне целостна, и это проявляется на всех уровнях общения с читателем. Мы можем в каждом случае выявить вполне определенные характеристики как субъекта речи, так и его адресата в политическом,

психологическом и социальном плане. Как показывает анализ, погруженность в свои дела («Я молодой») и склонность к аналитичности резко снижают степень агрессивности изложения. Напротив, чисто эмоциональная сосредоточенность на недостатках логики чувства ведет к резкому протесту и нетерпимости.

В дальнейшем СМИ сохраняют тенденцию к открытому выражению контактоустанавливающей функции. Мы рассмотрим такое средство этого выражения, как «рисуемый» хронотоп ситуации общения.

Периодичность передачи информации входит в число определяющих признаков СМИ, конкретная периодичность и место функционирования являются типологическими признаками изданий. Таким образом, любое издание СМИ приходит к адресату с фиксацией оптимальных времени и места встречи. Неслучайно мы говорим о свежей или вчерашней газете, сегодняшней радиопередаче, местном телеканале, центральной прессе. Фиксирование реального места и времени издания – норма функционирования медиатекста. И, как известно, всякой нормой можно поиграть.

Редакция может усилить метареферентную (Федорова 1983: 98) семантику «здесь – сейчас – общения», уточняя и изображая элементы хронотопа, «времяпространства», как поясняет М. М. Бахтин (Бахтин 1975: 234). В известной степени это можно сопоставить с изображением авторского времени и пространства, о котором говорит Д. С. Лихачев (Лихачев 1979: 211 – 212. См. также: Валгина 2003: 138).

Наиболее естественные и простые проявления этого приема наблюдаются в электронных СМИ, где можно говорить о слиянии времени, автора и адресата, что отмечает Д. С. Лихачев в отношении народной лирики, называя это явление временем исполнителя (Лихачев 1979: 221). Сообщение даты, времени и места эфира ведущий канала часто сопровождает различными уточняющими деталями: «На студийных часах шесть тридцать шесть, пора читать свежие газеты» (Радио Россия. 2005. 16 февр.); «Семь часов семнадцать минут на часах московской студии “Радио Россия”» (2005. 1 марта); «Звоните, пожалуйста, 9742222, абонент “Бодрое утро” – наши пейджеры. Это не наш контактный телефон в студии. У нас нет такой услуги – звонок в студию прямо» (Канал MTV. 2002. 18 марта); ведущий программы «Персона грата» начинает свое общение с аудиторией так: «На моем столе в редакции стоит календарь со всякими мудрыми изречениями. Одно из них: “Обучая, люди учатся сами”. Сегодня день смеха, или день дурака, как кому удобнее» (Радио Россия. 2011. 1 апр.).

Многие ведущие любят членить и разными способами измерять эфирное время передачи: «Ровно половина пошла от нашего эфирного часа по вашим танцевальным заявкам... Наш телефон в студии 10-99-94. Поднимаем с шумом трубочку» (Радио «Динамит» FM. 2000. 6 нояб.); «Через пару минут в нашей программе немного приключений, безобразий и по-прежнему чудный горноуральский климат» («Новости 9^{1/2}». 2004. 20 янв.); «Спустя очень незначительный промежуток времени в нашей программе: огневая гибель старушки» («Новости 9^{1/2}». 2004. 14 янв.). Д. С. Лихачев называет это «изображенным временем читателя или слушающего», когда фиксируется, как говорит ученый, «истинный “размер” произведения» (Лихачев 1979: 212).

Кроме такого «малого» хронотопа, подключается «большой» хронотоп, когда ведущий дает почувствовать объем аудитории, с которой ведется разговор: «Доброе утро жителям Европейской части страны» (Радио Россия. 2005. 11 февр.); «Странно, что где-то есть еще снег, а у нас уже тепло в Москве. Я присоединяюсь ко всем теплым словам и тоже говорю вам “Доброе утро!”» («Доброе утро». ОРТ. 2002. 14 марта). Даже такие нехитрые замечания позволяют подключить к восприятию текста воображение, что приводит к активизации перцептуального времени и пространства у адресата (см.: Зобов, Мостепаненко 1974: 17; Золотова, Онипенко, Сидорова 1998: 22).

Расширение времени может заключаться в том, что текущий момент разговора встраивается во временные промежутки разной протяженности: «Вот такая погода ожидает нас в последний день зимы на бескрайних просторах России» (Радио Россия. 2005. 28 февр.). Здесь текущий момент примыкает к прошедшей зиме. Другой вариант: «В Москве семь часов десять с половиной минут. Ну что же, перезимовали мы с вами, сегодня первый день весны, и в ближайшие сорок семь минут в этом первом весеннем эфире нас ждут следующие темы...» (Радио Россия. 2005. 1 марта). Здесь момент речи примыкает к будущей весне. В этих случаях можно говорить об актуализации перцептуального времени адресата.

Иной тип времени активизируется в следующем фрагменте: «Сегодня четверг. На масленичной неделе как этот день называется? – Разгуляй-четверг, широкая масленица. У нас такой праздник разудалый, веселый, весенний – масленица. А вот в другом конце света – в Австралии – сейчас идет тоже веселый, но осенний праздник. Там страна вступила в осень – южное полушарие» («Доброе утро». ОРТ. 2002. 14 марта). Момент речи здесь, во-первых,

включен в масленичную неделю, чем актуализируется религиозное время (представления об обрядах, поверьях), а во-вторых, текущий момент охарактеризован как часть вообще праздничного времени, так как он объединяет разные праздники – одновременно и праздник весны, и праздник осени. В последнем случае в какой-то мере, наверное, затрагивается ощущение даже космического времени (Папина 2002: 163).

Ведущие уникальных передач, существующих в течение многих лет, неизменно подчеркивают эту длительность, называя номер очередной серии: «Здравствуйте, дорогие радиослушатели! В эфире 833-й выпуск передачи “Встреча с песней”» (Ведущий Виктор Татарский. Радио Россия. 2000. 25 нояб.); «Здравствуйте, уважаемые слушатели Радио Россия. 159-й выпуск передачи в эфире» («Опера для публики». Ведущий Леонид Азарх. Радио Россия. 2001. 7 апр.).

Популярным приемом расширения времени являются воспоминания: ведущий и адресат углубляются в прошлое, при этом в зависимости от содержания воспоминаний открывается протяженность временного отрезка, заканчивающегося моментом речи: «Ведущий: Вы на демонстрацию ходили в детстве? – Слушатель: Да, в детстве ходил. – Ведущий: Какой ваш любимый был, не знаю, транспарант, что несли такое в руках? Ну, что вы носили в руках вот тогда? – Слушатель: “Миру – мир!”, флажок» (Радио «Динамит FM». 2000. 6 нояб.); «Сегодня с нами песни 70-80-х годов – песни нашей юности и молодости» («Утренняя волна». Радио Урал. 2005. 24 февр.). Время, связанное с жизнью человека, называют физиологическим. Безусловно, ведущие направляют внимание адресата на этот тип времени (Папина 2002: 161), хотя точнее, может быть, обратиться здесь к тому, что Н. Д. Арутюнова называет «временной моделью Пути человека» (Арутюнова 1997: 53), поскольку такие тексты пробуждают у адресата не просто ощущение прожитой жизни, но и эмоции, воображение, то есть перцептуальное время.

Частные приемы изображения метареферентного хронотопа могут перерастать в особые программы, рубрики. Таковы, например, существующие на разных каналах рубрики типа «Один день истории», «тому назад», «В этот день ... тому назад», напоминающие, какие события пришились в далеком и недалеком прошлом на эту дату.

Использование описанных приемов в электронных СМИ определяется условиями общения в режиме «on-line», когда говорящий ощущает текущий момент и самым естественным образом прое-

цирует его в прошлое и будущее. Журналы или газеты такое общение могут лишь имитировать, добиваясь эффекта диалогичности текста. «Эксплицитный модус порождается диалогом», – отмечает Н. Д. Арутюнова (1988: 107). Но справедливо и обратное: если нарисовать метареферентную ситуацию, непременно возникнет эффект прямого общения с читателем (Кожина 1986: 68, 71, 80–82 и др.). И некоторые издания делают это весьма охотно, а еще охотнее используют приемы контактного общения с читателем авторы отдельных текстов. Но мы будем говорить только об изданиях.

Таким образом, речь пойдет о частных приемах, когда редакция выступает как коллективный адресант (анонимно, в форме «МЫ», «МЫ с ВАМИ, читатель», или в лице главного редактора) и выстраивает хронотоп, тем или иным способом фиксируя место и время общения с читателем, помимо нормативного указания на время и место издания. Сразу можно отметить, что возникает перекличка с материалом, касающимся электронных СМИ и общения в режиме «on-line».

Настоящее актуальное момента речи в редакционной вводке формирует у читателя представление об одновременности чтения и разговора с создателями журнала: «Я планировал написать этот текст завтра. Но, учитывая, что уже второй день доблестные электрики в том районе, где находится наш офис, включают свет только после 9 вечера и конца-края этому не видно, я пишу эти строки теплой осенней ночью, когда все еще кажется, что зима – это просто чья-то нелепая фантазия... Ну какой нормальный человек будет радоваться тому, что ему не удалось уехать домой и приходится работать ночью? А мы улыбаемся. Перефразируя девиз лодки капитана Немо – “подвижный в подвижном”, – можно сказать, что мы “ненормальные в ненормальном”. Но только такие люди могут делать такие журналы» (Банзай. 2004. 8 окт.). Формируется особый хронотоп чтения: «мы – здесь – сейчас» беседуем о том, что нас интересует.

Особенно красочным и эмоционально насыщенным часто оказывается прием постановки момента общения в расширенное время с помощью воспоминаний (у М. М. Бахтина есть понятие «Большое время» (Бахтин 1995: 8), но для нашего материала оно слишком объемно). Вот редакционное вступление к номеру газеты «Первое сентября» от 28 декабря 2004 (в сокращении):

«...Предчувствие Нового года – самое необъяснимое и потому самое бескорыстное. Ну не из-за новой же кофемолки от Деда

Мороза весь ноябрь томится душа? Не из-за флакона же духов под еловыми лапами вздыхаем мы с декабря: скорей бы Новый год? И не от путевки на Багамы, как и не от полета на Луну, замирает сердце, когда с морозного балкона вносится пленная елка в хвойном облаке несбыточных надежд... И как всегда – ни алмаза на дне шампанского, ни волшебной палочки внутри шкатулки, ни феи, ни тыквы, обращенной в карету с запятками, ни хрустальной туфельки у перил... И как всегда, среди свертков под елкой найдутся и кофемолка, и духи, но никакой путевки на Багамы, и под утро начинается осыпаться хвоя».

Конечно, в отличие от режима «on-line», это уже литературная игра, хотя знакомое встраивание момента речи (28 декабря) в праздничное время (ноябрь, декабрь, новогодняя ночь, утро первого дня Нового года) налицо. Вместо конкретных воспоминаний (в детстве ходил с флажком на демонстрацию 7 ноября) представлена воображаемая ситуация, в переживании которой объединяются автор и адресат. Интересно строится характеристика обоих: мечты осуществляются только на уровне кофемолки и духов, несбыточными оказываются не только полеты на Луну или волшебные палочки, но и Багамы.

В той же газете (2005. 11 янв.) использована проекция момента речи в будущее: «Вот и закончились эти ясные, морозные, беззаботные дни! И кажется, что жизнь снова строго спрашивает нас, вызывая к воображаемой доске: готов ли? справишься? Но давайте постараемся в новом году устроить так, чтобы эта строгость жизни заканчивалась на нас, чтобы мы не передавали ее детям, спрашивая с них так же строго: готов ли? справишься?.. Жизнь еще успеет спросить с них со всей строгостью. Но пусть это будет в свой черед...»

Конец первых всеобщих каникул (11 января) представлен здесь не только как начало трудовых будней нового года, но и как некая точка на дороге жизни (Пути человека) со всеми будущими сложностями и испытаниями. В обоих случаях очевиден расчет на актуализацию перцептуального времени адресата.

Проекция момента речи в будущее может быть осуществлена за счет связи с темой публикации и порой откровенно игровым приемом. Например, Ольга Андреева, корреспондент отдела науки «Русского репортера», публикует эссе «Конечное будущее. В квантовой физике все конечно» (2011. 10–17 февр.). Это непринужденно-занимательный разговор о предсказаниях в науке. И вот автор цитирует текст, которого пока как бы нет:

«В еще неопубликованном в “РР” интервью доктора физико-математических наук Артема Юрова есть такая фраза: “Я абсолютно уверен, что если бы мы могли учесть все, то, наверное, мы могли бы делать стопроцентные предсказания. Но для этого надо иметь информационную емкость, равную всей Вселенной”».

Приняв гипотезу, что число вероятностей конечно, автор говорит, что в этом случае история, исчерпав разнообразие, начнет повторяться, и заканчивает текст так:

«Когда-нибудь, через некие гуголы лет, я буду точно так же сидеть в редакционном кабинете и писать ту же самую статью».

Вместо стандартной справки «Продолжение. Начало в №...» печатные издания могут описывать действия редакции с подчеркиванием временного смысла: «Мы продолжаем публикацию лекции Александра Аузана, прочитанной 23 декабря прошлого года в клубе – литературном кафе “Bilingua”»; «В прошлом номере “Новой” мы опубликовали первую часть статьи профессора Юрия Афанасьева, посвященную предстоящей реформе образования» (Новая газета. 2005. 14–16 февр.); «В этом номере “Медведь” завершает цикл публикаций, связанных с разработками стрелкового оружия следующего века» (1999. № 36. Апр). Обнаруживается временной промежуток, в который встроен момент речи.

Отмечается несколько интересных приемов конкретизации хронотопа метареферентной ситуации. Одна из рубрик «Комсомольской правды» называется: «Взгляд с 6-го этажа. От пятницы до пятницы», где фиксируется авторское пространство и время, а «Новая газета» сообщает читателю: «До окончания этого номера осталось 10 страниц», фиксируя таким образом время и место адресата.

Рассмотренный нами прием изображения метареферентного хронотопа хорошо согласуется с многочисленными средствами диалогизации общения в современных СМИ; в прессе такое общение поднимается с уровня конкретного текста на уровень сверхтекста номера или даже всего издания. В электронных СМИ диалогизация возникает естественным путем в прямом эфире с использованием средств интерактивного общения с аудиторией.

ЗАМЕТКИ О КЛЮЧЕВЫХ КОНЦЕПТАХ МЕДИАДИСКУРСА

Описания отдельных ключевых концептов российского медиадискурса были выполнены авторами в разное время, и оказалось, что созданные «картинки» соответствуют определенным отрезкам нашей истории, например последнему десятилетию XX в. или первому президентскому сроку В. В. Путина. В одних этюдах фиксируется контраст советского и российского идеологических контекстов, в других – контраст идеологий в российском медиадискурсе. В любом случае очевидно, что медиа создают свою картину мира и текущего момента, и ключевые концепты актуализируются в публикациях с подчеркиванием определенных признаков. Вот эти актуализированные признаки и фиксируются в наших «заметках».

Вполне понятен интерес к тому, как в зеркале СМИ выглядят страна и народ, информационные запросы которого медиа призваны обслуживать. Мы рассмотрим, как формируется идеологическое поле текста, в котором функционирует тот или иной ключевой концепт. А затем будет показано, как медиадискурс непрерывно поступающей к адресату массой своих текстов создает образ явления, выпячивая, подчеркивая, может быть даже навязывая общественному сознанию ту или иную его сторону.

ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ТЕКСТА

Советский медиадискурс функционировал в условиях жесточайшей цензуры, поэтому порождаемые им тексты реализовали строго одно и то же идеологическое поле. В концентрированном виде все идеологические догмы благодаря наглядной агитации были вынесены на всеобщее обозрение с помощью лозунгов, помещенных на самых высоких зданиях городов или на красных полотнищах в сельсоветах, парткомах, школах, кинотеатрах – словом, везде, где в силу тех или иных причин регулярно собиралось много людей. «Слава КПСС!», «Народ и партия едины», «Миру – мир!», «Мир, труд, май» – эти и подобные лозунги тысячекратно повторялись по всей стране, и любой текст СМИ должен был легко встраиваться в этот так громко пропагандируемый идеологический контекст. А это означает, что собственное идеологическое поле текста было просто сколком с привычного окружения.

По-иному обстоят дела в новой России.

Рассмотрим публикацию А. Дугина в газете «Завтра» (1999. № 4), помещенную на полосе «Евразийское вторжение» (это вкладка, которую можно рассматривать как отдельное издание. Статью «Украина или Империя?» мы приводим со значительными сокращениями, не отмечая места пропусков):

«Украина или Империя?»

25 декабря 1998 года Государственной Думой РФ было принято важное решение “О ратификации Договора о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Российской Федерацией и Украиной”. Это документ, имеющий колоссальное значение для геополитического будущего России и вызвавший в обществе множество споров. Для того чтобы понять его содержание, необходимо сделать экскурс в геополитическую картину мира.

Основными противодействующими силами являются атлантический и евразийский блоки. В центре атлантизма стоят США, в центре евразийства – Россия, “срединная земля”. Между ними разворачивается позиционная война за судьбы мира. Основной долгосрочной программой России является континентальная интеграция, создание материкового евразийского пространства от Токио до Азорских островов. Задача атлантистов (НАТО), напротив, заключить Россию-Евразию в кольцо анаконды. Москва вместе с перестройкой отказалась от своей миссии, сдалась врагу в одностороннем порядке. Это было самым настоящим геополитическим преступлением. Вопреки настроениям большинства, выраженным на референдуме 1991 года, антинародная коалиция либералов стала на путь ликвидации евразийского образования имперского типа – как бы его ни называли: “СССР” или “Российской Империей”. Так, по вине атлантистского лобби в Москве, по вине Президента и русофобской клики в Кремле и в СМИ, появились новые независимые государства. В том числе и Украина.

Сам факт деления геополитической карты мира на два лагеря делает отказ от Москвы автоматическим шагом в сторону атлантизма. Следовательно, одно только существование “суверенной Украины” уже есть шаг в сторону атлантизма. Но не украинский народ за это ответственен, а подрывные элементы и инородческие группы, не заинтересованные в общей евразийской судьбе, а также геополитические агенты влияния Запада, вышедшие на стратегические позиции как на Украине, так и в самой России.

Теперь обратимся к исторической и геополитической картине, которая сделала возможной саму постановку вопроса о союзе, единстве двух братских славянских народов – русского и украинского.

Когда Русь была мононациональным государством, столицей был Киев. Конечно, и тогда уже лучшие русские люди – к примеру, митрополит Иларион – пророчествовали о грядущем величии Руси, о том, что “последние станут первыми”. Русские приняли крещение позже других народов – последние, но им суждено было стать первыми в истории христианства (когда пал Константинополь, миссия спасения мира перешла на наш русский народ, на Московское царство, на Русскую православную церковь). Потом последовало иго, раздробленность, и от татар Русь восприняла новый имперостроительный импульс. Московское царство стало радикально иным геополитическим образованием. Это было более не национальное государство, а Евразийская Империя с православной идеологией византизма и ордынским хозяйственным, военно-стратегическим централизмом.

Великоросская идея и миссия великороссов – т. е. подлинных русских – в том, чтобы утвердить колоссальный планетарный идеал, великую Правду, осознанную как Евразийская Империя Солнца, Империя Справедливости. Киевская идея – более ограниченная, более европейская, менее универсальная, менее глобальная. В мессианском идеале Москвы последовательные малороссы, малороссы не по этническим признакам, а по идеологии, видят лишь имперские амбиции и колониализм. Свой же идеал – малороссийский идеал – они видят, напротив, в довольно усредненной форме. Как “мелкобуржуазный” идеал “благополучия”, “достатка”, “рачительности”.

В нас, русских, сложно отыскать чистую кровь – малороссы, белорусы, татары, угры, иные евразийские этносы перемешаны в истинно русском человеке. Это не наша болезнь, это залог нашей уникальности, нашего универсализма, нашего величия. Достоевский называл русского человека “Всечеловеком”. Это относится только к великороссу по духу. Поэтому выбор между Москвой и Киевом это не этнический выбор, но выбор Идеи, выбор геополитической Родины, выбор скорее духовный и религиозный, нежели расовый.

Разъединенность двух государств – России и Украины – выгодна только атлантистам, врагам славянства, врагам нашего Идеала. И всякие самостийники, как бы они ни аргументировали свои позиции (причем самостийники с обеих сторон), объективно играют на руку заокеанским врагам, “антихристу нового мирового порядка”. И на самой Украине у такого порядка есть множество потенциальных или актуальных сторонников. Это и 11 миллионов чистых

великороссов, это и большинство православных малороссов, это и объективные советские евразийцы, которыми являются все люди с социалистическими симпатиями. Даже самые радикальные самостийники и украинские националисты, которые обладают сознанием, что атлантический Запад несет смерть всем национальным культурам, всем традиционным ценностям, даже и они, ради высокого идеала Традиции и понимая объективные закономерности геополитики, должны стать сторонниками евразийского объединения, Новой Империи, Империи Света и Правды.

В данном тексте представлен один из вариантов современной националистической идеологии. Опишем организацию идеологизированных единиц в этой публикации.

Идентичность конкретного идеологического поля задается и поддерживается за счет «узловых точек», фиксирующих семантику, как говорит С. Жижек, «плавающих означающих», «пристегивающих» их к данному полю (Жижек 1999: 93). В нашем тексте к таким плавающим означающим, которые могут наделяться разными идеологическими коннотациями, относятся, например, слова **Свет, Правда, Справедливость, антихрист, империя**. Смысловое наполнение таких единиц «открыто» и предопределяется их сочетанием с другими элементами идеологического поля. Так, **антихрист** в данном контексте означает **заокеанского врага (США)**, противостоящего в идеологической системе текста Российской империи. Идеологема **империя** здесь окрашивается безусловно положительными коннотациями, особо подчеркнутыми в словосочетаниях **Империя Справедливости, Империя Света и Правды**. Очевидно, что в иных идеологических полях **антихрист** может конкретизироваться по-другому, а **империя** будет окрашена отрицательно: она может восприниматься как символ колониального захвата чужих территорий, а не в качестве символа счастливой судьбы народов Евразии.

Идеологема **миссия великороссов по спасению всего мира**, ставящая Россию в центр мирового развития, придает точное и фиксированное значение всем остальным идеологически значимым элементам: договор о дружбе с Украиной – явление положительное, так же как и объединение вокруг Москвы на любых основаниях (национальность – русская или славянская, православное исповедание, симпатии к социализму, радикальное националистическое противостояние западной культуре – все годится).

Важными в идеологической борьбе являются именно «узловые точки» – концепты, которые выступают как ядерные для идео-

логических полей, так как упорядочивают означающие, которым могут быть приписаны разные идеологические коннотации. Применительно к обсуждаемым геополитическим проблемам возможна, кроме евразийских претензий на особую роль России в мире, например, такая «узловая точка», как «вместо управляемого из двух центров мира... усиливающееся и слабо управляемое региональное многообразие» (Панарин 1996: 109). Исходя из этого выстраивается и совсем иная интерпретация распада Советского государства: «Вероятно, задолго до того, как он стал оформляться юридически, происходили скрытые социокультурные сдвиги, нарушающие единство геополитического поля, каким был СССР» (Там же).

Таким образом, каждый означающий элемент того или иного идеологического поля является частью заданного «узловой точкой» этого поля смыслового порядка, серии эквиваленций. Связь данного элемента со всеми другими элементами ряда ретроактивно определяет саму его идентичность (например, с точки зрения «Евразийского вторжения», не поддерживать идею неделимой Российской империи значит играть на руку США и НАТО – **атлантизму**, в их терминологии). Возникновение идеологического поля в тексте (как и в интертексте дискурса) возможно только при условии, что определенное означающее – **миссия великороссов** в нашем случае – «пристегивает» все поле в целом и выступает его воплощением.

При этом важным свойством структурирования идеологических коннотаций в тексте является создание иллюзии, будто бы смысл идеологически значимых элементов не задается введением господствующего означающего, а заложен с самого начала, является частью их имманентной сущности. Адресату легко оказаться в плену иллюзии, что Украина «по самой своей природе» является частью Российской империи. Существование этой иллюзии является совершенно необходимым для успеха «пристегивания» означающих к единому идеологическому полю: оно успешно ровно в той мере, в какой текст выглядит истинным описанием «реальности как она есть», в какой следы самой практики «пристегивания» оказываются стертыми (идеологические коннотации и есть такие следы – оставленные и в то же время стертые).

Рассмотрим подробнее способы установления связности (пристегивания означающих) идеологического поля в отдельном тексте.

Критерием пригодности концепта для идеологически заданного смыслового поля выступает его способность непротиворечиво встраиваться в это поле. Это хорошо видно на примере идеологемы

мелкобуржуазный, когда речь идет о малоросском «**мелкобуржуазном**» идеале «**благополучия**». Изначально идеологема принадлежит коммунистической теории, «узловая точка» которой – **классовая борьба**, и поэтому для марксизма существенно важно деление общества на классы, в том числе на пролетариат, буржуазию, мелкобуржуазные слои. Для имперской же теории классовая структура общества как раз нерелевантна, потому что государство (и неотделимое от него общество) рассматривается как целостный организм. Однако прочно закрепившаяся благодаря пропаганде марксистских идей в советском обществе негативная оценочность слова **мелкобуржуазный** делает его пригодным для вписывания в контекст негативной идеологической оценки **малоросского идеала**, т. е. концепт оказался истинным в относительно чужом для него смысловом порядке.

Вообще, надо отметить, что в условиях нынешнего идеологического многоголосия разные идеологические поля охотно заимствуют друг у друга идеологемы, как правило те, которые широко распространены, известны. Такого рода «всеядность» отличает и анализируемый текст. Здесь мы видим типичное для современного российского национализма воспевание единого, сильного государства, причем несущественно, идет ли речь о языческой Киевской Руси, или о Российской Империи, ориентированной на православие и самодержавие, или о тоталитарном и атеистическом СССР.

Часть концептов встраивается в заданное поле в режиме критики. Так, в описании малоросского идеала иронически заключены в кавычки ставшие идеологемами слова **благополучие**, **достаток**, **рачительность**. Эти ценности признаются существующими, но мелкими и недостойными в системе проповедуемой идеологии. Второй пример: «В мессианском идеале Москвы малороссы видят лишь имперские амбиции и колониализм». Это предложение включает в текст идеологемы **имперские амбиции** и **колониализм**, причем также в режиме критики – как ошибочные, ложные имена для теории евразийства.

Наконец, некоторые концепты заведомо исключаются из поля, так как они для него «не существуют», не вписываются в порядок идеологической концепции даже в режиме критики. Как отмечает Славой Жижек, в любой символической системе есть «слепое пятно» – то, что принципиально не называемо, невозможно. Так, общее невозможное для всех идеологических систем – признание неустранимости социальных антагонизмов – очевидно проявляется и в националистической теории, представленной в статье «Украина или

Империя?»: здесь как целостный неразделимый субъект, потенциально лишенный антагонизмов, рассматривается не только отдельное государство (целостность которого разрушают только **враги славянства, враги нашего Идеала**), но и, по крайней мере в будущем, совокупность государств, расположенных в одном регионе – Евразии.

Выделение в каждом идеологическом поле принимаемых как истинные, а также критикуемых и «несущественных» концептов позволяет описать **поле присутствия** концептов в отдельном тексте (или дискурсе в целом).

Отношения смежности между идеологическими концептами могут устанавливаться их организацией по принципу последовательности. Например, выстраиваются мотивированные господствующим идеологическим означающим хронологические связи. Так, в нашем тексте представлена хронологическая схема этапов становления Империи (напомним фрагмент, в котором сняты показатели пропусков текста):

«Когда Русь была мононациональным государством, столицей был Киев. Потом последовало иго, раздробленность, и от татар Русь восприняла имперостроительный импульс. Московское царство стало радикально иным геополитическим образованием. Это было более не национальное государство, а Евразийская Империя с православной идеологией византизма и ордынским хозяйственным, военно-стратегическим централизмом».

Здесь мы видим, что исторические события интерпретируются таким образом, что каждый шаг становления Московского царства выглядит закономерным этапом рождения Империи и одновременно «фактическим доказательством» верности идеологической схемы. В эту же схему вписывается и образование СССР; следовательно, его распад – **геополитическое преступление**.

Последний идеологический ход показывает, что хронологические последовательности тесно переплетаются с последовательностями, основанными на смысловой зависимости концептов друг от друга. Евразийская **гипотеза** геополитической картины мира **верифицируется** в данном тексте историческими примерами, в том числе фактом ратификации «Договора о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Российской Федерацией и Украиной». Утверждение оправданности независимого существования и развития России и Украины критикуется: **всякие самостийники, как бы они ни аргументировали свои позиции (причем самостийники с обеих сторон), объективно играют на руку за-**

океанским врагам. Ратификация Договора о дружбе, послужившая информационным поводом для публикации статьи в газете, представлена в рамках идеологического поля как частный случай, подтверждающий закономерность выполнения Россией евразийской миссии. Все дальнейшее изложение после сообщения о ратификации Договора в начале текста предстает развернутым комментарием к факту. Таким образом, смысловая зависимость концептов друг от друга, которая мотивирует их смежность в тексте, имеет несколько разновидностей: гипотеза – верификация; утверждение – критика; закон – частный случай; факт – комментарий.

Рассмотрим способы обоснования истинности/ложности концептов, которые используются в едином идеологическом поле и также являются важной частью его организации.

Мы уже показали, что с этой целью могут использоваться фактические доказательства и логические умозаключения, а также обсуждение в порядке комментирования. Кроме того, иногда истина идеологического поля формируется методом простого повторения концептов, которые имеют сложившуюся традицию употребления и в силу этого могут быть опознаны как что-то привычное, когда-то уже обоснованное и доказанное. В нашем случае так можно охарактеризовать один из ключевых концептов текста «евразийство». Термином **евразийство** обозначают «интеллектуальное и идейно-политическое движение в среде русской эмиграции 20–30-х гг.» (Совр. филос. словарь 1998: 273). Идеология этого движения имеет точки пересечения с излагаемыми в статье взглядами, но не более того, да и само движение не было однородным. Преемственной связи с эмигрантским движением представленная в газете «Завтра» концепция неоимпериализма не имеет, однако повторение известной идеологемы для нее выгодно. Это позволяет представить пропагандируемую идеологию опирающейся на русскую политико-философскую традицию.

Обращение к традиции позволяет использовать такой способ обоснования истинности концептов, как оправдание авторитетом. Не случайно в анализируемой статье упоминаются митрополит Иларион и Ф. М. Достоевский.

Наконец, включение концепта в идеологическое поле на правах истинного может быть связано с поиском дополнительных значений, вызывающим ощущение, что «весь представленный дискурс скрыто располагается в том, что уже сказано» (Фуко 1996а: 27). Речь идет не об уже произнесенной фразе или написанном тексте, но, напротив, о «никогда-не-сказанном», о бесплотном дискурсе

(Там же). Так, цитируемое в статье евангельское изречение о том, что «последние станут первыми», толкуется как пророчество **о грядущем величии Руси**.

Идеологическая система никогда не бывает представлена в отдельном тексте целиком. Неполнота представленности идеологического поля в статье «Украина или Империя?» видна, например, в употреблении без комментариев некоторых идеологических клише:

«Но не украинский народ за это ответственен, а подрывные элементы и инородческие группы, не заинтересованные в общей евразийской судьбе, а также геополитические агенты влияния Запада».

Обозначения идеологических врагов (**подрывные элементы, агенты влияния, инородческие группы**) имеют традицию употребления в контексте националистических взглядов и отсылают к другим текстам, где обсуждаются сходные проблемы. В статье есть и прямая отсылка к источнику, где можно подробнее ознакомиться с предлагаемым взглядом на современную геополитику (сохраняем пунктуацию оригинала): «Задача атлантистов (НАТО), напротив, заключить Россию-Евразию в кольцо анаконды. (Подробнее об этом в учебнике А. Дугин “Основы геополитики”, М., 1998)».

Покажем, как в свете разных идеологий изображается социальная структура нашего государства. Здесь уже показанное идеологическое поле будет представлено в сопоставлении с другим идеологическим полем.

Обратимся к статье А.Поморова «Политика правительства губит народ» (Советская Россия. 1998. 31 янв.).

Автор выносит слово **народ** в заголовок, сразу вводя оппозицию **народ/правительство**. Рассмотрим, как накапливаются идеологические коннотации у концептов в тексте (приводим отрывок в сокращении, не указывая места пропусков):

«В России не все еще понимают, что идет циничное, плановое, беспощадное уничтожение народа. Поразительно – гибнущий народ ведет во власть над собой своих палачей. Народ оказался помехой для захвата недр его родины – и его потребовалось уничтожить. Перед расправой народ вначале загипнотизировали, внушив в массовое сознание мысль о его неполноценности, обрушив на него всю разрушительную силу “шоковой терапии”. Придавленный таким пологом гипноза народ “не заметил”, что “демократы” начали с того, что расстреляли демократию – Верховный Совет. Синдром лжесознания свой “второсортности” настолько по-

трясающ, что многие слои общества смирились со своей гибелью и беспрецедентной наглостью захватившей власть группировки. Какая же сила остановит геноцид? Народ? Да, в конце концов это сделает он. Но гипноз его может продолжаться еще долго и столь же долго может накапливаться социальная взрывчатка. Организаторам геноцида социальный взрыв выгоден как высшая фаза истребления населения. Нужны иные меры. Надо освободить народ от гипноза. Эффективным было бы общероссийское собрание против геноцида с опубликованием имен его организаторов».

Проанализируем содержание используемых идеологизированных единиц (идеологем). «Народ» (**многие слои общества, население**) – пассивная загипнотизированная жертва, которая гибнет, уничтожаемая «правительством», «захватившей власть группировкой». В характеристике второго члена оппозиции подчеркнута семантика уничтожения: **палачи, губители**, а также введена идеологема **демократы**, имеющая отрицательную оценочную коннотацию, которая передана с помощью кавычек. Ведущей идеологемой, представляющей основное в концептуальной системе данного текста социальное деление, выступает именно слово **народ**, имеющее богатые историко-литературные коннотации, которые отсылают и к советской эпохе, и к марксистскому противопоставлению народа и его эксплуататоров, и – далее – к тем произведениям русской классической литературы, в которых говорилось о страданиях и долготерпении народа.

Важен прагматический компонент таких концептов, так как именно они формируют истину дискурса: легитимация этой истины зависит от того, посчитает ли себя адресат принадлежащим к описанному «народу» и признает ли таким образом «уничтожение народа палачом-правительством» истинной характеристикой общественной ситуации в России. Гибнущий, намеренно уничтожаемый народ существует, если концептуальная система данного текста истинна. И адресат вписан в истину этого текста двояко: адресат, принимающий «истину», становится, так сказать, освободившимся от гипноза представителем этого «народа», а тот, кто с чем-то не согласен, автоматически попадает в число загипнотизированных или, того хуже, палачей и губителей.

Иную схему социальной структуры современной России представляет статья Г. Павловского «Русская оппозиция – дура» (Аргументы и факты. 2000. № 26. Дается в сокращении без обозначения мест пропуска):

«В России сегодня хозяйничает вовсе не государство, а революционное общество, промотавшееся и коррумпированное. К моменту избрания Путина в стране не было ни конституционного государства, ни личной свободы. Была война всех против всех, где у победителей всегда оказывалось больше прав, чем у проигравших. Путин обещал прекратить эту войну и вернуть гражданам принадлежащее им согласно Основному закону государство. “Мягко” сделать это или “твердо”? Да как угодно, лишь бы был результат! Воссоздание государства после 10 лет беспорядков является центральным ожиданием большинства. Ни одну общенациональную задачу – самоопределения новой России в мире и ее выхода на мировые рынки, установления правовой свободы – не решить без приоритета сильной государственности.

Путин – глава государства, но государственные функции давно распроданы. Они не принадлежат ни Путину, ни тем 50 миллионам человек, которые выражают ему свою поддержку. Элиты революционного режима бойкотировали выборы ВВП. Ослабленное и раздраженное состояние так называемых “элит” делает их клеймовиной для контркомпаний. Дело в том, что пятьдесят миллионов зашевелились, и эти первые движения пугают. Есть ли причины бояться всем остальным? Да, но они не связаны с замыслами Путина. Они связаны с напором снизу, который только Путин может сдерживать. Потому что движение 50 миллионов само не захочет притормаживать. Вал повсеместно нарастающих перемен необратим. Его надо вводить в политические, кадровые и законные берега, иначе стихия нетерпения захлестнет слабое государство. Общество в России существует только в границах государства и на его основе. Власть в России слаба, а русская оппозиция – дура.

Пока сохраняется революционная разруха, у России нет выбора “между демократией и авторитаризмом”. Сегодня путинское конституционное большинство – это абсолютное оружие демократии. Но завтра его может и не стать. На выходе из революции медлительность грозит революционным рецидивом. Элиты должны лидировать в движении к выходу, а не ставить ему палки в колеса».

В этом тексте мы видим иные идеологические коннотации описания структуры общества. Характерно, что ключевая в предыдущем случае идеологема **народ** не используется вообще. Правда, используются сопоставимые с ней единицы **граждане** и **большинство**. Постулируется существование общества и отмечаются как значимые два его структурных деления: существовавшее до избрания Путина президентом примитивное деление на

победителей и проигравших в войне всех против всех (одно из определений либерального общества с его культом индивидуальной свободы), а также предлагаемое в качестве альтернативы **общество в границах государства и на его основе** (в противоположность широко известной концепции разделения государства и гражданского общества). В этом другом обществе становится неважным противопоставление **элит** и остальных **граждан**, даже не важна дихотомия **власть/оппозиция** (обеим приписана слабость, неспособность существенно влиять на общественные процессы). **Государство** выступает как желанное для всех гармоничное объединение (**центральное ожидание большинства, путинского большинства – 50 миллионов**), которое позволит решить нынешние проблемы. Отдельные общественные группы хотя и названы, но они не антагонистичны: постулируется, что президент Путин во главе государства в силах урегулировать все конфликты.

На примере обоих рассмотренных текстов мы видим важную особенность значения идеологемы – неverifiedируемость с точки зрения эмпирического опыта. Невозможно эмпирически доказать или опровергнуть утверждение, что все делится на победителей и проигравших. Тем более неverifiedируемо **общество только в границах государства и на его основе**, так как его существование отнесено к будущему, которому еще только предстоит осуществиться. В прагматическом аспекте истинность (или ложность) предложенной концепции общества зависит и от адресатов. Будет ли существовать такое общество и решит ли оно, как обещано, социальные проблемы, адресату предлагают проверить, если он приложит и собственные усилия к воплощению изложенного проекта. Это важная особенность идеологических систем – отнесенность их верификации в будущее, невозможность проверки на истинность в настоящий момент.

Иногда идеологема маркирует целую ситуацию, которая может быть развернута в нарративную структуру. Так, идеологема **общество только в границах государства и на его основе** отсылает к ситуации отсутствия такого общества в данный момент, что требует совершения ряда действий для его создания («вернуть гражданам принадлежащее им согласно Основному закону государство. “Мягко” сделать это или “твёрдо”? Да как угодно, лишь бы был результат!»). В свернутом виде дана полноценная нарративная схема: разрушение основополагающего порядка как завязка («10 лет беспорядков»), приложение усилий по изменению ситуации и счастливый конец как восстановление искомого идеального состояния.

Первый рассмотренный нами текст является типичной иллюстрацией построения антиутопии – кошмарного будущего при условии сохранения власти в руках политических оппонентов представленной идеологии. Приведем из этого текста еще одну цитату, в которой даже названы возможные сроки осуществления мрачных прогнозов:

«Политика геноцида нынешнего правительства не сменится человеколюбием. Надолго ли тогда хватит России? С такими темпами кромсания ее по всем направлениям ей, великой, быть бы еще год-полтора».

Второй текст, напротив, предлагает вариант утопии – благополучного будущего, если получит поддержку политика президента Путина.

Целостная идеологическая система может быть восстановлена только на основе совокупности текстов, ее манифестирующих, и только в своей целостности она задает устойчивые концептуальные значения всем используемым в отдельных текстах идеологемам.

Базовые идеологии современного общества – либерализм (индивидуализм) и коллективизм (органицизм) (Германова 1999; Жижек 1999; Панарин 1996). Индивидуализм выступает основой либеральной идеологии, главные идеи которой – индивидуальная свобода, призыв к освобождению индивида от любого внешнего диктата, в том числе диктата государственной власти и социальной группы. Свобода слова и плюрализм принадлежат к важнейшим либеральным ценностям, поэтому разнообразие жизненных стилей и столкновение убеждений признаются нормальным состоянием общественной жизни, а не временным недостатком, требующим преодоления. Для обеспечения общественного консенсуса в условиях плюральности мнений и жизненных ориентаций выдвигается требование толерантности – терпимости и уважения к другому, соблюдения его прав на личную свободу. Индивид представляется самооценным и самодостаточным, способным самостоятельно решать свои проблемы. Идеология либерализма лежит в основе реформ в экономической и политической жизни России конца XX в. С этого периода журналистский дискурс использует соответствующие идеологемы с разной оценочной коннотацией – либо подчеркиваются положительно оцениваемые либеральные ценности, касающиеся прав личности, свободы слова, толерантности («Коммерсантъ», «Общая газета»), либо отрицательный акцент делается на том, что индивидуалистические интересы непримиримы и

в либеральном обществе идет война всех против всех («Правда», «Советская Россия», «Труд»).

В основе идеологии коллективизма (органицизма) лежит представление о подчиненности индивида социальной группе (государству, нации, религиозной общине, социальному классу, политической партии и т.п.), о неотделимости личности от общества как целого. Человек мыслится прежде всего существом общественным: он может самореализоваться только в рамках некоторого сообщества. Для этого он должен ограничивать личную свободу, соотнося свои намерения и желания с интересами общества. С точки зрения коллективистской идеологии, индивидуализм дезинтегрирует общество, лишает человека поддержки со стороны близкой ему социальной группы и тем самым делает его легкой жертвой равнодушия и агрессии, исходящих от враждебного социального окружения. Частная жизнь в рамках коллективистской идеологии не представляется важной ценностью, осмысленность индивидуальной жизни придает служение высокой, надличной цели, ради которой человек готов жертвовать своим личным временем, успехом, даже жизнью («Завтра», «Лимонка», «Правда»).

Идеи коллективизма в России имеют давнюю традицию, их представляли в разное время крестьянская община, религиозная соборность, пролетарский коллективизм. С ними легко связывались теории мессианской избранности России, ее высокого общечеловеческого предназначения. Однако, как отмечает Н. Н. Германова, в России принцип коллективизма никогда не охватывал все общество или нацию в целом, он объединял лишь разные общественные группировки, выбор которых для отдельного индивида оказывался драматически поляризованным: западник или славянофил, коммунист или диссидент (Германова, 1999: 54–55).

В интертексте журналистского дискурса представлено, как уже было показано, несколько вариантов названных идеологических систем, причем разные СМИ придерживаются тех или иных взглядов в соответствии с доктринальными принципами объединения: каждый орган массовой информации проповедует какую-либо идеологическую доктрину. Мы хотели бы подробнее остановиться на одной из характеристик идеологического поля СМИ, которая объединяет многие массмедиа независимо от конкретных идеологических пристрастий.

Речь идет об идеологическом цинизме. Точнее, кинизме: «Кинизм представляет собой популистское, плебейское отношение к официальной культуре, проявляющееся в иронии и сарказме: клас-

сическая киническая процедура заключается в противопоставлении патетического фразерства господствующей официальной идеологии, ее напыщенного, серьезного тона – банальности повседневной жизни, в стремлении выставить ее на посмешище, вскрывая за возвышенным noblesse [благородством] идеологической фразеологии эгоистические интересы, насилие, грубые притязания на власть. Таким образом, это скорее прагматическая, чем доказательная процедура: она разоблачает официальные утверждения, указывая на условия их провозглашения; она действует *ad hominem*. Например, когда политик превозносит патриотическую жертвенность как гражданский долг, кинизм выставляет напоказ персональную выгоду, извлекаемую им из чужой жертвенности» (Жижек 1999: 36–37).

Многие СМИ сегодня занимают именно такую киническую позицию, обосновывая ее позицией журналистики как «четвертой власти». Так, преобладающее идеологическое поле в еженедельнике «Профиль» представляет мир ареной игры и столкновений свободных индивидов, в том числе ведущих политиков, ориентированных исключительно на личный успех. Идеологемы **власть, влияние, успех, карьера** становятся ключевыми как в описании жизни рядового гражданина, так и применительно к «большой политике». Однако оценочная окраска этих идеологем оказывается противоречивой, и люди, ориентированные на либеральные ценности, оцениваются то положительно, то отрицательно.

Например, в статье Е. Варламовой «Наезд, еще наезд!» (Профиль. 1999. № 34) уже в подзаголовочной врезке встречаются идеологемы, описывающие общественную жизнь как бесконечную борьбу за личную власть:

«Приближающиеся выборы делают и без того беспокойную обстановку в стране нервной до предела. Политики пытаются влиять на СМИ и финансовые структуры, а с их помощью – на избирателей. Причем происходит это не всегда цивилизованно – чаще прибегают к обыкновенному наезду. Чтобы противостоять психологическому давлению, надо как минимум сохранять хладнокровие и обладать определенными психологическими навыками».

Выборы и избиратели – идеологемы, связанные с основным принципом формирования власти в демократическом обществе. **Влиять, наезд, противостоять давлению** – идеологемы, отражающие ключевую для предлагаемой журналом интерпретации мира ситуацию: идет жесткая борьба, война на политическом поле. Недаром идеологема **давление** принадлежит к числу наиболее часто повторяемых:

«О случаях политического и экономического давления нам чуть ли не ежедневно сообщают в телевизионных новостях»; «В принципе объектом давления может стать любое коммерческое предприятие, так как все они поддерживают тех или иных политиков».

А на войне как на войне: рекомендации, предлагаемые в статье, ориентируют на победу над «врагом» почти любой ценой. Вот один из предлагаемых сценариев:

«Итак, что делать и говорить, если в вашу фирму пришла налоговая инспекция? Вообще к ее визиту надо быть готовым всегда. Еще лучше иметь друзей в налоговой инспекции, которые о проверке предупредят. <...> Можно создать иллюзию отсутствия необходимых бумаг. Проверяющим лучше всего предложить свою помощь в сборе документов – этот маневр позволит сохранить и укрыть самые важные из них».

Предложена борьба практически любыми средствами с налоговой инспекцией – государственным органом, то есть цинически (точнее, кинически) отвергается необходимость подчинения государственной власти. Та же ситуация – выиграть любой ценой – моделируется для взаимоотношений внутри фирмы. Вот совет сотруднику:

«Если вы рядовой сотрудник и налоговые органы задают вам вопрос о реальной (а не о той, что значится в ведомости) зарплате, выбирайте, что вам дороже: судьба фирмы (и, соответственно, рабочее место) или ваши личные отношения с налоговой инспекцией. Если первое – на чистом глазу говорите, что, сколько в ведомости стоит, столько вы и получаете».

А вот, на той же странице, рекомендации руководителю:

«В офисах можно установить жучки и иные подслушивающие устройства. Речь не идет о тотальной слежке – просто-напросто у начальства появляется возможность следить за тем, чтобы сотрудники поменьше чесали языками. <...> Дробите информацию: пусть каждый работник отвечает строго за свой сегмент и не имеет представления об общем положении вещей. <...> Лучшая защита от наездов – хорошо обученная и дисциплинированная служба безопасности, грамотные юристы, дружеские связи во всех сферах, от правительства до криминального мира».

Отступления от традиционных этических норм здесь открыто оправдываются приоритетом стремления к личному успеху:

«Если вы человек честолюбивый и превыше всего ставите личный успех, если вы чувствуете уверенность в собственных силах – действуйте».

Ответ на вопрос, положительно или отрицательно оценивается описанное положение дел, не очевиден. С одной стороны, такие слова, как **наезд** и **давление**, должны указывать на то, что подобная практика оценивается отрицательно, не воспринимается как норма. С другой стороны, советы тем, кто от этого давления вынужден защищаться, основываются на максиме: спасай себя сам, защищайся любыми средствами. Кроме личных усилий, способом защиты названо обращение к судебной власти (правовое регулирование конфликтов – базовая ценность либеральной идеологии):

«Если на вас все-таки слили компромат – как, например, сейчас на того же Павла Бородина и семью Ельциных, как себя вести? Как Лужков, который, если считает, что его оклеветали, подает в суд на СМИ. В принципе, семье российского президента надо было сделать то же самое».

Те же самые идеологемы **власть**, **влияние**, **деньги**, а также **политическая игра** являются еще более частотными в текстах «Профиля» о «большой политике». Прочитируем статью И. Славутинской «Изгнание из рая», опубликованную под рубрикой «Главный герой» и посвященную Борису Березовскому (Профиль. 1999. № 34. Приводим фрагмент, не отмечая места пропусков). Вот как описывается его жизнь в политике:

«Борис Березовский, растеряв почти все свое влияние, продолжает делать ставки и блефовать, чтобы реанимировать былой имидж злого гения. Борьбу с серым кардиналом начал еще Евгений Примаков, при котором Березовский лишился влияния в “Аэрофлоте”».

Если говорить об отношениях с президентской семьей, то они строились на том, что, помогая семье решать финансовые проблемы, “олигарх” не брезговал собиранием компромата на ельцинскую родню. Сейчас весь компромат использован. Выброс в американскую прессу сделал Евгений Примаков. Люди Примакова спустили курок вместо Березовского – это выбило козыри из рук Бориса Абрамовича, и вместо контролируемой им первой семьи государства он получил опасных врагов. Сегодня получается, что Березовский полностью лишен прежнего влияния.

Что касается Александра Волошина, то он, работая главой президентской администрации, по должности вынужден ориентироваться не только на Березовского, поэтому далеко не всегда может выполнять распоряжения своего теневого хозяина. В то же время Волошин сильно зависит от Березовского в смысле денег.

У Волошина просто нет возможности отмежеваться от Березовского, и “семья” это понимает, а поэтому и рассматривает возможность замены Волошина, например, на Анатолия Чубайса. Последнее может еще сильнее осложнить Березовскому жизнь, потому что дочь Ельцина Татьяна Дьяченко будет так или иначе прибегать к услугам Бориса Березовского и его влияние на президентскую семью может распространяться до тех пор, пока не появится очень сильная и самостоятельная фигура, способная вести собственную игру.

Осведомленные люди говорят, что семья президента приближала к себе Бориса Березовского в тот момент, когда ей захотелось избавиться от чрезмерной опеки бывшего шефа президентской охраны Александра Коржакова. Так вместо гбэшника в Кремле появился “новый не совсем русский”, который должен был научить президентскую родню делать деньги.

Сегодня, когда все уже своровали и распилили и надо думать о будущем, семья нуждается в людях, владеющих высокими политическими технологиями, а у Березовского вместо этого только идеи.

Березовский – это политический Мейерхольд, который постоянно зажигается идеями. Он хочет ставить, но ничего не доводит до конца. У Березовского нет своего театра – у него есть люди, с которыми в определенный период он делал общие дела. Но разве можно назвать таких людей своими? Свои люди существуют только в рамках какой-то устойчивой структуры, а у него даже своей бандитской группировки нет. Кремлю сейчас не до Березовского: им надо перейти в XXI век со своим президентом, и пока места Березовскому в этой игре нет. Вот он и бегаёт, ищет его.

Однако, по сведениям **собеседника “Профиля” на ОРТ**, при помощи первой телекнопки Борис Березовский еще до выборов намерен во многом поправить свои дела:

“Для реализации этой идеи был отставлен гендиректор ОРТ Игорь Шабдурасулов, не пожелавший участвовать в наезде на ближайшее президентское окружение. Шабдурасулову прямо было сказано: “Либо не трогай рычаги управления, либо уходи”. Тот понял, что сопротивляться бессмысленно, тем более что с приходом директором информвещания Татьяны Кошкаревой и возвращением в эфир Сергея Доренко было усилено теневое руководство каналом и его, Шабдурасулова, власть кончилась. Таким образом, Березовский собрал ОРТ в единый кулак, и теперь первый канал – это последний патрон Березовского”.

“Профиль”: Последний патрон в тяжелом бою принято оставлять для себя.

Собеседник: Незачем. В такой войне пленных не берут».

Как видим, политика в России представлена полем большой игры, где главными ставками являются власть и деньги. В качестве игроков выступают отдельные люди, преследующие сугубо личные интересы. Коллективный субъект здесь – только высшая государственная власть, но и та обозначается через уровень родственных связей: **президентская семья, ельцинская родня, первая семья государства, семья президента, президентская родня, ближайшее президентское окружение**, а также через указание на место пребывания: **Кремль**. Остальные герои и их шансы в политической игре оцениваются по степени близости к **семье** и способности влиять на ее членов.

Идеологема **власть** представляется в тексте доминирующей, она так или иначе вплетена во все, что обсуждается, перечислим слова, актуализирующие семантику **власти** в цитированном тексте: **контролируемый, влияние, выполнять распоряжения хозяина, зависеть, опека, рычаги управления, усилено теневое руководство, власть кончилась**. При этом главными рычагами взаимовлияния персонажей, упомянутых в статье, названы деньги и компромат. Кроме борьбы за власть, ни о каких других заботах действующих лиц не упоминается.

Для характеристики политической жизни в целом, безотносительно к конкретным персонам, используются попеременно три развернутые метафоры: политика – это игра (**делать ставки; блефовать; имидж; выбить козыри из рук; фигура, способная вести собственную игру**), театр (**политический Мейерхольд; хочет ставить, но нет своего театра**), война/борьба (**спустили курок; враги; единый кулак; последний патрон; тяжелый бой; в такой войне пленных не берут**).

Таким образом, в идеологическом поле кинизма мир осмысливается не просто как поле взаимодействия свободных индивидов, стремящихся к личному успеху, но как игра без правил, война, где хороши все средства. Очевидно, что, скажем, Березовский – игрок, который блефует и к тому же потерял свои козыри, – а также **семья** в тексте «Изгнание из рая» оцениваются безусловно отрицательно. Но при этом сами правила политической игры предстают как безальтернативные, идеология индивидуализма в ее кинической интерпретации оказывается в конечном счете единственной системой

репрезентации действительности. Подчеркнем еще раз, что концептуальная схема рассмотренных текстов из «Профиля» широко распространена в современных СМИ.

События, персонажи в СМИ служат означаемыми, привлекающими к себе идеологические коннотации. В этом случае идеология не заявляет о себе открыто, а претендует на правдивое, истинное описание самой «реальности».

Важной особенностью идеологом является их воздействие на уровне бессознательного, позволяющее добиться частичного заражения соответствующими взглядами каждого, кто пользуется идеологически окрашенными словами (Клемперер 1998).

Идеологическое поле текста может влиять и на его риторический облик. Та или иная идеология часто имеет языковые и стилистические предпочтения. Для текстов, вписывающихся в поле либеральной идеологии, а также популистского кинизма, частотно использование иронии и сарказма, ведущей стилистической тенденцией здесь, несомненно, является депатетизация стиля (Мокиенко 1998: 41).

В тоталитарных СМИ стихия шутильной тональности была закреплена за определенными жанрами (фельетон, памфлет) или за разновидностями жанров (статья, рецензия), где преобладающей формой выражения оценки была ирония. В современных СМИ такой закреплённости нет. Ирония вдруг появляется в репортажах об официальном визите политического лица самого высокого ранга (что в советской прессе было совершенно немыслимо), в публикациях на экономические, социальные и другие вполне серьезные темы.

Глубинные причины такого положения коренятся в самом нашем обществе. Петер Слотердайк описывает эту социальную ситуацию так: «Никакие интеллектуальные способности не успевают за развитием проблем... Поскольку всё превратилось в проблему, всё стало для нас каким-то безразличным. Стоило бы проследить эту тенденцию. Она ведет туда, где может встать вопрос о цинизме и “циническом разуме”... В системе, которая ощущает себя чем-то средним между тюрьмой и хаосом, нет такой точки, стоя на которой можно было бы заниматься отстраненным и беспристрастным описанием, нет центральной перспективы обзора, открывающей возможности для императивной и неотложной критики» (Слотердайк 2001: 15). Безразличие здесь надо понимать не как бездействие. П.Слотердайк обращается к явлению античного кинизма, связавшего высказывание истины с «факторами мужест-

ва, дерзости и риска... Тот, кто берет на себя свободу выступать против господствующей лжи разного рода, провоцирует возникновение климата сатирической развязности» (Там же: 133, 134). Вот именно эта «сатирическая развязность», вполне отвечающая настроениям общества, и составляет еще один стилистический поток, охватывающий огромное количество текстов СМИ.

В этом потоке различаются две «струи», которые можно обозначить как стёб и собственно иронию. Как очень точно формулирует Г. Я. Солганик, «стёб – это не только стилевая манера, это и определенная мировоззренческая позиция, точнее, отсутствие позиций, когда высмеивается всё и вся, когда в лихом разухабистом стиле пишут о политике, катастрофах, убийствах – о самых серьезных вещах, никак не располагающих к шутке или смеху» (Солганик 1996: 17; см. также: Солганик 2000). Невозможно установить рациональную причину, по которой предмет речи подается в свете насмешки, издевки, когда мы имеем дело с иронией и со стёбом. Единственно возможный ответ здесь: «Почему бы нет?» Эта манера изложения проявляется и в большом и в малом. Действительно, почему о начале президентства Э. Шеварднадзе говорится так: «Конечно, он согласился потом, после победы, приехать на царство. Но сам мараться не захотел. Нельзя начинать собственное царство с гражданской войны. Но остаться в белом, переехав в Тбилиси, было невозможно» (Московский комсомолец. 1998. 22 февр.) С какой позиции иронизирует автор над нежеланием Шеварднадзе развязывать новую гражданскую войну? Не считает же он этого политика наивным человеком? Значит, объективно требовалась просто констатация факта: Шеварднадзе не желал гражданской войны. Вместо этого звучит ирония. В той же мере непонятна насмешка в следующей заметке (Вечерние ведомости. 1999. 7 июля; сохранены орфография и пунктуация оригинала):

«Праздник библиофилов-ретроградов

Вчера музей “Литературная жизнь Урала XIX века” отмечал третью годовщину своей жизнедеятельности.

Узкому кругу преданных ценителей уже давно известно, что главная экспозиция музея посвящена творчеству уральских писателей Лоцманова, Варакина, Железнова, некого Заякина-Уральского, а также других мастеров художественной словесности дореволюционной России.

На торжества собралось около трех десятков библиофилов преклонного возраста и преимущественно женского пола. В подарок музею преподнесли тяжелый (около 4,5 килограммов) семейный

альбом древнего екатеринбургского рода Воронцовых, “Полное собрание сочинений А. С. Пушкина” в одном томе (?) издания 1917 года, фотографии культовых литературных уголков России и другие трогательные сувениры. В гостиной музея ученики музыкальной школы № 17 ласкали слух публики гитарными и мандолиновыми пьесками. Под сентиментальное бряканье рояля читали вслух стихи».

Почему фамилия Заякин-Уральский сопровождается ироническим эпитетом «некий», почему вызывает вопрос однотомное собрание сочинений Пушкина, почему библиофилы названы ретроградами, чем не понравилась автору игра на рояле? Ответ только один: а почему бы и нет? Других оснований для стёба увидеть невозможно.

Стёб предстает и в такой разновидности, как черный юмор. Публикация «Отчаянная» (Версия. 2001. 18–24 сент.) имеет подзаголовок «Юная продавщица сочинского рынка вышла победительницей из схватки с вооруженным до зубов рецидивистом». Вроде бы никакого повода для смеха нет. Стиль изложения, однако, таков: «На ярмарке у гостиницы “Чайка” было как всегда многолюдно. Убедившись, что условий для грабительской работы нет ровным счетом никаких, Агиров тем не менее решил не отступать и, горестно вздохнув, выбрал продавщицу помоложе да потоньше. Вытащил из пакета револьвер... Мысль о суровом супружеском возмездии за утраченное оружие приводила в ужас. Поэтому он порывлся в своем пакете и вытащил оттуда самодельную малокалиберную ручку-пистолет». Вооруженное нападение среди бела дня на многолюдной улице предстает как веселый балаган с недоتهпой злодеем.

Собственно ирония, напротив, позволяет читателю почувствовать, с какой позиции дается оценка предмету речи. Ирония моделирует в тексте не одну, а две коммуникативные (метареферентные) рамки, то есть создает модель коммуникации, в которой более двух участников, как объясняет Х. Вайнрих, кроме говорящего и слушающего есть еще третье лицо. Иронические сообщения «идут соответственно по двум различным направлениям. Они словно расщепляются; одна цепочка идет к слушателю, к которому обращаются, и говорит “да”, в то время как вторая, сопровождающая цепочка информации идет к “присутствующему” при этом третьему лицу и говорит “нет”. Эта информационная цепочка состоит из сигналов иронии. Ее код – это тайный код умных и доброжелательных» (Вайнрих 1987: 80). Совершенно очевидно, что «раздвоиться» должен читатель: он должен за прямым смыслом уло-

вить, подчиняясь сигналу иронии, смысл противоположный, за внешней похвалой увидеть порицание, а для солидаризации с отрицанием встать на авторскую оценочную позицию. На какой же позиции объединяются «умные и доброжелательные»? Главное объединяющее средство – молчаливое признание двойной морали, по которой живет общество и прежде всего власть (см. подробнее: Слотердайт 2001: 67–68).

Например, в рассказе о том, как обсуждался в Госдуме вопрос о депутатской неприкосновенности, вообще, вероятно, невозможно обойтись без иронии. Публикации «Депутаты зареклись от суммы и от тюрьмы» (Аргументы и факты. 2000. № 39) предшествует справка: «87 % россиян против депутатской неприкосновенности». Тем не менее инициатива Союза правых сил ввести ограничение депутатской неприкосновенности была провалена. Публикация пронизана ироническими оценками, которые легко расшифровываются на фоне изложенных сведений: «К сожалению, перечислить всех борцов за собственную неприкосновенность мы не можем из-за недостатка места»; «Думцы в свое время перестраховались и вписали в закон о статусе депутата норму, запрещающую любое уголовное или административное преследование себя, любимых, кроме как с согласия палаты»; «...Депутат может убивать и грабить – упечь его за решетку нельзя без одобрения товарищей по палате».

Интересно, что объединять автора и читателя на одной оценочной позиции может уже и отношение к действиям государства против нечестных предпринимателей. Приведем пространную цитату из публикации «Шторм в рюмке водки. Российский алкогольный рынок снова лихорадит: водочные короли боятся лишиться сверхдоходов» (Комсомольская правда. 2001. 4 авг.):

«Что ставят в вину “Росспиртпрому”? Попробуем суммировать все упреки и претензии. Во-первых, “Росспиртпром” якобы начал свою деятельность слишком круто, забыв посоветоваться с производственниками и общественными организациями. (Интересно: а что, должен был?) Во-вторых, “Росспиртпром” везде начал расставлять своих людей, прежде всего в советы директоров заводов. (Оппонентам, безусловно, была бы приятней ситуация, при которой государство, владея контрольным пакетом акций конкретного завода, не могло бы вмешиваться в его работу.) И наконец, в-третьих, “Росспиртпрому” поставили в вину соглашение с Минсельхозом о квотах на спирт... Мысль о том, что квоты на спирт одна ГОСУДАРСТВЕННАЯ организация передала другой ГОСУДАРСТВЕННОЙ организации (специально созданной постановлением правительства для наведения порядка на ГОСУДАРСТ-

ВЕННОМ сегменте алкогольного рынка), господ критиков почему-то не посетила. Вот если бы квоты передали господам коммерсантам, скажем из “Союзплодимпорта”, тогда другое дело. А так обидно: с чего это государство вдруг стало появляться там, где давно между собой все поделили водочные короли? Так хорошо жили – и вот на тебе».

Основная модель иронии осложняется здесь двуголосием – конструируются реплики осуждаемой стороны, с которыми автор вроде бы соглашается, но которые на самом деле опровергает.

Объединяющим моментом для коммуникантов может служить и то, что они осознают общность своего жизненного опыта и изживание каких-то негативных его моментов. Это хорошо видно, например, по публикациям «Комсомольской правды», посвященным приезду в Москву главы КНДР Ким Чен Ира. Поскольку он ехал в литерном поезде через всю страну и тем самым умудрился причинить неудобства сотням тысяч людей, у авторов публикаций и у их читателей не мог не появиться мотив для единения: «наши руководители, слава Богу, кажется, на такие подвиги уже не способны». Отсюда ироническое оживление штампов тоталитарной эпохи, в частности обозначений лидера государства. В качестве иллюстрации приведем короткую заметку (Комсомольская правда. 2001. 9 авг.):

*«Дорогому товарищу так понравилось в “Метрополе”,
что на улицу до обеда он не выходил*

Предполагалось, что Великий руководитель Ким Чен Ир, будучи сутки в Москве, посетит Третьяковскую галерею, Оружейную палату, прогуляется по Красной площади и съездит на Поклонную гору. Однако от всего этого он отказался, до обеда предпочитая оставаться в гостинице “Метрополь”. А потом поехал кататься по Москве.

Номер Дорогого товарища состоял из трех комнат: спальни, гостиной и кабинета. Там была и небольшая сауна, посещение которой доставило корейскому гостю особое удовольствие. Он даже потребовал, чтобы температуру в сауне сделали выше обычной.

А накануне вечером Солнце нации отужинало в небольшом ресторане гостиницы, отдав предпочтение блюдам русской кухни. Там же выяснилось, что Любимый руководитель не прочь побаловаться грузинскими винами».

Ироническое преувеличение использовано в рассказе о том, как в одном из вагонов литерного поезда Ким Чен Ира было раз-

бито окно. Под рубрикой «Диверсанты» опубликована заметка «Кто разбил окно в поезде Любимого руководителя?» (см.: Там же). Приведем отрывок из этой публикации:

«...Были созданы поисковые группы московской милиции и самих транспортников, которые прочесали местность. Шутка ли? Седьмое окно в первом вагоне зияло огромной пробоиной. На ковровой дорожке валялся камень. Обыкновенный такой, серый... Диверсанты нашлись на удивление быстро. Сопливая команда “железнодорожных террористов” отдыхала от трудов праведных в заброшенном каменном доме на окраине Москвы. 13-летняя Валя Жилкина, брат и сестра Кабановы – Сергей и Валентина – и самый старший – 14-летний Асиф Аллахвердиев – сразу сдали все явки, пароли и коды».

Интересно и то, что рассказ о каком-то лице, явлении или событии может выступать как средство самоиронии, объединяющей автора и адресата. Они сами как бы говорят себе: «Хороши же мы, если так обстоят у нас дела». Мягкая усмешка звучит в публикации «Черномырдин Многоликий» (Аргументы и факты. 1997. № 42): «Черномырдин хорош для всех, И действительно – оренбургский казак подкупал одних своей прямоотой, других – партийным прошлым, третьих – тем, что из хозяйственников. Его характерная черта – искренность и запальчивость во время публичных выступлений. Он говорит символами, импульсивно, забывая порой произнести ключевое слово в предложении. От этого часто получается каламбур»; «Но вне сцены он – другой человек. Его речь проста, понятна, наполнена близкими русскому человеку непечатными словами. От этого его боязнь подслушивания телефонных разговоров. Если их опубликовать, то “русская латынь” повергнет публику в изумление»; «И везде он свой, хотя, как кажется, и не совсем представляет, куда мы идем»; «По слухам, именно вовремя предложенный проект деноминации наших денег (зачеркивание на них трех нулей) отвел беду не только от премьера, но и от председателя Центробанка С. Дубинина. Премьер спас не только себя, но и верного человека». Но это мягко по отношению к герою. А по отношению к коммуникантам это иронический вопрос: «Если у нас такие руководители, то каковы мы сами, ведь известно, что каждый народ имеет таких правителей, каких заслуживает».

Таким образом, стёб и собственно ирония – разные по своему механизму явления. Стёб требует просто бездумного присоединения к смеху, звучащему в тексте, это средство развлекательности, прямого заражения эмоцией. Собственно ирония, напротив,

становится понятной только при внимательном восприятии высказывания, так как правильная его интерпретация возможна лишь при учете сигнала иронии. В целом стилистический поток иронии отвечает потребности общества в защите от абсурда действительности. «Власть насмешливо сводится с неба на землю, читатель и автор объединяются в понимании того, что смеху доступно все, от него никто и нигде не может скрыться. Там, где останавливается закон, где обесценивается серьезное слово, только смех создает у людей ощущение того, что власть доступна критике» (Речевая агрессия 1997: 85).

Другую стилевую ориентацию представляет рассмотренная выше статья «Украина или Империя?» Она претендует на научную строгость изложения, снабжена рубрикой «Кафедра геополитики» и поделена на нумерованные главки с заголовками: «1. Ратификация договора с Москвой; 2. Кратко о главных геополитических целях; 3. От Империи к региональной державе» и т. д. (в приведенном варианте статьи мы не сохранили их в связи со значительными сокращениями). Наукообразие призвано подчеркнуть истинность идеологических построений: для субъекта речи имитируется объективная позиция отстраненного наблюдателя. В то же время патетика, использование элементов поэтической образности (**утвердить колоссальный планетарный идеал, великую Правду, осознанную как Евразийская Империя Солнца**) призваны воздействовать на эмоции адресата и внушить ему представление о глобальной важности темы. Патетический стиль как риторическая тенденция, устойчиво коррелирующая с разными вариантами коллективистской, прежде всего националистической, идеологии, прагматически мотивируется, во-первых, серьезностью, чрезвычайностью социальной ситуации, о которой идет речь, во-вторых, постулируемой чрезвычайной ответственностью, которую берет на себя адресант и к которой он призывает адресата. Наиболее популярные сегодня варианты конкретизации чрезвычайной социальной опасности – враждебное окружение России и враждебность существующей власти народу – мы представили в рассмотренных текстах.

Таким образом, идеологии претендуют на провозглашение истины и тем самым мотивируют интерпретацию событий и поступков персонажей, представленных в пространстве дискурса. Идеологическую сдержанность (но не нейтральность) текста можно констатировать в случае, когда идеологические коннотации остаются максимально скрытыми, не навязываемыми читателю.

ФРАГМЕНТЫ МЕДИЙНОЙ КАРТИНЫ МИРА

Порождаемые медиадискурсом тексты, в СССР с единой идеологической направленностью, а в современной России имеющие разную идеологическую окраску, формируют некие образы, которые в нашем сознании становятся стереотипами, упрощенно объясняющими и оценивающими чуть ли не всё, что происходит вокруг нас. Кто из журналистов не ссылаясь на «так называемые цивилизованные страны», речь при этом могла идти о чем угодно: о законодательстве, отношении к животным, о школе, лесных пожарах, армии или детских садах. Кто не вспоминал о коррупции, о власти, которая – и далее тоже разные варианты: не думает о народе, срослась с криминалитетом, безнравственна, некомпетентна – и все это снова при обсуждении любых тем: законодательства, отношения к животным, школы, лесных пожаров, армии или детских садов.

Таким образом, и в СССР, и в современной России в первую очередь с помощью СМИ в массовое сознание внедрялись и внедряются определенным образом семантически преобразованные слова, влияющие на интерпретационное поле ряда концептов, т. е. на присутствующие в них «оценки и трактовки содержания ядра концепта» (Попова, Стернин 2007: 61). Так осуществляется влияние группового сознания; как отмечает Э. Р. Лассан, «признание того, что за любым текстом стоит идеология говорящего как представителя определенной группы, позволяет говорить о надындивидуальном характере коммуникации, что, в свою очередь, объясняет сложившийся во второй половине XX в. подход к исследованию текстовых явлений, при котором объектом анализа становится не отдельный текст или множество текстов одного автора, а целый корпус текстов, являющих надындивидуальные установки их (часто весьма различных) субъектов» (Лассан 2004: 62).

Далее и будет показано, как в потоке медиатекстов складываются два образа, влияющие на наши оценки двух явлений, постоянно становящихся предметом обсуждения в журналистских выступлениях.

У образа долгая память

Мы рассмотрим на основе случайной выборки газетные материалы с 1991-го по 2004 год (год окончания первого срока президентства В. В. Путина), когда в картине мира, которую рисуют СМИ, Россия снова начала осознаваться как самостоятельный субъект истории, а не как составная часть СССР.

Рассмотрим прежде всего «границы» – начало и некий конец самоописания, когда появились попытки поднять престиж страны в мире и в глазах населения.

1991 год. Газета «Известия» от 30 ноября: прошло несколько месяцев после ГКЧП, осталось чуть больше недели до Беловежской пуши. Так сказать, минута до полуночи, вот-вот юридически оформится новое государство. И как же ощущает себя коллективный адресант прессы, с кем он объединяет себя, когда говорит «мы»?

«Мы» для российских СМИ уже начало оформляться как «Россия», а не как «Советский Союз»: номер открывается громким заголовком «Россия и Союз на грани межпарламентского кризиса». По прямому смыслу это выражение примерно равно высказыванию «яблоко и две его трети». Россия здесь выступает как нечто реальное, а Союз уже виртуален, как виртуально якобы целое яблоко, противопоставленное своим реальным двум третям. СССР номинально еще есть, но реально в него уже мало кто верит, отсюда алогичные высказывания, из числа которых и уже приведенный заголовок, тем более что фигурирует еще и Союз Суверенных Государств (ССГ), договор о создании которого еще не подписан. Так, о кредитах сообщается: «Какие кредиты получит в ближайшее время СССР (именно СССР, поскольку “чек” выписывается пока на СССР) – вопрос открытый». Вместе с тем в материале говорится: «страны, составляющие СССР или ССГ, будут вынуждены признать себя международными банкротами»; «трудности бывшего Советского Союза» (это одна сторона – СССР не существует) – «за что и с кем придется расплачиваться СССР в ближайшие годы, дает представление эта таблица» (это другая сторона – СССР существует и будет существовать). Это явное противоречие в картине, рисуемой СМИ, но противоречие, порожаемое самой действительностью. Создатель картины вынужден бороться со сложностью положения и говорить нечто вроде того, что «бывший СССР будет отдавать долги».

В текстах СМИ единицы «Россия» и «СССР» причудливо сочетаются в алогичных конструкциях, последнее название явно включает в себя семантику небытия или уходящего бытия: если нужно построить высказывание о настоящем и будущем, оно получается алогичным, порождающим сомнения и вопросы («что за СССР без России?»; «кто же будет отдавать долги?»). Так, в картине мира, которую рисуют СМИ, один из элементов приобретает фантомный характер, причем этот элемент связан с «МЫ» общего контекста номера: материал, посвященный кредитам, выписанным на СССР, который уже почти совсем ушел в небытие, называется «Кредиты, которые мы уже съели» (МЫ = Советский Союз).

Однако если единица «СССР» уже неотрывна от семантики небытия, то «МЫ» такой семантики не имеет, это трансформирующаяся единица текстов СМИ данного периода. Тот, кто говорит сейчас от имени СССР, завтра заговорит от имени России.

Но это только один параметр самохарактеристики – бытийный: «МЫ» как «СССР» уходим, но «МЫ» как «Россия» остаемся. В самоописании коллективного «МЫ» есть еще два признака, которым предстает долгая жизнь. Первый из них – «нецивилизованность», второй – «крах (кризис)». Казалось бы, эти признаки относятся к СССР. Но наш коллективный адресант просто болен ощущением этой дикости и развала. Рассмотрим подробнее эти смыслы.

СССР приписан признак нецивилизованного государства, «МЫ» должны преодолеть этот недостаток. Но СССР – нечто уже не существующее, фантомное, следовательно, к цивилизации придется идти России, которая в настоящий момент является нецивилизованным государством. Эта игра времен и модальностей в контексте номера постоянно переключает признак с одной ипостаси «МЫ» («СССР») на другую («Россия»). Например: «Столица цивилизованного государства, где сохранилось представление о чистоплотности, может ли позволить себе подобное?»; «Решайте свои споры в форме, достойной цивилизованной страны, а не дикарей, вооруженных газовыми пистолетами»; «Цивилизованный мир помогает сейчас нашей стране»; «Не хочется проявлять преждевременный оптимизм, но количество находящегося в обороте пессимизма требует какого-то баланса. На операцию надо лечь с настроением поправиться, выжить и вступить в брак с мадам Цивилизацией». Здесь и исключение «МЫ» из цивилизованного мира, и призыв к тому, чтобы двигаться к цивилизации. И хотя говорится пока об СССР, но побуждение относится к России:

нецивилизованная столица СССР должна стать цивилизованной столицей России.

Смысл «крах» образует в контексте номера поле, втягивающее в себя различные лексические единицы: «слышится SOS в связи с условиями существования нашей неслыханно обделенной культуры»; «горести Родины»; «масло, ребята, это такая вкусная белая штука, которая иногда остается от взрослых чиновников и их семей»; «пока условия для выживания уникальных научно-производственных коллективов еще только предстоит создавать»; «сейчас нам выпала черная полоса». Это – настоящее, и оно касается как уже почти несуществующего СССР, так и вполне реальной России. «Мы» полностью погружено в этот «крах».

Можно констатировать, что стоящая на пороге своего «второго рождения» Россия через три с небольшим месяца после ликования по поводу поражения ГКЧП описывается в тревожных тонах. В этом номере помещено интервью с Борисом Ельциным. Во вступке сообщается: «Мы беседуем утром 25 ноября. Сутки как закончился его визит в Германию, через час он отправляется в Ново-Огарево на парафирование договора о политическом союзе ССГ, хотя открыто сомневается в успехе этой попытки». Интервью, да и номер в целом просто дышат ощущением «самостоятельности» России. Первая фраза Ельцина: «Германия – первая страна, принимавшая Президента России как главу самостоятельного государства со всеми протокольными мероприятиями». Но превалирует в интервью другой смысл: «такое тяжелое для нас время»; «где, скорее всего, и будут опасные точки социальной напряженности»; «может стать серьезным ударом и для Союза, и для России»; «неудачный месяц – ноябрь»; «отчаянный шаг»; «трудные времена»; «да, время трудное, всем тяжело»; «не нам одним – многим государствам пришлось пережить кризис»; «при нашем тяжелейшем положении».

Итак, Россия, как элемент СМИ-картины мира, с первых минут своего второго рождения выступает с признаками «нецивилизованность» и «кризис (крах)».

В рамках контекстов массмедиа эти признаки России кажутся заимствованными из описаний СССР (ср. из публикаций 1992 г.: «Разве не под бременем сумасшедшей гонки вооружений СССР рухнул и рассыпался? Так теперь что, взвалить это бремя на кризисную российскую экономику?» (Литературная газета. 1992. 29 июля). На самом деле это не так. Похоже, что через десятилетия существования медиакартины, в которой страна описывалась как

могучая, справедливая, передовая, лучшая в мире, вернулось описание страны, известное еще позапрошлому веку, а по мнению В. О. Ключевского, и более ранним периодам русской истории. Размышляя о русском обществе XVII века, В. О. Ключевский отмечает, что именно в это время начинается западное влияние на Россию. Он пишет: «Тогда и начался глубокий перелом в умах: в московской правительственной среде и в обществе появляются люди, которых гнетет сомнение, завещала ли старина всю полноту средств, достаточных для дальнейшего благополучного существования; они теряют прежнее национальное самодовольство и начинают оглядываться по сторонам, искать указаний и уроков у чужих людей, на Западе, все более убеждаясь в его превосходстве и в своей собственной отсталости. Так на место падающей веры в родную старину и в силы народа является уныние, недоверие к своим силам, которое широко растворяет двери иноземному влиянию» (Ключевский 1957: 257–258). По отношению к тому периоду у автора пока нет формулировки «стать цивилизованной страной». Но она появляется по отношению к нашему «золотому веку». «Если мы хотим, — пишет П. Я. Чаадаев, — занять положение, подобное положению других цивилизованных народов, мы должны некоторым образом повторить у себя все воспитание человеческого рода» (Чаадаев 1991: 24–25). В известном смысле есть и перекличка с сетованиями на тяжелые времена (кризис). Чаадаев, например, говорит: «Весь мир перестраивался заново, а у нас ничего не создавалось; мы по-прежнему прозябали, забившись в свои лачуги, сложенные из бревен и соломы» (Чаадаев 1991: 31).

Таким образом, признаки «нецивилизованность» и «кризис» как элементы медиакартины мира — это чуть ли не стереотипы национального сознания, лишь чуть-чуть поколебленные пропагандистской машиной СССР.

Что же рисует нам пресса в дальнейшем?

Номер «Аргументов и фактов» (2004. Авг.). Ответ не надо даже искать по всем страницам. Вся третья полоса (интервью с режиссером Сергеем Соловьевым) — это разработка смысла «крах»: «Происходит конец света. То, что происходит у нас во всех без исключения институтах, практически непоправимо»; «...катастрофа не грядет, а давно уже грянула»; «Судя по многим внешним приметам, России в том понимании, в котором нам хотелось бы ее помнить, больше нет».

И в цивилизацию мы все еще идем. На следующей полосе: «В цивилизацию нам надо идти вместе»; «Только в таком формате

страны бывшего СССР могут стать полноправной частью цивилизованного мира».

Между этими точками облик «краха» и параметры сопоставления «цивилизованный/нецивилизованный» в зависимости от ситуации менялись, но базовые смыслы оставались неизменными.

Анализ газетных публикаций 1991–2004 годов показывает, что для характеристики обстановки в России чаще всего используется слово **кризис**, чему способствует, по-видимому, возможность его терминологического и нетерминологического употребления. «Терминологический» вариант дает сочетания типа «экономический кризис», «финансовый кризис», «энергетический кризис», «системный кризис», «демографический кризис». Нетерминологическое употребление со значением «тяжелое положение» позволяет включать это слово в самые различные темы, в тексты разной тональности как напоминание об общей ситуации, в которой осуществляется данный акт общения: «Кризис сексу не помеха» («Я молодой. 2002. № 18–20); «Кризис не кризис – жизнь продолжается» (Литературная газета. 1998. 21 окт.).

Другим единицам, передающим смысл «крах», позволяет расширить зону использования прямое и не прямое употребление: с одной стороны, «катастрофы самолетов», с другой – «Учебник литературы как общенациональная катастрофа» (Литературная газета. 2001. 20–26 июня); с одной стороны, «взрывы домов», с другой – «Реконструкция российской энергетики по плану Анатолия Чубайса грозит социальным взрывом» (Независимая газета. 2000. 27 дек.); с одной стороны, «крушение поездов», с другой – «Крушение иллюзий – перманентное состояние русского общества» (Новая газета. 1998. 23–29 марта). В описание бедственного положения разных сфер жизни и страны в целом включаются слова с широким значением: «Мы находимся в состоянии перманентного катаклизма» (Комсомольская правда. 1995. 14 марта); «тотальный развал отечественного производства» (Аргументы и факты. 1995. № 3); «развал страны» (Аргументы и факты. 2004. № 51); «крах российской науки» (Независимое военное обозрение. 2001. 12–18 янв.); «Много разрушили, мало построили – переходный период» (Литературная газета. 1999. 23–29 июня); «за полчаса до обвала», «потрясение на финансовых рынках» (Известия. 1998. 29 мая); «Имя этой беде – Разруха» (Екатеринбургская неделя. 1998. 31 июля); «Наши этатические эксперименты всегда приводили к поражениям» (Известия. 2001. 18 янв.).

Авторы находят и более индивидуальные обозначения того же явления, что в еще большей степени увеличивает яркость фиксаций данного смысла в текстах СМИ: «В отечественной культуре учинено настоящее мамаево побоище» (Аргументы и факты. 1997. № 38); «Над Россией висит какое-то “политическое проклятие”» (Аргументы и факты. 2004. № 51); «Культура кончается» (Известия. 2001. 18 янв.); «вялая шизофрения, которая идет сейчас в стране» (Аргументы и факты. 1999. № 41); «Падать в пропасть продолжаем, но медленно» (Известия. 1998. 21 нояб.); «Страна охвачена чумой неплатежей» (Известия. 1994. 22 марта); «депрессивный синдром» (Литературная газета. 1997. 22 окт.); «Цивилизация разорвана» (Литературная газета. 1997. 9 апр.); «Последняя сцена из многосерийного ужастика – нашей жизни – называется “суверенный дефолт”» (Новая газета. 1998. 10–16 дек.).

Стереотип «крах» не только постоянно фигурирует в дискурсе как таковой, но и ставится в ту или иную связь с представлениями о различных типовых ситуациях. Систематически крах представляется как некое неожиданное следствие, то есть в основе авторского рассуждения лежит уступительная конструкция «хотя были основания ожидать лучшего, но все обернулось крахом». Таким образом, периодически возникает тема особого краха – «краха надежд»: «Похоже, мы упустили уникальный исторический шанс быстро и радикально преобразовать Россию... Были серьезные основания предполагать, что к весне 1993 года в стране сложатся условия для преобладания цивилизованных способов управления хотя бы экономической, не говоря уж о других сферах. Теперь эти надежды почти исчезли» (Литературная газета. 1993. 20 янв.). И далее, например: «В нынешней России вновь сумерки» (Комсомольская правда. 1994. 29 окт.); «Демократическое преобразование России, едва начавшись, уже пошло по нисходящей» (Аргументы и факты. 1995. № 3); «Год несбывшихся надежд, год, потерянный для реформ» (Известия. 1997. 4 янв.); «Многие эксперты говорят сейчас об упущенных возможностях прошедшего года» (Независимая газета. 2000. 27 дек.); «Теперь экономический рост в России продолжается, но постепенно замирает» (Аргументы и факты. 2000. № 39); «Сейчас у нас реализуются (готовы реализоваться), скорее, не модели будущего, а модели хорошо известного прошлого во всей красе» (Литературная газета. 2001. 20–26 июня); «Еще один год можно считать потерянным» (Новая газета. 2003. № 46).

Повторяющейся является тема «причины краха», а вернее – «виновники краха», что связано с традиционным для нас вопросом

«кто виноват?»). Совершенно естественно, что рассматриваемый стереотип оказывается связанным с двумя другими стереотипами: «власти виноваты», «Запад виноват», причем второй уводит нас еще и к признаку «цивилизованность/нецивилизованность».

Образ «внутреннего врага» рисуется в СМИ разными средствами. Это может быть анализ конкретной ситуации с указанием имен, с четким обозначением ошибочных действий. Если вернуться к разговору о «крахе надежд», то следует сказать, что пресса конца 1997 – начала 1998 года отчетливо прогнозировала дефолт, точно называя его причину – конкретные действия властей. Например, «Новая газета» (1998. 9–15 февр.) писала: «Экономика абсолютно адекватно реагирует не на выступления отдельных (даже очень высоких) чиновников, а на проводимую в стране экономическую политику, которую рыночной можно назвать только по очень большому недоразумению. И суть которой сводится к наращиванию внутренних и внешних заимствований, в первую очередь при помощи государственных ценных бумаг... На российский рынок пришли... не стратегические инвесторы, а финансовые спекулянты». Но стереотипизация происходит, наверное, не в таких пространственных аналитических толкованиях. Пресса дает массовому сознанию сжатые формулы (равно как и сама отражает массовые суждения): «Отечественная бюрократия способна вообще убить все, что угодно. Традиции в этом деле у нее многовековые» (Литературная газета. 2001. 20–26 июня); «Война с народом – излюбленное занятие российских чиновников» (Уральский рабочий. 1997. 6 февр.). И не называя имен: «Хотели, как хуже – и получилось! Как всегда...» (Новая газета. 2003. № 46).

«Внешний враг» (Запад), конечно же, грабит Россию и желает ей всяческих бед: «Происходит разграбление России. По взяткам люди получают лицензии и гонят наши недра на Запад. Международный валютный фонд несколько дней назад продиктовал, что если мы уменьшим квоты экспортной нефти, то они лишат нас помощи. То есть откровенно душат нас: гоните нам вашу нефть, гоните нам ваш газ» (Аргументы и факты. 1995. № 3); «Да и вообще, кому за рубежом выгодно, чтобы Россия быстро поднималась с колен, чтобы оживала ее промышленность?» (Литературная газета. 1997. 15 окт.)

В силу бытования такой оценки Запада признак «нецивилизованность» получает в текстах СМИ противоречивую оценку, которая тесно связана с темой «краха надежд». Глобальный западный «плюс» и глобальный российский «минус» сменились противоре-

чивостью оценок той и другой стороны. Конечно, это лишь логическая последовательность. Хронологически разные типы соотношения оценок сосуществуют. В плане выражения оценки интересно следующее. Прочно закрепилось словосочетание «цивилизованные страны»: «В цивилизованных странах делается совсем не так» (Megapolis-Continent. 1993. 6–20 янв.); «Доля зарплаты работника в цене произведенного товара 11 % в России, 40–50 % в цивилизованных странах» (Аргументы и факты. 1999. № 25). Популярны «цивилизованный рынок», «цивилизованная торговля» и пр. Тот же смысл передается прилагательным **нормальный**: «В нормальных странах среднему классу положены частная собственность, и не просто на дачу с машиной – на средства производства, электоральная активность и вековые традиции. В России при затяжном переходе к нормальной жизни эти правила не действуют» (Литературная газета. 1998. 21 окт.) Поскольку в текстах используется контраст и формируется смысл «вот как надо делать», Россия неизбежно наделяется признаками «нецивилизованная», «ненормальная».

Когда отрицательная оценка России начинает колебаться, привлекаются признаки «самобытность», «своеобразие», «свой путь». Наиболее принимаемое, наименее критикуемое обозначение «плюса» – слово **традиции**: «Верим, что выход есть. Он очень прост: уважать историю страны, привычки и традиции людей, не стараться навязывать всем что-нибудь “единственно научное и жизненное”, не шельмовать инакомыслящих, быть готовыми к разумному компромиссу. Тогда выход будет. А в противном случае, конечно, “слепящая тьма”» (Екатеринбургская неделя. 1998. 31 июля). Когда на одной стороне к минусу добавляется плюс, на другой стороне плюс осложняется минусом. Из всего разнообразного материала приведем только три примера, в которых важен и ход мысли, и даты: «Мы с трудом находим выход из национальных тупиков. Демократический европейский багаж ценностей, которые нам усиленно предлагают, мало помогает. Мы не умеем пользоваться демократическим инструментарием, но и Европа не умеет. То, что переживает Югославия, – это не кризис самой Югославии, а кризис Европы» (Российская газета. 1993. 5 февр.); «Люди приобрели ту самую единственную веру, которую в наше время исповедует весь “цивилизованный мир”, – веру в силу и власть денег... И очень горько, что Россия на наших глазах становится частью столь бездушной и бездуховной цивилизации» (Литературная газета. 1999. 23–29 июня); «Россия сегодня чуть ли не в большей опасности,

чем когда-либо. Сближение разных стран и культур – не проблема. Но глобализация и идеи демократических свобод используются Западом в своих сугубо корыстных целях» (Аргументы и факты. 2004. № 51).

Разрабатывая сюжет «Ход реформ, или Движение России в цивилизованное будущее», пресса не может избежать прогнозов. Из начала периода: «Директор чувствует кожей: в экономике оживление» (Уральский рабочий. 1995. 10 нояб.). Конец периода: «Опросы показывают, что за прошлые годы наши граждане все-таки стали жить лучше» (Аргументы и факты. 2004. № 51). Пресса старается уловить ощущения своих читателей, отнюдь не уповая на статистику. Поэтому и сегодня наиболее точной формулой прогноза остается, по-видимому, формулировка 1998 года: «– Экономический подъем России не за горами... – А где?» (Литературная газета. 1998. 21 окт.).

Таким образом, стереотипы «необустроенность» и «нецивилизованность», имея многовековую традицию, и в современной прессе эксплуатируются, включаясь в самый главный, наверное, из разрабатываемых СМИ сюжетов – «Движение России в будущее... Какое?».

У образа неясное будущее

Внимание СМИ постоянно приковано к тем, кто управляет страной. Тысячи текстов рассказывают об актуальных событиях (заседаниях правительства или Думы, приемах президентом членов Совбеза, визитах руководителей других государств, решениях судов и т. д.), и из этих информационных и аналитических материалов складывается образ власти в целом, то, что члены общества часто обозначают словами «все они там...». Образ власти, создаваемый журналистским дискурсом, взаимодействует со стереотипами общественного сознания, с индивидуальными оценками власти, которые вырабатываются каждым человеком на основе его личного жизненного опыта.

Стереотипы власти веками складывались отрицательные (ср. хотя бы результаты ассоциативных экспериментов: Харченко 2003: 175–176). Мздоимство и лихоимство властей фиксируются в фольклоре, художественная литература и журналистика в немалой степени поддерживали эти стереотипы. Расхождение между стереотипом и образом власти в СМИ наметилось в советской прессе. Газеты рисовали образ партии, образ советской власти в офици-

ально-положительных тонах. И если эти образы противоречили стереотипам (ср. тексты сопротивления: Купина 1999), то в самой картине текущего момента создавалась мощная база для формирования положительной оценки хотя бы внутри дискурса. Такой базой являлись присутствовавшие в каждом газетном номере, в каждой новостной радио- или телепередаче сообщения, как тогда говорилось, о достижениях советской экономики, науки, здравоохранения, искусства, спорта, причем в этих областях, как точно было известно всем читателям, не все было «враньем» (сегодня это тем более понятно). Если в «Омской правде» за 30 октября 1984 года сообщалось, что станочники завода «Омскгидропривод» выпускают шаровые опоры для гидроподъемника к тракторам К-700 и обещают к годовщине Октября изготовить их более трех тысяч штук, так никто не сомневался, что тракторы заводом делаются, в сельское хозяйство поступают (и, может быть, какие-то из этих машин, собранные-пересобранные из своих постепенно разваливающихся собратьев, трудятся на крестьянских полях и до сих пор). Никакого смысла не было сомневаться в том, что «только тяжеловесными составами грузоподъемностью по восемь-десять тысяч тонн доставляют уголь на Ермаковскую ГРЭС железнодорожники целинной магистрали», о чем сообщала «Комсомольская правда» 25 ноября 1983 года. Можно было верить и тому, что «в Нарткале – одном из самых молодых индустриальных центров Кабардино-Балкарии введен в действие механизированный хлебозавод», как информировала «Правда» 17 января 1982 года. Газеты не смешивали «мух с котлетами» и не приучали к этому своих читателей (каждый желающий мог выработать в себе эту привычку самостоятельно), поэтому, когда в том же номере «Омской правды» сообщалось, что «на 29 октября совхозы и колхозы области засыпали в закрома государства 1 миллион 494 тысячи 488 тонн хлеба», рядом не следовала приписка насчет того, что-де в прошлом году 400 тысяч тонн зерна на складах сгнили, а самостоятельно читатель о плохо работающих складах мог и не подумывать. Таким образом, в картине текущего момента действительность представляла как время плодотворного труда. И читатель, думается, игнорируя обязательный пафос, склонен был фактам верить: все-таки на его глазах росли целые кварталы жилых домов в крупных городах, во дворе его дома на площадке детского сада копошились в песочницах дети, а в соседнем дворе строили еще один детсад, и новая школа через дорогу трудилась в две смены, а из пионерлагеря недавно вернулся сынишка. Конечно, идеологическая

ложь уже отупляла сознание, но мы говорим о картине мира, рисуемой СМИ, и о том, что внутри этой картины положительная оценка выглядела вполне логичной: если страна созидает, чего же еще ждать от власти.

Сегодняшняя пресса иная. Смешение «мух и котлет» стало для нее нередким. (Весь последующий материал извлечен методом сплошной выборки из нескольких номеров разных изданий за октябрь 2005 года – по одному номеру каждой газеты.) Обратимся, например, к газете «Труд». Заметка о том, что администрация Брянской области «решила помочь сельхозпредприятиям погасить 85-миллионную задолженность по зарплате», заканчивается так: «Прокуратура ежемесячно будет проверять, дошли ли средства до сельских тружеников». Сообщение о том, что «правительство России утвердило введение с апреля 2006 года экологических норм “Евро-2” для автомобилей, выпускаемых на отечественных заводах», немедленно сопровождается замечанием: «Старых машин, уже бегающих по российским дорогам, нововведение пока не коснется» – вот и вся экология. Даже рассказ о том, что воронежский ученый открыл тайну Бермудского треугольника, заканчивается констатацией: «Но для реализации идеи нужны лаборатория, набор специального оборудования. Пока ни один город России не проявил к этому интереса».

Единственный без всяких оговорок положительный «созидательный» факт («Московский микрорайон “Жулебино” стал стартовой площадкой для внедрения цифровых технологий. Район обзавелся котельной с автоматизированной системой контроля, которая заменяет работу диспетчера») окружен букетом «отрицательных» новостей: «Потребительские цены на бензин в России с 19 по 25 сентября выросли на 0,9 процента»; «В городе Миассе Челябинской области убит 38-летний бизнесмен»; «Мы устали от нищеты. Учителя жестко критикуют правительство за то, что оно не выполняет прямых поручений президента» (все это на первой полосе).

Этого правила оговорки («все замечательно, но...») придерживается даже «Российская газета», учредителем которой является Правительство Российской Федерации. Сообщение «Президенту показали образцово-показательную клинику в Пензе» включает в себя констатацию: «Изношенность основных фондов учреждений здравоохранения в среднем составляет 58,5 %. Еще ужаснее цифра 85 %, ведь именно столько умерших россиян можно было бы спасти, если бы новинками, которые показали президенту, люди могли бы воспользоваться». Заканчивается публикация так:

«Перечень счастливиц, которые лечатся в “образцово-показательной” больнице Пензы, не превышает и двадцати человек. Но на вопрос о том, каким образом обычный больной может воспользоваться благами, предлагаемыми этим элитно-государственным медучреждением, медсестры так и не нашли, что ответить». Теперь понятно, почему материал называется «Лечись, кто может» (Российская газета. 2005. 12 окт.). И уже знакомая картина: позитивная информация окружена целым сонмом отрицательных сведений.

Какой же образ власти вписывается в такой фон, в такую картину текущего момента?

Проанализированные нами номера не рассматривают власть как феномен. Прессу интересует власть как субъект деятельности, поэтому для ее обозначения используются слова **власти, власть, чиновники**, а также более конкретные **правительство, губернатор, местная администрация, суд, депутаты**.

Несмотря на несходство изданий, все они едины в выделении главной черты образа: **ВЛАСТЬ КОРРУМПИРОВАНА**. Коррупция выступает как главное препятствие на пути решения любых проблем: «Почему-то российским авиазаводам всячески мешают, а зарубежным фирмам всячески помогают. Впрочем, А. Акименков привел простую причину – “откаты”, или, как принято говорить конкретней, “комиссионные” за подписание контрактов по покупке импортной техники» (Литературная газета. 2005. 12–18 окт.); «Следующий шаг – гораздо более сложный – дифференцировать налог по скважинам и по качеству добываемой на них нефти. Но здесь есть одна, зато очень существенная, опасность – коррупция. Потому что это распределение, а соответственно и больший или меньший уровень налогообложения зависит от чиновника» (Аргументы и факты. 2005. № 40); «Кинорежиссера поддержала общественность северной столицы, согласившись, что необходим специальный закон об использовании площади, и выразив недоверие “неким силам” в городской администрации, “торгующей территорией между Эрмитажем и Главным штабом”. В общем, начали с концертов, а договорились до коррупции и подготовки к убийству!» (Труд. 2005. 8 окт.); с миграцией «сложилась ситуация, чрезвычайно выгодная для милицеских поборов и получения взяток чиновниками» (Литературная газета 2005. 12–18 окт.).

Последний случай показывает, что журналисты расширяют круг беруших взятки: за чиновниками в него попадают милицеские, таможенники («Почему правительство терпит, что две трети

импортного ширпотреба – это контрабанда, на которой обогащаются продажные чиновники и теневые импортеры?» – Аргументы и факты. 2005. № 40); депутаты («Почему у нас такой послушный и коррумпированный депутатский корпус?») (Там же); служители Фемиды («Кто тогда затягивает реформу? Олигархи, заинтересованные в сохранении возможности покупки судебных решений? Судьи, наживающиеся на взятках?») (Там же). В общем, человек, который прочтет за месяц пять-шесть газет, получит картину тотальной коррупции. По цитатам видно, что порой ему достаточно и одного номера, чтобы сложилось то же самое представление, ср. хотя бы в «Известиях» и «АиФ» еще и такие характеристики: «За последний год наша страна потеряла 36 позиций и оказалась на 126-м месте в мировом индексе восприятия коррупции – списке из 156 государств» (Известия. 2005. 19 окт.); «135 тыс. руб. – средний размер взятки в России, показал опрос фонда “Индем”. Доход чиновников от взяточничества составляет в 2005 году 316 млрд долларов – это в 2,66 раза больше, чем доходы федерального бюджета. “Берут” или “дают на лапу” 75 % россиян» (Аргументы и факты. 2005. № 40).

Как рисуется деятельность этой коррумпированной власти? Здесь полная гармония с фоном. Как в фоновых деталях позитив никак не может выкарабкаться из-под подавляющего его негатива, так и власть изображается конструкциями с общим смыслом «должна, хотела, сделала, но...». Это бесконечный перечень невыполняемых обязанностей, неудавшихся починов, нереализованных намерений. За изложением, как уже было сказано, скрываются разные формулы развития или организации событий.

ДЕЛАЛИ, НО НЕ ПОЛУЧИЛОСЬ: «Практически все реформы, которые должны были повлиять именно на сферу противодействия коррупции, либо зашли в тупик, либо отложены на неопределенный срок» (Известия. 2005. 19 окт.); «В стране за прошедшие годы не удалось создать ни системы миграционных органов, ни концепции государственной миграционной политики» (Литературная газета. 2005. 12–18 окт.).

СОБИРАЛИСЬ, НО НЕ СОБРАЛИСЬ: «Витали же в воздухе идеи заставить олигархов расплатиться за несправедно (читай – даром) приватизированное, и что же?» (Аргументы и факты. 2005. № 40).

ДОЛЖНЫ, МОГУТ, НО НЕ ДЕЛАЮТ: «Необходимо вернуть российским рыбакам промыслы в водах Мирового океана. Употребить власть и влияние для того, чтобы у них появилась возмож-

ность добывать биоресурсы и перерабатывать их с выгодой для себя и для страны» (Известия. 2005. 19 окт.); «У нас не разработана промышленная политика, призванная обеспечить развитие отечественной индустрии в условиях конкуренции с китайской продукцией» (Литературная газета. 2005. 12–18 окт.); «Государство должно по определению учить и просвещать своих граждан. Оно должно формировать и поддерживать то, что называется “культурной средой обитания”...Каждого из своих граждан государство (если оно думает о будущем) должно побуждать к добродетели, культуре и нравственному развитию... Наш народ сейчас существует вне своего национального языка и вне своей национальной культуры» (Литературная газета. 2005. 12–18 окт.); «Гораздо легче (а главное, менее затратно) направлять свой гневный пафос в защиту русского языка в республиках ближнего зарубежья, нежели финансировать его качественное изучение в собственном отечестве» (Известия. 2005. 19 окт.).

ЗАДУМАЛИ, НО НЕ ПОЛУЧИТСЯ: «Снизить налоги государство согласится, а унять налоговые проверки – нет. Если в таких условиях начинаете снижать налоги и рассчитываете, что при снижении налогов бизнесмены выйдут из тени и будут демонстрировать свою преданность родине, то вы наивный человек» (Известия. 2005. 19 окт.); «Молодежь, напротив, всегда жаждет преобразований... Никакая внешняя обличовка в виде молодых бюрократов, на которых сейчас рассчитывает правительство, не сможет ее удержать» (Литературная газета. 2005. 12–18 окт.); «...наладить антимонопольное регулирование. Сделав его по мировым стандартам. То есть предельно жестким. Мягкие варианты бессмысленны. Из-за полной неэффективности. Силенок, правда, может не хватить» (Известия. 2005. 19 окт.); «Возможно, ОП превратится еще в одну чиновничью структуру» (Аргументы и факты. 2005. № 40).

ДЕЛАЮТ ВО ВРЕД СТРАНЕ: «Если правительство продолжит прежний курс в отношении российского авиастроения, то скоро в нашем небе будут летать самолеты только иностранного производства... Почему Министерство экономического развития делает все, чтобы российская экономика не развивалась?» (Литературная газета. 2005. 12–18 окт.); «Значит, мы должны примириться с теми, кто продолжает проводить у нас политику обслуживания нашими ресурсами других стран – победителей в холодной войне?» (Там же); «Дайте нам право создать национальное государство по европейским образцам. Но не дают. Как не дают возможности создать нормальную рыночную экономику, нормальное самоуправление» (Там же).

НЕ ДЕЛАЮТ, ЧЕМ НАНОСЯТ ВРЕД СТРАНЕ: «У самих рыбаков желание есть... И по большому счету, они даже не просят денег. Они лишь хотят, чтобы государство хотя бы раз повернулось к ним лицом. Сможет ли власть что-то сделать – вопрос к власти. Гораздо важнее другое: дождется ли отрасль, не загнется ли за этот год окончательно» (Известия. 2005. 19 окт.); «Пуликовский: Не могу убедить правительство в том, что нужно поднять пошлины на круглый лес. Кто-то, видимо, очень хочет, чтобы пошлины были пониже... То же самое с металлоломом, с черным металлом – уходит, уходит, уходит! Мы – богатейшая страна, а живем бедно, потому что разбазариваем свои ресурсы» (Литературная газета. 2005. 12–18 окт.).

ГОВОРЯТ ОДНО – ДЕЛАЮТ ДРУГОЕ: «Напрашивается предположение, что не о примирении на деле идет речь. Задача у нашей власти, похоже, противоположная: закрепление господства одних над другими и стирание из памяти людей всего, что могло бы помочь видеть мир и свою страну объективно» (Литературная газета. 2005. 12–18 окт.); «Эксперты отмечают, что ни одно из многочисленных усилий власти по противодействию мздоимству не идет дальше деклараций» (Известия. 2005. 19 окт.).

В целом складывается такая ситуация: субъект с весьма неприятным признаком коррумпированности не очень успешно осуществляет свою деятельность управления. Понятно, что эта деятельность направлена на объект, и состояние этого объекта оборачивается косвенной характеристикой деятеля. Разумеется, газеты не скупятся на описание состояния и судьбы объекта управления.

ПОЛОЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ: «\$1 в день – доход 20 млн россиян» (Аргументы и факты. 2005. № 40); «Количество неудовлетворенных жизнью россиян возросло до 50 %, причем 40 % считают, что Россия идет не туда» (Там же); «Пассионарность современной России довольно низка. Это связано и с демографической катастрофой, ограничивающей количество молодежи, и с непрекращающейся эмиграцией, вымывающей пассионарную часть населения, и с нарастающей экспансией в виртуал, в игровые миры, которые тоже поглощают часть социальной энергии» (Литературная газета. 2005. 12–18 окт.).

ПОЛОЖЕНИЕ СТРАНЫ: «Индекс экономической свободы у нас слегка понизился, индекс свободы слова понизился, так же как индекс инвестиционной привлекательности и индекс соревновательности» (Известия. 2005. 19 окт.); «Российская Федерация до сих пор представляет собой пиар-проект – недогосударство пе-

реходного периода. Наши соседи давно начали “жить для себя”, а не для “реформ ради реформ” или для “бесперебойного обеспечения энергоносителями Европы”, как это до сих пор принято в РФ. В дорогой нам России все гигантские ресурсы пошли либо на Запад, либо в пропагандистский свисток. У нас после 1991 года образовалось имитационное государство весьма ограниченного качества и срока годности с пиар-менеджером в виде президента страны. Именно поэтому соседи постоянно стали воспринимать Россию как незадачливого старшего брата. Как эlegantного мошенника, научившегося носить дорогие костюмы и проматывать в элитных клубах отцовское наследство» (Литературная газета. 2005. 12–18 окт.); «А наше общество ни в одном из секторов не готово бросить власти вызов» (Известия. 2005. 19 окт.).

БУДУЩЕЕ: авторы пытаются представить судьбу каких-то проектов: «В случае кризиса Стабфонд кому достанется? Угадайте с трех раз. Ну уж точно не нам с вами. Так что не зря они его берегут. Руки прочь от господских денег» (Аргументы и факты. 2005. № 40). Будущее экономики также не внушает оптимизма: «Мне кажется, что правительство просто неспособно умело вложить гигантские накопленные средства в действительно стоящие проекты. Да и самих проектов, скорее всего, нет. В итоге получится как всегда: меньшую часть съедим, большую – разворуют» (Там же). Будущее страны рисуется в тревожных тонах: «Если говорить о сегодня, когда характерно отсутствие у наших властей внятной и долговременной политики по социально-культурному развитию Восточной Сибири, и особенно Дальнего Востока, то будущее России в плане “китайского вопроса” представляется весьма тревожным» (Литературная газета. 2005. 12–18 окт.); «Вот и выходит, что пока цены на нефть высокие, наша власть как-то на плаву держаться будет, а когда ситуация изменится – будет покруче, чем на Украине: у нас если бунтуют, то сносится все» (Аргументы и факты. 2005. № 40). Позитивное будущее связывается только со сменой нынешней коррумпированной власти: «[Евразийский союз] станет актуален в тот момент, когда в стране сменится правящая элита и произойдет новая национальная сборка... Только такой союз из состоявшихся и самостоятельных хозяев Евразии может обеспечить целостность и мир на нашем континенте» (Литературная газета. 2005. 12–18 окт.). На фоне этих глобальных прогнозов довольно жалко выглядят умозаключения о будущем сегодняшней власти: «В ближайшие два года политическая система России будет подвержена консервации. Главная задача Крем-

ля – ничего не “расплескать”, не развалить до выборов» (Аргументы и факты. 2005. № 40); «Сегодня режим ломает голову над тем, как продлить политическую жизнь Владимиру Путину после 2008 года. Некоторые башни в Кремле готовы пойти для сохранения своих властных позиций на любые комбинации» (Литературная газета. 2005. 12–18 окт.).

Нарисованную картину можно назвать точкой отсчета, по отношению к которой варианты образы либо смягчают, либо сгущают краски. «Российская газета» предпочитает говорить не о мздоимстве или воровстве, а об административных барьерах, а то и вообще о каких-то процедурах, вызывающих недовольство предпринимателей: «Много претензий у строителей и к процедурам оформления всей необходимой для строительства документации». Реализуется мягкий вариант формулы «Задумали, но не получится», в ней обязательно присутствует модальность возможности – «может не получиться». Так, публикация о финансовой амнистии начинается сразу с ожидания неудачи: «Уже через две недели законопроект об амнистии капиталов может быть представлен в Госдуму, однако до сих пор эксперты сомневаются, что предложенный механизм заставит людей объявить о своих накоплениях». В том же ключе идет разговор о реформе здравоохранения, когда депутат Госдумы сообщает: «Очень бы хотелось быть оптимистом. Но не получается. На памяти – множество прекрасных программ по развитию здравоохранения, которые так и остались благими пожеланиями. Прежде всего потому, что не были подкреплены финансами». Тут же высказывается сомнение по поводу обещанных средств: «К сожалению, пока мы не можем сказать, хватит ли выделенных денег на оборудование».

«Коммерсантъ» также придерживается мягких форм популярных сюжетов. Например, в духе «Задумали, но уже получается что-то не то» выполнена публикация о формировании Общественной палаты. Только одна деталь: «По сведениям “Ъ”, отбором будущих членов продолжает заниматься администрация президента, хотя по закону это должны делать действующие члены палаты». При анализе различных финансово-экономических ситуаций в газете «точечно» реализуются и другие формулы. «Должны, но не делают»: [к инвестору] «надо обращаться с серьезными предложениями, зная стратегию развития энергомашиностроения в целом, а ее-то государство пока не сформулировало». «Делают, но по настоящему успешно не получится»: усиление экономической интеграции стран СНГ придало «дополнительный импульс коррупции» (Коммерсантъ. 2005. 7 окт.).

«Советская Россия» демонстрирует жесткий вариант той же картины. На первом месте стоит здесь формула «делают во вред стране»: «Власть уже научилась строить “виртуальную политику”, когда исход избирательных кампаний не зависит от волеизъявления граждан. Она научилась создавать дутую экономику, в которой, вопреки тревожным симптомам, происходит “успешный рост”». Отсюда мрачные картины будущего: «Происшествие на военных складах не только не первое, но и не последнее» (о взрывах на складах боеприпасов на Камчатке); «Годовая убыль граждан страны вновь значительно превысит миллион»; «Государственная политика уже сегодня затрагивает судьбы абсолютного большинства офицеров, других военнослужащих, которые завтра будут выброшены на улицу... пополнят ряды появившихся в стране бомжей среди военных». Признак коррумпированности включается в более общую характеристику тотальной враждебности власти народу, например: «Нынешние правители – временщики. Здесь, в чужой и враждебной им стране, они не держат награбленные капиталы». В отличие от уже рассмотренных изданий, где власть рисуется как ворующая без всякой опаски, эта газета приписывает режиму некий мистический страх перед высшей карой: «Они не хотят рисковать своей шкурой. Ради чего? Если нет ни родины, ни чести, ни совести. А есть лишь страх ожидания возмездия и боязнь потерять награбленное» (Советская Россия. 2005. 6 окт.).

Жесткость оценок в газете «Версия» возникает в результате подробного анализа конкретных ситуаций, носящих в основном какой-то угрожающий характер. Понятно, что здесь автор в конце концов добирается до чиновника. И выход на эту фигуру приводит к одной из уже описанных формул или к констатации признака «коррумпированность». Приведем несколько элементов заголовочных комплексов: «По новому закону парламентские расследования по-прежнему останутся фикцией»; «Квартирная банда в погонах: Главари преступной милицмейской группировки по-прежнему на свободе»; «Крупнейшее в России предприятие по утилизации химического оружия работает с вопиющими нарушениями закона» (Версия. 2005. 3–9 окт.).

Тот же принцип формирования оценки использован в «Новой газете». Это тоже развернутые расследования сложных политических, социальных и экономических ситуаций, можно сказать со стандартным выводом о коррупции и нежелании государства выполнять свои функции. Не раз обсуждаемая в эти дни Общественная палата характеризуется как «замкнутая корпорация», созда-

ваемая на основе «круговой поруки» и наделенная правом время от времени «сетовать» президенту на некие недостатки в условиях, когда в стране нет нормального парламента («Хотим сделать, но ничего хорошего не получится»). Формула «делали, но не получилось» реализуется в ситуации: земельная реформа привела к тому, что «большинство крестьян оказались лишенными своих законных паев». Формула «собрались сделать, но не получится» реализована в ситуациях: реформа местного самоуправления приведет к тому, что «прирожденными банкротами появятся на свет новые муниципальные образования в Саратовской области»; «Приказ Минздрава поставил непроходимые препятствия между больными и лекарствами». Признак коррумпированности рассмотрен в номере, так сказать, в историческом аспекте в четырехполосном материале на тему «Первые лица России и уголовные дела, в связи с которыми они упоминались». Вывод: «Российскими топ-менеджерами стали люди мелкого масштаба. Поначалу их связывала вовсе не кровь, не миллиарды долларов и даже не дела, а делишки. И можно было бы оценить это позитивно – все-таки не тот уровень взаимных обязательств: разве может совместное собрание “мелочи” породнить на всю оставшуюся жизнь? Оказывается, может. И эта мелочь, как ни странно, создала нам новую государственную элиту». Тема коррупции затрагивается в связи с анализом работы авиационного ведомства: «Наши генералы “пилят” столько бюджетных денег, что огорчаться падению самолета – это просто смешно». Расследование проблемы Стабилизационного фонда вообще выливается в вывод о том, что «в России построен раскрадный тип экономики» и что «сегодняшнему Российскому государству никакие деньги не помогут» (Новая газета. 2005. 3–5 окт.).

В целом в картину текущего момента, которая складывается в первую очередь из сообщений о всяческих катастрофах, убийствах, стихийных бедствиях и о немногочисленных положительных событиях, о которых повествуется не без оговорок, снижающих степень позитивности, вписывается образ власти, неплохо подходящий для такого фона. Эта власть противопоставлена стране, народу, цель ее деятельности – собственное обогащение, основная забота – фискальная, за полтора десятка лет она почти не сформировала способности заботиться об условиях, обеспечивающих деловую активность людей.

Что ж! Это не первая власть, получающая в России такую характеристику. Регулярно в связи с новым праздником, 4 Ноября, много говорят о времени Смуты и после Смуты, усматривают

сходство той ситуации с нынешним положением дел в России. В связи с этим интересно напомнить, что писал В. О. Ключевский о московском правительстве того времени. Во-первых, он отмечает, что «преобразовательные попытки, касавшиеся устройства государственного управления... подъема государственного хозяйства, были робки и непоследовательны, не вытекали из практически разработанного плана, внушались, по-видимому, случайными указаниями текущей минуты. Но эти указания шли в одном направлении, потому что прямо или косвенно исходили из одного источника, из финансовых затруднений правительства» (Ключевский 1957: 237). Во-вторых, автор говорит, что «финансовые нововведения привели к истощению народных сил, к банкротству и хроническому накоплению недоимок» (Там же: 237–238). Подчеркивается, что правительство «строило свое финансовое хозяйство исключительно на узкофискальном расчете, знало только казенную прибыль и не хотело иметь никакого понятия народном хозяйстве» (Там же: 267). Наконец, в-третьих, историк касается личностного фактора власти: «Московское правительство в первые три царствования новой династии производит впечатление людей, случайно попавших во власть и взявшихся не за свое дело. При трех-четырех исключениях все это были люди с очень возбужденным честолюбием, но без оправдывающих его талантов, даже без правительственных навыков, заменяющих таланты, и – что хуже всего этого – совсем лишенные гражданского чувства» (Там же: 238). И лихоимство из нарисованной картины никуда не исчезает: историк сочувственно цитирует Юрия Крижанича, который пишет о поборах и взятках, что названо им «людодерством» (Там же: 251).

Итак, образ власти в современных медиатекстах – лишь звено в веками длящемся диалоге, в веками осуществляемой ментальной деятельности, формирующих представление россиян о власти. Суждено ли этому образу стать хоть немного благороднее?

Вряд ли можно предложить слишком радужный прогноз. В науке высказывается такое мнение: «Следует предположить, что отношение журналистов к результатам реформ – своеобразная защита властных структур от разрушительного гнева граждан. В качестве защитников власти выступали и выступают новые собственники, причем следует заметить: перевод стрелок критики осуществляют другие хозяева – хозяева средств массовой информации» (Вертешин 2006: 116–117).

Таким образом мы видим, что смена идеологического контекста фундаментально повлияла на важнейшие концепты ме-

диадискурса, привела к изменению знаков оценки, к колебанию оценки. По прошествии первого десятилетия ХХI в. можно сказать, что такое невнятное и неустойчивое состояние идеологического контекста, кажется, обеспокоило власть страны. С концептом «власть» пока ничего не изменилось. Характеристика ее как чудовищно коррумпированной сохранилась и наличествует в массе журналистских материалов, как печатных, так и электронных. Характеристика страны как недостаточно цивилизованной и находящейся в кризисе также никуда не исчезла. Но в связи с разными выдающимися датами вдруг некими всплесками в поток текстов врываются характеристики типа «мы великая страна». Например, это можно наблюдать в дни празднования 50-й годовщины со дня полета Ю. Гагарина в космос, тем более что День космонавтики объявлен ООН всемирным праздником (ср., например, обилие этих оценок в программе «Радио Россия» «От первого лица» с Натальей Бехтиной 12 апреля 2011 г.).

Покажем борьбу за положительную оценку концепта на примере идеологемы **патриотизм**.

Развал Советского Союза сопровождался многочисленными конфликтами на национальной почве. Понятно, что все это нередко озвучивалось патриотической риторикой, в результате чего слово **патриотизм** из весьма почитаемого превратилось в презируемое и всячески поносимое в медиадискурсе.

Конечно, делались попытки разобраться в национальных проблемах и сохранить за словом **патриотизм** положительную оценку. Так, «Литературная газета» за 20 сентября 1989 г. публикует интервью с ученым и писателем Мариэттой Чудаковой «В поисках утраченного Отечества». М. Чудакова говорит о том, что положение русского народа в обсуждаемый момент трагично: «Им действительно потерян пафос, и с этим связано, возможно, какое-то прямо не выявленное, бессознательное чувство зависти, что ли, к соседним народам, многими из которых сейчас владеет ощущение, что они завоевывают мирными путями собственную землю, — это и держит их в патетическом состоянии». Отсюда патриотизм — чувство любви к родной земле, охватившее «соседей» и угрожающее целостности государства, — стал восприниматься как нечто негативное и враждебное. Кроме того, в это время усиливается отток населения из СССР на Запад. Разговоры о патриотизме в таких условиях могли быть только неприятно раздражающими. Этих проблем М. Чудакова также касается. Однако для нее самой патриотизм остается ценностью, ценностью хрупкой и «негромкой».

Она пишет: «Отношения человека с его родной землей – дело совершенно интимное. <...> Для меня связь с Отечеством совершенно нерасторжима».

Но наряду с такими публикациями появлялись тексты «обличительного» характера, причем из-под пера безусловно авторитетных авторов.

Вот, например, статья Фазиля Искандера «Жизнь каждого народа уникальна» (Известия. 1989. 1 янв.). Автор открыто уравнивает «наш» «блатмейстерский» патриотизм и национализм. Поэтому обращается к мировому опыту: «Такого рода патриотизм, разумеется, – явление всемирное. Знаменитое выражение Джонсона – “патриотизм – последнее прибежище негодяев” – как понять? И случайно ли Толстой цитирует его в “Круге для чтения”?» Писатель убежден, что патриотизмом бюрократия прикрывает разные неблагоприятные дела, например, в национальных республиках «само существование огромного аппарата командных должностей создает националистический ажиотаж».

С распадом СССР тема национализма/патриотизма не иссякла. Республики бывшей РСФСР начали «парад суверенитетов». Федеральный центр шел на уступки, росли сепаратные настроения. В таких условиях понятно появление статьи Леонида Радзиховского «”Патриотизм” – русофобия в действии» (Огонек. 1992. № 31–33). Как видим, слово употреблено в кавычках и понимается как национализм. Но и без кавычек слово внутри текста сохраняет тот же смысл. Например, автор пишет: «Есть Президент России (а не оккупант), который не побоится наступить чересчур ретивым профессиональным патриотам на мозоли». В словосочетании **профессиональные патриоты** последний элемент окрашен иронически и означает «неистинный патриотизм», а именно национализм, о котором и идет разговор в статье. До политического кризиса и расстрела Белого дома оставалось чуть больше года.

Слово **патриотизм** на время ушло из широкого употребления. Развал экономики, разгул криминала, невыплата зарплат, развязанная в Чечне война – и все это не на один год. Время явно было не такое, чтобы заводить разговор о любви к родине.

Относительная стабилизация обстановки в первое десятилетие нового века, явное желание власти изменить имидж России в глазах мирового сообщества, террористические атаки, признание верхами факта коррумпированности властей разных уровней – все это сделало возможным вновь вернуться к разговору об отношении людей к своей стране. Похоже, до правящей верхушки вдруг стала дохо-

дить мысль, что если жить по «либеральному» принципу «каждый выживает в одиночку», то такое государство, как Россия, может и развалиться. Действительно, почему бы Дальнему Востоку, или Якутии, или Тюмени не попробовать «выжить в одиночку», тем более что в первой половине девяностых годов XX в. уже была попытка создать Уральскую или Сибирскую республики. Такие идеи за полтора десятка лет не умирают, недаром ведь пришлось усмирять слишком самостоятельных губернаторов, напрямую подчинив их федеральному центру.

В общем, власть вдруг вспомнила о таком хорошем человеческом качестве, как патриотизм. И даже по новому проекту школьного образования в программу должен войти предмет «Россия в мире», который специально нацелен на воспитание этого чувства.

СМИ, разумеется, не могли не ответить на такие перемены. Ответ получается двойственным.

Во-первых, давно уже привыкнув демонстрировать недоверие к власти, пресса не спешит безоговорочно поверить и в провозглашаемый властью патриотизм. «Последние события показывают, – пишут «Аргументы и факты», – что молодежь может бегать не только за “Клинским”. Ей хочется, чтобы разведчики совершали настоящие подвиги, а не демонстрировали по телевидению хорошо обтянутый патриотизм. Чтобы в стране был не публичный “Дом-2”, а настоящий, из которого не хочется бежать и в котором можно рожать детей для новой России» (2011. № 6). А «Русский репортер», в связи с обсуждением новых школьных стандартов, обращается к оценке курса «Россия в мире». Статья называется весьма красноречиво: «Школа в истерике». Раздел, посвященный новой дисциплине, озаглавлен «Бозон патриотизма». Курс оценивается так:

«Этот предмет сильно смахивает на бозон Хиггса. Как хиггс теоретически обеспечивает массу всем частицам, так и этот курс должен придавать всем подросткам гражданские и патриотические свойства. Для бозона построили коллайдер – весьма дорогую штуку. Для нового предмета тоже придется раскошелиться: учебники, программы, методички, переподготовка. Но самое главное – ни бозона Хиггса, ни курса “Россия в мире” никто не видел».

И снова знакомая с конца прошлого века тревога: не «перекинется» ли, как оборотень, этот официальный патриотизм в национализм: «Превращение школьных уроков в “пятиминутки ненависти” не такая уж нереальная угроза».

Таким образом, СМИ первым делом стали пробовать «воскресший» патриотизм на зуб: не фальшивый ли, не показной ли, не чисто ли словесный?

Во-вторых, на «Радио Россия» появилась, так сказать, новая звуковая дорожка для голосов «из народа». Это проект «Русские XXI века». И вот «русские XXI века» очень часто говорят именно о патриотизме. Приведем несколько записанных с эфира высказываний, все 2011 года, указываем только число и месяц: «Русский человек двадцать первого века и Россия – это неразделимые понятия» (7 февр.); «Русские двадцать первого века работающие, ну и, конечно, патриоты» (8 февр.); «Русские свою землю берегут» (8 февр.); «Они не зарятся на чужое, но свою родину берегут. Они любят свою родину» (9 февр.); «Русский человек никогда, ни при каких обстоятельствах, даже в шутку не назовет свою страну “эта страна”» (10 февр.); «Русский человек – он любит свою Россию, он верен своей России» (11 февр.); «Русские двадцать первого века – это умные люди, которые <...> преданы своей родине» (12 февр.); «Русский человек любит свою Россию, свою родину, верит в нее» (13 февр.); «Русские <...> должны быть равнодушны к судьбе своей родины» (26 февр.); «Я хочу, чтобы уважали русские свою родину, свой язык» (1 марта); «Русский человек <...> будет любить свою родину, защищать ее мужественно и смело, не щадя своей крови и своей жизни» (3 марта); «Неравнодушные к своему будущему есть патриотизм» (17 марта); «Вера в Бога, любовь к родине, готовность встать на защиту отечества всегда объединяли русских» (31 марта).

Помимо этого было много сказано о русском языке, о дружбе народов, о необходимости хранить память о подвигах отцов, а также по поводу взаимопомощи и взаимоуважения. Конечно, сетовали на алкоголизм, равнодушие, заботу о деньгах.

Таким образом, в целом говорящие продемонстрировали здравую, взвешенную оценку ситуации, без панических настроений, без романтических преувеличений, без трескотни и громких фраз. Патриотизм в этом контексте выглядит как любовь к родине, забота о ее покое и будущем. В общем – это естественное чувство человека, который трудится, растит детей, заботится о старых родителях и видит вокруг себя привычные дома, леса, речки, слышит родную речь и дорожит ими, не всегда даже осознавая это. Ни о каком «обучении» патриотизму здесь и речи нет.

Вполне возможно, что такого же возвращения в поле общественного интереса ожидают и дождутся другие понятия, такие как справедливость и нравственность. Обоим очень не повезло в нашем идеологическом пространстве, ведь если «каждый за себя», то решает только сила, нахрапистость и наглость. Места справед-

ливости и нравственности просто не должно быть, все это смешные фантомы из разных мифологий. Например, гость Натальи Бехтиной Константин Ремчуков, главный редактор «Независимой газеты» (От первого лица // «Радио Россия». 2011. 18 марта) говорит (записано с эфира): «В обществе утрачены связи нематериального характера: сочувствие, ответственность, чувство долга. Жить неуютно. На тебя смотрят в лучшем случае как на клиента, в худшем случае как на врага». Но вот в программе «У микрофона Михаил Веллер» на «Радио Россия» 3 апреля 2011 г. звучит определение: «Справедливость – коллективный инстинкт выживания, чтобы было как можно лучше как можно большему числу людей». А через неделю (10 апреля) на сцену выходит пара – «разум и нравственность» как основа нормального развития нашего общества.

И остается только надеяться, что средства массовой информации вымирающей (по данным последней переписи) России перестанут без конца производить товар на потребу развлекающейся публике, а поработают в интересах разума, справедливости и патриотизма.

Сфера общения, можно сказать, всех со всеми сегодня необычайно расширилась. О средствах массовой информации В. Н. Базылев пишет: «Функции, выполняемые он-лайн СМИ для поддержки оф-лайн СМИ: увеличение объема и разнообразия, повышение оперативности информации... <...> ...расширение и упрощение обратной связи с аудиторией, расширение спектра форм сотруди́ческих отношений с аудиторией» (2010: 326). Но в качестве авторов на сцену сегодня выходят не только штатные работники СМИ. Политик в блоге предстанет «перед народом яркой личностью» (Карпова 2010: 63). Турист расскажет о своем путешествии. Поклонник кинорежиссера по косточкам разберет очередной его фильм и даже по пятибалльной шкале оценит игру каждого актера. Человек «стал более свободен в собственноммыслеизъявлении, что позволяет ему строить собственные схемы объяснения тех или иных феноменов, а не накладывать предлагаемые ему схемы, которые к тому же нужно еще как-то освоить» (Миронов 2008: 313). Журналистика вступила в эпохально новое качественное состояние, когда каждый желающий может быть «сам себе журналист». Будущее покажет, как в таких условиях будет складываться наше восприятие мира, система ценностей, наши оценки общества и себя в этом обществе.

Литература

- Аграновский А. А. Порядок // Избранное : очерки; фельетоны; статьи. – М., 1980.
- Ажеж К. Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки. – М., 2003.
- Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М., 1988.
- Арутюнова Н. Д. Время: модели и метафоры // Логический анализ языка. Язык и время. – М., 1997.
- Асмус Н. Г. Лингвистическое исследование политики «надувания народа с высокой трибуны», практикуемой американскими президентами // Политическая коммуникация : материалы Интернет-конференции. – Челябинск, 2002.
- Ауэрбах Э. Мимесис. – М., 1976.
- Афористика и карикатура. Антология Сатиры и Юмора России XX века. – М., 2003. – Т. 24.
- Базылев В. Н. Современные СМИ в пространстве Рунета // Речеведение: современное состояние и перспективы : материалы Междунар. науч. конф., посвященной юбилею М. Н. Кожиной (Пермь, 16–20 нояб. 2010 г.). – Пермь, 2010.
- Байкулова А. Н. Культура семейного общения как залог культуры общества в целом // Проблемы речевой коммуникации. – Саратов, 2003. – Вып. 2.
- Бакерина В. В., Шестакова Л. Л. Краткий словарь политического языка. – М., 2002.
- Балухатый С. Д. Поэтика мелодрамы // С. Д. Балухатый. Вопросы поэтики. – Л., 1990.
- Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика // Р. Барт. Критика и истина. – М., 1989.
- Барт Р. Астрология // Барт Р. Мифологии. – М., 1996.
- Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. – М., 1979.
- Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. – М., 1990.
- Бахтин М. М. В большом времени // Бахтинология : исследования, переводы, публикации. – СПб., 1995.
- Беккер Конрад. Словарь технической реальности: Культурная интеллигенция и социальный контроль. – М., 2004.
- Беневоленская Т. А. Портрет современника : очерк в газете. – М., 1983.

Бондаренко Н. Рыночные законы [Режим доступа]. – URL : <http://www.adilsoz.kz/l&l/2002/011/06/olpage.htm>

Брайович С. М. Герменевтика и религиозная традиция // Герменевтика: история и современность. – М., 1985.

Булгаков С. Н. Самодержавие и православие // С. Н. Булгаков. От марксизма к идеализму : статьи и рецензии. 1895–1903. – М., 2006.

Быков А. Ю. Американская корпоративная пресса: от традиционного PR к корпоративной журналистике // Корпоративная пресса России: современный опыт и тенденции развития. – Екатеринбург, 2006.

Вайнрих Х. Лингвистика лжи // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М., 1987.

Валгина Н. С. Теория текста. – М., 2003.

Ваттимо Дж. После христианства. – М., 2007.

Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. – Ивано-Франковск, 2002.

Вепрева И. Т., Смирнова М. П. О фамильярной тональности как доминанте таблоидного дискурса // Дискурс, концепт, жанр. – Нижний Тагил, 2009.

Вертешин А. И. Конструктивные и деструктивные элементы в журналистской критике власти // Известия Уральского государственного университета. – 2006. – № 40. – Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. – Вып. 19.

Веселовский А. Н. Историческая поэтика. – М., 1989.

Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. – М., 1982.

Волков А. А. Филология и риторика массовой информации // Язык средств массовой информации. – М., 2008.

Гак В. Н. Актантная структура грехов и добродетелей // Логический анализ языка: Языки этики. – М., 2000.

Германова Н. Н. Национальная идеология в структурах бытового диалога // Политический дискурс в России–3 : материалы рабочего совещания (г. Москва, 27–28 марта 1999 г.). – М., 1999.

Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. – СПб., 2004.

Гостеева С. А. Религиозно-проповеднический стиль в современных СМИ // Журналистика и культура русской речи. – М., 1997. – Вып. 2.

Григорьева О. Н. Публицистический стиль в системе функциональных разновидностей языка // Язык средств массовой информации. – М., 2008.

- Даль В. И. Пословицы русского народа. – М., 1984. – Т. 1, 2.
- Данилевская Н. В. «Кажимость» политического текста: миф или реальность? // Стереотипность и творчество в тексте. – Пермь, 2010. – Вып. 14.
- Дейк Т. А. ван. Язык. Познавание. Коммуникация. – М., 1989.
- Дзялошинский И. М. Культура, журналистика, толерантность (о роли СМИ в формировании в российском обществе атмосферы толерантности и мультикультурализма) // Роль СМИ в достижении социальной толерантности и общественного согласия. – Екатеринбург, 2002.
- Долинин К. А. Стилистика французского языка. – М., 1987.
- Дормашев Ю. Б., Романов В. Я. Психология внимания. – М., 1995.
- Дускаева Л. Р. Досуговое направление в российской журналистике: подходы к типологизации // Досуговая журналистика в России. – СПб., 2009.
- Ермакова О. П. Толерантность и некоторые особенности русского менталитета в зеркале языка // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. – Екатеринбург, 2003.
- Ермоленкина Л. И. Аксиология коммуникативного поведения в оппозиционном дискурсе радио (на материале авторских программ радиостанции «Эхо Москвы») // Советское прошлое и культура настоящего. – Екатеринбург, 2009. – Т. 2.
- Женетт Ж. Правдоподобие и мотивация // Женетт Ж. Фигуры : в 2 т. – М., 1998. – Т. 1.
- Жижек С. Возвышенный объект идеологии. – М., 1999.
- Заславский Д. Козьма Прутков и «Современник» // Сочинения Козьмы Пруткова. – Кострома, 1958.
- Засурский И. И. Масс-медиа второй республики. – М., 1999.
- Засурский И. И. Реконструкция России. Масс-медиа и политика в 90-е годы. – М., 2001.
- Засурский Я. Н. <http://www.svoboda.org/ll/smi/0204/11.020404-2.asp>.
- Землянова Л. М. Современная американская коммуникативистика: теоретические концепции, проблемы, прогнозы. – М., 1995.
- Зобов Р. А., Мостепаненко А. М. О типологии пространственно-временных отношений в сфере искусства // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. – Л., 1974.
- Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – М., 1998.
- Изард К. Э. Психология эмоций. – СПб., 1999.
- Известия-85. – М., 1985.

- Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. – М., 2002.
- Карамашева Е. Создание индивидуального облика издания // КомьюАрт. 2001. № 1 [Режим доступа]. – URL: www.compuart.ru/article.aspx?id=9260&iid=391
- Карпова Т. Б. Речевые доминанты интернет-коммуникации политиков Пермского края // Стереотипность и творчество в тексте. – Пермь, 2010. – Вып. 14.
- Клемперер В. ЛГТ. Язык Третьего Рейха : записная книжка филолога. – М., 1998.
- Ключевский В. О. Курс русской истории // В. О. Ключевский. Сочинения. – М., 1957. – Т. 3.
- Кожина М.Н. О диалогизации письменной научной речи. – Пермь, 1986.
- Козлова М. М. История журналистики зарубежных стран [Режим доступа]. – URL: <http://iatp.ulstu.ru/report/week2/06/zarubezh.htm>
- Кондаков Н. Н. Логический словарь. – М., 1971.
- Коновалов П. А. Композиционно-речевое взаимодействие газетных жанров (передовая статья и очерк) // Язык и композиция газетного текста: теория и практика. – Свердловск, 1987.
- Корнилов Е. А. Журналистика на рубеже тысячелетий. – Ростов н/Д, 1999.
- Костомаров В. Г., Бурвикова Н. Д. Между языком и культурой // Стереотипность и творчество в тексте. – Пермь, 2003. – Вып. 6.
- Котляр Е. С. Миф и сказка Африки. – М., 1975.
- Краснова Т. И. Речевые стереотипы российской массовой культуры (на материале «детской страшилки») // Невский наблюдатель. – 2001. – № 1.
- Краснова Т. И. Загадка и странность как способ повышения занимательности («Техника тайн») // Медиа. Демократия. Рынок. – Ч. 2 : Функционирование средств массовой информации в сфере досуга : материалы Международной научно-практической конференции. – СПб., 2010.
- Кромптон А. Мастерская рекламного текста. – Тольятти, 1995.
- Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. – М., 2006.
- Купина Н. А. Тоталитарный язык : словарь и речевые реакции. – Екатеринбург ; Пермь, 1995.
- Купина Н. А. Языковое сопротивление в контексте тоталитарной культуры. – Екатеринбург, 1999.
- Кусков В. В. История древнерусской литературы. – М., 1977.
- Лазарева Э. А. Системно-стилистические характеристики газеты. – Екатеринбург, 1983.

Лассан Э. Р. Парадигмы текстов и дискурсные формации как объекты дискурсного анализа // Лингвистика: бюл. Урал. лингв. о-ва. – Екатеринбург, 2004. – Т. 12.

Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. – М., 1979.

Лихачев Д. С. Исследования по древнерусской литературе. – Л., 1986.

Лозовский Б. Н. «Четвертая власть» и общество: на тернистом пути к согласию. – Екатеринбург, 2001.

Лозовский Б. Н. Кто и как манипулирует журналистами. Манипулятивные технологии влияния на средства массовой информации. – Екатеринбург, 2011.

Лотман Ю. М. Происхождение сюжета в типологическом освещении // Избранные статьи в трех томах. – Таллинн, 1992. – Т. 1.

Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиотика – история. – М., 1999. – А.

Лотман Ю. М. Пушкин. – СПб., 1999. – Б.

Луман Н. Медиакоммуникации. – М., 2005.

Майданова Л. М. Очерки по практической стилистике : для студентов-журналистов. – Свердловск, 1986.

Майерс Д. Социальная психология. – СПб., 1997.

Мальковская И. А. Знак коммуникации: дискурсивные матрицы. – М., 2005.

Мансурова В. Д. Журналистская картина мира как фактор социальной детерминации. – Барнаул, 2002.

Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // К. Маркс, Ф. Энгельс. Собр. соч. – Т. 3.

Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки. – М., 1958.

Мелетинский Е. М. Историческая поэтика новеллы. – М., 1990.

Миронов В. В. Средства массовой коммуникации как зеркало поп-культуры // Язык средств массовой информации. – М., 2008.

Мишланов В. А., Салимовский В. А. Дискурс враждебности как социальный феномен // Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности. – Екатеринбург, 2006.

Мокиенко В. М. Доминанты языковой смуты постсоветского периода // Русистика. – 1998. – № 1–2.

Моль А. Социодинамика культуры. – М., 1973.

Монастырская А. А. Таблоидная пресса в России (1990–2000) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2003.

Морозова Н. Возможна ли свобода творчества в корпоративном СМИ? // Корпоративная пресса России: современный опыт и тенденции развития. – Екатеринбург, 2006.

Мошкин С. В. Парламентаризм в России: дискурс конституционного дизайна // Многообразие политического дискурса. – Екатеринбург, 2004.

Мыркин В. Я. Язык – речь – контекст – смысл. – Архангельск, 1994.

Мягких В., Киуру К. Вербальные техники манипулирования электоральным поведением // Политическая коммуникация : материалы интернет-конференции. – Челябинск, 2002.

Неизвестный Э. Катакомбная культура и власть // Вопросы философии. – 1991. – № 10.

Новиков Н. В. Образы восточнославянской волшебной сказки. – Л., 1974.

Панарин А. С. Философия политики. – М., 1996.

Панарин А. С. Политология. – М., 2002.

Панова В. Ф., Вахтин Ю. Б. Жизнь Мухаммеда. – М., 1990.

Папина А. Ф. Текст: его единицы и глобальные категории. – М., 2002.

Парсонс Т. Мотивация экономической деятельности // Т. Парсонс. О структуре социального действия. – М., 2000.

Пермяков Г. Л. От поговорки до сказки (Заметки по общей теории клише). – М., 1970.

Пономарева Т. В. Корпоративная пресса промышленного города (на примере г. Первоуральска) // Корпоративная пресса России: современный опыт и тенденции развития. – Екатеринбург, 2006.

Попова З. Д., Стернин И. А. Язык и сознание: теоретические разграничения и понятийный аппарат // Социальная психоллингвистика : хрестоматия / Сост. К. Ф. Седов. – М., 2007.

Право и этика в работе журналиста / Под ред. Б. Н. Лозовского. – Екатеринбург, 1996.

Проблематика СМИ: информационная повестка дня. – М., 2008.

Пропп В. Я. Морфология сказки. – М., 1969.

Ратинов А. Р. Послесловие юриста // Понятие чести, достоинства и деловой репутации: спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами. – М., 2004.

Речевая агрессия и гуманизация общения в средствах массовой информации. – Екатеринбург, 1997.

Рикер П. Время и рассказ. – М. ; СПб., 1998. – Т. 1 : Интрига и исторический рассказ.

Рикер П. Время и рассказ. – М. ; СПб., 2000. – Т. 2 : Конфигурация в вымышленном рассказе.

- Рихтер А. Г. Правовые основы журналистики. – М., 2002.
- Ришар Ж. Ф. Ментальная активность: понимание, рассуждение, нахождение решений. – М., 1998.
- Робер М.-А., Тильман Ф. Психология индивида и группы. – М., 1988.
- Рубинштейн С. Л. Эмоции // Психология эмоций : тексты. – М., 1993.
- Рэнделл Д. Универсальный журналист. – М., 1996.
- Рязанова-Кларк Л. Элементы таблоидного стиля в языке российской посткоммунистической прессы // Русистика. – 1998. – № 1–2.
- «Свисток». Сатирическое приложение к журналу «Современник». 1859–1863 гг. – М., 1981.
- Серио П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. – М., 1999.
- Сиберт Ф. С., Шрамм У., Питерсон Т. Четыре теории прессы. – М., 1998.
- Словарь русского языка : в 4 т. – М., 1981–1984.
- Слотердайк П. Критика цинического разума. – Екатеринбург, 2001.
- «Современник», литературный журнал А. С. Пушкина. 1836–1837. Избранные страницы. – М., 1988.
- Современный философский словарь / Под общ. ред. проф. В. Е. Кемерова. – Лондон ; Франкфурт-на-Майне ; Париж ; Люксембург ; М. ; Минск, 1998.
- Солганик Г. Я. Язык и стиль передовой статьи. – М., 1973.
- Солганик Г. Я. Газетные тексты как отражение важнейших языковых процессов в современном обществе (1990–1994 гг.) // Журналистика и культура русской речи. – М., 1996. – Вып. 1.
- Солганик Г. Я. Современная публицистическая картина мира // Публицистика и информация в современном обществе. – М., 2000.
- Соломатов С. И. Переключка стереотипов: положительная оценка в политическом портрете // Слово и ключевые смыслы в современных медиатекстах. – Екатеринбург, 2004.
- Справочник для журналистов стран Центральной и Восточной Европы. – М., 1993.
- Сулова К. С. Система жанровых разновидностей церковно-проповеднического стиля речи // Проблемы функционирования языка в разных сферах речевой коммуникации. – Пермь, 2005.
- Сушко К. А нужен ли портрет? // Журналист. – 1978. – № 3.

- Тайлор Э. Б. Первобытная культура. – М., 1989.
- Толковый словарь русского языка начала ХХI века: актуальная лексика // Под ред. Г. Н. Складчиковой. – М., 2006.
- Тощенко Ж. Т. Парадоксальный человек. – М., 2001.
- Трошева Т. Б. Стилистическая конвергенция в центральных жанрах православного дискурса // Речеведение: Современное состояние и перспективы : материалы Междунар. науч. конф., посвященной юбилею М. Н. Кожинной (г. Пермь, 16–20 нояб. 2010 г.). – Пермь, 2010.
- Уроки Аграновского. – М., 1986.
- Успенский Б. А. Краткий очерк русского литературного языка (XI–XIX вв.). – М., 1994.
- Федоренко Н. Т. Меткость слова. (Афоризм как жанр словесного искусства). – М., 1975.
- Федорова Л. Л. О двух референтных планах факта // Вопросы языкознания. – 1983. – № 5.
- Франкл В. Человек в поисках смысла. – М., 1990.
- Фрейд З. Психоанализ. Религия. Культура. – М., 1991.
- Фрейд З. Художник и фантазирование. – М., 1995.
- Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному. – СПб., 1997.
- Фуко М. Археология знания. – Киев, 1996. – А.
- Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности : работы разных лет. – М., 1996. – Б.
- Халипов В. Ф. Энциклопедия власти. – М., 2005.
- Харрис Р. Психология массовых коммуникаций. – СПб., 2002.
- Харченко Е. В. Модели речевого поведения в профессиональном общении. – Челябинск, 2003.
- Хейзинга Й. Homo Ludens / Человек играющий. – М., 2003.
- Хинтиikka Я., Хинтиikka М. Шерлок Холмс против современной логики: к теории поиска информации с помощью вопросов // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М., 1987.
- Чаадаев П. Я. Философические письма // Россия глазами русского. – СПб., 1991.
- Чемякин Ю. В. Корпоративные СМИ: секреты эффективности. – Екатеринбург, 2006.
- Чепкина Э. В. Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды (1995–2000). – Екатеринбург, 2000.
- Черняк В. Д., Черняк М. А. Стереотипы обыденного сознания в современном в женском романе // Стереотипность и творчество в тексте. – Пермь, 2003. – Вып. 6.

Шабурова О. В. Ностальгия: стратегии коммерциализации, или Советское в гламуре // Советское прошлое и культура настоящего. – Екатеринбург, 2009. – Т. 1.

Шампань П. Делать мнение: Новая политическая игра. – М., 1997.

Шатуновский И. Б. «Правда», «истина», «искренность», «правильность» и «ложь» как показатели соответствия/несоответствия содержания предложения мысли и действительности // Логический анализ языка: культурные концепты. – М., 1991.

Шеманов А. Ю. Самоидентификация человека и культура. – М., 2007.

Шербатых Ю. В. Искусство обмана : популярная энциклопедия. – М., 2007.

Шукина И. Н. Рациональность эмоционального в религиозных программах российского телевидения (на материале телевизионных проповедей митрополита Кирилла) // Стереотипность и творчество в тексте. – Пермь, 2010. – Вып. 14.

Эгильский Е. Э., Матецкая А. В., Самыгин С. И. Новые религиозные движения. Современные нетрадиционные религии и эзотерические учения. – М., 2011.

Экман П. Психология лжи. – СПб., 1999.

Эко У. Заметки на полях «Имени розы» // Иностранная литература. – 1988. – № 10.

Элиаде М. Священное и мирское. – М., 1994.

Элиаде М. Аспект мифа. – М., 2000. – А.

Элиаде М. Трактат по истории религии : в 2 т. – СПб., 2000. – Т. 2. – Б.

Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». – М., 1975.

Для заметок

Для заметок

Научное издание

МАЙДАНОВА Людмила Михайловна
×ÄÏÊËÌÀ Ýëëìà Äëàäëìëðîââ

ÌÄÄÈÀÒÄËÑÒ
Â ÈÄÄÏÊËÌÀË×ÄÑÊÏ ÈÏÒÄËÑÒÄ

Монография

Редактор С. В. Фельдман
Компьютерная верстка Т. В. Архипова

Подписано в печать 27.12.2011. Формат 60х90/16.
Бумага для множит. аппаратов. Печать на ризографе.
Уч. изд. л. 17,28. Усл. печ. л. 17,7. Тираж 100 экз. Заказ №

Гуманитарный университет
620049, г. Екатеринбург, ул. Студенческая, 19
Лицензия № 8966 от 18.06.2007.

Отпечатано с оригинал-макета в ООО «ИРА УТК»
г. Екатеринбург, ул. Шаумяна, 83

